

Знаю амичалемант
à professeur Б. Малази = Ким
АКАДЕМИЯ НАУК СССР 4/VII 78.

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. Щербаку

А. М. ЩЕРБАК

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФОНЕТИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Малази = Ким
1970. 4-2



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1970

Работа содержит сравнительный анализ дифференциальных признаков гласных и согласных фонем, а также просодических явлений в современных тюркских языках, реконструкцию фонологической системы тюркского праязыка и описание эволюции материального выражения праязыковых фонем. В специальных разделах рассматриваются вопросы, связанные с реконструкцией фонологической системы тюркского протоязыка («Происхождение первичных долгих», «Развитие тюркского вокализма»).

Книга предназначена для широкого круга тюркологов, а также специалистов по нетюркским языкам.

Ответственный редактор
член-корр. АН СССР *А. Н. КОНОНОВ*

Памяти
дорогого учителя
Сергея Ефимовича
Малова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сравнительная фонетика тюркских языков, к сожалению, до сих пор не находится в центре внимания советских тюркологов. О сравнительной фонетике принято говорить либо как о многообещающей перспективе далекого будущего, когда завершится (?) исследование каждого отдельного тюркского языка и каждого диалекта, либо как о имевшей место в недавнем прошлом неудачной попытке перенесения на тюркскую почву методов индоевропейской лингвистики. Между тем все то, что было сделано в области сравнительной фонетики тюркских языков до настоящего времени, представляет собой огромный и неоценимый вклад в тюркологию и может служить надежной основой для дальнейших исследований.

История тюркской компаративистики начинается со второй половины прошлого столетия. Ее первые шаги были связаны с деятельностью О. Бётлингера, В. В. Радлова и В. Томсена, добившихся больших успехов в изучении тюркского вокализма и гармонии гласных. В дальнейшем традиция сравнительного исследования тюркских языков была поддержана В. Грэнбеком, Х. Педерсеном, Ф. Е. Коршем, К. Фоем, П. М. Мелиоранским, В. Бангом, В. А. Богородицким, Е. Д. Поливановым, Г. Рамstedтом, Ю. Немегом, М. Рясяненем, К. Г. Менгесом и некоторыми другими тюркологами, в основном старшего поколения.

Стремление к восприятию и внедрению в тюркологию сравнительного метода выразилось, в частности, в появлении трех обобщающих работ по фонетике тюркских языков — В. В. Радлова,¹ А. Дж. Эмре² и М. Рясянена.³

В работе В. В. Радлова дается очень подробное и достаточно глубокое описание фонетики всех тюркских языков (у автора — диалектов) и затем предлагается их классификация по фонетическим признакам. Кстати, состав гласных в общетюркском масштабе В. В. Радлов устанавливает, опираясь на вокализм телеутского диалекта, сохранившего, по его мнению, в большей мере, чем другие, специфически тюркские особенности.

¹ W. R a d l o f f. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen, I. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882.

² A. C. E m r e. Türk lehçelerinin mukayeseli grameri (ilk deneme). Birinci kitap — Fonetik. İstanbul; 1949.

³ M. R ä s ä n e n. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. StO, XV, 1949. Аналогичного типа — «Сравнительная фонология» К. Г. Менгеса, которая является частью монографии. См. К. Н. М e n g e s. The Turkic languages and peoples. An Introduction to Turkic studies. Ural-Altäische Bibliothek, XV, Wiesbaden, 1968. стр. 73—107. Подробно о ней см. в нашей рецензии (ВЯ, 1969, № 6, стр. 134—138).

В отличие от В. В. Радлова А. Дж. Эмре последовательно описывает графику, состав звуков и фонетические явления сначала в разных группах памятников, а затем в современных языках (по терминологии автора — наречиях): уйгурском, алтайском, киргизском, койбальско-карагасском, якутском и чувашском.

Несколько особое положение занимает работа М. Рясенена, являющаяся первым опытом сравнительной фонетики тюркских языков классического типа. М. Рясенен касается проблемы родства уральских и алтайских языков, дает краткую характеристику алтайского языка-основы, список тюркских праформ и в дальнейшем сосредоточивает все внимание на рассмотрении состава звуков и наиболее примечательных фонетических явлений в различных тюркских языках.

Настоящая монография, будучи итогом многолетних исследований автора, является вместе с тем, в определенной мере, результатом изучения богатого наследия упомянутых выше тюркологов, а также большого количества описательных работ и материалов, изданных главным образом в Советском Союзе.

Автор выражает свою признательность и искреннюю благодарность Э. В. Севортяну, В. М. Жирмунскому, А. Н. Кононову и С. Н. Иванову, рецензировавшим книгу и высказавшим много полезных замечаний. Автор благодарит также Н. Н. Корнилович за большую помощь, оказанную при подготовке рукописи к печати.

СОКРАЩЕНИЯ

ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ

- ЕП — С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
- КТ } — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л.,
Тон. } 1951 (1. Памятник в честь Кюль-тегина, м — малая надпись, б — большая надпись; 2. Памятник в честь Тоньюкука).
- ‘Āšyqrāšā — С. Вроскелманн. Altosmanische Studien, I. Die Sprache ‘Āšyqrāšā’s und Aḥmedi’s. ZDMG, LXXIII, 1919, стр. 1—29.
- CD — A. Zajączkowski. Studja nad językiem staroosmańskim. Calila et Dīmna. Kraków, 1934.
- Feraḥ-nāme — J. Németh. Das Feraḥ-nāme des Ibn Ḥaṭīb. Le monde orientale, XIII, 3, Uppsala, 1919, стр. 145—184.
- КР — P. Pelliot. La version ouigoure de l’histoire des princes Kalyānaḥkara et Pāraḥkara. T’oung Pao, XV, Leide, 1914, стр. 225—272.
- Man. — A. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho. APAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1911 (I), 1919 (II), 1922 (III).
- МК — T. D. K. Divanü lûgat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939 (I), 1940 (II), 1941 (III).
- QB — Kutadgu bilig tıpkıbasım. İstanbul, 1942 (I, Viyana nüshası — H), 1943 (II, Fergana nüshası — N), 1943 (III, Mısır nüshası — K); Kutadgu bilig, I. Metin. İstanbul, 1947; Kutadgu bilig, II. Tercüme. Ankara, 1959.
- Rach. — G. R. Rachmati. Zur Heilkunde der Uiguren, I — SPAW, phil.-hist. Klasse, XXIV, Berlin, 1930; II — SPAW, XXII, 1932.
- Suv. — Suvarṇaprabhāsa (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов. Bibliotheca Buddhica. XVII, СПб., 1913 (I, II), 1914 (III, IV), 1915 (V, VI), 1917 (VII, VIII).
- ThS — V. Thomsen. Dr. M. A. Stein’s manuscripts in turkish «runic» script from Miran and Tun-Huang, I—IV. JRAS, 1912, January, стр. 181—227.
- Ṭiṣ. — Ṭiṣastvustik. Ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sūtra, Transscription und Übersetzung von W. Radloff. Bibliotheca Buddhica, XII, SPb., 1910.
- TT — W. Bang und A. von Gabain. Türkische Turfan-Texte, I — SPAW, phil.-hist. Klasse, XV, Berlin, 1929; II — SPAW, XXII, 1929; III — SPAW, XII, 1930; IV — SPAW, XXIV, 1930; V — SPAW, XIV, 1931; W. Bang, A. von Gabain und G. R. Rachmati. Türkische Turfantexte, VI — SPAW, phil.-hist. Klasse, VIII—X, Berlin, 1934; G. R. Rachmati. Türkische Turfan-Texte, VII — APAW, Nr. 12, Berlin, 1937.
- Uig. — F. W. K. Müller. Uigurica, I — APAW, phil.-hist. Classe, Abh. II, Berlin, 1908; II — APAW, Abh. III, 1910; III — APAW, Nr. 2, 1920; IV — SPAW, phil.-hist. Klasse, XXIV, Berlin, 1931 (herausgegeben von A. von Gabain).
- Юг. — R. R. Arat. Edib Ahmed b. Mahmud Jükneki: Atebetü’ l-hakayık. İstanbul, 1951 (A, B, C — разные списки).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

- ВДТЯ — Сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков».
- ВНОТ — Вестник научного общества татароведения, Казань.
- ВЯ — Вопросы языкознания, Москва.
- ДАН-В — Доклады Академии наук, серия «В», Петроград—Ленинград.

ЗВО PAO	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества, Санкт-Петербург.
ИСГТЯ	— Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I, Фонетика, Москва, 1955.
МЧД	— Сб. «Материалы по чувашской диалектологии», Чебоксары.
AO	— Archiv Orientalní, Praha.
AOH	— Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.
ALH	— Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.
АРАУ	— Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
BSLP	— Bulletin de la Société de Linguistique de Paris.
BSO[A]S	— Bulletin of the School of Oriental [and African] Studies, University of London.
CAJ	— Central Asiatic Journal, Wiesbaden.
FUF	— Finnisch-ugrische Forschungen, Helsingfors—Helsinki—Leipzig.
JA	— Journal Asiatique, Paris.
JASA	— Journal of the Acoustical Society of America, New York.
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, London.
JSFOu	— Journal de la Société Finno-ougrienne, Helsingfors—Helsinki.
KSz	— Keleti-Szemle, Budapest.
KCsA	— Kőrösi Csoma-Archivum, Budapest.
MSFOu	— Mémoires de la Société Finno-ougrienne, Helsingfors—Helsinki.
MSLP	— Mémoires de la Société de Linguistique de Paris.
MSoS	— Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen, Leipzig—Berlin.
NyK	— Nyelvtudományi Közlemények, Budapest.
RL	— Revue de Linguistique, Bucarest.
RO	— Rocznik Orientalistyczny, Lwów—Kraków.
StO	— Studia Orientalia, Helsinki.
SPAW	— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
SWAW	— Sitzungsberichte der Königlichen Akademie der Wissenschaften, Wien.
TCLP	— Travaux du Cercle linguistique de Prague.
UAJb	— Ural-Altäische Jahrbücher, Wiesbaden.
UJb	— Ungarische Jahrbücher, Berlin—Leipzig.
WZKM	— Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig—Wiesbaden.
ZPhon	— Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft, Berlin.

НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ, ДИАЛЕКТОВ, ГОВОРОВ

а.	— арабский.	маньчж.	— маньчжурский.
азерб.	— азербайджанский.	монг.-п.	— монгольский письменный.
алт.	— алтайский.	ног.	— ногайский.
балк.	— балкарский.	п.	— персидский.
башк.	— башкирский.	праслав.	— праславянский.
венг.	— венгерский.	рус.	— русский.
гаг.	— гагаузский.	саг.	— сагайский.
др.-монг.	— древнемонгольский.	сал.	— саларский.
др.-прус.	— древнепруский.	тат.	— татарский.
др.-русс.	— древнерусский.	тофал.	— тофаларский.
др.-сакс.	— древнесаксонский.	тув.	— тувинский.
др.-тюрк.	— древнетюркский.	тур.	— турецкий.
ж.-уйг.	— язык желтых уйгуров.	туркм.	— туркменский.
казах.	— казахский.	хак.	— хакасский.
кар.	— караимский.	хот.	— хотанский.
караг.	— карагасский.	узб.	— узбекский.
кас.	— касимовский.	уйг.	— уйгурский.
кирг.	— киргизский.	чеш.	— чешский.
к.-калп.	— каракалпакский.	чуваш.	— чувашский.
койб.	— койбальский.	шор.	— шорский.
кум.	— кумыкский.	эвенк.	— эвенкийский.
		якут.	— якутский.

НАИМЕНОВАНИЯ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

АН	— Академия наук.
ИЛЯ	— институт литературы и языка.
ИЯ	— институт языкознания.

- ИЯЛ — институт языка и литературы.
ИЯЛИ — институт языка, литературы и истории.
НИИЯЛИ — научно-исследовательский институт истории,
языка и литературы.

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АДД — автореферат докторской диссертации.
АКД — автореферат кандидатской диссертации.
афф. — аффикс.
верх. — верховой (диалект, говор).
вин. — винительный.
дат. — дательный.
диал. — диалект.
и. собств. — имя собственное.
Изв. — Известия.
низ. — низовой (диалект, говор).
Тр. — Труды.
Уч. зап. — Ученые записки.
- Abh. — Abhandlungen.
Abth. — Abtheilung.
Ergsbd. — Ergänzungsband.
Jg. — Jahrgang.
NF — Neue Folge.

ВВЕДЕНИЕ

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

Состав тюркских языков, древних и современных, их состояние, особенности развития и степень изученности описывались неоднократно¹ и хорошо известны тюркологам. Поэтому мы считаем нецелесообразным специально останавливаться на этом вопросе здесь и ограничиваемся простым перечнем тюркских языков: современные — азербайджанский, алтайский, балкарский (карачаево-балкарский), башкирский, гагаузский, казахский, караимский, карагасский (тофаларский), каракалпакский, киргизский, кумыкский, ногайский, татарский, тувинский, турецкий, туркменский, узбекский, уйгурский, хакасский, чувашский, шорский, якутский; древние — древнеогузский, древнеуйгурский, болгарский, печенежский, куманский, карлукский, старотурецкий, староузбекский и т. д.

Вопрос о классификации тюркских языков остается пока открытым, и сама постановка его сейчас была бы преждевременной, так как классификация должна быть скорее итогом данной работы, включая и сравнительную морфологию, чем ее началом. Только обобщение большого количества лингвистических фактов, относящихся к современному состоянию и к истории тюркских языков, а также учет исторических и этногенетических данных позволят восстановить полную и достаточно ясную картину дифференциации тюркского праязыка и создадут необходимые предпосылки для выделения основных генеалогических и зональных групп древних и современных тюркских языков.

К ВОПРОСУ ОБ АЛТАЙСКОЙ ГИПОТЕЗЕ²

Проблема отношения тюркских языков к другим алтайским языкам затрагивается нами в связи с необходимостью определить, каким образом и в какой мере материалы этих последних могут быть учтены при реконструкции тюркских праформ, допустимо ли вообще говорить об алтайском праязыке и использовать его фонологическую систему для уточнения некоторых неясных моментов в пратюркском состоянии.

Гипотеза о генетическом родстве алтайских языков, или, иначе, алтайская гипотеза, была выдвинута в прошлом столетии Р. Раском,

¹ См. например: Н. А. Б а с к а к о в. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962.

² Подробный обзор алтаистической литературы см. в кн.: D. S i n o r. Introduction à l'Étude de l'Eurasie Centrale. Wiesbaden, 1963.

В. Шоттом и М. А. Кастреном и получила широкое распространение сначала в урало-алтайском, а затем в собственно алтайском варианте. При замене урало-алтайского варианта собственно алтайским были выделены в самостоятельную семью уральские языки и наметилась тенденция к ограничению состава собственно алтайских языков. Основными подразделениями алтайской общности новая алтаистическая традиция назвала тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки и, с некоторыми оговорками, корейский язык.

К числу признаков, объединяющих названные группы, В. К. Мэтьюс отнес гармонию гласных, тенденцию избегать начальных звонких, неустойчивость конечного $\eta \sim n$, отсутствие групп согласных звуков в начале и в конце слова, отсутствие долгих или удвоенных согласных и расположенность к открытым слогам.³

Е. Д. Поливанов указывал на исключительно суффиксальный тип морфологии, постоянное место (на начальном слоге) и экспираторный характер ударения, «приблизительные сходства в типичном количественном составе лексической морфемы» (односложные и двусложные комплексы), сингармонизм, сходства общего характера в фонетике.⁴

Ж. Дени, автор вводной части описания тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков в новом издании книги «Языки мира», общими чертами этих трех групп считает следующие: в области фонетики — гармонию гласных, стремление (преимущественно в тюркских языках) избегать сонорных в начале слова, незначительную роль полугласных (w — позднее явление), неустойчивость конечного n , отсутствие геминированных согласных в основе и в изолированных аффиксах, отсутствие стечений согласных в начале слова, а также в конце, по крайней мере когда первый из них не есть плавный сонорный (r, l); в области морфологии — отсутствие грамматического рода, наличие только двух грамматических чисел, возможность использования «обнаженных» корней, агглютинативно-суффиксальный характер морфологии (отсутствие префиксов), отсутствие предлогов (их заменяют послелогои), наличие одного типа спряжения и т. д.; в области синтаксиса — порядок слов в предложении (второстепенные члены предшествуют главным), почти полное отсутствие союзов и относительных местоимений (придаточным предложениям индоевропейских языков соответствуют «квази-предложения», т. е. группы слов, оканчивающиеся именными формами глагола: именами действия, причастиями, герундивами). Общими для всех трех групп являются аффикс местного падежа $-d\ddot{a}$, сопровождающий локатив аффикс $-ki$, а также аффикс родительного падежа; большое сходство имеют личные местоимения.⁵

Приблизительно те же признаки названы и в работах других алтаистов.

На протяжении более столетия алтайская гипотеза занимает доминирующее положение в системе взглядов на природу рассматриваемой общности, и усилия некоторых алтаистов вплоть до настоящего времени направлены преимущественно на поиски различных параллелей.

Кульминационной точкой развития компаративистической алтаистики явилась публикация двух сравнительных грамматик — Г. И. Рамстедта⁶ и Н. Н. Поппе.⁷ Оба автора, обобщая собственные наблюдения, а также

³ W. K. Matthews. Languages of the USSR. Cambridge, 1951, стр. 53.

⁴ См.: Е. Д. Поливанов. К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков. Изв. АН СССР, VI серия, 1927, № 15—17, стр. 1197—1199.

⁵ Les langues du monde . . . Nouvelle édition. Paris, 1952, стр. 319, 320, 322—330.

⁶ G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre. Helsinki, 1957; II, Formenlehre. Bearbeitet und herausgegeben von P. Aalto. Helsinki, 1952 (MSFOu, 104).

⁷ N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.

излагая в довольно полной и систематической форме многочисленные факты, добытые усилиями других специалистов, подводят итог тому, что было сделано за все время существования алтаистики.

Однако появление сравнительных грамматик не привело к окончательному решению алтайской проблемы. Напротив, оно вызвало усиление скептицизма и способствовало возникновению такой ситуации, когда для широкого круга исследователей алтайская гипотеза утрачивает научную ценность. Отрицательная реакция объясняется тем обстоятельством, что благодаря указанным работам стала более очевидной несостоятельность приемов, при помощи которых устанавливались параллели и реконструировались праформы.⁸

Кризис традиционной алтаистики поставил под сомнение полезность ее дальнейшего монопольного развития. Как справедливо заметил Д. Синор, если крупные ученые не в состоянии доказать тезис о генетическом родстве алтайских языков, то, очевидно, есть что-то неправильное в самом этом тезисе.⁹

В последние годы наряду с компаративистической алтаистикой постепенно развивается другое направление, сторонники которого подчеркивают важность исторических связей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и обращают внимание не только на их сходства, но и на расхождения.

Известно, что сходства, обнаруживаемые в разных языках, не обязательно являются следствием их генетического родства. Нередко сближение языков, независимо от характера первоначальных связей между ними, обусловлено их взаимопроникновением, степень и размеры которого зависят от разных обстоятельств и прежде всего от продолжительности и интенсивности контактов.

Взаимодействие тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков происходило непрерывно в течение многих столетий,¹⁰ и при этом были периоды, когда оно становилось устойчивым и необычайно интенсивным. Такими периодами для тюркских и монгольских языков Дж. Клосон называет¹¹ IV—VII вв. (возвышение тюркского племени табгач, основавшего династию Северная Вэй, 386—535 гг.; вассальная зависимость киданей от тюрков до середины VIII в.); VIII—XII вв. (интенсивные контакты тюрков и монголов в Прибайкалье, частичная ассимиляция тюрками северных монгольских племен); XIII—XIV вв. (уйгуро-

⁸ См.: A. S a u v a g e o t. [Рец. на]: G. J. R a m s t e d t. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre. MSFOu, 104, 1957. BSLP, LIV, 2, 1959, стр. 314—317.

⁹ D. S i n o r. Observations on a new comparative Altaic phonology. BSOAS, XXVI, 1, 1963, стр. 144; см. также: G. D o e r f e r. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen, I. Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963, стр. 51; Г. Д. С а н ж е е в. Сравнительно-исторические и типологические исследования в алтаистике. Сб. «Лингвистическая типология и восточные языки», М., 1965, стр. 85, 86; А. Р о н а - Т а ш. О комплексности типологического метода. Там же, стр. 261, 263; G. K a r a. Le dictionnaire étymologique et la langue mongole. АОН, XVIII, 1—2, 1965, стр. 10.

¹⁰ По вопросу о заимствованиях внутри алтайских языков см.: Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Турецкие элементы в монгольском языке. ЗВО РАО, XX, вып. II—III, 1911, стр. 153—184; W. B a n g. Türkisches Lehngut im Mandchurischen. UJb, IV, 1, 1924, стр. 15—19; W. K o t w i c z. Les éléments turcs dans la langue mandchoue. RO, XIV, 1938, стр. 91—102; А. С а ф е р о ğ l u. Azerbaycan ve Anadolu ağızlarındaki moğolca unsurlar. Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten, Ankara, 1954, стр. 1—11; N. P o r p e. The Turkic loan words in Middle Mongolian. CAJ, I, 1, 1955, стр. 36—42; G. C l a u s o n. 1) The earliest Turkish loan words in Mongolian. CAJ, IV, 3, 1959, стр. 174—187; 2) The Turkish elements in 14th century Mongolian. CAJ, V, 4, 1960, стр. 301—316; St. K a ł u ż y ń s k i. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961 и т. д.

¹¹ G. C l a u s o n. The earliest Turkish loan words in Mongolian, стр. 174—187.

монгольские культурные связи в разных районах Туркестана). Периоды сближения тюркских и тунгусо-маньчжурских языков трудно установить с достаточной достоверностью. Весьма вероятно, что один из них совпадает со временем существования государства Бохай (698—926 гг.). Активное взаимодействие монгольских и тунгусо-маньчжурских языков относится к эпохе существования киданьской империи Ляо (X—XII вв.) и ко времени возвышения чжурчженей (XII—XIII вв.). Особенно тесными были связи монголов с маньчжурами, язык которых, как отмечает И. Бенцинг, вследствие разного рода влияний утратил многие черты исконного своеобразия¹² и заметно обособился от других языков тунгусо-маньчжурской группы.

Значение исторических связей тем более велико, что данные, относящиеся к области взаимодействия алтайских языков в недалеком прошлом и в настоящее время, говорят о широком проникновении элементов языка одной группы в язык другой; ср., например, влияние монгольского языка на тувинский, бурятского на солонский и нерчинский говоры эвенкийского языка, якутского языка на эвенкийский.

Что касается расхождений, то показательно, что при наличии множества общих слов, обозначающих второстепенные понятия и нередко полностью совпадающих, числительные, обладающие, как правило, колоссальной устойчивостью, в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках не совпадают и не могут быть выведены из единых праформ. Не совпадают также и почти все слова, относимые по традиции к основному, или базовому, лексическому фонду.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что характер связей между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками до сих пор остается неясным. Поэтому на вопрос о возможности использования монгольских и тунгусо-маньчжурских материалов при реконструкции тюркских праформ необходимо ответить отрицательно.

В настоящее время единственно возможным является тот путь, который был указан в начале этого столетия П. М. Мелиоранским. «При нынешнем состоянии вопроса, — писал он, — должны тюркологи, монголисты, финнологи и др. возделывать главным образом их собственные поля; лишь когда мы будем в состоянии установить пратюркские, прамонгольские и т. д. корни и суффиксы, может быть речь о научном сравнении хотя бы части этих отдельных „ветвей“ „урало-алтайского“».¹³

Разумеется, написание сравнительной фонетики тюркских языков без отсылок к праалтайскому состоянию не означает «закрытия» алтаистической тематики для тюркологов, однако автор не может скрыть своего отрицательного отношения к алтайской гипотезе.

ОБЪЕКТ, ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ ФОНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Объектом фонетического исследования является звуковая речь, представляющая собой единство звуков и ритмико-просодических явлений: тона, ударения, паузы.

Звуки в речевом потоке не являются постоянными величинами. Будучи более или менее устойчивыми в одних случаях, они подвергаются значительным изменениям в других. Изменения звуков обычно обусловлены особенностями звукового контекста и ритмико-просодического оформления. Так, например, находясь в положении между гласными, глухие

¹² J. B e n z i n g. Remarques sur les langues toungouses et leurs relations avec les autres langues dites «altaïques». UAJb, XXV, 1—2, 1953, стр. 110.

¹³ P. M e l i o r a n s k i j. [Рец. на]: V. G r ø n b e c h. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. København, 1902. Göttingische gelehrte Anzeigen, N 6, 1904, стр. 492.

согласные, если они не геминированы, становятся слабыми, расположенными к озвончению и спирантизации, для гласных под ударением характерны четкость и устойчивость в количественном отношении, для гласных в безударных слогах — частичная или полная редукция.

Как звуки, так и ритмико-просодические явления имеют физическую природу, однако физическая сторона звуковой речи не является основным объектом лингвистического исследования. Для лингвиста наиболее существенны не физические, а функциональные свойства речевых единиц, их способность различать, выделять и разграничивать значимые комплексы.¹⁴

Двойственность звуков и ритмико-просодических явлений, проявляющаяся в существовании их как чисто физических явлений и явлений, связанных с реализацией единиц функционального порядка, предопределяет наличие двух разных областей фонетического исследования — собственно фонетики и фонологии.

Собственно фонетическое исследование в языкознании играет вспомогательную роль и полностью подчинено целям и задачам фонологического исследования.

Основная задача фонологического исследования — это выделение функциональных единиц — фонем, установление «фонемного инвентаря». Для решения ее используется несколько приемов, которые подробно описаны в специальной литературе и получили ту или иную критическую оценку. Самым распространенным является прием оппозиции — противопоставление слов с минимальными звуковыми различиями, обладающими способностью дифференцировать значения, — детально разработанный представителями Пражского лингвистического кружка.¹⁵ Далее, можно назвать прием коммутации, применяемый в глоссематике и отличающийся от предыдущего некоторыми чисто процедурными моментами: производится замена одного элемента другим и учитываются последствия такой замены для плана содержания.¹⁶ В дескриптивной лингвистике используется прием анализа дистрибуции.¹⁷ В последнее время получила широкое признание мысль о необходимости и целесообразности сочетания разных приемов,¹⁸ разделяемая, в частности, автором настоящей работы.

Б. Целью фонетического исследования может быть: 1) описание фонологической системы определенного синхронного среза одного языка или разных синхронных срезов нескольких родственных языков в целях восстановления фонологической системы праязыка, который также является одним из синхронных срезов («фонология синхронных срезов»); 2) прослеживание эволюции отдельных звуков, репрезентирующих фонологические единицы праязыка («историческая фонетика»); 3) анализ изменений самой фонологической системы («диахроническая фонология»). Диахроническая фонология — относительно новая область фонетического исследования, и поэтому все, изложенное в соответствующей главе, носит характер предварительных изысканий. В своей совокупности «фонология

¹⁴ Изучение звуков и ритмико-просодических явлений с функциональной стороны является большим достижением лингвистической науки нынешнего столетия и связано с именами Ф. де-Соссюра, И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, Н. С. Трубецкого и других выдающихся языковедов.

¹⁵ См.: Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии. Пер. с нем. М., 1960, стр. 52 и сл.

¹⁶ См.: Л. Е л ь м с л е в. Прологомены к теории языка. Сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 331.

¹⁷ См.: Г. Г л и с о н. Введение в дескриптивную лингвистику. Пер. с англ. М., 1959, стр. 244 и сл.

¹⁸ См.: С. L. E b e l i n g. Linguistic units. 's-Gravenhage, 1960, стр. 58; Н. P i l c h. Phonemtheorie, I. Bibliotheca Phonetica, 1, New York, 1964, стр. 69; Ю. В. В а н н и к о в. О лингвистических связях на фонологическом уровне языка. М., 1964, стр. 73, 74.

синхронных срезов», «историческая фонетика» и «диахроническая фонология» образуют содержание сравнительной фонетики. Хотя сравнительная фонетика и включает в себя разделы синхронного описания, она, так же как и сравнительная морфология и сравнительный синтаксис, нацелена прежде всего и главным образом на изучение языка в диахроническом аспекте. Это обстоятельство играет решающую роль в выборе методов исследования.

В. Основные методы исследования — сравнительный, ареальный и типологический.

Использование сравнительного метода предопределено существованием генетического родства, или, точнее, существованием точки зрения, допускающей генетическое родство разных языков; основной предпосылкой использования ареального метода является сам факт языкового взаимодействия, и, наконец, применение типологического метода обусловлено наличием глоттогонических универсалий — единых или сходных типов системных связей и изменений.¹⁹

I, 1. О сравнительном методе написано много, и все же небесполезно еще раз обратить внимание на то, что создает почву для его использования и отличает его от других методов.

Звуковой комплекс, обозначающий предметы, явления или действия, как правило, не отражает в своем звуковом облике их сущности, например, слово *таш* 'камень' в татарском языке в своем звучании не содержит тех моментов, которые бы служили характеристикой камня как предмета в отличие от других предметов и явлений. Именно поэтому существует большое количество отличающихся друг от друга наименований камня, ср. рус. *камень*, тат. *таш*, монг.-п. *güri*, тадж. *санг* и т. д. И именно поэтому в одном и том же языке сходные или почти совпадающие по своему звучанию комплексы нередко обозначают совершенно различные предметы и явления, например: тат. *таш* 'камень', *тйш* 'зуб', *тишйк* 'отверстие', *тйш* 'наружность' и т. д. Фонетический облик слова может быть приблизительной копией предмета или явления только в исключительных случаях. Так, слово *тйкмжк* 'колотушка' в узбекском языке, образованное от глагольной основы *токи-* 'стучать', 'выбивать, чеканить' (совр. узб. *тйки-* 'ткать'), и сама глагольная основа *токи-*, несомненно, передают в своем звучании характер соответствующего предмета или действия, производимого им. Ясно, что такие слова могут совпадать в разных языках, ср. рус. *тук-тук*, *стук*, *стучать*. Однако общее количество подобных слов, содержащих в основе звукоподражательные или образные элементы, в современных языках невелико.

То, что в абсолютном большинстве случаев слово является обозначением предмета и не отражает непосредственно в своем звуковом облике его характера, дает основание считать, что совпадения, которые обнаруживаются в разных языках и охватывают большое количество слов, не случайны. Они могли появиться в результате взаимных или односторонних заимствований или вследствие того, что языки, в которых обнаруживаются указанные совпадения, восходят к одной языковой традиции, имеют общего предка.

Хотя возможности заимствования велики, они всё же не являются неограниченными. Совершенно очевидно наличие таких слов, грамматических форм и структурных особенностей, которые свойственны только определенной группе языков и совпадение которых нельзя объяснить взаимодействием. Эти слова, обозначающие важные понятия, не связанные с конкретными условиями существования народа (количественные

¹⁹ См.: R. J a k o b s o n. Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics. Proceedings of the eighth International congress of linguists. Oslo, 1958, стр. 19.

числительные от 1 до 9, названия космических тел и явлений, названия наиболее общих процессов), грамматические формы, например формы падежей, а также конструктивные признаки фонологической системы составляют основное ядро, специфику языка, они чрезвычайно устойчивы, имеют прочные внутренние связи и лишь в незначительных размерах испытывают на себе последствия языковых контактов. Единство или сходство названных элементов и признаков в нескольких языках свидетельствует о существовании для них общего источника. И как бы ни был относителен этот источник, как бы ни именовался он — праязыком, языком-основой или пучком изоглосс, — он представляет собой реальную историческую категорию: достоверность дробления языков и образования таким путем языковых семей столь же несомненна, как и достоверность их взаимодействия, обуславливающего возникновение пространственных, или ареальных, языковых общностей.

I, 2. Понятие общего источника, или праязыка, имеет определяющее значение. Пренебрежение этим понятием равносильно пренебрежению сравнительным методом вообще: неучет общего источника снимает историческую перспективу исследования и оставляет место лишь для непосредственных вневременных сопоставлений, без возможности различения фактов родства и фактов заимствования.²⁰

I, 3. Достоинства сравнительного метода засвидетельствованы бурным развитием индоевропеистики как той области, в которой этот метод был впервые применен. И их нисколько не принижает то, что классическая сравнительная грамматика была построена на младограмматической основе. Атомизм младограмматиков, сделавших большой вклад в разработку звуковых законов и установивших строгие закономерности фонетических соответствий, не вытекает из природы сравнительного метода и может быть преодолен посредством внедрения принципов системного анализа и внутренней реконструкции разных синхронных срезов.

В настоящее время трудно говорить об успехах исторического изучения индоевропейских или каких-либо других языков, отвлекаясь от самого факта использования сравнительного метода. Пока только сравнительный метод позволяет достаточно глубоко раскрывать прошлое той или иной языковой группы и устанавливать относительную хронологию языковых изменений. Показательно, что история тех языков, которые подверглись весьма интенсивному сравнительному исследованию, получила значительно более глубокое освещение, чем история языков, не попавших в полной мере в орбиту компаративистики.

I, 4. Как и всякий другой метод, сравнительный метод имеет некоторые недостатки, перечень которых приводится во всех работах, посвященных методике сравнительных исследований.²¹ Эти недостатки, как бы они ни были значительны, не дают оснований для возражения против целесообразности его использования. Между тем такие возражения существуют, и на них необходимо остановиться.

Возражения против целесообразности использования сравнительного метода в его традиционном понимании имеют глубокие корни, и они обусловлены не только и не столько недостатками метода, сколько определенной системой взглядов на понятия общего источника и родства, т. е. те понятия, двусмысленное толкование которых совершенно исключено для компаративиста.

²⁰ См.: Б. А. С е р е б р е н н и к о в. Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и в тюркологии. Сб. «Вопросы методов изучения истории тюркских языков», Ашхабад, 1961, стр. 64.

²¹ См., например: Б. А. С е р е б р е н н и к о в. К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании. Изв. АН СССР, ОЛЯ, IX, 1950, 3, стр. 177—185.

В этом отношении любопытны высказывания Г. Шухардта по поводу смешанного характера современных языков («несмешанных языков не существует») ²² и объединения в них элементов, восходящих к разным праязыкам. ²³ Возможность языкового смешения, с точки зрения Г. Шухардта, не знает никаких границ. Смешение может дать незначительные, мизерные результаты, но оно может также и привести к максимальному сближению языков. «Я признаю, — пишет Г. Шухардт, — что все языки мира родственны, однако они родственны не в силу своей родословной, но лишь потому, что это родство образовалось при ближайшем, весьма широком участии смешения и уподобления». ²⁴

Довольно оригинально взгляды Г. Шухардта развивает В. Пизани, ²⁵ подразделяющий все соответствия и совпадения, встречающиеся в языках, на две группы: случайные (*les concordances fortuites*) и исторические (*les concordances historiques*). Что касается случайных соответствий, то состав и характер их не требует специальных разъяснений. Иначе обстоит дело с историческими соответствиями. Последние, по мнению В. Пизани, включают факты родства и факты заимствования (*la parenté et l'emprunt*). Разница между теми и другими — главным образом хронологическая, так как факты, объясняемые обычно с точки зрения родства, отличаются от заимствований лишь тем, что находятся за пределами исторических свидетельств. Поэтому «языковое родство — не что иное, как общность элементов, которую мы устанавливаем между языками», а праязыки — языковые союзы, объединяемые некоторым числом общих черт. Образование языковых семей, например индоевропейской и семитской, В. Пизани рассматривает как «результат конвергенции многих диалектов, которые раньше группировались совершенно иначе и участвовали в образовании совершенно другой сети изоглосс». ²⁶

Таким образом, традиционным представлениям о генетическом родстве противопоставляется концепция языкового сближения, являющаяся в известной мере развитием теории «волн» И. Шмидта. ²⁷ Г. Шухардт, а также В. Пизани, Дж. Бонфанте и другие представители неолингвистической школы глубже, чем кто-либо, осознают роль контактов в образовании материальных сходств между разными языками, но чрезмерно преувеличивают их значение и отрицают даже относительную устойчивость основного лексического фонда и грамматической системы.

Хотя пределы проницаемости языка установить невозможно, тем более что они зависят от особенностей языковой структуры, от степени проявления экстралингвистических факторов и других обстоятельств, мы, как только что указывалось выше, в состоянии выделить определенную совокупность структурных признаков, слов и форм, заимствование которой в целом или в значительной части было бы маловероятным. Такая совокупность, будучи обнаруженной в разных языках, и должна рассматриваться как следствие пережитого ими гомогенного состояния, которое в традиционной компаративистике именуется праязыком. Разумеется, реконструкция гомогенного, или общезыкового, состояния не лишена некоторых условностей, «обедняет реальное многообразие явлений в жестких формулах, не дает возможности уловить ареальные и хро-

²² Г. Шухардт. К вопросу о языковом смешении. Сб. «Избранные статьи по языкознанию». Пер. с нем. М., 1950, стр. 177.

²³ Г. Шухардт. Происхождение языка. Там же, стр. 77.

²⁴ Там же, стр. 74.

²⁵ V. P i s a n i. Parenté linguistique. *Lingua*, III, 1, Haarlem-Holland, 1952, стр. 3—14.

²⁶ В. Пизани. Общее и индоевропейское языкознание. Сб. «Общее и индоевропейское языкознание». Пер. с нем. М., 1956, стр. 173, 199.

²⁷ См.: G. B o n f a n t e. The neolinguistic position. «*Language*», XXIII, 4, Baltimore, 1947, стр. 350.

нологические различия, подчас объединяет, вероятно, явления несинхронного порядка, но она представляет в обобщенном виде то единство, в котором обнаруживается причастность диалектов к одной доминирующей языковой системе».²⁸

I, 5. Условия применения сравнительного метода к языкам разных групп не одинаковы. «... Методы, успешно применявшиеся при исследовании индоевропейских языков, — пишет А. Мейе, — не всюду одинаково пригодны. Приходится задуматься над методикой исследования, проверить правильность наших методов и попытаться, не снижая требований четкости и точности, распространить их на новые обширные области».²⁹ Подобный вывод, с которым нетрудно согласиться, не может, однако, служить поводом для скептического отношения к возможности сравнительного исследования других языковых семей.

Предложение некоторых тюркологов разработать особый вариант сравнительного метода, отвечающий специфике тюркских языков,³⁰ кажется необоснованным, хотя любая попытка создать такой вариант вполне правомерна и может получить исчерпывающую объективную оценку только по результатам его применения.

Своеобразие тюркских языков заключается не в том, что общие моменты имеют в них совершенно иную, чем в индоевропейских языках, природу и что в них все гласные могут переходить во все,³¹ а в том, что эти общие моменты, будучи следствием дифференциации одного языка и вместе с тем результатом многократного влияния одних тюркских диалектов или языков на другие, труднее поддаются разграничению.

Здесь необходимо отметить, что в силу особенностей социально-экономического уклада и вследствие ряда других причин для этногенеза почти всех тюркских народностей было характерно интенсивное смешение племен, представлявших разные диалектные типы. Смешение разных племен стало причиной большой диалектной раздробленности, а взаимное влияние племенных диалектов привело к образованию смешанных языков. Образовавшиеся языки в свою очередь влияли друг на друга, и это влияние способствовало возникновению различных аномалий.

Некоторые тюркологи справедливо выступают против злоупотребления тезисом о смешении тюркских языков и диалектов при объяснении затруднительных случаев фонетических изменений и фонетических соответствий. Однако злоупотребление ссылками на смешение столь же не оправдано, как и недооценка роли смешения.

Классическим примером смешанного языка является чувашский язык, на который обычно ссылаются, чтобы показать отсутствие закономерных фонетических соответствий между тюркскими языками. Именно в многослойности лексического состава чувашского языка, многократности заимствований и многообразии источников заимствования, а не в спорадическом характере отражения в нем общетюркских архетипов следует искать основную причину нерегулярности и непоследовательности чувашско-тюркских фонетических соответствий. Так, например, в пределах гласных в чувашском языке прослеживаются четыре ряда звуков

²⁸ И. М. Т р о н с к и й. Общепиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967, стр. 5.

²⁹ А. М е й е. Сравнительный метод в историческом языкознании. Пер. с франц. М., 1954, стр. 9.

³⁰ См.: Н. А. Б а с к а к о в. Выступление на координационном совещании по вопросам методов изучения истории тюркских языков, состоявшемся в Ашхабаде 19—22 октября 1959 г. Сб. «Вопросы методов изучения истории тюркских языков», Ашхабад, 1961, стр. 155.

³¹ См.: М. А. Ч е р к а с с к и й. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965, стр. 67.

и звуковых сочетаний, репрезентирующих фонемный состав тюркского праязыка, ср.

	1	2	3	4	
*a	y (ÿ)	iy	ǎ, ĭ (i)	a	
*ā	y	jī, jy (jÿ), ja	ǎ, ĭ	a	
*o	y	vǎ, vī	ǎ, ĭ		
*ō	y	vǎ, vy	ǎva, ǎvǎ, ĭ ǎ (ě)		
*y	ǎ (ě)	vǎ (vě), va	ī, ē, ŷ		} В верхом диалекте ǎ, ě — огубленные гласные, соот- ветствуют тат. ǒ, Ǔ
*ÿ	ǎ (ě)	vǎ (vě), va	y		
*ī	ǎ (ě)	jī	ī (i)		
*ī̄	ǎ (ě)	jǎ (jě), ja	ī		
*ä	i, ŷ	jě	ǎ (a), ě (ǎ)		
*ā	i, a	jě	ǎ (a), ě, avǎ		
*ō	ÿ (y)	vě (vǎ), vi	ě (ǎ)		
*ō̄	ÿ (y)	vě (vǎ), va	avǎ		
*ÿ	ě	vi, va			} В верхом диалекте ě — огуб- ленный, соответствует тат. ǒ
*ÿ̄	ě	vě	ÿ (y), ē		
*ī	ě (ǎ)		ī		
*ī̄	ě	jě	ī		

Из них первый ряд отражает принадлежность чувашского языка к зональной группе тюркских языков Поволжья, ср. лабиализацию *a*, переход *o > y*, *ō > ÿ*, сужение *ǎ* до *ī*, образование ступени редуцированных гласных из *y*, *ÿ*, *ī*, *ī̄* (ср. тат. *ǒ*, *Ǔ*, *ĩ*, *ĩ̄*).

Ко второму ряду относятся все случаи замены этимологических гласных в начальной позиции сочетаниями гласных с согласными, отличающие чувашский язык от других тюркских языков Поволжья — башкирского и татарского. На месте нелабиализованных гласных развились сочетания с *j*, выступающие нерегулярно, на месте лабиализованных гласных — сочетания с *v* (ср. дифтонгизацию *o*, *ō* и протезу *j* перед *y*, *ÿ*, *ī*, *ī̄* в гагаузском языке),³² которые настолько регулярны, что любое нарушение данной закономерности можно рассматривать как следствие относительно позднего заимствования соответствующего слова.

Далее следуют гласные, представляющие специфический (не поволжский) тип рефлексов, главным образом в середине слова. Многие из них встречаются в виде исключений. В этом ряду большое место занимают редуцированные гласные, появление которых вызвано наличием особых комбинаторно-позиционных условий, ср. *vil-* 'умирать' (< *ōl-), *vělvǎr-* 'убивать' (в безударном слоге узкий гласный становится сверхкратким и подвергается редукации); *nic'* 'вариться' (< *nīw-), *něv'ǎr-* 'варить'; *šivē* 'вода' (< *suγ), *šǎvar-* 'орошать'. Напомним, что сокращение гласных в аналогичных условиях наблюдается и в других тюркских языках и прежде всего в татарском.

Последний ряд включает в себя необычные репрезентации, зафиксированные в основном в поздних заимствованиях из татарского языка. Для выделения этих заимствований существенны такие признаки, как наличие *j* на месте **ǰ* в начале слова, например: *julǎv* 'ленивый', *jǎnǎw* 'ошибка', *jǎmǎk* 'мягкий'; отсутствие протезы *v*: *ǎru* 'род, племя', *ubǎ* 'лук' (оружие) (шумный согласный в интервокальном положении всегда слабый, полувзвонкий), *udǎ* 'сено', *uram* 'улица', *utrav* 'остров', *uga* 'позумент'; сохранение *w*,³³ без перехода в *l*: *kǎrw* 'бороться', *ĩraiw*

³² О происхождении протетических *v* и *j* в чувашском языке см.: В. А. Сегенник. Zur Frage nach dem Ursprung der prothetischen Konsonanten *v* und *j* im Tschuwaschischen. АОН, XIX, 1, 1966, стр. 57—65.

³³ См. ниже стр. 163.

'рожь', *тӑрӑш*- 'стараться', *хӑмӑш* 'камыш', *адаш* 'тезка', *хуш*- 'добавлять', *пужӑ* 'пусто', *адаш*- 'заблудиться', *пулайш*- 'помогать', *тӑжӑк* 'перина'; сохранение *ч* в начале слова и изменение конечного *ч* в *ш*: *чуп*- 'бежать', *чӑӑк* 'цветок', *чӑм*- 'нырять', *ӑш* 'внутренность'; отсутствие ротацизма в условиях, обеспечивающих его проявление: *кӑмӑс* 'кумыс', *тигӑс* 'ровный', 'гладкий', *куч* 'глаз', *тӑс*- 'терпеть', *пӑс* 'миткаль', *тӑгӑс* 'тесный', *ӑс* 'желтая медь', 'латунь', *тузан* 'пыль', *пӑс*- 'портить', *азав* 'клык', *ӑзат*- 'проводить'; наличие двух фонетических вариантов одного и того же слова: *шурӑ* 'белый' и *сарӑ* 'желтый'; *услан* и *арӑслан* 'лев'; *сӑмзӑ* и *ӑмжак* 'мягкий'; *вӑрӑ* 'семя' и *ӑру* 'род, племя'; *пӑр* 'холст, полотно' и *пӑс* 'миткаль'; *тӑвар* и *тӑгӑс* 'тесный' и т. д.

Все сказанное выше не означает, что в фонетических соответствиях чувашского и других тюркских языков не остается «темных» мест. Тем не менее становится ясно, что любая непоследовательность чувашско-тюркских фонетических соответствий по мере углубления наших знаний может получить вполне удовлетворительное объяснение.

Смешанными являются и другие тюркские языки, например татарский, узбекский, уйгурский (ср. *ј* и *ӓ* в анлауте, восходящие к одному архетипу), хотя, в отличие от чувашского языка, в них причиной смешения было скорее междиалектное взаимодействие, чем влияние извне.

Смешением разных диалектов вызвано наблюдаемое почти во всех тюркских языках колебание глухих и звонких смычных согласных в начале слова.

Особым родом «своеобразия» тюркских языков, по сравнению с индоевропейскими, является их слабая изученность. Отчасти поэтому так велико количество «необъяснимых» исключений, побуждающее некоторых тюркологов делать вывод о неприложимости к тюркским языкам понятия фонетического закона.

Известно также, что на протяжении последних полутора тысяч лет носители тюркских языков пережили несколько интенсивных миграций и заняли огромную территорию, ранее населенную нетюркскими племенами. Вытесняя и ассимилируя местные наречия, тюркские языки испытывали сильное обратное воздействие. При этом элементы субстратного происхождения нередко распространялись в виде разных диалектных форм и создавали видимость нерегулярного проявления общетюркских тенденций. Приведем следующий пример. Татарскому *усаk* 'осина' соответствуют койб. *ос*, чуваш. *ӑвӑс*, башк. *удак*, алт. *аспак*, хак. *ос*, шор. *ансак*, *авсак*, что указывает на долготу гласного первого слова. Однако наличие тюркской этимологической долготы не подтверждается качеством последующего согласного (на месте общетюркского *с* после этимологического долгого гласного в татарском языке развился *з*, в чувашском — *р*). Ср. многообразии фонетических форм соответствующего слова в индоевропейских языках: др.-рус. *osina*, чеш. диал. *osa* (праслав. **opsa*), др.-прусс. *abse*, др.-сакс. *aspa*.³⁴

Видимость нарушения фонетических соответствий между тюркскими языками создается также вследствие перезаимствования собственно тюркских слов из нетюркских языков, ср. якут. *барсуk* (вместо ожидаемого *борсуk*, тюркская праформа **порсуk ~ *порсіk*) < рус. *барсуk*; тат. *бубай* 'бык-производитель' (вместо ожидаемого *бӑба*, тюркская праформа **нука*) < рус. *бугай*.

II. Языки развиваются не только как потомки одного отдаленного предка, но и как члены сообщества, находящегося в определенных пространственных условиях. Пространство интенсифицирует дробление праязыка и

³⁴ См.: М. V a s m e r. Russisches etymologisches Wörterbuch, II. Heidelberg, 1955, стр. 282.

придает конкретные формы процессу образования отдельных языков. Это значит, что наряду с родственными чертами, главным образом архаического происхождения, языки несут в себе общие признаки, имеющие характер ареальных новообразований.³⁵

Тюркские языки, в отличие от индоевропейских, мало отличаются друг от друга, так как промежуток времени, отделяющий нас от эпохи относительно компактного расселения тюркских племен в Центральной Азии, не велик. Поэтому трудно дать пространственную характеристику тюркских языков и выделить какие-либо ареалы, если не считать северо-западного (языки Поволжья: татарский, башкирский, чувашский). И все же ареальный метод может оказаться полезным и при исследовании тюркских языков, особенно в связи с реконструкцией пратюркского консонантизма.

Реконструированная система согласных тюркского праязыка не включает в себя фонологическую оппозицию по признаку звонкости (глухие/звонкие) или напряженности (сильные/слабые) для шумных согласных. В обосновании подобной реконструкции важную роль играют материалы чувашского и хакасского языков, в которых в позиции максимальной фонологической дифференциации, а именно в начале слова, встречаются только глухие (сильные) шумные согласные.

Унаследовано ли состояние начального консонантизма, зафиксированное в чувашском и хакасском языках, от праязыковой системы, или же это состояние представляет собой не мотивированное внутренними факторами новообразование — вот основной вопрос, который возникает при рассмотрении материалов указанных выше языков и который, пожалуй, не может быть решен без учета пространственных данных.

Широко распространено мнение, что глухость начальных согласных и отсутствие оппозиции по признаку звонкости в чувашском языке — вторичное явление,³⁶ обязанное своим возникновением воздействию нетюркского субстрата, предположительно финского, или относительно позднему влиянию марийского языка.³⁷ Действительно, чувашский и финский консонантизм обнаруживают большую близость: так, в восстанавливаемом финно-угорском праязыке, а также в ряде современных финских языков и, в частности, в самом финском отсутствует оппозиция по признаку звонкости, противопоставляются одиночные согласные и геминаты, звонкие шумные согласные встречаются лишь в интервокальном положении.³⁸

Возможность подобного объяснения своеобразных моментов системы согласных не исключена и для хакасского языка. На территории, занятой в настоящее время хакассами, находились самодийские племена: камасинцы, моторы и койбалы, процесс языковой ассимиляции которых происходил на протяжении более чем тысячелетия и закончился сравнительно недавно.³⁹

³⁵ См.: R. Jakobson. Sur la théorie des affinités phonologiques des langues. Actes du quatrième Congrès international de linguistes, Copenhague, 1938, стр. 48—58; Э. А. Макаев. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.—Л., 1964, стр. 57.

³⁶ См.: В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 42, 47.

³⁷ Б. А. Серебряников. О двух возможных причинах соноризации интервокальных глухих согласных в чувашском языке. Сб. «Проблемы сравнительной филологии», М.—Л., 1964, стр. 232.

³⁸ См.: E. Itkonen. Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. UAJb, XXXIV, 3—4, 1962, стр. 191—195.

³⁹ См.: V. Tauli. On foreign contacts of the Uralic languages. UAJb, XXVII, 1—2, 1955, стр. 7 и сл.

Чтобы ответить на поставленный выше вопрос, необходимо уточнить ареальные границы системы, не имеющей оппозиции глухих и звонких (сильных и слабых) согласных в начале слова. Подобная система обнаруживается также в языке рунических надписей, найденных на территории Тувы и Монголии, и в языке желтых уйгуров, живущих в китайской провинции Ганьсу. Это обстоятельство уменьшает вероятность утраты оппозиции глухих и звонких шумных под влиянием финского, самодийского или какого-либо иного субстрата, а в сочетании с некоторыми другими фактами полностью исключает ее. К числу этих последних относится прежде всего то, что слова с начальными глухими (сильными), с одной стороны, и слова с начальными звонкими (слабыми), с другой, образуют последовательно разграниченных рядов даже внутри группы огузских языков. «Нет ни одного южнотюркского диалекта, — пишет К. Фой, — в котором бы анлаут, за исключением *q* относительно *g*, был единообразным, в котором бы, следовательно, имелись слова, начинающиеся только с *k*, только с *t* или только с *p*, и не было бы слов, начинающихся с *g*, *d*, *b*, или наоборот. Кроме того, наблюдается большое разнообразие при переходе от диалекта к диалекту: одно и то же слово часто в одном месте территории, занимаемой южными тюрками, произносится с глухим смычным, в другом месте — со звонким».⁴⁰

Пространственный подход совершенно необходим при исследовании различных явлений в тюркских языках Поволжья. Изменение *a* в *o* (*y*) в чувашском языке, лабиализация *a* в башкирском и татарском, появление ступени редуцированных гласных на фонологическом уровне во всех трех языках, делабиализация общетюркских узких огубленных гласных в чувашском языке и в говорах татарского имеют параллели в марийском и пермских языках.⁴¹ Понятно, что без изучения широкого круга вопросов, связанных с развитием вокализма в финно-угорских языках, входящих в данный ареал, трудно сказать, в какой мере перечисленные выше особенности являются зональными и насколько они могут быть выражением скрытых общетюркских тенденций.

Особый интерес представляет использование ареального метода в целях проверки так называемой алтайской гипотезы и выяснения различных аспектов взаимодействия тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Изучение связи между состоянием пространственных отношений и количеством параллелей⁴² и учет границ распространения изоглосс создают наиболее благоприятные условия для генеральной оценки характера алтайской общности и для выделения в каждом из алтайских языков поздних заимствований и таких элементов сходства, которые могли образоваться только в эпоху ранних контактов тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских племен в пределах сибирско-дальневосточного ареала. Установление относительной хронологии межалтайских заимствований — важный этап на пути их использования при доработке праязыковых схем названных выше групп: независимо от степени адаптации, заимствования сохраняют определенные черты фонетического облика оригиналов и являются одним из источников изучения истории языка.

⁴⁰ К. F o y. *Azerbajĝanische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen.* MSoS, VI, Abth. II, 1903, стр. 145.

⁴¹ См.: E. I t k o n e n. *Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tschechremissischen und in den permischen Sprachen.* FUF, XXXI, 3, 1954, стр. 149—345; Б. А. С е р е б р е н н и к о в. *О некоторых зональных особенностях развития уральского вокализма.* ALH, XV, 3—4, 1965, стр. 302—320.

⁴² Ср., например, неоднократно воспроизводимое в специальной литературе замечание об отсутствии или незначительном количестве прямых (минуя монгольские языки) тюрко-тунгусо-маньчжурских параллелей, см.: G. K a r a. *Le dictionnaire étymologique et la langue mongole*, стр. 2.

В более широком смысле понятие ареального метода включает в себя и все то, что принято рассматривать как приемы лингвогеографического исследования.

Образование и развитие родственных языков не является чистым процессом последовательного дробления праязыка в духе концепции «родословного древа» А. Шлейхера. Расхождению языков и диалектов постоянно сопутствует их схождение, взаимодействие, и поэтому каждый современный язык или диалект наследует праязыковое состояние не как нечто целостное и единообразное, а в виде сложного конгломерата форм и признаков, прошедших сквозь призму многократных и разновременных смещений. Из этого следует, что учет данных современной лингвистической географии может существенно облегчить воссоздание истории отдельных языков и внести уточнения в некоторые праязыковые реконструкции.

III. Реконструкция производится не только на основе сравнения материалов родственных языков и выделения ареальных инноваций, но и с учетом типологических данных.

В ходе типологических исследований складывается более или менее четкое представление о таких структурных особенностях и языковых изменениях, которые характерны для всех или для части языков, и таких, которые, напротив, маловероятны или недопустимы. Соответствие устанавливаемых закономерностей или реконструкций типическим показателям придает им большую доказательную силу, тогда как противоречия, обнаруживаемые между частными построениями и структурными универсалиями, делают их недостаточно надежными. Учитывая взаимозависимость различных элементов языка, можно предсказывать по одному явлению другое и на основе ограниченного количества данных восстанавливать систему в целом.⁴³

Принято, например, считать, что нижний предел количества гласных и согласных фонем в языках Евразии — 25—30⁴⁴, хотя совершенно строгих правил на этот счет, очевидно, не существует.⁴⁵ Если в тюркском праязыке число согласных фонем не превышало 14—15, то, значит, гласных фонем было по крайней мере не меньше 10. Следовательно, наличие в праязыке оппозиции долгих и кратких гласных подтверждается и с типологической точки зрения.

Установлено, как отмечает Р. Якобсон, что имеются языки, в которых отсутствуют слоги с гласными в начале и/или с согласными в конце, но нет языков, в которых бы отсутствовали слоги с начальными согласными и/или слоги с конечными гласными. Далее, есть языки без щелевых согласных, но нет языков без смычных.⁴⁶ Все это заставляет отнестись с особой осторожностью к восстановлению структурных типов тюркского слога и фонологической системы праязыка.

Характер типологической закономерности имеет связь между геминацией согласных и их озвончением в интервокальной позиции. Как указывают А. Одрикур и А. Мартине,⁴⁷ в языках западной Евразии, в кото-

⁴³ См.: В. С к а л и ч к а. О современном состоянии типологии. Сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 33.

⁴⁴ Соответствующая типологическая закономерность, сформулированная Б. А. Успенским, гласит, что не существует языков, в которых было бы меньше 13 и больше 81 фонемы (наименьшее количество фонем — в полинезийских языках). См.: Б. А. Успенский. Структурная типология языков. М., 1965, стр. 198.

⁴⁵ См.: А. М а р т и н е т. A functional view of language. Oxford, 1962, стр. 74.

⁴⁶ R. J a k o b s o n. Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics. «Selected writings», I. 's-Gravenhage, 1962, стр. 526.

⁴⁷ А. G. H a u d r i c o u r t et A. M a r t i n e t. Assourdissement et sonorisation d'occlusives dans l'Asie du Sud-Est. BSLP, XLIII, 1—2, 1947, стр. 91. — К языкам, не имеющим геминат и не допускающим озвончения интервокальных глухих, авторы относят и тюркские.

рых озвончаются интервокальные смычные, в интервокальном положении имеются также глухие геминированные смычные, и наоборот, языки, в которых отсутствуют геминаты, не знают озвончения интервокальных глухих. Поскольку для тюркских языков характерно озвончение согласных между гласными, можно предположить, что в тюркском праязыке были геминаты. Вместе с тем не ясно, входили ли геминаты в самостоятельную фонологическую оппозицию (эмфатические удвоения здесь во внимание не принимаются) или же являлись своеобразным выражением силлабической долготы.⁴⁸ Некоторые черты тюркского консонантизма и данные типологических сопоставлений (ср. структуру фонологической системы и чередование ступеней согласных в финских и самодийских языках)⁴⁹ делают наиболее предпочтительным последний вариант решения проблемы геминат. При отсутствии оппозиции глухих и звонких шумных в начале любого слова и в конце односложного слова после кратких гласных выступали сильные глухие согласные (т. е. более долгие), после долгих гласных — слабые (т. е. более краткие). Следовательно, сильные и слабые шумные согласные в конце односложного слова различались только фонетически, так как сила их произношения и длительность зависели от длительности предшествующих гласных. Такое же различие сохранялось и в интервокальном положении, однако вследствие существенного изменения фонетических условий его реализация приобретала качественно иной характер: слабые могли реализоваться как звонкие, а сильные геминировались. Иначе говоря, удвоение согласных являлось интервокальным выражением силы.

К числу типологических универсалий относится, очевидно, и связь между наличием геминации согласных и отсутствием оппозиции по признаку глухости/звонкости, прослеживаемая в тамильском языке, в некоторых языках финно-угорской семьи: финском, мансийском, хантыйском⁵⁰ и в ряде тюркских языков: чувашском, отчасти хакасском и др.⁵¹ Отсутствие оппозиции по признаку глухости/звонкости в фонологической системе тюркского праязыка может рассматриваться, таким образом, как дополнительный признак, свидетельствующий о наличии геминации.

Анализ материалов разных языков позволяет также установить примечательную (региональную?) типологическую константу в диахроническом плане: из модальных корреляций (в соответствии с классификацией дифференциальных признаков согласных, предложенной Н. С. Трубецким) наиболее древней является корреляция шумных согласных и сонантов, все случаи преобразования которой связаны с обособлением сонантов и «расщеплением» шумных согласных, происходившим по линии установления функционально идентичных и чаще всего несовмести-

⁴⁸ A. Martinet. Du rôle de la gémination dans l'évolution phonologique. ZPhon, XII, 1—4, 1959, стр. 225.

⁴⁹ Так, П. Хайду высказывает предположение о зависимости чередования ступеней согласных в генетическом плане от просодических особенностей слогов. См.: P. Hajdú. Die Frage des Stufenwechsels in den samojedischen Sprachen. UAJb, XXXIV, 1—2, 1962, стр. 51 и сл. Ср.: E. N. Setälä. Über Quantitätswechsel im Finnisch-ugrischen. JSFOu, XIV₃, 1896, стр. 22, 23; L. Novák. L'harmonie vocalique et les alternances consonantiques dans les langues ouralo-altaïques, surtout finno-ougriennes. TCLP, VI, 1936, стр. 90—95; E. Itkonen. Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache, стр. 191 и сл.

⁵⁰ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 195.

⁵¹ Возможно, к перечисленным выше языкам примыкал также древнебаскский, консонантизм которого вплоть до настоящего времени не получил достаточно определенной характеристики. См.: A. Martinet. De la sonorisation des occlusives initiales en basque. «Word», New York, 1950, 6, стр. 224—233.

мых ⁵² в пределах одной фонологической системы модальных корреляций второй и третьей степени, ср.

Несонанты	
1) глухие	звонкие
2) сильные	слабые
3) придыхательные	непридыхательные
а) обычные придыхательные	
б) преаспирированные	
4) геминаты	одиночные

С учетом функциональной идентичности приведенных выше рядов можно, например, объяснить «фарингализацию» гласных в тувинском языке как явление преаспирации сильных шумных согласных, развившееся вследствие частичного перемещения придыхания из эксплозивной части в имплозию, ср.

тув.	азерб.	
<i>a't</i>	<i>at'</i>	'лошадь'
<i>at</i>	<i>at</i> (~ <i>ad</i>)	'имя'
<i>o't</i>	<i>ot'</i>	'трава'
<i>ot</i>	<i>ot</i> (~ <i>od</i>)	'огонь'
<i>a'k-</i>	<i>*ak'-</i> > <i>ax-</i>	'течь'
<i>ak</i>	<i>ak</i> (~ <i>aḅ</i>)	'белый'

Уместно в связи с этим привести замечание С. Е. Малова о том, что в языке желтых уйгуров слова *at* 'лошадь' и *ot* 'трава' произносятся «совсем как» *axt* и *oxt*.⁵³ Правда, предлагаемое объяснение не единственно возможное.

Безусловно, всеобщий характер носит зависимость многих фонетических изменений от структуры слога и его просодического оформления.⁵⁴ Слог — единица, имеющая физиологическую обусловленность, что предопределяет совпадение многих фонетических явлений, происходящих внутри него, в разных языках.

МАТЕРИАЛЫ И ИСТОЧНИКИ

Материалами и источниками для настоящего исследования послужили тексты современных тюркских языков, древние памятники, наиболее ранние из которых — рунические надписи Сибири и Монголии — относятся к VIII в., а также диалектологические работы, описательные и аналитические грамматики.

Современные тексты — образцы транскрипционной записи, сделанные почти на всех тюркских языках. Эти тексты имеют неодинаковое назначение и в ряде случаев обнаруживают некоторую непоследовательность принципов графической передачи, что снижает их ценность как протокольных материалов.

Древние источники включают в себя, помимо памятников рунической письменности, тексты из Восточного Туркестана, написанные манихейскими, уйгурскими, древнеиндийскими (брахми) и арабскими буквами. Письменные памятники облегчают решение некоторых трудных вопросов сравнительной грамматики тюркских языков, однако введение заключаю-

⁵² Глухость, сила, придыхательность и удвоение или длительность являются обычно сопутствующими признаками и фонетически не только совместимы, но и с некоторой необходимостью взаимообуславливают друг друга.

⁵³ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 163.

⁵⁴ См.: G. F. Meier. Silbenkern und Sonorität. ZPhon, XVII, 2—4, 1964, стр. 369.

щихся в них материалов в обиход сравнительно-исторических исследований сопряжено с рядом трудностей. Все перечисленные выше разновидности письма, исключая брахми, являются полифоническими, они располагают 12—16 знаками для передачи 18—20 тюркских согласных⁵⁵ и 3—5 знаками для передачи 8 гласных (сочетания знаков, используемые в манихейской, уйгурской и арабской письменностях, и надстрочно-подстрочные знаки арабского письма, как правило, дублируют отдельные знаки). Брахми занимает особое положение: в нем насчитывается около сорока знаков для согласных и более десяти для гласных, тем не менее практическая ценность текстов, написанных брахми, невелика, так как они незначительны по своим размерам.

Количество диалектологических работ, описательных и аналитических грамматик в области тюркологии огромно, и, поскольку сравнительная фонетика затрагивает все основные вопросы фонетики тюркских языков, практически почти каждая фонетическая работа, написанная до 1968 г., так или иначе использована нами. Диалектологические работы имеют особую ценность для сравнительного исследования, так как позволяют учесть то реальное многообразие форм и звуков, которое скрывается за канонизированными данными литературной нормы. К сожалению, подробный критический обзор этой литературы в рамках настоящей работы не представляется возможным. Такой обзор неизбежно превратился бы в очерк истории тюркологии, написание которого не входило в круг задач, поставленных автором, и не предусматривалось размерами монографии.

О ТРАНСКРИПЦИИ

Мы пользуемся так называемой радловской транскрипцией, построенной на основе русского алфавита, дополняя ее лишь некоторыми буквенными и диакритическими знаками, например: ϑ — глухой межзубный согласный, δ — звонкий межзубный согласный (* δ обозначает также один из общетюркских целевых сонантов, ср. * γ и * β), ř — звонкий целевой увулярный согласный⁵⁶ в азербайджанском языке, ř — звонкий смычный увулярный (в чувашском языке ř — звонкий целевой заднеязычный согласный, z — соответствующий смычный), ɔ — открытый «о», a — широкий лабиализованный гласный твердого ряда в башкирском и татарском языках, y — полуширокий лабиализованный гласный в узбекском языке; ~ — знак для редуцированных гласных (ср. ĩ , ĩ , đ , đ , ŷ , ŷ , ǎ , ě), ˘ — для полугласных компонентов дифтонгов или дифтонгоидов (ср. ı , y), ˈ — для обозначения аспирации и преаспирации согласных и т. д.

Используемая нами транскрипция — по преимуществу фонологическая.

⁵⁵ Знаки, используемые в рунической письменности для обозначения сочетаний согласных и для различения «твердорядных» и «мягкорядных» согласных, в расчет не принимаются.

⁵⁶ В турецком языке ř , по свидетельству Ж. Дени, подвергся значительным изменениям и в стамбульском произношении доходит почти до нуля. См.: J. D e n u. Principes de grammaire turque («turk» de Turquie). Paris, 1955, стр. 19.

Глава I

ФОНОЛОГИЯ СИНХРОННЫХ СРЕЗОВ

*Состав фонем и особенности их фонетической реализации
в современных и древних тюркских языках.
Реконструкция фонологической системы тюркского праязыка*

Структура данной главы и характер изложения predetermined тем обстоятельством, что на первом этапе исследования производится анализ дифференциальных признаков гласных и согласных фонем в современных тюркских языках, затем выделяются общие, характерные признаки, с одной стороны, и частные, индивидуальные, с другой, и наконец устанавливаются наиболее вероятные для праязыка типы сочетания общих дифференциальных признаков и конструируется система.

Раздел 1

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

ГЛАСНЫЕ

В тюркских языках необходимо разграничивать гласные первого изолированного слога, или, иначе говоря, гласные в односложном слове, и гласные первого и непервых слогов в многосложном слове.

Гласные в односложном слове постоянны и независимы в качественном отношении;¹ что касается гласных в многосложном слове, то для них характерна некоторая неустойчивость и, кроме того, синтагматическая predeterminedность, являющаяся следствием существования таких явлений, как гармония гласных и так называемый уйгурский умлаут.

Поскольку для установления состава фонем определяющее значение имеет учет гласных, выступающих в сильной позиции, т. е. в тех условиях, в которых менее всего сказывается влияние позиционных и комбинаторных факторов, в дальнейшем основным объектом нашего исследования будут гласные односложного слова. Особенности, связанные с употреблением гласных в первом и непервых слогах многосложного слова, получают освещение в специальном разделе.

¹ Частные случаи комбинаторной обусловленности качества гласных наблюдаются и в односложном слове.

Некоторые соображения о составе гласных фонем в общетюркском языке-основе, или праязыке, впервые были изложены В. В. Радловым. Опираясь на вокализм телеутского диалекта, В. В. Радлов высказал предположение, что в общетюркском языке было восемь гласных: *a, o, y, ĭ, ä, ö, ŷ, i* (ср. в карачаево-балкарском, киргизском, кумыкском, турецком и других языках).² Позднее, под влиянием главным образом азербайджанских материалов, он увеличил это число до девяти: *a, o, y, ĭ, ä, ǣ, ö, ŷ, i*.³

Система гласных, которую восстанавливали для тюркского праязыка в последующее время, как правило, варьирует в пределах предположений, высказанных В. В. Радловым. Исключение составляет лишь вариант, предложенный Б. Я. Владимирцовым и Н. Н. Поппе. Согласно этому варианту, учитывающему состояние вокализма и в монгольских языках, дополнительно выделяются следующие пратюркские (resp. пратюрко-монгольские) фонемы: **ia* (> чуваш. *iy* в анлауте, якут. *ā*), **ä* или **ā* (тюрк. *a*, чуваш., якут. *ī*),⁴ **e* (более закрытый, чем **e*, > чуваш. *i*), **iā* (чуваш. *y*, с изменением начального согласного).⁵

Прежде чем говорить о том, какая система может быть установлена с наибольшим основанием, мы произведем анализ дифференциальных признаков гласных фонем в современных тюркских языках.

АНАЛИЗ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

А. Качественные признаки

Широкость/узкость (степень раствора полости рта)

Одним из наиболее важных разграничительных признаков гласных фонем в тюркских языках является степень раствора. По этому признаку в большинстве тюркских языков — в якутском, шорском, алтайском, карагасском, тувинском, киргизском, балкарском — гласные образуют двухступенчатую оппозицию: *a, ǣ, (ā), o, ö*⁶ — широкие (компактные), *ĭ, i, y, ŷ* — узкие (диффузные). Само количество гласных фонем, без учета противопоставления долгих и кратких, в указанных языках является строго определенным — восемь.

В азербайджанском, башкирском, казахском, каракалпакском, татарском, хакасском и некоторых других языках указанное противопоставление выступает в форме трех- и четырехступенчатой оппозиции, охватывающей девять, десять и большее количество гласных,⁷ ср.

азерб.	широкие	<i>a</i>	<i>ā</i>		<i>o</i>	<i>ö</i>
	полуширокие		<i>ǣ</i>			
	узкие	<i>ĭ</i>	<i>i</i>			<i>y</i>

² W. R a d l o f f. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen, I. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882, стр. 5 (в дальнейшем сокращенно: Phonetik). См. также: В. А. Б о г о р о д и ц к и й. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 35 и сл.

³ W. R a d l o f f. Alttürkische Studien, V. Изв. АН, VI серия, 1911, № 6, стр. 427.

⁴ Б. Я. В л а д и м и р ц о в и Н. Н. П о п п е. Из области вокализма монголо-турецкого праязыка. ДАН-В, 1924, стр. 34.

⁵ Н. Н. П о п п е. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам, IV. Гласные. Изв. АН, VI серия, XIX, 1925, 9—11, стр. 405—426; N. P o p p e. Türkisch-tschuwassische vergleichende Studien. Islamica, I, Leipzig, 1925, стр. 411—414.

⁶ Здесь и ниже степень раствора трактуется фонологически. С фонетической точки зрения *o, ö* могут быть отнесены к полушироким.

⁷ Мы не учитываем долгих гласных и дифтонгов, распределение которых по признаку раствора не обнаруживает ничего специфического по сравнению с краткими гласными. К полушироким относится также *ǣ*. Следует при этом заметить, что мягкорядные гласные вообще уже соответствующих твердорядных. См.: У. Ш. Б а й ч у р а. Звуковой строй татарского языка, I. Казань, 1959, стр. 42.

башк., тат., чуваш. ⁸	широкие	<i>a</i>	<i>ä</i> (э)		<i>ö</i>	<i>õ</i>
	полуузкие	<i>ĩ</i>	<i>ĩ</i>			
	узкие	<i>i</i>	<i>i</i>			
казах.	широкие	<i>a</i>	<i>ä</i>		<i>o</i>	<i>ö</i>
	полуширокие	<i>ĩ</i>	<i>ĩ</i>			
	узкие	<i>i</i>	<i>i</i>			
хак.	широкие	<i>a</i>	<i>ä</i>		<i>o</i>	<i>ö</i>
	полуузкие	<i>ĩ</i>	<i>ĩ</i>			
	узкие	<i>i</i>	<i>i</i>			

Последнее обстоятельство побудило В. В. Радлова и других тюркологов увеличить число гласных в праязыке до девяти-десяти.

Ниже мы ставим себе цель выяснить, является ли в самом деле система с многоступенчатым противопоставлением девяти или большего количества гласных по признаку раствора исконной. В связи с этим будут рассмотрены факты, относящиеся к функционированию и происхождению гласных дополнительных ступеней в разных тюркских языках.

1. В огузских языках дополнительная (промежуточная) ступень состоит из полуширокого гласного э, который противопоставлен, с одной стороны, широкому ä, а с другой — узкому i.

Вопрос о полушироком, или закрытом, э находится в центре внимания тюркологов с конца прошлого столетия и в специальной литературе занимает одно из наиболее важных мест.

Впервые этот вопрос был поставлен В. Томсеном в отношении языка памятников рунической письменности с Орхона и Енисея. Принимая во внимание устойчивость в употреблении руны Г в одних словах и чередование ее с отсутствием специального знака в других, В. Томсен сделал следующие выводы: 1) в словах, в которых встречается только Г, был чистый i (в большинстве современных тюркских языков ему соответствует i); 2) в словах, в которых Г варьирует с отсутствием специального обозначения, был закрытый э, отличный от ä (в современных тюркских языках ему соответствует большей частью э, иногда i).¹⁰ Позднее В. Томсен высказал предположение о том, что выступающая в некоторых енисейских надписях руна Q специально использовалась для обозначения закрытого э,¹¹ например в словах: *эки* 'два', *эл* 'племенной

⁸ В чувашском языке твердоярному *a* соответствует мягкорядный э, в башкирском и татарском языках — ä. В низовом диалекте чувашского языка полуузкие ö и õ подверглись делабиализации и, таким образом, оппозиция сверхкратких гласных по признаку наличия или отсутствия огубленности утратилась. В итоге выступают две полуузкие гласные фонемы — ä (твердого ряда) и э (мягкого ряда). О гласных в чувашском языке см.: В. И. Котлеев. Система гласных фонем чувашского языка. Вопросы чувашского языкознания и литературоведения. Уч. зап. [Чувашского] НИИЯЛИЭ, XXVI, Чебоксары, 1963, стр. 3—24.

⁹ Узкие гласные в казахском языке и гласный i в башкирском и татарском языках относят обычно к дифтонгоидам. О дифтонгоидах в казахском языке см.: М. Дұйсебаев. Дифтонгоид дауыстылар. Уч. зап. Казахского гос. женского пед. инст., 3, Алма-Ата, 1960, стр. 314—323. Следует, однако, заметить, что существование гласных фонем четвертого ряда («узких») в казахском языке, по мнению некоторых специалистов, является недоказанным. Указывается, что в данном случае мы имеем дело с сочетаниями фонем. См.: А. Джунисбеков. Гласные казахского языка (экспериментально-фонетическое исследование). АҚД. Алма-Ата, 1969, стр. 9 и сл.

¹⁰ V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon... MSFOu, V, 1896, стр. 14—16 (изложение см. в работе: П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль Тегина. ЗВО РАО, XII, 1899, стр. 20—21. Здесь же помещены комментарии самого П. М. Мелиоранского, стр. 21 и сл.).

¹¹ V. Thomsen. Une lettre méconnue des inscriptions de l'Iénissei. JSFOu, XXX, 1916, стр. 4—9. У В. Томсена и других западных тюркологов открытый гласный — e, закрытый — ê.

союз', *эш* 'товарищ', *э́т*- 'делать', *бэл* 'поясница', *бэш* 'пять', *јэ́тмиш* 'семьдесят', *кэш* 'пояс' (?).¹²

В дальнейшем в обсуждении вопроса о полушироком, или закрытом, *э́* принял участие В. В. Радлов, высказавшийся в пользу двухступенчатой оппозиции нелабиализованных гласных мягкого ряда. Согласно точке зрения В. В. Радлова, в древнетюркском языке, так же как и в современных тюркских языках, в корневых слогах был один гласный — *э́* (*ä*), своеобразное качество которого делало возможным его факультативное обозначение в рунических памятниках посредством **Г**, в уйгурских текстах — посредством **𐰃**, в арабографичных — посредством **ع** (обычно все эти знаки передавали *i*).¹³

Против точки зрения В. Томсена и В. В. Радлова выступил К. Фой. Объектом исследования К. Фоя являлись, наряду с письменными памятниками, живые тюркские языки, преимущественно южной (огузской) группы. Основная мысль К. Фоя сводится к тому, что в древнетюркском языке были возможны варианты формы, с *i* или с *э́*, и что знак **Г** обозначал только *i*.¹⁴ Для подтверждения своей точки зрения К. Фой использует материалы турецких диалектов и указывает на многочисленные случаи употребления в них дублетных форм, например: *ин-* и *э́н-* 'спускаться, нисходить', *бир-* и *бэ́р-* 'давать'; *и́шм-* и *э́шм-* 'слышать'; *ит-* и *э́т-* 'делать'; *ди-* и *дэ́-* 'говорить'; *гит-* и *гэ́т-* 'уходить'; *јир* и *јэ́р* 'земля'; *и́шк* и *э́шк* 'порог, дверь'; *јинä* и *јэ́нä* 'снова, опять'; *гij-* и *гэ́j-* 'надевать'. При этом наиболее древними он считает формы с узким гласным. Наличие дублетных форм, по мнению К. Фоя,¹⁵ было обусловлено существованием первичных долгот, а колебание *i-* и *э́-* основ внутри одного диалекта объясняется междиалектными контактами и смешением. К. Фой не выразил с достаточной определенностью своего отношения к вопросу о характере оппозиции нелабиализованных гласных мягкого ряда в языке (**ä*/**i* или **ä*/**э́*/**i*). Однако ход его рассуждений таков, что можно считать более предпочтительным двухступенчатое противопоставление.

Ю. Немет, который пользуется приблизительно теми же материалами и привлекает, кроме того, факты кыпчакских языков, рассматривает **э́* (*é*) как самостоятельную фонему, противопоставленную **ä* (*e*) и **i*, ср. тат. *йт* 'собака' (< **ит* ~ **им*), *ит* 'мясо' (< **äm*), *ит* 'делай' (< **эм*). Свою точку зрения он подкрепляет ссылкой на языки южной (т. е. огузской) группы, в которых различие между открытым и закрытым гласными (*ä* и *э́*) существует и в настоящее время.¹⁶

Трехступенчатая оппозиция постулируется также М. Мансуроглу для древнетюркского языка караханидского времени.¹⁷

Е. Д. Поливанов, исследовавший многочисленные случаи разграничения *ä* и *э́* в туркменском языке, пришел к выводу о том, что в основе

¹² Там же, стр. 9.

¹³ W. R a d l o f f. Zur Geschichte des türkischen Vocalsystems. Изв. АН, V серия, XIV, 1904, № 4, стр. 425—462.

¹⁴ К. F o y. Türkische Vocalstudien besonders das köktürkische und osmanische betreffend. MSoS, III, Abth. II, 1900, стр. 180—214.

¹⁵ Там же, стр. 210—212.

¹⁶ См.: J. Németh. 1) Zur Kenntnis des geschlossenen *e* im Türkischen. KCSA, Ergsbd. I, 5, 1939, стр. 515—531; 2) Zu den *E*-Lauten im Türkischen. StO, XXVIII, 14, 1964, стр. 3—19.

¹⁷ M. a n s u r o ğ l u. Das geschlossene *e* im karachanidischen Türkisch. UAJb, XXIX, 3—4, 1957, стр. 215—223. — В связи с данной точкой зрения следует обратить внимание на своеобразие графической передачи нелабиализованных гласных мягкого ряда в текстах, написанных брахми, см.: A. v o n G a b a i n. Türkische Turfan-Texte, VIII. Texte in Brähmischrift. Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Jg. 1952, № 7, Berlin, 1954. См. также: R. R. A r a t. Türkçe metinlerde *e/i* meselesine dâir. RO, XVII, 1953, стр. 306—313.

данного разграничения лежит количественный момент: *ä* (*ā*) развился из долгого **ā̄*, ср. *bāsh* 'пять', *ār* 'мужчина', тогда как *ə*, который «никогда не бывает долгим (если не считать случаев эмфатического произношения)», восходит к пратюркскому **ä*.¹⁸

Аналогичное заключение в отношении всех огузских и вообще тюркских языков сделано в последнее время К. Томсенем, устанавливающим наличие: 1) **i* и **ī*, которые никогда не смешивались с **ä* и **ā̄* (в современных тюркских языках, исключая языки Поволжья и некоторые другие, они совпали в *i*); 2) **ä* (в современных тюркских языках **ä* отразился в виде *ä* или сузился; после или перед *j* и перед *i* он факультативно дал в азербайджанском языке *ə*); 3) **ā̄* (в азербайджанском языке — *ā̄*, в других тюркских языках — альтернатива *ā̄* ~ *i* и в некоторых языках совершенно очевидное сохранение долготы, ср. туркм. и якут.). В итоге К. Томсен восстанавливает двухступенчатую оппозицию широкий/узкий с качественным различием первых членов противопоставления у кратких и долгих гласных: **ǟ/*i* и **ā̄/*ī*.¹⁹

Прежде чем выбрать наиболее приемлемую из перечисленных точек зрения или предложить свое решение проблемы закрытого *ə*, мы должны выразить полное согласие с высказыванием Л. Лигети о том, что пестрая и довольно сложная картина распределения этого гласного, наблюдаемая в современных огузских языках, первоначально была значительно более простой.²⁰

Каковы же причины многообразного развития интересующего нас гласного? Есть все основания предполагать, что таких причин было несколько.

Примечательно, например, что в уйгурском языке разграничение *ä* и *ə* связано со структурой слога: в закрытом слоге употребляется *ä*, в открытом — *ə*, ср. *kälgän* 'пришедший', *bäk* 'крепкий', *käs* 'режь', *käç* 'поздно', *jäl* 'ветер', *jär* 'земля', но: *käçä* 'вечер', *kälis* 'приход' *käsis* 'резание', *çäçäk* 'цветок'. В некоторых тюркских языках эпизодическое употребление *ə* является результатом влияния соседнего *j*, ср. азерб. *bäjrät* 'энергия' (< а. غیرت), *bäjd* 'заметка' (< а. قيد), но: *bäläbä* 'победа' (< а. غلبه), *bähs* 'спор' (< а. بحث), или следствием ассимилятивного воздействия последующего узкого гласного. Всё же структурные и комбинаторные моменты не являются основной причиной разграничения *ä* и *ə*. Анализ соответствующих материалов побуждает отнестись с особым вниманием к выводам тех тюркологов, которые связывают проблему закрытого *ə* с существованием так называемых первичных долгих гласных (Е. Д. Поливанов, К. Фой, К. Томсен).

Вернемся к памятникам рунической письменности Тувы, в которых встречается знак *ᠵ*, обозначавший, по мнению В. Томсена, закрытый *ə*.²¹ Едва ли является случайным то, что в словах *эл* 'племенной союз', *бэл* 'поясница', *бэш* 'пять', *эш* 'товарищ', для обозначения которых характерно присутствие знака *ᠵ*, могут быть восстановлены долгие гласные.

Обратимся, далее, к примерам из старотурецких текстов, использованным во второй статье Ю. Немета. Нетрудно установить, что

¹⁸ Е. Д. Поливанов. К вопросу о долгих гласных в общетурецком языке. ДАН-В, 7, 1927, стр. 152.

¹⁹ К. Томсен. The closed «e» in Turkish. Acta Orientalia, XXII, Havniae, 1957, стр. 150—153. О закрытом *ə* и альтернативе *ə* ~ *i* см. также: J. Deny. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, стр. 28—30, 1089, 1090; M. Räsänen. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. StO, XV, 1949, стр. 88—90 (в дальнейшем сокращенно: Materialien).

²⁰ L. Ligeti. Sur la langue des Afchars d'Afghanistan. АОН, VII, 2—3, 1957, стр. 117.

²¹ V. Thom sen. Une lettre méconnue des inscriptions de l'Iénissei, стр. 1—9.

в выделяемой им у Абū-Хаййāна паре *эл* 'рука'/*ил* 'страна' *э* восходит к краткому гласному, а *i* — к долговому; ср. также в словах: *биш* 'пять', *кэл* 'приходить', *бир* 'давать'.²²

Приблизительно так же обстоит дело и в современных тюркских языках, названных выше, ср.

	*ā			
	азерб.	тур.	туркм.	якут.
*āл 'страна, народ; административная единица'	эл	ил	іл	—
*āн 'ширина'	ән	ән	ін	iән
*āн- 'спускаться, нисходить'	ән-	ин-	ін-	—
*ār 'мужчина', 'самец'	эркāk	эркэк	ār	эр
*ār 'утро', 'рано'	эртā	эркән	īр	эрдā
*āt- 'делать'	āt-	āt-	āt-	—
*āш- 'крутить, вить', 'рыть', 'копать'	әш-	әш-	īш-	—
*āшik 'дверь, порог, двор'	әшik	әшik	īшik	—
*kāң 'широкий'	гән	гән	гīң	киәң
*kāп 'модель, форма, чучело'	—	kip	gāп	киәп
*kāт- 'уходить'	гāt-	git-	git-	—
*kāч 'поздно; вечер'	гәј	гәч	гīч	киәсā
*nāl 'поясница, талия'	бэл	бэл	бīл	бīл
*nār- 'давать'	вэр-	вэр-	бэр-	биэр-
*nās 'бязь'	бэз	бэз	бīδ	—
*nās- 'испытывать отвращение'	бэз-	бэз-	бәδ-	биски- 'наску- чивать'
*nāш 'пять'	бәш	бәш	бāш	биәс
*nāшik 'колыбель, люлька'	бәшik	бәшik	бīшik	бисik
*cās- 'чувствовать'	сәз-	сәз-	—	—
*dā- 'есть'	јә-	јә-	ij-	ciә-
*dāl 'ветер'	јәл	јәл	јәл	сәл (?)
*dāң 'рукав'	јәң	јән	јәң	ciәx
*dār- 'испытывать отвращение'	—	јэр-	īр-	—
*dāt- 'вести, тянуть'	јәдāk 'бук- сир'	јәт-	īt-	ciәт-
*mā- 'говорить'	дә-	di- ~ dә-	дī-	диә-
*mās 'быстрый, быстро'	тэз	тэз	тīδ	—
*ä				
*äk- 'сеять, сажать'	äk-	эк-	эк-	—
*äksil- 'уменьшаться'	äksil-	экsil-	эгдил-	—
*äl 'рука'	äl	эл	эл	әлī (?)
*älä- 'просеивать'	älä-	элә-	элә-	—

²² J. N é m e t h. Zu den E-Lauten im Türkischen, стр. 9.

* <i>ällig</i> 'пятьдесят'	<i>älli</i>	<i>älli</i>	<i>älli</i>	—
* <i>äm-</i> 'сосать'	<i>äm-</i>	<i>эм-</i>	<i>эм-</i>	<i>эм-</i>
* <i>äri-</i> 'таять, плавиться'	<i>äri-</i>	<i>эри-</i>	<i>эрэ-</i>	<i>ир-</i>
* <i>ärik</i> 'абрикос'	<i>ärik</i>	<i>эрик</i>	<i>эрик</i>	—
* <i>ärin-</i> 'лениться'	<i>ärin-</i>	<i>эрин-</i>	<i>ирин-</i>	—
* <i>äs-</i> 'дуть'	<i>äs-</i>	<i>эс-</i>	<i>өв-</i>	—
* <i>äsnä-</i> 'зевать'	<i>äsnä-</i>	<i>эснэ-</i>	<i>эвнэ-</i>	—
* <i>äski</i> 'старый'	<i>äski</i>	<i>эски</i>	<i>эвги</i>	—
* <i>ät</i> 'мясо', 'плоть'	<i>ät</i>	<i>эт</i>	<i>эт</i>	<i>эт</i>
* <i>ätäk</i> 'пола, подол'	<i>ätäk</i>	<i>этэк</i>	<i>этэк</i>	—
* <i>käl-</i> 'приходить'	<i>käl-</i>	<i>гэл-</i>	<i>гэл-</i>	<i>кэл-</i>
* <i>käs-</i> 'резать'	<i>käs-</i>	<i>кэс-</i>	<i>кэв-</i>	—
* <i>närk</i> 'прочный, крепкий'	<i>bärk</i>	<i>бэрк</i>	<i>бэрк</i>	<i>бэрт</i>
* <i>säkis</i> 'восемь'	<i>säkkiz</i>	<i>сэкиз</i>	<i>эвкид</i>	<i>авис</i>
* <i>sär-</i> 'расстилать'	<i>sär-</i>	<i>сэр-</i>	<i>эвэр-</i>	—
* <i>tävä</i> 'верблюды'	<i>dävä</i>	<i>дэвэ</i>	<i>дүжэ</i>	<i>таба</i>
* <i>täy'</i> 'касаться'	<i>däj-</i>	<i>дэж-</i>	<i>дэг-</i>	—
* <i>tämür</i> 'железо'	<i>dämür</i>	<i>дэмүр</i>	<i>дэмүр</i>	<i>түмүр</i>
* <i>tänç</i> 'равный'	<i>tän</i>	<i>дэнч</i>	<i>дэнч</i>	<i>тэнч</i>
* <i>tänis</i> 'море'	<i>däniz</i>	<i>дэниз</i>	<i>дэнид</i>	—
* <i>tän-</i> 'пинать'	<i>tän-</i>	<i>тэн-</i>	<i>дэн-</i>	<i>тэн-</i>
* <i>tär</i> 'пот'	<i>tär</i>	<i>тэр</i>	<i>дэр</i>	<i>түрүт-</i> 'потеть'
* <i>täri</i> 'шкура, кожа'	<i>däri</i>	<i>дэри</i>	<i>дэри</i>	<i>тэри</i>
* <i>täriç</i> 'глубокий'	<i>däriñ</i>	<i>дэрин</i>	<i>дэрин</i>	<i>дүринч</i>
* <i>çäk-</i> 'тянуть'	<i>çäk-</i>	<i>чэк-</i>	<i>чэк-</i>	—

Анализ приведенных примеров показывает, что в азербайджанском языке *э* восходит к долгому, а *ä* — к краткому гласному, в турецком языке рефлексы долгого и краткого гласных совпали, однако в словах с этимологическим долгим гласным возможна альтернатива *э* ~ *и*, внутридиалектная или междиалектная, на месте же этимологического краткого встречается только *э*. В туркменском языке *э* восходит к краткому, а *ä* и *ī* — к долгому гласному. Случаи нарушения данной закономерности немногочисленны, ср. азерб. *gäj-* 'надевать' (< **käd-*), *jär* 'земля' (< **vär*), *jäd-di* 'семь' (< **däti*), *jät-* 'достигать' (< **dät-*), *äj-* 'гнуть' (< **äv-*), *gämi* 'судно, корабль' (< **kämi*), *där-* 'собирать' (< **tär-*), *käv-* 'переходить, идти вброд' (< **käv-*), *kävä* 'войлок' (< **kävä*), *säv-* 'любить' (< **säv-*), *säv-* 'выбирать' (< **säv-*). В словах *gäj-*, *jär*, *jäd-di*, *jät-* сужение этимологического гласного могло происходить под влиянием соседнего *j*. Несовпадения, обнаруживаемые в других словах, объясняются, очевидно, особыми обстоятельствами развития азербайджанского языка. В нем совместились разные диалектные типы: такие, в которых происходило то или иное качественное преобразование долгих, и такие, в которых долгие и краткие гласные совпали как в количественном, так и в качественном отношении.

Теперь необходимо выяснить, что предпочтительнее в реконструируемой системе тюркского вокализма: установление строгого бинарного соответствия долгих и кратких гласных в качественном отношении или

отрицание возможности установления такого соответствия, т. е., иначе говоря, какой вариант является более вероятным:

$$1) \frac{*ä/*i}{*\bar{a}/*\bar{i}} \text{ или } 2) \frac{*ä/*i}{*\bar{y}/*\bar{i}} ?$$

Второй из них, как указывалось выше, был предложен Е. Д. Поливановым и К. Томсеном. Последний полагал, что азербайджанский $\bar{ä}$, выступающий на месте этимологического долгого (при наличии на месте соответствующего краткого — \bar{a}), не мог развиваться из широкого гласного ($*\bar{a}$). Ссылка К. Томсена на азербайджанский язык вряд ли свидетельствует в пользу предложенного им варианта, так как не меньше оснований утверждать, что туркменский \bar{a} не мог развиваться из полуширокого или закрытого $*\bar{y}$. Мы отдаем предпочтение варианту с широким гласным мягкого ряда.²³

Причину сужения рефлекса долгого $*\bar{ä}$ в современных языках необходимо искать в своеобразии его фонетической репрезентации. В связи с этим напомним о примечательном факте развития на месте $*\bar{ä}$ в якутском языке восходящего дифтонга $i\bar{ä}$. Явление дифтонгизации долгих, очевидно, имело широкое распространение в тюркском праязыке и сыграло важную роль в развитии тюркского вокализма. При наличии дифтонгизации стимулятором качественных преобразований выступал начальный компонент дифтонга — i . Присутствие последнего создавало те же возможности для изменения качества $\bar{ä}$, что и употребление в позиции перед ним j .

Сужение $\bar{ä}$, восходящего к $*\bar{ä}$, происходило не во всех диалектах огузских языков, более того, в некоторых диалектах $\bar{ä}$ развился не только из долгого, но и из краткого гласного.²⁴ В настоящее время, вследствие междиалектного смешения, первоначальное распределение $\bar{ä}$ - и \bar{y} -основ оказалось несколько нарушенным.

Таким образом, противопоставление $\bar{ä}/\bar{y}$ в огузских языках является преобразованным фонологическим противопоставлением пратюркских $*\bar{ä}$ и $*\bar{y}$, и, следовательно, обнаруживаемая в них трехступенчатая оппозиция нелабиализованных гласных мягкого ряда по признаку раствора ($\bar{ä}/\bar{y}/i$) не может рассматриваться как исходная.

II. В башкирском, татарском и чувашском языках дополнительную (промежуточную) ступень образуют полуузкие гласные, сверхкраткие (в низовом диалекте чувашского языка — редуцированные): \bar{i} , \bar{i} , \bar{o} , \bar{o} , ср. тат. *kış* 'зима', *tıl* 'язык', *bız* 'мы', *ıt* 'собака', *töz* 'соль', *köş* 'птица', *böz* 'лед', *söt* 'молоко'; чуваш. (верх. диал.) *c'ır* 'земля', *kır* 'входить', *c'ör* 'сто', *kör* 'осень'. Возникновение дополнительного ряда в названных языках явилось результатом региональных преобразований общетюркской системы вокализма. Сверхкраткое произношение узких гласных²⁵ способствовало некоторому расширению их и сближению с широкими гласными ($i > \bar{i}$, $\bar{i} > \bar{i}$, $y > \bar{o}$, $\bar{y} > \bar{o}$), сближение же узких гласных с широкими вызвало изменение ступени раствора последних

²³ Все же следует отметить существующую почти для всех гласных зависимость между количеством и тембром: долгие гласные обычно оказываются более закрытыми, чем те же самые краткие. См. G. S t r a k a. *Durée et timbre vocaliques*. ZPhon, XII, 1—4, 1959, стр. 282.

²⁴ См.: М. Ш. Ш и р а л и е в. Проблема диалектного членения языка. ВДТЯ, II, Баку, 1960, стр. 100.

²⁵ Узкие гласные в тюркских языках значительно короче широких и подвержены редукции. См.: Е. Д. П о л ч в а н о в. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, стр. 106 (статья «Мутационные изменения в звуковой истории языка»).

(*ä* перешел в *i*; *o*, *ö* — в *y*, *ÿ*).²⁶ Только широкий твердоярдный гласный (*a*) сохранился без изменений. Что касается самого количества гласных, которое превышает традиционное число (8), принятое в праязыковой схеме, то его необходимо поставить в связь с довольно поздними процессами. Так, гласный *ä* в башкирском и татарском языках развился из *a* в положении после *ж*, *ч*, *j* и перед *j*, ср. башк. *jäu* 'молодой' (< *jaui*), *jäjä* 'лук' (оружие) (< *jaja*), *jäbüš-* 'липнуть' (< *jabüš-*); тат. *жәј* 'лето' (< *жај*), *әјт* 'скажи' (< *ajt*); гласный *i* восходит к дифтонгу *ii*, развившемуся из сочетания «гласный+согласный».

В казахском, каракалпакском и ногайском языках — две дополнительные (промежуточные) ступени: полуширокие (*ë*) и полуузкие, сверхкраткие гласные (*ï*, *ĩ*, *ÿ*, *ÿ̇*),²⁷ ср. казах. *ис* 'копоть', *тїл* 'язык', *тўр* 'встань', *ўн* 'мука', *ўт* 'выигрывай', *тўр* 'вид', *кўн* 'солнце'. В них, так же как и в татарском языке, узкие гласные стали полуузкими, однако *ä* в собственно тюркских словах сузился только до *ä̇* (*ṧ*). Наряду с *ä̇* в казахском языке встречается *ä*, в заимствованных словах, ср. *äl* 'сила, мощь', *sät* 'удача', *sän* 'роскошь', и в словах типа *жәј* (*жәј*) 'место', *шәј* (*шәј*) 'чай', в которых *ä* развился из *a*. Все узкие гласные, обычно рассматриваемые как дифтонгоиды, образовались из сочетаний гласных с согласными, ср. казах. *ит* 'собака' (< *ijm*), *бит* 'вошь' (< *bijm*, ср. *bit-* 'кончатся'), *итәр-* 'толкать' (< *ijmār-*), *әриді* 'тает' (< *äriđi* < *äriđi*), *жінал-* 'собираться' (< *жінал-* < *жінал-* < *жіїнал-*), *ту* 'знамя' (< *туу* < *тув*).

Образование дополнительных (промежуточных) ступеней гласных по признаку раствора и фонологизация смешанного признака (дополнительная ступень + сверхкраткость)²⁸ в кыпчакских языках (ср. *ï/ĩ*, *i/ĩ*, *y/ÿ* (*ö*), *ÿ/ÿ̇* (*ö̇*)) не были непосредственно связаны с утратой фонологической оппозиции первичных долгих и кратких гласных. Тем не менее, между этими двумя явлениями существует определенная связь. Во многих тюркских языках дефонологизация общетюркской оппозиции по признаку долготы / краткости гласных сопровождалась фонологизацией противопоставления вторичных долгих и кратких гласных, а также глухих и звонких (сильных и слабых) согласных. В упомянутых выше кыпчакских языках противопоставление вторичных долгих и кратких гласных отсутствует. Поэтому можно предположить, что фонологизация в них смешанного признака (дополнительная ступень раствора + сверхкраткость) явилась как бы возмещением утраты общетюркской оппозиции долгих и кратких гласных.

III. В хакасском языке образование дополнительного (промежуточного) ряда происходило так же, как и в кыпчакских языках. На месте широкого **ä* (и совпавшего с ним **ä̇*) развился узкий *i*:²⁹ *ит* 'мясо', *ин* 'ширина', *ит-* 'делать', *кис-* 'резать', *пир-* 'давать', *пїл* 'поясница', а этимологический *i* (*ĩ*) стал более открытым: *їн* 'нора', 'берлога', *ис-* 'пить', *кїр-* 'входить', *пїл-* 'знать, узнавать', *тїс* 'зуб'. Иначе обстоит

²⁶ См.: Д. Г. К и е к б а е в. О передвижении гласных в башкирском языке. Уч. зап. Башкирского гос. пед. инст., VIII, серия филологическая, № 2, Уфа, 1956, стр. 222, 224 и сл. — Фонологическая интерпретация указанных процессов дается в статье: Г. П. М е л ь н и к о в. Классификация гласных, способы их описания и причины перебора татарско-башкирских гласных. Тезисы научной конференции аспирантов ИЯ АН СССР, М., 1963, стр. 28.

²⁷ В казахском, каракалпакском и ногайском языках степень расширения узких гласных меньше, чем в кыпчакских языках Поволжья.

²⁸ Введение понятия смешанного признака на фонетическом уровне мы считаем вполне целесообразным и необходимым. Ср.: С. L. E b e l i n g. Linguistic units. 's-Gravenhage, 1960, стр. 29.

²⁹ См.: М. R ä s ä n e n. Die chakassischen *i*-Laute. АОН, XV, 1—3, 1962, стр. 245—247.

дело с появлением девятого гласного (ə), входящего в трехступенчатую оппозицию гласных по признаку раствора (ə/ǐ/i). В отличие от всех других упомянутых выше тюркских языков в хакасском появление девятого гласного и образование трехступенчатой оппозиции было, очевидно, обусловлено действием внеязыковых факторов. Следует напомнить, что гласный ə в литературном хакасском языке встречается очень редко, но он широко употребителен в кызыльском диалекте, ср. *кəл-* 'приходить', *əт* 'мясо', *əл* 'лекарство'.³⁰ Таким образом, слова с ə первоначально могли быть принадлежностью определенной диалектной группировки.³¹ Их проникновение в литературный язык можно объяснить интенсивным междиалектным смешением. Гласный ə выступает также в заимствованиях из русского языка.

Итак, в хакасском языке, как и в других тюркских языках, появление дополнительного ряда гласных относится к довольно позднему времени.

На основании всего изложенного выше можно сделать вывод, что исходной для тюркских языков является система из восьми кратких и восьми долгих фонем с двухступенчатой оппозицией гласных по признаку раствора (широкие / узкие).

Твердорядность / мягкорядность (место образования)

Второй важный различительный признак — твердорядность / мягкорядность (низкая тональность / высокая тональность). Каждой гласной фонеме твердого ряда соответствует гласная фонема мягкого ряда, ср., с одной стороны: *a, o, y, ǐ*, с другой: *ǎ, ǒ, ý, ǐ*.³² В узбекском языке параллельное деление гласных на твердорядные и мягкорядные отсутствует и вся система гласных предстает в следующем виде: *a, ɔ, ý, y, ə, i*. Позднее возникновение этой системы не было и не может быть предметом дискуссии, так как характер ее таков, что наиболее существенное для тюркских языков и несомненно общетюркское явление — гармония гласных — оказывается разрушенным.

Разделение гласных на твердорядные и мягкорядные, несмотря на трудности интерпретации графической передачи, можно обнаружить и в древних тюркских языках. Именно в такой форме оно должно было существовать и в праязыке. Однако как в древних тюркских языках, так, по-видимому, и в праязыке это разделение не было единообразным и одинаково устойчивым для всех гласных. Оппозиции *a / ǎ, o / ǒ, y / ý* имели большую фонологическую определенность, чем оппозиция *ǐ / ǐ*, в использовании которой в той или иной мере проявлялась тенденция к нейтрализации, главным образом в непервых слогах: в аффиксе принадлежности 3-го лица и в аффиксе винительного падежа формы принадлежности.

Узкий нелабиализованный гласный, наблюдаемый в указанных формах, В. Томсен называет палатальным, не подвергающимся качественным вариациям. Приблизительно так же характеризует его и В. В. Радлов. «Так как здесь **Н**, — пишет он, — выступает во всех основах с аффиксом принадлежности третьего лица независимо от того, содержит ли основа твердые или мягкие гласные, то мы вынуждены предположить,

³⁰ См.: Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова - Грекул. Фонетические особенности хакасского языка и его диалектов. Тр. ИЯ, IV, М., 1954, стр. 334, 345.

³¹ См.: K. H. Menges. Zu den хаqasischen *i*-Lauten. UAJb, XXXV, «D», 1964, стр. 422.

³² В некоторых тюркских языках, например в казахском, каракалпакском, ногайском и кумыкском, гласные *ǒ* и *ý* имеют несколько оттянутую назад артикуляцию, что акустически сближает их с твердорядными *o* и *y*.

что гласный *i* аффикса принадлежности не подчинялся вокализму основы и что древние тюрки произносили *kaḡanı, kızı, saçı, subı*, тогда как формы винительного падежа этих слов звучали следующим образом: *kaḡanın, kızın, saçın, subın*.³³ Количество древнетюркских морфем, в которых узкий нелабиализованный гласный не подвергался качественным вариациям по признаку ряда в зависимости от характера вокализма основы, может быть увеличено, если принять во внимание употребление «мягкорядной» руны | в твердорядных словах, ср., например, в тексте памятника в честь Тоньюкука: *kalmiş* 'оставшийся', *jaḡmiş* 'приставший', *idmiş* 'пославший', *barmış* 'отправившийся'.³⁴ В диалектах современного азербайджанского языка эта тенденция проявляется в небольших размерах и в первом слоге, где переход *ı* в *i* произошел под влиянием *j* или в условиях особого консонантного окружения, ср. *ılxı* 'табун' (< *jılki*), *ıldırım* 'молния' (< *jıldırım*), *sıçan* 'мышь' (< *sıçan*).

При наличии фонологического противопоставления твердорядных и мягкорядных гласных в тюркских языках существует большое количество слов, выступающих в двух вариантах — твердом и мягком, но передающих одно и то же значение (И. Балашпа называет такие слова «сингармоническими параллелизмами», Д. Г. Киекбаев — «вариантными словами»).³⁵ Подобные слова встречаются как внутри одного языка и его диалектов (ср. азерб. *ınak* и *ınäk* 'корова', *okuз* и *öküz* 'бык', *ju-* и *jü-* 'мыть', *jün* и *jün* 'шерсть');³⁶ башк. *асı* и *äсі* 'горький', 'кислый', *ад* и *äd* 'мало', *акрın* и *äкрın* 'тихий', *һалмак* и *һällмäk* 'увесистый', *јан* и *јән* 'душа';³⁷ казах. *шај* и *шәј* (диал. *чај* и *чәј*) 'чай', *тіјін* и *тіјін* (*тін*) 'белка', *кајт-* и *кәйт-* 'возвращаться';³⁸ туркм. *ajт-* и *äjт-* 'говорить', *ід* и *äd* 'след', *дід* и *äd* 'колени'; уйг. *ука* и *үкә* 'младший брат', *һајда-* и *һәјдә-* 'гнать', 'пахать',³⁹ так и при сопоставлении материалов разных языков (ср. башк. *бајрам*, тат. *бәјрәм* 'праздник'; башк. *ајран*, тат. *әјрән* 'айран'; кирг. *јаш*, башк. *јаш* 'молодой'; казах. *бајланıs*, башк. *бәјләніш* 'связь'; казах. *жасыл*, тур. *jәшил* 'зеленый'; тат. *јабıш-*

³³ W. R a d l o f f. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. SPb., 1895, стр. 185; см. также: Phonetik, стр. 6—8, 22; M. R ä s ä n e n. Beiträge zur Frage der türkischen Vokalharmonie. JSFOu, XLV, 3, 1932, стр. 3; J. N é m e t h. Zur Einteilung der türkischen Mundarten Bulgariens. Sofia, 1956, стр. 25, 26, 59; R. G i r a u d. L'inscription de Baın Tsokto. Édition critique. Paris, 1961, стр. 45.

³⁴ См.: С. Е. М а л о в. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследование. М.—Л., 1951, стр. 56 и сл.; R. G i r a u d. L'inscription de Baın Tsokto, стр. 48.

³⁵ См.: Д. Г. К и е к б а е в. Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке. Уч. зап. Башкирского гос. пед. инст., V, серия филологическая, 1, Уфа, 1955, стр. 143; L. B a z i n. Ya-t-il en turc des alternances vocaliques? UALb, XXIII, 1—2, 1961, стр. 12—16.

³⁶ См.: А. Г. В е л и е в. 1) Вопросы методики проведения наблюдений над говорами тюркских языков. ВДТЯ, Казань, 1960, стр. 92; 2) Некоторые фонетические особенности переходных говоров азербайджанского языка. ВДТЯ, II, Баку, 1960, стр. 113, 114; М. Ш. Ш и р а л и е в. 1) Проблема диалектного членения языка. Там же, стр. 100; 2) Диалектологический атлас азербайджанского языка. ВДТЯ, Казань, 1960, стр. 54; Р. А. Р у с т а м о в. О монографическом изучении диалектов азербайджанского языка. ВДТЯ, II, Баку, 1960, стр. 81.

³⁷ Д. Г. К и е к б а е в. Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке, стр. 143.

³⁸ См.: Ж. Д о с қ а р а е в. Байғажин ауданында тұратын қазақтардың тіліндегі фонетикалық ерекшеліктер. Сб. «Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері», 2 шығуы. Алматы, 1960, стр. 9; Ж. Б о л а т о в. Семей облысының Абай, Шұбартау аудандарында тұратын қазақтар тіліндегі жергілікті ерекшеліктер туралы. Там же, стр. 131, 132; Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, стр. 28.

³⁹ Т. Т а л и п о в. Уйғур шевилининң әдәби тәләшпузға нисбәтән фонетикалиң умуи характеристикиси. Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 3 (13), Алма-Ата, 1960, стр. 66, 67.

тїр-, башк. *jäbı̄ıtı̄r-* 'клеить';⁴⁰ тат. *kı̄zıl*, чуваш. *xёрлĕ* 'красный'; тат. *jȫmşak*, чуваш. *s'эмз'э* 'мягкий'; тат. *tı̄ñla-*, азерб. *dınlā-* 'слушать'; туркм. *dırnak*, чуваш. *чёрнĕ* 'ноготь';⁴¹ туркм. *jañi*, азерб., тур. *jāni* 'новый, свежий'; уйг. *булут*, чуваш. *пĕлĕт* 'облако'; якут. *аҕис*, туркм. *säjis* 'восемь'; якут. *обус*, туркм. *ökijs* 'бык'; якут. *йнах*, чуваш. *ёнĕ* 'корова').

Существует мнение, что неустойчивость качества гласных в отношении твердости / мягкости, проявляющаяся в наличии сингармонических вариантов, представляет собой реликт полисинтетизма, предшествовавшего в алтайских языках агглютинации. Согласно этому мнению, на одном из древних этапов развития тюркских языков слова объединялись в комплексы, в пределах которых действовала гармония гласных. После распада комплексов сингармонические варианты основ сохранялись как факультативные формы или использовались для семантической дифференциации.⁴²

В самом деле, можно допустить, что в какой-то отдаленный период в тюркских языках существовали синтетические комплексы, на базе которых развились впоследствии агглютинативные морфологические элементы. Однако нет никаких данных, которые бы позволяли говорить о гармонии гласных как средстве объединения этих комплексов. Материалы современных тюркских языков и факты, получаемые в результате этимологических исследований, свидетельствуют о том, что установление единого типа гармонии гласных в сложных словах или образующихся грамматических формах обычно происходит на самом последнем этапе их развития, когда уже не может быть и речи о вычленении полнозначных компонентов. В тех редких случаях, когда композитные образования существуют параллельно со свободными сочетаниями слов, в последних восстанавливается этимологический ряд гласных, ср. уйг. *biğijn* 'сегодня' и *бу күн* 'этот день'.

Неустойчивость качества гласных в отношении твердости/мягкости находится в прямой зависимости от возможности перехода слова по характеру вокализма из одного ряда в другой.

Наиболее распространенным является переход твердорядных слов в мягкорядные,⁴³ который В. Банг в свое время назвал одним из самых запутанных явлений во всей языковой истории тюрков.⁴⁴

Указанный переход долго был в центре внимания тюркологов, и в настоящее время существует несколько дополняющих друг друга объяснений его причин. В. В. Радлов сравнивает замену твердорядных гласных мягкорядными с немецким умлаутом и рассматривает ее как результат

⁴⁰ Д. Г. К и е к б а е в. Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке, стр. 144. См. также: Н. К. Д м и т р и е в. Чередование гласных заднего и переднего ряда в одном и том же корне отдельных тюркских языков. ИСГТЯ, стр. 115; М. А. Черкасский. К вопросу о генезисе сингармонических вариантов и параллелизмов в тюркских языках. ВЯ, 1960, № 4, стр. 53—61.

⁴¹ См.: В. Г. Е г о р о в. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, I. Чебоксары, 1954, стр. 168, 169.

⁴² См.: М. А. Черкасский. Очерки по исторической фонологии тюркских гласных. АҚД. М., 1963, стр. 11.

⁴³ Ср. у Д. Г. Кнекбаева: «Первичной формой сингармонических параллелизмов (или вариантных слов) являются формы с гласными заднего ряда. Вариант с гласными переднего ряда является вторичным образованием. . .» (Д. Г. К и е к б а е в. Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке, стр. 149).

⁴⁴ W. B a n g. Zum Vokalismus. In: W. B a n g und J. M a r q u a r t. Osttürkische Dialektstudien. Abhandlungen der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, phil.-hist. Klasse, NF, XIII, 1, Berlin, 1914, стр. 6. Большое количество примеров такого перехода можно встретить в «Codex Comanicus»: *kızdān* 'от девочки' (< *kızdan*), *jāni* 'еще' (< *jana*), *čibugi* 'его прут' (< *čibuyi*), *ātinā* 'к его лошади' (< *atına*) (см.: W. B a n g. Der komanische Mariensalter. Там же, стр. 241—276).

воздействия вокализма непервых слогов на вокализм начальной части слова.⁴⁵ Аналогичное объяснение данному явлению в современных уйгурских наречиях Восточного Туркестана дает Г. Ярринг, указывающий, что все случаи палатализации или сужения в них широких гласных обусловлены наличием в смежных, или, точнее последующих, слогах гласного *i* (*i*).⁴⁶ В односложных словах, как полагает Б. Мункачи, также имеющий в виду уйгурские наречия, палатализация *a* вызвана влиянием анлаутного *j*, см. *jäl* 'грива' (< *jal*), *jäu* 'возраст' (< *jaui*), *jät* 'чужой' (< *jat*);⁴⁷ ср. башк. (в односложных и многосложных словах) *jäu* 'молодой' (< *jaui*), *jäwül* 'зеленый' (< *jawül*), *jäbüş-* 'лигнуть' (< *jabüş-*), *jäjä* 'лук' (оружие) (< *jaja*); тат. (внутри односложных и многосложных слов) *äjt-* 'говорить' (< *ajt-*), *äjdä-* 'гнать, понукать' (< *ajda-*), *äjrän* 'айран' (< *ajran*), *bäjräm* 'праздник' (< *bajräm*), *bäjlänüsh* 'связь' (< *bajlänüsh*); кирг. (диал.) *äjt-* 'говорить' (< *ajt-*), *äjlän-* 'вращаться', 'возвращаться' (< *ajlan-*), *bäjlä-* 'завязывать' (< *bajala-*). Другие тюркологи указывают на палатализирующую способность согласных *ç*, *ш*, *ж* самих по себе или в сочетании с последующим *j*,⁴⁸ ср. азерб. *çäjnä-*, башк. *säjnä-*, туркм. *çäjnä-* 'жевать' (< *çajna-*); азерб. *çibin* 'муха' (< *çibin*), *çim-* 'купаться' (< *çim-* < *çom-*); башк. *säs*, тат. *çäç*, чуваш. *s'jcs'* 'волосы' (< *sac ~ çac*); башк. *säj*, казах. *šäj*, тат. *çäj* 'чай' (< *çaj*); казах. *žäj* 'место' (< *žaj*), *žäjlaw* 'летовка' (< *žajlaw*); тат. *äç* 'кислый' (< *aç*), *žäj* 'лето' (< *žaj*), *žäjä* 'лук' (< *žaja*).

Совершенно очевидно, что приведенные объяснения являются вполне обоснованными. Решающим фактором «смягчения» гласных почти во всех случаях оказывается фонетическое окружение. Отсутствие комбинаторной обусловленности имело место лишь при переходе из твердого ряда в мягкий узкого нелабиализованного гласного, ср. др.-тюрк. *tüt-* 'теребить, дергать, чесать (шерсть)' > *tüt-*, *tüz* 'колено' > *tüz*, *üz* 'след' > *üz*, *büt* 'вошь' > *büt*, *üt* 'собака' > *üt*, *nüsh-* 'созревать' > *nüsh-*, *tül* 'язык' > *tül*, *iüsh* 'дело' > *iüsh*, *büç-* 'резать' > *büç-*, *tüshü* 'женщина' > *tüshü*, *idüsh* 'посуда' > *idüsh* и т. д. Этот переход не был общетюркским, и в некоторых языках вплоть до настоящего времени указанные слова сохраняют твердоязичные гласные, например: алт. *büç-* ~ *büçü-*, *büsh-*; казах. *idis*; кирг. *büç-*, *büsh-*; ног. *üz*, туркм. *üz*; тув. *üt-*, *üt*, *ül*; туркм. *üz*; якут. *üt*, *tül*, *tüsi*, *büt*. Учитывая, что изменение узкого нелабиализованного гласного происходило, как правило, в одном направлении, т. е. в виде превращения слов с твердым вокализмом в слова с гласными мягкого

⁴⁵ Phonetik, стр. 64.

⁴⁶ G. J a r r i n g. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Lund—Leipzig, 1933, стр. 90—94.

⁴⁷ B. M u n k á c s i. [Рец. на]: W. B a n g. Osttürkische Dialektstudien und der komanische Marienpsalter. KSz, XV, 1914/15, стр. 323, 324. Такое же мнение было высказано Л. Адамом по вопросу о палатализации *a* и *y* в койбальском языке, см.: L. A d a m. De l'harmonie des voyelles dans les langues ouralo-altaïques. Paris, 1874, стр. 50—51.

⁴⁸ См.: В. А. Б о г о р о д и ц к и й. О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте. ВНОТ, 8, 1928, стр. 113; Современный казахский язык, стр. 28; А. А. П а л ь м б а х. Особенности тувинского вокализма и отражение их в письменности. Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, II, Кызыл, 1954, стр. 123; Э. А б д у л л а е в. Чаткальский говор киргизского языка. АЖД. Фрунзе, 1957, стр. 7; Т. Т а л и п о в. Уйгур тилидики қелин *a* созуқ тавушиниң палаталлишишиға даир. Тр. ИЯЛ АН Казахской ССР, 2, Алма-Ата, 1961, стр. 45; Ф. А. А б д у л л а е в. Фонетика хорезмских говоров узбекского языка. АДД. Ташкент, 1961, стр. 22; V. D r i m b a a. 1) Remarques sur les parlers gagaouzes de la Bulgarie du Nord-Est. RO, XXVI, 2, 1963, стр. 71; 2) Sources roumaines de la dialectologie historique turque. RL, VIII, 1, 1963, стр. 141; 3) Исследования по фонетике гагаузского языка. RL, VI, 2, 1961, стр. 256—258; Ш. Х. А к б а е в. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (Опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1963, стр. 38, 39; М. И с л а м о в. Азербайжан дилинин Нуха диалекти. Баку, 1968, стр. 20, 21.

ряда, можно предположить, что причиной его была общая эволюция звуков в сторону опереднения.

Обратный процесс, т. е. переход мягкорядных гласных в твердорядные, встречается значительно реже.⁴⁹

Сплошное «отверждение» мягкорядных гласных (исключая *ö, ü* в анлауте) происходило в западном караимском диалекте, в котором оно было связано с переходом мягкого качества от гласных к согласным, ср. *t'ug'al'* 'полный' (< *tüggäl*), *k'oz'umd'a* 'в моих глазах' (< *közümdä*), *m'an'dan'* 'от меня' (< *mändän*).⁵⁰ Этот переход обычно рассматривается как нетипичное, изолированное явление,⁵¹ и его объясняют влиянием славянских языков.⁵²

Частные случаи «отверждения» мягкорядных гласных зарегистрированы во многих тюркских языках, ср. тур. *baña* 'мне' (< *bänğä*); узб. (диал.) *mañan* 'мне' (< *mänğä*), *sañan* 'тебе' (< *sänğä*); уйг. (диал.) *kuch* 'сила' (< *küç*),⁵³ якут. *muos* 'рог' (< *möñüs*), *uñuox* 'кость' (< *söñük*), *taba* 'олень' (< *täbä*, ср. азерб. *dävä* 'верблюды'), *inax* 'корова' (< *iñäk*).

Отсутствие огубленности/огубленность

Третий различительный признак, типичный для всех тюркских языков, — отсутствие или наличие огубленности (простая тональность / бемольная тональность), ср. *a, ä, ĩ, i* — неогубленные гласные, *o, ö, u, ü* — огубленные гласные. Таким образом, каждому неогубленному гласному соответствует огубленный.

Нарушение бинарного соответствия по признаку неогубленности / огубленности наблюдается довольно редко — в виде лабиализации неогубленных или делабиализации огубленных гласных.

Огубленным может быть *a*, например в башкирском, татарском и узбекском языках. В последнем из них огубленность *a* приобрела фонологическую значимость (ср. *a* и *ə*).⁵⁴ В чувашском языке огубленность *a* сыграла решающую роль в его изменении в *o* (верховой диалект) и *u* (низовой диалект).⁵⁵

Выяснение природы огубленности *a* имеет принципиальное значение для реконструкции фонологической системы тюркского праязыка. В настоящее время, насколько нам известно, никто из тюркологов не пытается восстанавливать в праязыке трехступенчатую оппозицию лабиализованных гласных (*o/o/y*), и следует заметить, что для такой реконструкции

⁴⁹ Ср. в турецких говорах Болгарии: J. N é m e t h. Zur Einteilung der türkischen Mundarten Bulgariens, стр. 28 и сл.

⁵⁰ См.: Т. К о w a l s k i. Karaimische Texte im Dialekt von Troki. Prace Komisji Orientalistycznej Polskiej Akademji Umiejętności, № 11, Kraków, 1929, стр. XXVIII, XXIX. — К. М. Мусаев считает, что наличие перехода мягкого качества от гласных к согласным в западном диалекте караимского языка ничем не доказано. Однако высказанные им замечания противоречивы и в конечном итоге свидетельствуют скорее в пользу точки зрения Т. Ковальского, чем против нее. См.: К. М. М у с а е в. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 52.

⁵¹ Т. К о w a l s k i. Karaimische Texte im Dialekt von Troki, стр. XXX.

⁵² См.: М. R ä s ä n e n. Materialien, стр. 59.

⁵³ Т. Т а л и п о в. Уйгур шевиририниң әдәби теләшүзгә нисбәтән фонетикалық умуми характеристикаси, стр. 66.

⁵⁴ Относительно самого факта лабиализации *ə* в узбекском языке существуют разные мнения. См.: Е. Д. П о л и в а н о в. Звуковой состав ташкентского диалекта. «Наука и просвещение», I, Ташкент, 1922, август—сентябрь, стр. 17; В. В. Р е ш е т о в. Узбекский язык, I. Введение. Фонетика. Ташкент, 1959, стр. 143; С. О т а м и р з а е в а. Узбек адабий тилида *o* [ɔ] унлиси лабланганми? Узбек тили ва адабиёти масалалари, Тошкент, 1962, № 2, стр. 52—56.

⁵⁵ См.: В. S e r e b r e n i k o v. Zur Geschichte der *a*-Laute im Tscheremissischen und Tschuwassischen. UAIb, XXIX, 3—4, 1957, стр. 224—230.

нет никаких оснований. Огубленность *a* не является общетюркской особенностью. Она представляет собой явление, возникшее в процессе соборного развития тюркских языков.

Существуют две точки зрения по вопросу о причинах лабиализации *a*. Сторонники одной из них рассматривают данное явление в духе теории субстрата, сторонники другой интерпретируют его как следствие внутренних закономерностей развития.

Для сторонников первой точки зрения определяющим фактором в развитии огубленности *a* в чувашском языке является влияние восточного диалекта черемисского (марийского) языка,⁵⁶ в узбекском — таджикское влияние,⁵⁷ в азербайджанском — влияние татского и талышского языков.

Тюркологи, квалифицирующие огубленность *a* как чисто тюркское явление, придают особое значение комбинаторным моментам: соседству с губными, увулярными и глубокозаднеязычными согласными, влиянию вокализма непервых слогов и т. д.⁵⁸ Ср. у Л. З. Залая: казанские татары «говорят *к̄ъора* (черный) и т. д. Мишари же, у которых этого *k* не имеется, наоборот, „акают“, и это же слово они произносят *кара*, т. е. с чистым широко открытым *a*».⁵⁹

Действительно, в тюркских языках можно найти значительное количество примеров, когда комбинаторная обусловленность лабиализации *a*, а также *ä* (ә), не вызывает сомнений, ср. азерб. (диал.) *бош* 'голова' (< *баиш*), *боба* 'дедушка' (< *баба*), *бормаџ* 'палец' (< *бармаџ*), *дован* 'ступня' (< *даван*), *дөвә* 'верблюды' (< *дәвә*), *това* 'сковорода' (< *тава*), *нөвә* 'внук' (< *нәвә*), *попаџ* 'папаха' (< *папаџ*);⁶⁰ уйг. *бовај* 'старик' (< *бавај* < *бабај*), *момај* 'старуха' (< *мамај*), *бовак* 'младенец' (< *бавак*), *ов* 'охота' (< *ав*), *төмүр* 'железо' (< *тәмүр*), *төшүк* 'дыра, отверстие' (< *тәшүк*);⁶¹ хак. (диал.) *обом* 'дядя' (< *абам*), *побом* 'отец' (< *пабам*);⁶² туркм. *јуваш* 'спокойный' (< *јаваш*); якут. *хотун* 'женщина' (< *хатун*), *хомус* 'камыш' (< *хамус*), *ордух* 'больше' (< *артух*).⁶³ Можно указать, кроме того, на примеры огубления узких гласных, также вызванного влиянием окружающих звуков, ср. алт. *мін-*, тув. *мун-*, туркм. *мүн-*, уйг. (диал.) *мін-* ~ *мүн-*, якут. *мін-* 'садиться верхом'; тур. *бін*, узб. *миң*, алт., тув. *муң*, туркм. *мүң* 'тысяча'; алт.

⁵⁶ Там же, стр. 226, 228.

⁵⁷ См.: Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933, стр. 22, 23.

⁵⁸ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 8; В. В. Решетов. 1) Общая характеристика особенностей узбекского вокализма. Тр. ИЯЛ АН УзССР, I, Ташкент, 1949, стр. 18; 2) К вопросу об оканье в тюркских языках, Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1—2 (8—9), Алма-Ата, 1959, стр. 13 и сл.; 3) Узбекский язык, I, стр. 206; Ф. Абдуллаев. К вопросу об оканье в узбекском языке. Сб. «Материалы по узбекской диалектологии», I, Ташкент, 1957, стр. 263—267.

⁵⁹ Л. З. Залая. Развитие татарской диалектологии в советский период. Сб. «Материалы по диалектологии», Казань, 1955, стр. 9.

⁶⁰ См.: А. Г. Велеев. Некоторые фонетические особенности переходных говоров азербайджанского языка, стр. 115; Р. А. Рустамов. О монографическом изучении диалектов азербайджанского языка, стр. 79; М. Ш. Ширалиев. Диалектологический атлас азербайджанского языка, стр. 54.

⁶¹ Т. Талипов. Описание гласных фонем и их оттенков в современном уйгурском литературном языке. Тр. ИЯ АН Казахской ССР, 3, Алма-Ата, 1963, стр. 143, 146, 147.

⁶² Н. Г. Доможаков. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. АҚД. Абақан, 1949, стр. 6.

⁶³ С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, стр. 9; П. П. Барашков. О диалектологическом изучении якутского языка. ВДТЯ, II, Баку, 1960, стр. 208, 211, 212; Е. И. Убрятова. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960, стр. 40—49, 130—131, 133.

çiri-, азерб. *çürü-*, туркм. *çürä-* 'гниль', уйг. (диал.) *çirik* ~ *çürük* 'гнилой'; тур. *din*, тув. *dün*, туркм. *dün* 'дно'; туркм. *çirik*, туркм. (диал.) *şürük* 'шест'; узб. *jın*, туркм. *jün* 'веревка'; узб. *inäk*, туркм. *jünäk* 'шелк'; уйг. (диал.) *nişir-* ~ *nüşür-* 'варить', *işşik* ~ *uşşuk* 'опухоль', *çivik* ~ *çuvuk* 'прут';⁶⁴ узб. *niş-* 'вариться, созреть', якут. *бус-* 'поспевать'.

И все же объяснить возникновение огубленности *a* влиянием одних комбинаторно-позиционных условий очень трудно, так как огубленность *a*, например, в узбекском языке развилась и в тех случаях, когда ни фонетическое окружение, ни позиция в слове не способствовали этому. Примечательно также, что при наличии одинаковых возможностей огубления широких и узких гласных под влиянием окружающих звуков и одинаковой реализации этих возможностей в общетюркском масштабе устойчивое и более или менее регулярное огубление прослеживается только у широких гласных и только в небольшой группе тюркских языков.

Вряд ли можно считать единственной причиной огубления *a* и влияние субстрата. Вероятнее всего, имело место сочетание разных факторов, и внутренних и внешних. Так, например, комбинаторно-позиционная расположенность *a* к лабиализации могла способствовать эффективному проявлению субстратного воздействия.

Противоположное явление — делабиализация огубленных гласных — обнаруживается в некоторых говорах татарского языка, ср. в касимовском говоре: *ıs* 'три' (< *öç*), *sıt* 'молоко' (< *söt*), *'ıl* 'зола' (< *köł*), *tış* 'сон' (< *töş*), *tın* 'ночь' (< *tön*); в буинско-тарханском подговоре нагорного говора: *kım* 'песок' (< *köm*), *kın-tın* 'день и ночь' (< *kön-tön*).⁶⁵ Аналогичный процесс происходит в чувашском языке,⁶⁶ в котором сокращение лабиализованных гласных до одной пары стало общеязыковой тенденцией. В галицком диалекте караимского языка процесс делабиализации охватил только мягкорядные гласные (*ö* > *ä*, *ü* > *i*).⁶⁷

Наряду с общими процессами почти во всех тюркских языках встречаются частные случаи делабиализации.⁶⁸ Они являются наследием довольно позднего исторического этапа и обусловлены действием каких-то пока еще неизвестных причин, ср. балк. *Miстафа* — и. собств. (< *Мустафа*);⁶⁹ гаг. *bıjıl* 'этот год' (< *бу jıl*), *bırда* 'здесь' (< *бу jәрдä*); туркм. (диал.) *ınc* 'внимание' (< *ünс*), *hınär* 'профессия' (< *hünär*),⁷⁰ *dişäk* 'постель' (< *düşäk*), *dış* 'сон' (< *düş*), *dinjä* 'вселенная' (< *dünjä*),⁷¹ *säv-* 'ругать' (< *sök-*); тув. *çirä* 'иноходец' (< *çorä*), *bıdä*:

⁶⁴ См.: Т. Г а л и п о в. Система гласных в современном уйгурском языке. АҚД. Алма-Ата, 1960, стр. 15.

⁶⁵ См.: Н. Б. Б у р г а н о в а. Особенности говора татар нагорной стороны Т[атарской] АССР. Сб. «Материалы по диалектологии», Казань, 1955, стр. 61; Л. Т. М а х м у т о в а. Фонетические особенности касимовского говора татарского языка. Там же, стр. 150, 151. О делабиализации *y* в одном из говоров башкирского языка см.: С. Ф. М и р ж а н о в а. Кубалаянский говор и его отношение к другим говорам башкирского языка. Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ АН СССР за 1965 г. Тезисы докладов, Уфа, 1966, стр. 46.

⁶⁶ См.: В. Г. Е г о р о в. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, I, стр. 153, 154; В. И. К о т л е е в. Система гласных фонем чувашского языка, стр. 16.

⁶⁷ См.: К. М. М у с а е в. Грамматика караимского языка, стр. 43, 44.

⁶⁸ См.: Л. А. П о к р о в с к а я. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 26.

⁶⁹ См.: Ш. Х. А к б а е в. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка, стр. 41.

⁷⁰ См.: Н. Н а р т ы е в. Сарыкский диалект туркменского языка. АҚД. Ашхабад, 1960, стр. 8.

⁷¹ См.: К. Ш а м у р а д о в. Западные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. АҚД. Ашхабад, 1960, стр. 7.

‘каша’ (< *ботка*); якут. *сірiт-* ‘ходить’ (< *сорiт-*); ног. *бiзав* ‘теленок’, *бiлаj* ‘так’, *бiршак* ‘горох’, *пiтак* ‘ветвь’, *iлтiрак* ‘стелька’.

В ряде случаев, которые приводятся в качестве примеров делабиализации огубленных гласных, мы, очевидно, имеем дело со словами, образованными от разных основ, ср. алт. *дiлдiс*, узб. *jулдуз*, туркм. *jилдiс*, хак. *чiлтiс*, тув. *сiлдiс* ‘звезда’ (кстати, последнее не является закономерным отражением пратюркского **дултус* и в плане консонантизма) и изобразительные слова *jулт*, *jалт*, *jiлт*, *сiлт*.

Небольшую группу образуют слова, которые, как можно предположить, еще в праязыке изменили свой вокализм под влиянием губных согласных и которые сохранились в первоначальном виде лишь в отдельных языках и диалектах. В специальной литературе исходное состояние этих слов обычно рассматривается как позднейшее, а позднейшее — как исходное. Примеры: алт. *дiмiртка*, гаг. *jимiрта* ~ *jумурта*, кум. *jимiртка*, туркм. (диал.) *jимiртџа*, хак. *нiмiрха*, шор. *нiбiртка*, якут. *сiмит* ‘яйцо’ (< **дiмiрт-ка*); гаг. *jимiшак* ~ *jумушак*, кум. *jимiшак*, хак. *нiмзах*, шор. *чiмчак*, *сiмнаџас* ‘мягкий’ (< **дiмшак*); алт., якут. *кiмiс*, тур. *кiмiз*, хак. *хiмiс*, саг. *кумiс* ‘кумыс’ (< **кiмiс*); алт. *чiбiк*, башк. *сiбiк*, гаг. *чiбiк* ~ *чубук*, уйг. *чiвiк*, хак. *сiмих*, шор. *шiмiк* ‘прут’ (< **чiβiк*); алт. *булут*, ног. *пiлiт*, якут. *бiлiт* ‘облако’ (< **пiлiт*); туркм. (диал.) *jимрик* ‘кулак’ (< **дiмрик*).

В связи с возможностью вторичного образования огубленных гласных в таких словах, как *булут* ‘облако’, *jумшак* ‘мягкий’, *jумуртка* ‘яйцо’, возникает вопрос о том, насколько древним в тюркских языках является рассматриваемый дифференциальный признак. Иначе говоря, нельзя ли отнести появление лабиализованных гласных к довольно позднему периоду времени и объяснить развитие соответствующей тембровой окраски влиянием заднеязычных и губных согласных? Анализ большого количества разноструктурных слов с лабиализованными гласными показывает, что последние встречаются одинаково часто как с заднеязычными и губными, так и с другими согласными. Поэтому поиски тюркской протосистемы с небольшим количеством гласных, исключавшей оппозицию их по признаку неогубленности/огубленности, едва ли будут иметь успех.

Отсутствие «фарингализации»/«фарингализация»

«Фарингализованные» гласные встречаются в тувинском и тофаларском (карагасском) языках.

Принято считать, что «фарингализация» — следствие усиленного трения воздуха о стенки фаринкса, вызываемого общей напряженностью артикуляционного аппарата и, возможно, некоторым сужением фаринкса. Акустически «фарингализованные» воспринимаются как удвоенные или несколько удлиненные чистые гласные, причем долгота их не является постоянным признаком.

Наиболее подробная и достаточно глубокая характеристика «фарингализации» дана в работах У. Ш. Байчуры и А. Ч. Кунаа.

У. Ш. Байчура в описании результатов экспериментального исследования «фарингализованных» гласных тувинского языка обращает внимание на то, что, например, гласный *а* в слове *а’т* ‘лошадь’ длиннее гласного *а* в слове *ат* ‘имя’ и что *а* показывает на кимограмме значительно бoльшую интенсивность по сравнению с *а*. «Поскольку увеличение интенсивности, — пишет У. Ш. Байчура, — связано с увеличением давления на голосовые связки и тем самым с увеличением потока выдыхаемого воздуха, создающего усиленное трение о стенки фаринкса, можно полагать, что здесь мы имеем дело с особым видом фарингализации, заключающимся не столько в сужении стенок фаринкса, сколько в увеличе-

нии прогоняемого из легких через фаринкс количества воздуха, что может создать акустический эффект фарингализации».⁷²

Как полагает А. Ч. Кунаа, группу «фарингализованных» гласных выделяет дополнительная работа стенок глотки, выражающаяся в ее значительной напряженности. «При артикуляции звуков данной группы, — отмечает он, — мускулы в стенках глотки, в том числе мускулы корня языка, сближаются, отделяя собой нижнюю часть глотки в виде особого резонатора, а гортань отходит вниз, увеличивая тем объем этого нижнего глоточного резонатора . . .»⁷³ Согласно экспериментальному исследованию тесхемского говора, произведенному А. Ч. Кунаа, длительность «фарингализованных» гласных колеблется в зависимости от количества слогов и характера соседних согласных от 13 до 35 σ, тогда как краткие имеют длительность 8—14 σ, а чистые долгие — от 28 до 37 σ. Наибольшая длительность у «фарингализованных» гласных — в односложном слове перед щелевыми согласными.⁷⁴

«Фарингализованные» гласные выступают в первом слогѣ перед любыми согласными, кроме сонантов (resp. сверхслабых), ср. *о'т* 'трава', *а'т* 'лошадь', *ї'т* 'собака', *э'т* 'мясо', *ка'т* 'ряд, слой', *ка'ш* 'сколько', *кї'ш* 'зима', *кэ'ш* 'кожа', *о'к* 'стрела', 'пуля', *ку'ш* 'птица', *чў'к* 'вьюк', *чд'п* 'чайная гуща', 'осадок', *дў'ш* 'полдень', *ча'ш* 'коса' (волосы), *а'ш* 'пища', *ба'ш* 'голова' и т. д. Исключение составляют несколько слов, в которых за сонантом следует шумный согласный, ср. *ї'рт* 'баран', *бд'рт* 'шапка', *до'рт* 'прямо', *д'рт* 'пожар', *ку'рт* 'червяк'.

Совершенно очевидно, что разделение гласных на «чистые» и «фарингализованные» зависит не только от качества последующих согласных, так как в указанных фонетических условиях могут быть и «чистые» гласные, например: *ат* 'имя', *кат* 'ягода', *аш* 'голодный', *час* 'весна', *чўк* 'край'. Следовательно, объяснить «фарингализацию» в чисто синхронном плане, исходя из особенностей распределения гласных в современном тувинском языке, невозможно.

Примечательным оказывается совпадение тувинских «фарингализованных» гласных с краткими гласными туркменского и якутского языков, в которых сохранилась пратюркская долгота, ср.

тув.	туркм.	якут.
<i>а'т</i> 'лошадь'	<i>ат</i>	<i>ат</i>
<i>э'т</i> 'мясо, плоть'	<i>эт</i>	<i>эт</i>
<i>ба'ш</i> 'голова'	<i>баш</i>	<i>бас</i>
<i>бї'т</i> 'вошь'	<i>бит</i>	<i>бит</i>
<i>дд'ш</i> 'подъем'	—	—
<i>ї'т</i> 'собака'	<i>ит</i>	<i>ит</i>
<i>ка'ш</i> 'сколько'	—	<i>хас</i>
<i>ка'т</i> 'слой, ряд'	<i>џат</i>	<i>хат</i> 'двойной'
<i>ку'ш</i> 'птица'	<i>џуш</i>	<i>кус</i> 'утка'
<i>кд'к</i> 'корень'	<i>кдк</i>	—
<i>кд'п</i> 'много'	<i>кдп</i>	—
<i>кд'ш</i> 'кочевка'	<i>гдч</i>	<i>кдс</i>
<i>о'к</i> 'стрела, пуля'	<i>ок</i>	<i>ох</i>

⁷² См.: А. А. П а л ь м б а х. Долгие и полудолгие гласные тувинского языка. ИСГТЯ, стр. 180; У. Ш. Б а й ч у р а. Некоторые вопросы фонетики тувинского языка по экспериментальным данным. Уч. зап. Казанского гос. унив., 117, 9, 1957, стр. 119.

⁷³ А. Ч. К у н а а. 1) Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл, 1957, стр. 8, 23; 2) Звуковой состав тесхемского говора тувинского языка. АКД. Л., 1958, стр. 7.

⁷⁴ А. Ч. К у н а а. 1) Звуковой состав тесхемского говора тувинского языка, стр. 7—8; 2) Звуковая система современного тувинского языка, стр. 25, 26.

<i>o't</i> 'трава'	<i>ot</i>	<i>ot</i>
<i>ча'ш</i> 'коса' (волосы)	<i>џач</i> 'волосы'	<i>ас</i> 'воло-
<i>чџ'п</i> 'веревка (из кон-	<i>јџп</i>	сы'
ского волоса)'		<i>сџбџнџ</i>
<i>чџ'п</i> 'гуща, осадок'	<i>чџп</i> 'щепка, па-	—
	лочка'	
<i>чџ'к</i> 'вьюк', 'груз'	<i>јџк</i>	<i>сџјџ</i>

В тех словах, которые в туркменском и якутском языках содержат долгие гласные или дифтонги, появление «фарингализованных» гласных в тувинском языке наблюдается только в виде исключения, главным образом перед сочетанием сонорного с шумным, ср.

тув.	туркм.	якут.
<i>ак</i> 'белый'	<i>āk</i>	—
<i>ат</i> 'имя'	<i>āt</i>	<i>āt</i>
<i>аш</i> 'голодный'	<i>āč</i>	<i>ās</i>
<i>бај</i> 'богатый'	<i>bāj</i>	<i>bāj</i>
<i>бар</i> 'есть', 'имеется'	<i>bār</i>	<i>bār</i>
<i>бут</i> 'нога'	<i>būt</i> 'бедро'	<i>būt</i>
<i>ис</i> 'след'	<i>īđ</i>	—
<i>иш</i> 'работа'	<i>īš</i>	<i>īs</i> 'рукоде-
		лие'
<i>час</i> 'весна'	<i>čād</i>	<i>sās</i>
<i>чаш</i> 'молодой'	<i>čāš</i>	<i>sās</i> 'воз-
		раст'
<i>чок</i> 'нет'	<i>čōk</i>	<i>suox</i>
<i>кис</i> 'девушка', 'девочка'	<i>čīđ</i>	<i>kīs</i>
<i>кџк</i> 'синий'	<i>gōk</i>	<i>kčōx</i>
<i>сџт</i> 'молоко'	<i>čūt</i>	<i>ūt</i>
<i>даш</i> 'камень'	<i>daš</i>	<i>tās</i>
но:		
<i>ку'рт</i> 'червяк'	<i>čūr</i>	—
<i>чу'рт</i> 'стойби-	<i>čūr</i>	<i>sūr</i> 'стой-
ще', 'страна'		бище'

Итак, основным ограничением для «фарингализации» является пратюркская долгота гласных, дополнительным ограничением — характер последующего согласного. В числе других дополнительных ограничений можно назвать также относительно позднее появление слова в языке (поздние заимствования) и своеобразие морфологического типа: в форме повелительного наклонения глагола (по-видимому, в отдельных диалектах) «фарингализация» факультативна, ср.

a'k ~ *ak* 'теки' (*a'zar* 'текущий')

a's ~ *as* 'вешай' (*a'zar* 'вешающий')

a't ~ *at* 'стреляй' (*a'dar* 'стреляющий')

a'š ~ *aš* 'открывай' (*a'žar* 'открываю-

щий')

дџ'ш ~ *дџш* 'спускайся' (*дџ'жэр* 'спускаю-

щийся')

i't ~ *it* 'толкай' (*i'džr* 'толкающий')

ка't ~ *kat* 'твердей, высухай' (*ка'dar*

'твердеющий')

ka't ~ kat 'добавляй' (*ka'dar* 'добавляющий')
ki's ~ kis 'сжимай' (*ki'zar* 'сжимающий')
kə's ~ kəs 'режь' (*kə'zər* 'режущий')
ō's ~ ōs 'расти' (*ō'zər* 'растущий')
so'k ~ sok 'бей, ударь' (*so'bar* 'бьющий, ударяющий')
tə'n ~ tən 'пинай' (*tə'bər* 'пинающий')
tī'n ~ tīn 'найди' (*tī'bar* 'находящий')
tī'k ~ tik 'ставь', 'втыкай' (*tī'zər* 'ставящий', 'втыкающий')
tō'k ~ tōk 'лей' (*tō'zər* 'льющий')
tu't ~ tut 'держи' (*tu'dar* 'держаший')
ū's ~ ūs 'бодай' (*ū'zər* 'бодающий')
xa'k ~ xak 'стучи' (*ka'bar* 'стучающий')
xī'n ~ xīn 'гори' (*ki'bar* 'горящий')
čə't ~ čət 'достигай' (*čə'dər* 'достигающий')
čī't ~ čīt 'лежи' (*čī'dar* 'лежащий').

Такова в общих чертах дистрибуция «фарингализованных» гласных с введением диахронического момента — различения долгих и кратких гласных в праязыке.

Проблема происхождения «фарингализации» давно привлекает к себе внимание специалистов и существует несколько разных точек зрения.

По мнению А. А. Пальмбаха, тувинские «фарингализованные» гласные «явились средним звеном в развитии так называемых заместительных (вторичных) долгот при переходе их в краткие гласные»⁷⁵ и, таким образом, наследуют глоточный элемент исчезнувшего согласного. Возникновение «фарингализации» в результате «поглощения» гласным увулярного или фарингального согласного, вообще говоря, вполне допустимо. И, разумеется, бесспорно то, что сочетания гласных с согласными дали во многих тюркских языках вторичную долготу, на которую ссылается А. А. Пальмбах. Однако, как указывалось выше, тувинские «фарингализованные» гласные встречаются лишь на месте общетюркских кратких гласных, и поэтому о заместительной долготе не может быть и речи. Примеры же соответствия «фарингализованным» гласным тувинского языка сочетаний гласных с согласными в других тюркских языках, приводимые Ф. Г. Исхаковым, ср. тув. *ča's*, туркм. *jaβış* 'дождь', тув. *a't*, монг. *agt* 'мерин, конь',⁷⁶ единичны и недостаточно надежны.

По поводу точки зрения С. Е. Малова, высказанной на одном из заседаний, А. А. Пальмбах сообщает следующее: «Касаясь характера отступа у полудолгих гласных в словах типа *če^hder* 'достигать', С. Е. Малов ставит вопрос о неразрывной связи между придыхательными элементами гласного и отступом у предшествующего согласного».⁷⁷ «Фарингализо-

⁷⁵ А. А. П а л ь м б а х. 1) Особенности тувинского вокализма и отражение их в письменности, стр. 132; 2) Долгие и полудолгие гласные тувинского языка, стр. 181.

⁷⁶ См.: Ф. Г. И с х а к о в. Тувинский язык. Очерк по фонетике. М.—Л., 1957, стр. 32. — О возможности развития тюрк. *at* 'лошадь', параллельно монг.-п. *agta*, из пратюрк. **āqtā* < перс. (**āqtā* > *agt* > *at*) говорит также Г. Дёрфер. См.: G. D o e r f e r. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen, I. Mongolische Elemente im Neupersischen, стр. 115—116. Однако попытка связать тюрк. *at* с монг.-п. *agta* вызывает резкие возражения: ни в одном из тюркских языков долгота или следы утраченной долготы в слове *at* 'лошадь' не обнаружены. С другой стороны, необходимо отметить, что сочетание *qt* в тюркских языках не подвергалось каким-либо преобразованиям, если не считать спондантизацию *q*.

⁷⁷ См.: А. А. П а л ь б а х. Долгие и полудолгие гласные тувинского языка, стр. 179.

ванные» гласные, как известно, встречаются и в абсолютном начале слова, поэтому связь «фарингализации» с качеством предшествующих согласных сомнительна, тем не менее само по себе указание на согласные как на весьма вероятную причину возникновения данного явления следует считать конструктивным и очень важным.

Известный интерес представляет точка зрения В. М. Наделяева, связывающего появление «фарингализованных» гласных в тувинском языке с влиянием самодийского или какого-то иного субстрата.⁷⁸ Тем не менее эта точка зрения не может служить основой для решения рассматриваемой проблемы, так как она не объясняет причин дифференцированного, избирательного развития «фарингализации».

Как предполагает В. М. Иллич-Свитыч,⁷⁹ «фарингализация», по крайней мере в первом слоге многосложных слов, возникла вследствие передачи «чистым» гласным специфической сильной артикуляции последующих сильных согласных, перешедших затем в категорию слабых, т. е., иначе говоря, представляет особый эффект взаимодействия гласных с сильными согласными. Появление «фарингализации» в конце односложных слов, — по мнению В. М. Иллича-Свитыча, — могло произойти по аналогии с теми формами слова, где согласный был интервокальным. Это предположение выгодно отличается от других тем, что позволяет объяснить все особенности распределения «фарингализованных» гласных. Само собой разумеется, «фарингализация» не могла охватить общетюркские долгие гласные односложного слова и краткие гласные непервых слогов в многосложном слове: и в том и в другом случае конечные шумные согласные всегда были слабыми. В словах типа *ku'rt* 'червяк' (<**kūrt*), *ču'rt* (<**čūr̥t*) 'страна' влияние долготы гласного на конечный шумный согласный нейтрализовалось благодаря наличию между ними сонанта. В подобных словах не влияли на качество конечных согласных и сами сонанты, так как группы *rt*, *lt*, *nt*, *jt* . . . в целом имели сверхсильную артикуляцию, т. е. фактически выступали как глухие геминаты, например: *ö'rt* 'пожар' (<**ört*), *ï'm* 'собака' (<**ijm*, ср. алт., ног., шор., узб. диал. *ijm*, уйг. *iim*, чуваш. *jïdä*, якут. *im*), *bï'm* 'вошь' (<**nijm*, ср. алт., к-калп., узб. диал. *bijm*, уйг. *niim*, чуваш. *nïjđä*, якут. *bit*). Характерно, что в древнетюркском языке конечные глухие согласные устойчиво сохраняли глухость, несмотря на соседство с сонантами. Ср. также во многих современных тюркских языках: в сочетаниях *rt*, *lt*, *nt*, *jt* . . . шумные согласные — глухие. Что касается формы повелительного наклонения, то факультативность «фарингализации» гласных в ней объясняется, по-видимому, своеобразием интонации. Наличие «фарингализации» в словах *ki'uš* 'зима', *đä'uš* 'делай дыру', *ka'uš* 'лук седла', *a'uš* 'еда', праформы которых реконструируются с долгими гласными, пока объяснить не удается.

Хотя предположение о развитии «фарингализации» в результате взаимодействия гласных с согласными еще не является ответом на вопрос о ее происхождении, оно все же в значительной мере приближает нас к нему.

Поскольку взаимодействие гласных с согласными рассматривается в данном случае в плане передачи гласным специфической сильной артикуляции последующих сильных согласных, то для полного понимания сущности рассматриваемого явления необходимо напомнить, из чего складывается «специфическая сильная артикуляция согласных».

⁷⁸ О влиянии самодийского субстрата на тюркские языки Южной Сибири см.: К. Н. М е n g e s. The South-Siberian Turkic Languages, II. Notes on the Samoied Substratum. САЛ, II, 3, 1957, стр. 161—175.

⁷⁹ См.: В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Алтайские дентальные: *t*, *d*, *ð*. ВЯ, 1963, № 6, стр. 55.

Как известно, сильная артикуляция согласных в тюркских языках характеризуется мускульным напряжением, относительно длительной выдержкой смычки или экспирации, пассивным укладом голосовых связок и сужением фаринкса. Таким образом, специфику сильных согласных создают следующие признаки: напряженность, длительность, глухость, придыхательность.

Развивая приведенную выше мысль о взаимодействии гласных с согласными, можно рассматривать «фарингализацию» гласных как явление, возникшее под влиянием сильной аспирации конечных согласных *n, m, ç, k (к), c, ш*.

Отсутствие назализации / назализация

Противопоставление чистых и назализованных гласных в современных тюркских языках встречается эпизодически и не образует устойчивой оппозиции, ср., например, в наманганском говоре узбекского языка, в тувинском и других языках. Вообще же явление назализации гласных распространено довольно широко.⁸⁰

Б. Количественные признаки

Долгота / краткость

Тюркские гласные характеризуются наличием трех ступеней длительности и в соответствии с этим образуют три группы: долгие, краткие (нормальные) и сверхкраткие. Однако на фонологическом уровне имеет место противопоставление либо долгих и кратких, либо кратких и сверхкратких.

Краткие гласные реализуются как нормальные монофтонги (это не распространяется на краткие гласные в начальном положении в таких языках, как казахский, карачаево-балкарский, каракалпакский, ногайский, кумыкский и гагаузский). Долгие гласные могут реализоваться в виде монофтонгов и дифтонгов⁸¹ (в количественном отношении долгие гласные независимо от конкретных форм реализации представляют нечто

⁸⁰ См.: С. Отамирзаева. Наманган шевасидаги назализация ҳақида. Ўзбек тили ва адабиёти масалалари, Тошкент, 1962, № 3, стр. 20—23; Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 9; М. Ш. Ширалиев. Проблема диалектного членения языка, стр. 100; Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, стр. 55; П. П. Барашков. О некоторых особенностях гласных звуков якутского языка. Доклады на Третьей научной сессии Якутского филиала АН СССР. История и филология, I, Якутск, 1953, стр. 26; М. Исламов. Азербайжан дилинин Нухадиалекти, стр. 13—18 (ср.: Н. И. Ашмарин. Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи. Баку, 1926, стр. 12—17).

⁸¹ Имеются в виду дифтонги, репрезентирующие одиночные фонемы. Сочетания гласных с ослабленными сонантами *e, j (> y, i)* не относятся к числу дифтонгов, так как представляют фонетическую реализацию групп, состоящих из двух фонем. О фонологической интерпретации дифтонгов см.: J. Vachek. Über die phonologische Interpretation der Diphthonge mit besonderer Berücksichtigung des Englischen. Práce z vědeckých ústavů, XXXIII, 4, Prague, 1933, стр. 87—170; Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. Пер. с нем. М., 1960, стр. 62 и сл. — Противопоставление долгих монофтонгов и дифтонгов наблюдается только в якутском языке, ср. *bār* 'есть' и *blar* 'печень', *tas* 'камень' и *mias* 'звук', 'шум', *ām* 'имя' и *īam* 'дой'. Эта оппозиция развилась довольно поздно и при реконструкции фонологической системы тюркского праязыка во внимание не принимается. Вообще и так называемые первичные якутские дифтонги — результат не общетюркского, а регионального преобразования долгих монофтонгов. См.: С. Калужник и Скит. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке. Тр. [Якутского] ИЯЛИ, 3 (8), Якутск, 1961, стр. 11, 12. — Характерно, что в говорах и в настоящее время на месте дифтонгов встречаются долгие монофтонги. См.: П. С. Афанасьев. Фонетические особенности говора верхоянских якутов. Там же, стр. 57, 58.

единое).⁸² Сверхкраткие гласные реализуются в виде монофтонгов неполного образования, подвергающихся существенной качественной трансформации (изменение ступени раствора, утрата огубленности).

1. Противопоставление долгих и кратких гласных играет важную роль в фонологических системах алтайского, гагаузского, киргизского, тофаларского, тувинского, туркменского, хакасского, шорского и якутского языков. При этом, как справедливо отмечают многие тюркологи, в рассматриваемой оппозиции определяющее значение имеет не абсолютная, а относительная длительность гласных. При наличии одинаковых фонетических условий долгие гласные в среднем в два раза продолжительнее кратких (нормальных).⁸³

Число кратких и долгих гласных может не совпадать, т. е., иначе говоря, не во всех языках, имеющих данную оппозицию, каждому краткому гласному соответствует долгий. Так, в якутском языке восемь кратких и восемь долгих гласных, в гагаузском — восемь кратких и семь долгих (отсутствует \bar{o}), в киргизском — восемь кратких и шесть долгих (отсутствуют \bar{i} и \bar{u}),⁸⁴ в азербайджанском — девять кратких и шесть долгих (отсутствуют \bar{o} , \bar{y} , \bar{i}).

Долгие гласные в тюркских языках принято делить на вторичные и первичные. Вторичные долгие гласные образовывались в ходе обособленного развития тюркских языков и поэтому не отражают их истории в целом. Первичные долгие восходят к эпохе существования праязыка и, таким образом, должны рассматриваться как общетюркское явление.

Разумеется, «первичность» и «вторичность» долгих гласных — факты диахронического порядка, и при сохранении в том или ином языке соответствующей общетюркской оппозиции никаких различий между первичными и вторичными гласными не наблюдается. Тем не менее разграничение тех и других имеет важное значение: оно необходимо для понимания некоторых «экзотических» особенностей фонологических систем разных тюркских языков.

1, 1. Вторичная долгота гласных развилась в результате выпадения согласных и последующего стяжения гласных, или в результате выпадения любого звука в целях восстановления общей просодической меры слова, или наконец, как следствие количественного различия ударных и неударных гласных в заимствованных словах.

Долгота гласных первого типа прослеживается почти во всех названных выше языках,⁸⁵ ср. алт. *tū* 'гора' (< **tāu*), *sū* 'вода' (< **suu*), *mūs* 'рог' (< **nūñis*); гаг. *čār* 'звать' (< **čākir*), *sīr* 'корова' (< **sīür*), *būn* 'сегодня' (< **nū kün*), *kū-* 'гнать' (< **koü-*), *dōru* 'прямо' (< **toüuru*); кирг. *sök* 'кость' (< **söñik*), *tō* 'гора' (< **tāu*), *bör* 'печень' (< **paür*), *ör* 'тяжелый' (< **āür*); тув. *ol* 'мальчик'

⁸² См.: Е. Д. Поливанов. Введение в языковедение для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 205, 206; Н. Д. Дьячковский. 1) Долгие и краткие гласные фонемы якутского языка. Тр. [Якутского] ИЯЛИ, 4 (9), Якутск, 1963, стр. 39; 2) Длительность якутских гласных в односложных словах. Там же, стр. 69.

⁸³ См.: Н. Д. Дьячковский. О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке. Якутск, 1962, стр. 23.

⁸⁴ В говорах киргизского языка количество долгих гласных доходит до семи за счет широкого \bar{a} . См.: Г. Бакинова. Киргизский говор Октябрьского района. АКД. Фрунзе, 1953, стр. 8.

⁸⁵ См.: Н. К. Дмитриев. 1) Вторичные долготы в тюркских языках. ИСГТЯ, стр. 198—202; 2) Долгие гласные в гагаузском языке. Там же, стр. 203—207; Б. Г. Гаров. К вопросу о фонетических особенностях некоторых гласных гагаузского языка. Тр. ИЯ АН Туркменской ССР, IV, Ашхабад, 1962, стр. 10, 11; Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка, стр. 30—37; Ц. Д. Номинханов. К вопросу об общих законах развития долгих гласных в тюркских и монгольских языках. Уч. зап. Калмыцкого НИИЯЛИ, 3, Элиста, 1964, стр. 92—99.

(< *oγil), āl 'аул' (< *aγil); тур. jīm 'молодец' (< *θiγ'im); хак. k̄is 'войлок' (< *kiγ'ic); якут. ū 'вода' (< *суγ), ia- 'дойть' (< *саγ-), ūör 'стадо, табун' (< *öγ'ip), ūöt 'ива', 'тальник' (< *cöγ'im), yor- 'воровать' (< *oγip-).

Долгота второго типа (или так называемое вознаградительное удлинение) может быть проиллюстрирована примерами из хакасского и якутского языков, ср. хак. т̄эр 'кожа' (< *täri); якут. б̄арт̄им 'я пошел' (< барб̄ит̄им), к̄эл̄тим 'я пришел' (< к̄эл̄бит̄им).

Последний тип характерен для якутского языка, в котором ударные гласные в словах, заимствованных из русского, передаются как долгие или дифтонги,⁸⁶ ср. буојлак 'войлок', пүк 'пух', буокка 'водка', бүт 'пуд', бухатај 'богатый', б̄ил 'пыль', дуодар 'лодырь', оруомна 'равно', уоба 'оба', чиэrbэ 'червь'.

Особое положение занимает эмфатическая долгота, которая, будучи ситуационно обусловленной, проявляется факультативно, ср. туркм. (диал.) j̄ān b̄ālam 'милое мое дитя', b̄āra ḡōd̄ūm 'моя черноглазая'.⁸⁷

В некоторых тюркских языках наряду с природной вторичной долготой существует долгота искусственная, условная, связанная с усвоением количественного метра арабо-персидской поэтики. Одним из основных принципов выделения такой долготы является структурное своеобразие слога, т. е. его открытость или закрытость: открытый слог может быть долгим и кратким, закрытый слог, если он не оканчивается на ن, как правило, долгий, ср. в староузбекском языке (размер — $\frac{هزج\ مشمن\ سالم}{فلكدین\ گر\ منكا\ هر\ لحظه\ یوز\ قایغو\ کیلور\ اوترو}$):

اگر هر قایغودین سونگ بیس
سیوونماک بار ایماس قایغو

'Если судьба посылает мне в каждое мгновение сотню печалей, печали нет, коль за каждой печалью будет следовать радость'.⁸⁸

В одних тюркских языках вторичная долгота фонологизировалась, т. е. стала дифференциальным признаком, в других — имела чисто фонетическое значение и постепенно исчезла, например в говорах татарского языка: т̄үм̄ä 'пуговица' (< т̄үм̄ä < т̄б̄им̄ä), с̄үл̄ä- 'говорить' (< с̄үл̄ä- < с̄б̄ил̄ä-), үр̄än- 'учиться' (< үр̄än- < д̄ір̄än-), ү 'дом' (< ү < д̄i).⁸⁹

1, 2. Существование первичной долготы в той трактовке ее, которая была изложена в начале данного раздела («пратюркская, или общетюркская, долгота»), продолжительное время подвергалось сомнению и отдельными тюркологами отрицается вплоть до настоящего времени.

Пионером в области установления наличия первичных долгих гласных в тюркских языках был О. Бётлингк, открывший параллельные факты в длительности гласных у якутов и нижегородских татар.⁹⁰ Большая заслуга в этом принадлежит также И. Буденцу, сравнившему отдельные случаи противопоставления долгих и кратких гласных в узбекском, якутском и чувашском языках, ср.

⁸⁶ См.: Н. Д. Дьячковский. О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке, стр. 10—25.

⁸⁷ См.: Х. Мухиев. Нохурский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1959, стр. 4.

⁸⁸ The Mabâni 'l-lughat being a grammar of the Turki language in Persian, by Mirza Mehdi Khân. Bibliotheca Indica, publ. by the Asiatic Society of Bengal, ed. Denison Ross, New Series, Nr. 1225, Calcutta, 1910, стр. 31.

⁸⁹ См.: Н. Б. Бурганова. Особенности говора татар нагорной стороны Т[атарской] АССР, стр. 34, 42, 61.

⁹⁰ О. Вöhtlingk. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. SPb., 1851, стр. 39.

узб. (диал.)	якут.	чуваш.
<i>āt</i> 'имя'	<i>āt</i>	<i>jat</i>
<i>at</i> 'лошадь'	<i>at</i>	<i>yt</i> ⁹¹

Наиболее убедительные аргументы в пользу выделения первичных, или общетюркских, долгих гласных привел в свое время Е. Д. Поливанов, который первым отметил, что при восстановлении пратюркской долготы должны быть учтены туркмено-якутские соответствия.⁹² Е. Д. Поливанов назвал вместе с тем языки и диалекты, в которых, по его мнению, сохранились долгие гласные общетюркского происхождения, а также языки, в которых количественное различие заменилось качественным.⁹³

Большой вклад в дело изучения вопроса о пратюркской долготе гласных сделал Л. Лигети, значительно увеличивший список языков со следами разграничения первичных долгих и кратких.⁹⁴

Пратюркские долгие на основании учета туркмено-якутских соответствий восстанавливаются в следующих словах.⁹⁵

	туркм.	якут.
* <i>ār-</i> 'уствовать', худеть'	<i>ār-</i>	<i>īr-</i>
* <i>āt</i> 'имя'	<i>āt</i>	<i>āt</i>
* <i>āč</i> 'голодный'	<i>āč</i>	<i>ās</i>
* <i>āш-</i> 'переходить, переваливать, проходить'	<i>āш-</i>	<i>ās-</i>
* <i>āн</i> 'ширина'	<i>īн</i>	<i>īн</i>
* <i>īл-</i> 'вешать, зацеплять(ся)'	<i>īл-</i>	<i>īл-</i>
* <i>īн</i> 'нора, берлога', 'гнездо'	<i>hīн</i>	<i>īн</i>
* <i>īс</i> 'след'	<i>īđ</i>	<i>īс</i> (в сочетании <i>суол-īс</i>)
* <i>īс</i> 'запах'	<i>īđ</i>	<i>ī</i>
* <i>īш</i> 'работа, дело'	<i>īш</i>	<i>īс</i> 'рукоделие'
* <i>kāl-</i> 'оставаться'	<i>ḅāl-</i>	<i>xāl-</i>
* <i>kāн</i> 'кровь'	<i>ḅāн</i>	<i>xāн</i>
* <i>kāн-</i> 'утолять жажду, удовлетворяются'	<i>ḅāн-</i>	<i>xāн-</i>
* <i>kār</i> 'снег'	<i>ḅār</i>	<i>xār</i>
* <i>kās</i> 'гусь'	<i>ḅād</i>	<i>xās</i>
* <i>kāш</i> 'бровь'	<i>ḅāш</i>	<i>xās</i>

⁹¹ J. B u d e n z. Khivai tatárság. NyK, IV, 1865, стр. 316.

⁹² Е. Д. П о л и в а н о в. К вопросу об обще-тюркской долготе гласных. Бюллетень 1-го Среднеазиатского гос. унив., Ташкент, 1924, апрель, № 6, стр. 157. См. также: А. П. П о ц е л у е в с к и й. Диалекты туркменского языка. Ашхабад, 1936, стр. 9, 31.

⁹³ Е. Д. П о л и в а н о в. К вопросу о долгих гласных в обще-тюркском праязыке, стр. 151—152.

⁹⁴ L. L i g e t i. Les voyelles longues en turc. JA, CCXXX, 1938, стр. 177—204. Эта же статья была опубликована в 1938 г. в Венгрии (на венгерском языке) и в 1942 г. в Турции (на турецком языке).

⁹⁵ Перечни слов с долгими гласными приводятся в работах: А. С. Е m r e. Türk lehçelerinin mukayeseli grameri (ilk deneme). Birinci kitap — Fonetik. İstanbul, 1949, стр. 61—66; Ф. Г. И с х а к о в. Долгие гласные в тюркских языках. ИСГТЯ, стр. 160—174; Н. К. Д м и т р и е в. 1) Долгие гласные в туркменском языке. Там же, стр. 182—191; 2) Долгие гласные в якутском языке. Там же, стр. 192—197; М. R ä s ä n e n. Türkische Miscellen. StO, XXV, 1, 1960, стр. 5—19; Н. К. А н т о н о в. О якутских односложных именных основах с долгими гласными и дифтонгами. Тр. ИЯЛИ, 3 (8), Якутск, 1961, стр. 22—51; А. А н н а н у р о в. Түркмен дилиниң әрсары диалектинде узын ве гысга чекимлилериң уланылыш зайратынлыклары. Тр. ИЯ АН Туркменской ССР, IV, Ашхабад, 1962, стр. 207—214; А. Б и я ш е в. «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963, стр. 34—46.

*к̄а̄ң 'широкий'	г̄иң	кӣэң
*к̄а̄п 'форма, шаблон, чучело'	г̄а̄п	кӣэп
*к̄а̄ч 'вечер', 'поздно'	г̄ич	кӣэсэ
*к̄і̄р- 'входить'	г̄і̄р-	к̄і̄р-
*к̄і̄н 'ножны'	г̄і̄н	к̄і̄н
*к̄і̄с 'девушка'	г̄і̄д	к̄і̄с
*к̄о̄к 'синий, голубой'	г̄о̄к	к̄ү̄о̄х
*к̄о̄л 'озеро'	к̄о̄л	к̄ү̄о̄л
*к̄о̄рт ~ *к̄о̄р̄ү̄к 'кузнечные мехи'	к̄о̄р̄ү̄к	к̄ү̄о̄рт
*к̄ү̄р(у)- 'сохнуть'	г̄ү̄ра-	к̄ү̄р-
*к̄ү̄ч 'сила'	г̄ү̄ич	к̄ү̄с
*о̄н 'десять'	о̄н	уон
*о̄т 'огонь'	о̄т	уот
*о̄л 'сырой, мокрый'	о̄л (н̄о̄л)	ү̄о̄л
*о̄с 'сам'	о̄д	ү̄о̄с 'середина'
*о̄н- 'подниматься, расти'	о̄н-	ү̄н-
*о̄т 'желчь'	о̄т	ү̄о̄с
*п̄а̄у-(п̄а̄-у-) 'связывать'	б̄а̄у	б̄а̄ј-
	'связка'	
*п̄а̄ј 'богатый'	б̄а̄ј	б̄а̄ј
*п̄а̄р 'есть, имеется'	б̄а̄р	б̄а̄р
*п̄а̄ш 'рана, язва'	б̄а̄ш	б̄а̄с
*п̄а̄л 'поясница'	б̄і̄л	б̄і̄л
*п̄а̄ш 'пять'	б̄а̄ш	бі̄эс
*п̄о̄р 'мел, глина'	б̄о̄р	буор
*п̄ү̄с 'лед'	б̄ү̄д	б̄ү̄с (м̄ү̄с)
*п̄ү̄т 'бедро, нога'	б̄ү̄т	б̄ү̄т
*с̄а̄у-(с̄а̄-у-) 'считать'	д̄а̄ј	а̄х-
*с̄а̄л 'плот, судно'	д̄а̄л	а̄л
*с̄о̄к- 'ругать'	д̄о̄к-	ү̄о̄х-
*с̄ү̄т 'молоко'	д̄ү̄јт	ү̄јт
*д̄а̄ј 'лук' (оружие)	ј̄а̄ј	с̄а̄
*д̄а̄л 'грива'	ј̄а̄л	с̄а̄л 'жир на загривке'
	—	сі̄л 'грива'
*д̄а̄р 'овраг', 'крутой берег'	ј̄а̄р	сі̄р
*д̄а̄с 'весна'	ј̄а̄д	с̄а̄с
*д̄а̄с- 'срывать, промахи- ваться', 'ошибаться'	ј̄а̄д-	сі̄с-
*д̄а̄ш 'молодой'; 'год жизни'	ј̄а̄ш	с̄а̄с
*д̄а̄- 'есть, кушать'	і̄ј-	сі̄э-
*д̄а̄т- 'вести на поводу', 'вести за руку'	і̄т-	сі̄эт-
*д̄і̄н 'тело (?)', 'то что со- держится в теле', 'содер- жимое желудка, кишок'	і̄н 'тело'	сі̄н (в соче- тании э̄т-сі̄н)
*д̄о̄к 'нет, отсутствующий'	ј̄о̄к	суох
*д̄о̄л 'дорога'	ј̄о̄л	суол
*д̄о̄н- 'тесать, строгать'	ј̄о̄н-	суор-
*д̄ү̄рт 'жилище, стойбище'	ј̄ү̄рт	сүрт
	'страна'	
*т̄а̄л 'селезенка'	д̄а̄лак	т̄а̄л
*т̄а̄л- 'остолбенеть', 'погру- зиться в забвенье'	д̄а̄л-	т̄а̄л-

* <i>mār</i> 'узкий, тесный'	<i>dār</i>	<i>mār</i>
* <i>māsh</i> 'камень'	<i>dāsh</i>	<i>mās</i>
* <i>mīt-</i> 'вычесывать, теревить (шерсть)'	<i>mūjt-</i>	<i>mīt-</i> 'раз- дирать на части'
* <i>mā-</i> 'говорить'	<i>di-</i>	<i>diš-</i>
* <i>mās</i> 1) 'быстрый, скорый'; 2) 'бегать'	<i>mīd</i> 'быстро, скоро'	<i>mišsin-</i> 'часто ходить, непрерывно ходить взад и вперед'
* <i>mīn-</i> 'дышать'; 'жизнь'	<i>dīn-</i> 'ус- покаи- ваться'	<i>mīn</i> 'дыхание, жизнь'
* <i>mīsh</i> 'зуб'	<i>dīsh</i>	<i>mīs</i>
* <i>mōl-</i> 'наполняться'	<i>dōl-</i>	<i>tuol-</i>
* <i>mōr-</i> 'взрыхлять, ковырять, рыть'	<i>dōr-</i>	<i>mūr-</i>
* <i>mōrt</i> 'четыре'	<i>dōrt</i>	<i>mūrōrt</i>
* <i>mōsh</i> 'грудь'	<i>dōsh</i>	<i>mūrōs</i>
* <i>mūs</i> 'соль'	<i>dūd</i>	<i>mūs</i>
* <i>mūn</i> 'ночь', 'вчера'	<i>dūjn</i>	<i>mūn</i>
* <i>mūr-</i> 'свертывать, заверты- вать'	<i>dūr-</i>	<i>mūr-</i>
* <i>mūsh</i> 'сон, сновидение'	<i>dūsh</i>	<i>mūl</i>
* <i>chīr'</i> 'сырой, невареный'	<i>chē</i>	<i>chēj</i>
* <i>chūr</i> 'влажный, мокрый'	<i>chē</i>	<i>chē</i>

Поразительные совпадения с примерами из туркменского и якутского языков обнаруживаются в материалах южнохорезмского⁹⁶ и в особенности иканского и карабулакского говоров узбекского языка, ср. *āk* 'белый', *āt* 'имя', *āch* (*āsh*) 'голодный', *bār* 'есть, имеется', *bās* 'гусь', *jās* 'лето', *jōk* 'нет', *jōl* 'дорога', *kān* 'кровь', *kār* 'снег', *kīs* 'девочка', *kīn* 'ножны', *kōk* 'синий', 'зеленый', *kūz* 'осень', *ōt* 'огонь', *māsh* 'камень', *mūs* 'соль', *mūn* 'ночь', *mūsh* 'сновидение'.⁹⁷

Далее могут быть приведены примеры из тофаларского (карагасского) языка, ср. *ūsh* 'три', *aiš* 'голодный', *baš* 'рана', *bēš* 'пять', *dī-* 'говорить', *dīsh* 'зуб', *dōsh* 'грудь', *dūn* 'ночь', *kās* 'гусь', *ōn* 'десять', *taš* 'камень', *mōrt* 'четыре',⁹⁸ из западноанатолийских говоров турецкого языка,⁹⁹

⁹⁶ См. словарь в кн.: Ф. А б д у л л а е в. Хоразм шевалари, I. Тошкент, 1961, стр. 16—104. Долгие гласные южнохорезмского говора в основном встречаются в тех же словах, что и в туркменском языке.

⁹⁷ См.: Е. Д. П о л и в а н о в. Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка. Изв. АН СССР, VII серия, Отделение гуманитарных наук, 1929, № 7, стр. 514, 528—532; К. К. Ю д а х и н. Некоторые особенности карабулакского говора. Сб. «Ўзбек диалектологиясида материаллар», I, Тошкент, 1957, стр. 32—33, 47.

⁹⁸ M. Alexander Castrén's Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre. SPb., 1857; K. H. M e n g e s. Die türkischen Sprachen Süd-Sibiriens, III: Tuba (Sojon und Karahas), I. CAJ, IV, 2, 1959, стр. 121—125.

⁹⁹ См.: Z. K o r k m a z. Batı Anadolu ağızlarında asli vokal uzunlukları hakkında. Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten. Ankara, 1953, стр. 197—203. Однако в примерах из западноанатолийских говоров устойчивое сохранение первичной долготы является сомнительным. Любопытно, что М. Н. Оздарендели полностью отвергает возможность наличия долгих гласных в турецком языке. См.: М. Н. Ö z d a r e n d e l i. Türkçede uzun ünlüler. Türk Dili, V, 54, Ankara, 1956, стр. 348—354.

из диалектов азербайджанского,¹⁰⁰ гагаузского¹⁰¹ и других языков.¹⁰²

Заслуживают особого внимания материалы древних тюркских языков, в которых долгие гласные в отдельных случаях имели свое графическое выражение,¹⁰³ например, в памятниках рунической письменности: 𐰉𐰺𐰽𐰸 *jāḃim* 'мои враги' (ЕП 25₇), 𐰉𐰺𐰽 *ātīm* 'мое имя' (ЕП 32₁₆), 𐰉𐰺𐰽 *bāj* 'богатый' (ЕП 39₆), 𐰉𐰺𐰽 *jāsh* 'год' (при указании на возраст; ЕП 45₂), 𐰉𐰺𐰽 *tāsh* 'внешняя сторона' (ЕП 45₄), 𐰉𐰺𐰽 *āchīk* 'голодный' (КТМ₈), 𐰉𐰺𐰽𐰸𐰺𐰽 *ārkaḃa* 'сзади' (Тон₅) (соответствующий краткий гласный, как правило, графически не обозначен); ср. в первом томе дивана Махмуда Кашгарского: 𐰉𐰺 *āt* 'имя' (78), 𐰉𐰺 *āch* 'голодный' (79), 𐰉𐰺 *āḃ* 'добро' (79), 𐰉𐰺 *ār* 'каштановый, оранжевый' (79), 𐰉𐰺 *āz* 'мало' (80), 𐰉𐰺 *āsh* 'еда, пища' (? 80), 𐰉𐰺 *āb* 'промежность' (80), 𐰉𐰺 *āv* 'охота' (81), 𐰉𐰺 *āk* 'белый' (81), 𐰉𐰺 *āl* 'розовый, алый' (81), 𐰉𐰺 *āl* 'хитрость' (81), 𐰉𐰺 *āj* 'луна' (82); ср. также удвоенное обозначение долгих гласных в текстах уйгурского и манихейского письма: *bū* 'этот' (QВН 23₂₄), *j̄š* 'хорошо' (Rach II 1₂₈), *j̄šl* 'ветер' (Suv 617₃; Uig II 39₉₀), *j̄yl* 'источник, ручей' (Suv 529₄; Юг А₃₈₇); *j̄y* 'сок' (Rach I₁₅₃), *j̄yz* 'лицо' (Suv 652₁₃; ТТ VII 23₆; Uig III 83₁₇), *k̄ol* 'рука' (Suv 369₉), *k̄olīchak* (*k̄ol-īchak*) 'ручка, ручонка' (Uig III 64₁₃), *k̄or* 'вред, ущерб' (Suv 342₈), *k̄oḃsh* 'пара' (Suv 32₁₅), *k̄oḃsh-* 'соединять, добавлять' (QВН 125₄₂), *k̄ūr* 'пояс' (Chin.-Uig. WB, 64a), *k̄y* 'слава' (Uig I 19₁₃), *k̄y-* 'охранять, оберегать' (Ṭiš 50a), *k̄yñ* 'светило, солнце' (ТТ VII 40₁₂₁), *ōz-* 'спасаться, избавляться' (Man III 40₂), *ōt* 'огонь' (Man III 23₁; Suv 316₂₂; ТТ I 19₇₀; Uig I 9₄), *ōch* 'месть, ненависть, злоба' (Suv 417₂), *čy* 'войско' (Suv 89₂₀; Uig II 69₅),

¹⁰⁰ См.: Р. А. Р у с т а м о в. О монографическом изучении диалектов азербайджанского языка, стр. 86.

¹⁰¹ См.: Б. Т. Г а ф а р о в. К вопросу о фонетических особенностях некоторых гласных гагаузского языка, стр. 9. См. также: W. Z a j a c z k o w s k i. Język i folklor gagauzów z Bułgarii. Kraków, 1966, стр. 8; В. Зайончковский приводит около десяти слов с первичными долгими, например: *āz* 'мало', *āch* 'голодный', *kāz* 'гусь', *kār* 'снег'.

¹⁰² О. Прицак, опираясь на материалы В. И. Филоненко, выделяет группу слов с первичными долгими гласными в балкарском языке. См.: О. Р r i t s a k. Die ursprünglichen türkischen Vokallängen im Balkarischen. J. Deny armağanı. Ankara, 1958, стр. 203—207; В. И. Ф и л о н е н к о. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 13. Предварительная проверка соответствующих слов показала, что такое выделение было произведено без достаточных оснований, разумеется, если не принимать в расчет данные других тюркских языков, позволяющие восстанавливать первичные долготы во всех случаях их утраты. См.: И. Х. У р у с б и е в. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963, стр. 39. — О долгих гласных в тюркских языках см. также: К. М e n g e s. Einige Bemerkungen zur vergleichenden Grammatik des Türkmenischen. АО, XI, 1, 1939, стр. 16—20; А. С. Е m r e. Türkçede uzun vokaller, Türk Dili, İstanbul, III, 10—11, 1948; Т а к е u c h i К а з u o. On the long vowels in Turkic languages. «Gengo Kenkyū», 32, Токуо, 1957, стр. 43—59 (резюме на английском языке); К. Д ы й к а н о в. Кыргыз тилиндеги үндүүлөр. Фрунзе, 1959, стр. 50—63.

¹⁰³ Проблеме долгих гласных в памятниках рунической и уйгурской письменности посвящена статья О. Н. Туна, в которой наряду с вполне определенными приемами обозначения долгот называются и весьма сомнительные, например специальная графическая передача любых гласных в рунических текстах (как известно, гласные *o*, *ö*, *y*, *ü*, *i*, *ı* в первом слове всегда обозначаются, независимо от того долгие они или нет). См.: О. Н. Т у н а. Köktürk yazılı belgelerinde ve uygurcada uzun vokaller. Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten, Ankara, 1960, стр. 213—282. Напротив, К. Дыйканов считает, что вообще нет никаких оснований говорить о наличии долгих гласных в древнетюркском языке. См.: К. Д ы й к а н о в. Кыргыз тилиндеги үндүүлөр, стр. 54 (см. также на стр. 63: «Долгие гласные — новое явление в тюркских языках, и в каждом из них они развились своим путем»). Т. Текин при выделении долгих гласных в Кутадгу билиг'e опирается на графику с учетом количественного метра. См.: Т. Т e k i n. Determination of middle-turkic long vowels through 'Arūḃ. АОН, XX, 2, 1967, стр. 151—170.

mōz 'пыль' (ТТ III₂₇), *mōp* 'сеть' (Suv 123₂), *ūl* 'основание', 'подошва' (Suv 450₁₆; Юг А₃₄₁), *mī* 'всегда, постоянно' (ТТ III₉₆).

Наконец примечательно совпадение долгих гласных в туркменском и якутском языках; с одной стороны, и в венгерском языке, с другой, в словах, заимствованных из тюркских языков, ср.

венг.	туркм.	якут.
<i>ál</i> 'ложный'	<i>āl</i> 'ложь'	—
<i>gyász</i> 'траур'	<i>jāʔ</i>	—
<i>kék</i> 'синий'	<i>gōk</i>	<i>күөх</i>
<i>sár</i> 'грязь'	<i>ʔād</i> 'болото'	—
<i>sárga</i> 'желтый'	<i>ʔāri</i>	—
<i>szál</i> 'плот, барка'	<i>ʔāl</i>	<i>āl</i>
<i>szám</i> 'число'	<i>ʔān</i>	<i>āx</i> 'считать'

и т. д.¹⁰⁴

В пользу точки зрения, высказанной О. Бётлингком, Е. Д. Поливановым и Л. Лигети, свидетельствуют не только приведенные выше параллели с долгими гласными из разных тюркских и нетюркских языков. Важное значение имеют факты качественного отражения количественных различий.

Так, в тувинском языке пратюркские долгие не подверглись «фарингализации» и совпали с краткими, тогда как краткие, за исключением особых случаев, обусловленных действием позиционных или комбинаторных факторов, оказались «фарингализованными».¹⁰⁵

Несомненно наличие связи между пратюркской долготой и озвончением последующих смычных согласных перед гласными аффиксов в турецком языке,¹⁰⁶ например: *оду* 'его огонь', *от* 'огонь' (< **ōt*; ср. *оту* 'его трава', *от* 'трава' < **ot*), *аді* 'его имя', *ат* 'имя' (< **āt*; ср. *ати* 'его лошадь', *ат* 'лошадь' < **at*), *гүҗү* 'его сила', *гүч* 'сила' (< **kūč*), *кабі* 'его сосуд, чехол, тара', *кан* 'сосуд, чехол, тара' (< **kān*), *гөгү* 'его небо', *гөк* 'небо' (< **kōk*), и в абсолютном конечном положении в азербайджанском языке, ср.

<i>д</i> (слабый, полувзвонкий)	<i>т</i> (сильный, с придыханием)
<i>ад</i> 'имя' (< * <i>āt</i>)	<i>ат</i> 'лошадь' (< * <i>at</i>)
<i>буд</i> 'бедро' (< * <i>nūt</i>)	—
<i>гүд-</i> 'следить, преследовать' (< * <i>kūt-</i>)	—
<i>дад</i> 'вкус' (< * <i>tāt</i>)	—
<i>дід-</i> 'теребить, тренать' (< * <i>tīt-</i>)	—
—	<i>ит</i> 'собака' (< * <i>ijm</i>)
<i>јад</i> 'чужой' (< * <i>đāt</i>)	<i>јат-</i> 'лежать' (< * <i>đat-</i>)
<i>од</i> 'огонь' (< * <i>ōt</i>)	<i>от</i> 'трава' (< * <i>ot</i>)
<i>од</i> 'желчь' (< * <i>ōt</i>)	<i>от-</i> 'проходить' (< * <i>ōt-</i>)
<i>сүд</i> 'молоко' (< * <i>sūt</i>)	—
<i>уд-</i> 'глотать' (< * <i>đūt-</i>)	—
<i>уд-</i> 'выигрывать' (< * <i>ūt-</i>)	—
<i>ѳаб</i> 'посуда' 'сосуд' (< * <i>kān</i>)	<i>ѳап-</i> 'хватать, кусать' (< * <i>kap-</i>)
<i>діб</i> 'дно' (< * <i>tīn</i>)	—
<i>таб</i> 'мочь, сила' (< ? перс.)	<i>тап-</i> 'находить' (< * <i>tap-</i>)
—	<i>чап-</i> 'скакать' (< * <i>čap-</i>)

¹⁰⁴ См.: M. R ä s ä n e n. Über die langen Vokale der türkischen Lehnwörter im Ungarischen. FUF, XXIV, 1937, стр. 246—255.

¹⁰⁵ См. выше, стр. 43, 44.

¹⁰⁶ Впервые эта связь была установлена В. Грөнбеком. См.: V. G r ö n b e c h. Forstudier til tyrkisk lydhistorie. Köbenhavn, 1902. Подробное изложение см.: KSz, IV, 1903, стр. 230.

ij 'веретено' (< *ik)
 göj 'синий, голубой' (< *kōk)

söj- 'ругать, бранить' (< *cōk-)
 aĵ 'голодный' (< *āč)
 gǝĵ 'поздно' (< *kāč)
 gŷĵ 'сила' (< *kŷč)
 uĵ 'конец' (< *uč)

чōn 'соломинка, палочка'
 (< *чōn)

kōk 'корень' (< *kōk)
 чōк- 'опускаться, приседать'
 (< *чōк-)
 cōk- 'распарывать' (< *cōk-)
 ач- 'открывать' (< *ач-)
 кǝч- 'проходить' (< *кǝч-)
 уч- 'летать' (< *уч-)

Обнаруживается также связь между первичной долготой и появлением звука з (ǝ), развившегося в чувашском языке в р. В огузских, кыпчакских и карлукско-уйгурских языках з (ǝ) появился вследствие ослабления с, вызванного наличием первичной долготы у предшествующего ему гласного, ср.

чуваш.	кирг.	туркм.	якут.
варă 'середина'	ōз 'сам'	ōд 'сам'	ŷōс 'середина'
кёр 'осень'	кŷз	gŷīd	кŷс
хур 'гусь'	каз	ḡād	хās
хёр 'девушка'	кĭз	ḡīd	кĭс
пĭр 'бязь'	böз	ḡīd	—
пār 'лед'	муз	ḡūd	ḡūs (mūs)
шур 'болото'	саз	ḡād	—
с'ур 'весна'	ĵаз	ĵād	сās
с'ёр 'сто'	ĵŷз	ĵŷd	сŷс
чёр 'колени'	тĭзэ	ḡīd	—
тāвар 'соль'	туз	ḡūd	тūs

Аналогичная связь может быть установлена между первичной долготой и появлением в чувашском языке вторичного л (< *ж < *ш), ср.

чуваш.	туркм.	якут.
пĭлĕк 'пять'	ḡāш	ḡīс
с'ул' 'слеза'	ĵāш	—
тĕл 'около, мимо'	ḡŷш	тус 'противоположная сторона'
тĕл 'место, место встречи' (ср. тĕл пул- 'встречаться')	ḡŷш- 'встречаться'	—
тĕлĕк 'сон, сновидение'	ḡŷш	тŷл
тул- переливаться через край, выходить из берегов'	ḡāш-	—
чул 'камень'	ḡāш	тās
шĭл 'зуб'	ḡīш	тĭс

Другое «качественное» свидетельство в пользу существования пратюркских долгих — противопоставление ä/ǝ в азербайджанском языке: ä восходит к *ä, ǝ — к *ā, ср.

äl 'страна, народ, административная единица' (< *āl)
 бǝз- 'испытывать отвращение' (< *nās-)
 сǝз- 'чувствовать' (< *cās-)
 ĵǝң 'рукав' (< *ḡāң)
 вǝр- 'давать' (< *nār-)
 бǝл 'поясница' (< *nāl)

äl 'рука' (< *äl)
 āс- 'дуть' (< *ās-)
 kās- 'резать' (< *kās-)
 tāн 'равный' (< *tāң)
 cār- 'расстилать' (< *cār-)
 gāl- 'прийти' (< *kāl-)

Данный признак иногда находится в противоречии с другими признаками, ср. азерб. *āz*- 'давить, мять', *gāz*- 'гулять' (учитывая наличие *z*, следовало бы ожидать *žz*- и *gžz*-), *ār* 'мужчина', *gāmi* 'судно, корабль' (ср. туркм. *ār*, *gāmi* с долгим *ā*, которому в азербайджанском языке обычно соответствует *ž*); но это говорит лишь о том, что развитие долгих гласных было многообразным и в азербайджанском языке совместились разные диалектные типы.

Отражение первичной долготы следует, по-видимому, усматривать и в необычном фонетическом облике таких тюркских праформ, как **ik* 'веретено' и **in* 'нора', например в киргизском языке, ср. *ijik*, *ijin*.

Опираясь на все изложенное, можно прийти к выводу о наличии на стадии праязыка общетюркской количественной оппозиции гласных. Приведенные выше факты позволяют также сделать вывод о том, что противопоставление первичных долгих и кратких гласных уже на протяжении значительного периода времени не образует цельной системы.

Процесс стирания или качественной трансформации первичной долготы охватил в той или иной мере все тюркские языки (ср. якут. *mōj* 'шея', *xōj* '(подмышечная) пазуха'), поэтому в ряде слов первичные долгие гласные или дифтонги сохранились только в туркменском, или только в якутском, или в каких-либо других языках, ср.

туркм.

<i>āv</i> 'охота', 'дичь'	<i>dbn</i> 'халат, одежда'
<i>āb</i> - 'наклоняться', 'переходить какой-либо предел'	<i>dbp</i> 'гнедой'
<i>ād</i> 'мало'	<i>dbn</i> - 'возвращаться' 'переворачиваться', 'обращаться'
<i>ād</i> - 'сбиваться с пути'	<i>dūl</i> 'сторона кибитки'
<i>āj</i> 'луна'	<i>dūsh</i> 'около, мимо'
<i>āk</i> 'белый'	<i>dūsh</i> - 'встречаться'
<i>āl</i> 'обман'	<i>dūjn</i> 'дно'
<i>āl</i> 'светлокрасный'	<i>dūjt</i> 'дым'
<i>ārt</i> 'зад, задняя часть'	<i>ik</i> - 'идти по ветру'
<i>āđ</i> 'ящерица'	<i>ik</i> 'веретено'
<i>ār</i> 'мужчина'	<i>il</i> 'страна, народ'
<i>āt</i> - 'шагать'	<i>in</i> - 'сходить, спускаться'
<i>bāl</i> - 'делить'	<i>ir</i> 'рано'
<i>būb</i> 'пар'	<i>ir</i> - 'испытывать отвращение'
<i>bāj</i> - 'носиться по поверхности, скользить'	<i>ish</i> - 'вить, скручивать'
<i>bāp</i> 'мешок, сумка'	<i>jāb</i> 'масло, жир'
<i>bār</i> - 'мешать, смешивать'	<i>jād</i> - 'расстегивать, распутывать'
<i>bāsh</i> 'лука седла'	<i>jāj</i> - 'раскатывать (тесто)'
<i>bīr</i> 'серый'	<i>jān</i> 'бок, сторона'
<i>bōl</i> 'низина, овраг'	<i>jār</i> - 'рубить, разбивать, рассекать, резать'
<i>bōr</i> 'горящий уголь, жар'	<i>jāt</i> 'чужой'
<i>būrt</i> 1) 'волк'; 2) 'червь'	<i>jāsh</i> 'слеза'
<i>gār</i> 'палевый'	<i>jūt</i> - (<i>juzut</i> -) 'глотать'
<i>gōn</i> 'выделанная кожа'	<i>nā</i> 'что'
<i>gūđ</i> 'осень'	<i>ōj</i> 'мысль, дума'
<i>gūil</i> - 'связать четыре конечности'	<i>ōj</i> - 'долбить', 'выдалбливать'
<i>dāb</i> 'гора'	<i>ōp</i> - 'плести'
<i>dāt</i> - 'вкусать, пробовать'	<i>ōch</i> 'месть', 'злоба'
<i>dāsh</i> - 'переливаться через край, выходить из берегов'	<i>đāb</i> 'здоровый' (?)
<i>dīd</i> 'колени'	<i>đād</i> 'болото' (?)
	<i>đin</i> 'проверка'

д̄ин- 'ломаться, разбиваться'
д̄ол 'левый'
д̄ор- 'сосать'
д̄ур 'серый'
д̄үй- 'растягивать'
т̄āj 'сторона'
т̄āj- 'скользить'
т̄āl 'тальник'
т̄ām 'дом'
т̄āң 'удивительный, необычный'
т̄āп 'состояние, сила'¹⁰⁷
т̄ір- 'собирать'
т̄об 'пыль'
т̄ор 'почетное место'

үк 'жерди, на которых держится
 верх кибитки'
үн 'мука'
үч 'конец'
үйн 'звук, голос'
үйр- 'лаять'
ч̄āб 'время'
ч̄āl 'седой, серый'
ч̄āш- 'растеряться, опешить'
ч̄āk 'граница, рубеж'
ч̄īш 'вѣртел'
ч̄īш 'нарыв, опухоль'
ч̄ōј- 'греть, согревать'
ч̄ōр 'овечий, козий помет'

якут.

āн 'начало, начальный', '«самый»'
ār 'лучший в своем роде, чистый,
 священный'
б̄īs 'занавеска', 'загородка', 'межа'
б̄ī 'лезвие'
б̄іѣ 'кобылица'
б̄іѣр- 'давать'
б̄ір 'один'
б̄īs 'семейство, род, племя'
буол- 'быть, становиться'
б̄үös- 'замерзать'
б̄үр- 'подрубать, окаймлять'
īр- 'раскалывать, разъединять'
īt- 'посылать, отпускать'
іѣх- 'гнуть, сгибать'
īр- 'свертываться (о молоке)'
īt- 'заряжать ружье'
к̄īm 'искра'
к̄īрт 'ястреб, сокол'
к̄īs- 'накаляться, краснеть'
куот- 'избегать, бежать, опере-
 жать'
к̄үс- 'обнимать'
к̄іән 'украшение'
к̄іән 'сам'
к̄ін 'пупок'
к̄īs 'соболь'
к̄ōј- 'киснуть, бродить'
к̄үр- 'возбуждаться, подниматься,
 напрягаться'
к̄үөн 'грудь'
к̄үт- 'ожидать'
мін- 'садиться верхом'
мōј 'шея'
ōл (уол) 'он'
с̄āн- 'угрожать'
с̄āt 'стыд'

с̄āх 'помет, кал', 'шлак'
с̄īл- 'двигаться, ползти'
с̄īң 'сопля'
с̄іэл- 'бежать рысью'
с̄іѣх 'рукав'
с̄īк 'шов'
с̄ір- 'прорывать, разрывать'
суор 'вѣрон'
с̄үј- 'мыть'
с̄үј- 'терять, лишаться'
с̄үök 'шерсть на конце бычьего
 penis'a'
с̄үör- 'развязывать, распутывать'
с̄үрт- 'процеживать'
с̄үс 1) 'лоб'; 2) 'сто'
т̄īt 'лиственница'
т̄ү 'вѣрша, морда'
т̄үн 'первенец'
туој 'глина'
туор- 'тощать'
туос 'береста'
т̄үр- 'выдергивать'
т̄үөн 'прижигательный трут'
т̄үös- 'выкапывать корень'
үн- 'вытягивать, протягивать
 руку'
уоп- 'брать в рот'
үр- 'класть, ставить'
үс 'мастер'
үōј- 'не забывать, держать в уме'
үör 'душа покойника, призрак'
үōт- 'ворковать'
үр- 'гнать'
үс 'соболь, куница, рысь'
үсā (үösā) 'вверх'
үт 'дыра, отверстие'
х̄ōј '(подмышечная) пазуха'

¹⁰⁷ Такие слова, как туркм. *т̄āп* 'состояние, сила', *т̄ām* 'дом' и некоторые другие, возможно, не являются собственно тюркскими.

тур. (диал.)

б̄б̄з- 'портить' *г̄б̄з* 'глаз' *ј̄а̄з* 'писать'
г̄э̄т- 'уходить' -*г̄ј̄н* 'день'

гаг.¹⁰⁸

а̄з 'мало' *а̄ч* 'голодный' *к̄б̄р* 'жар'
а̄рт 'зад' *б̄б̄з* 'серый' *с̄б̄з* 'слово'
а̄т 'имя' *к̄а̄р* 'снег' *т̄б̄з* 'пыль'

койб.

туркм. (диал.)

к̄б̄с- 'добавлять' *б̄б̄н*- 'садиться, опускаться (о птицах)'

II. Противопоставление кратких (нормальных) и сверхкратких гласных, отмечаемое главным образом в чувашском и кыпчакских языках, осуществляется в такой форме, когда количественный момент не является единственным признаком, конструирующим фонологическую оппозицию, а выступает в тесном взаимодействии с определенными качественными данными. Это взаимодействие выразилось в некотором расширении сверхкратких гласных и в ослаблении их артикуляции. В чувашском языке и отдельных говорах татарского языка качественная трансформация сверхкратких достигла максимальных размеров: образовались редуцированные гласные, различающиеся только по признаку ряда (твердорядные / мягкорядные).

Здесь необходимо отметить, что в тюркских языках длительность гласных тесно связана со степенью подъема языка. Узкие гласные обычно более краткие, чем широкие, и они в наибольшей мере подвержены качественным изменениям.¹⁰⁹ Так, в якутском языке, согласно данным Н. Д. Дьячковского, узкие гласные в закрытом слоге типа С + Г + С короче широких в среднем на 2, 9 σ, в закрытом слоге типа Г + С — на 2, 3 σ, в открытом слоге — на 1, 3 σ.¹¹⁰ В казахском языке это различие более значительное, ср. *ит* 'собака' (18, 3 σ), *э̄т* 'мясо' (25, 9 σ), *от* 'трава' (27, 2 σ), *ат* 'брось' (33, 7 σ), *ат* 'лошадь' (38, 8 σ).¹¹¹ В татарском языке длительность узких (герср. полуузких: *ĩ*, *ĩ̄*, *õ*, *ȭ*) гласных относится к длительности широких в целом как один к двум.¹¹² В туркменском языке средняя длительность узких — 8σ, широких и полушироких — около 15 σ.¹¹³ Очень краткими являются узкие гласные также в уйгурском¹¹⁴ и гагаузском¹¹⁵ языках.

Как уже указывалось выше, противопоставление кратких (нормальных) и сверхкратких гласных обнаруживается почти исключительно в тех

¹⁰⁸ Турецкие примеры даны по материалам, приведенным в статье З. Коркмаз, гагаузские — по материалам Б. П. Тукана (Вулканештский диалект гагаузского языка. АҚД. Кишинев, 1965, стр. 12, 13), Л. А. Покровской и В. Дримбы.

¹⁰⁹ Ср. предположение В. А. Богородицкого о том, что *õ* и *ũ* в тюркском праязыке имели задатки неодинаковой длительности (**õ* в тарском, ишимском, тобольском, туринском и тюменском говорах сузился в *ũ̄*, а **ũ* отражается в виде *ũ̄*). См.: В. А. Б о г о р о д и ц к и й. О долгом и недолгом *ũ̄* в западно-сибирских тюркских диалектах и сродных явлениях в других тюркских языках. ДАН-В, 1927, стр. 75—78.

¹¹⁰ Н. Д. Дьячковский. Длительность якутских гласных в односложных словах, стр. 58.

¹¹¹ У. Ш. Б а й ч у р а. Звуковой строй татарского языка, I, стр. 94. См. также: В. М. Ш в а р ц м а н. Сходства и различия в системе гласных французского и казахского языков. Тр. Казахского гос. унив., I, Алма-Ата, 1960, стр. 65.

¹¹² У. Ш. Б а й ч у р а, ук. соч., стр. 59.

¹¹³ Там же, стр. 89.

¹¹⁴ См.: А. К а й д а р о в, Ф. С э д в а қ а с о в, Т. Т а л и п о в. Һазирқи заман уйгур тили, I. Лексика ве фонетика. Алмута, 1963, стр. 195, 196, 234.

¹¹⁵ См.: Л. А. П о к р о в с к а я. Грамматика гагаузского языка, стр. 46.

тюркских языках, в которых исчезли пратюркские долготы и отсутствуют так называемые вторичные долгие, образующиеся в результате выпадения согласных и слияния кратких (нормальных) гласных. К таким тюркским языкам относятся прежде всего башкирский, казахский, каракалпакский, ногайский, татарский и чувашский.¹¹⁶

III. Помимо устойчивой долготы и краткости гласные в тюркских языках могут иметь долготу и краткость непостоянную, находящуюся в большой зависимости от комбинаторных и позиционных условий. Колебания количества обусловлены отношением к ударению (ударные гласные имеют большую длительность, чем безударные), структурой слога (в открытых слогах гласные более долгие, чем в закрытых), а также характером последующих согласных (перед щелевыми согласными гласные более долгие, чем перед смычными).¹¹⁷ Далее, узкие гласные подвергаются более или менее сильному стяжению перед *ш* и глухими смычными согласными, ср. узб. *tʃiʃ* 'зуб', *tʃiʃi* 'слезай'; уйг. *kʃiʃ* 'зима', *çʃiʃ* 'сон', *çʃiʃ* 'зуб', *kʃiʃi* 'птица'; туркм. *ʃt* 'собака';¹¹⁸ перед *з* (*ð*), ср. туркм. *bʃð*, узб. *bʃz* 'мы'; перед *л*. Все эти случаи носят, однако, частный характер. Особая разновидность позиционной длительности широких гласных наблюдается в первом слоге многосложного слова.¹¹⁹

ГЛАСНЫЕ В МНОГОСЛОЖНОМ СЛОВЕ

Как указывалось выше, гласные в многосложном слове могут иметь специфические особенности, отличающие их от гласных односложного слова. Эти особенности обусловлены действием разных факторов: местом ударения, структурным типом слова, количеством слогов, наличием гармонии гласных, умлаута и т. д.¹²⁰

а) Гласные в первом слоге многосложного слова

I. Различия между первым слогом многосложного слова и односложным словом в плане вокализма сводятся главным образом к особенностям реализации некоторых фонематических рядов и носят преимущественно количественный характер.

Так, «фарингализованные» гласные в тувинском языке выступают на месте этимологических кратких гласных и в многосложном слове, ср.

¹¹⁶ См.: В. А. Богородицкий. О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте, стр. 115, 116.

¹¹⁷ См.: П. Е. Кузнецов. Продолжительность гласных в живом узбекском языке. Сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 430—434; Г. Шараф. Сонорная длительность татарских гласных. ВНОТ, 8, 1928, стр. 189 и сл.; У. Ш. Байчур. Звуковой строй татарского языка, I, стр. 54, 59; Т. Талипов. Сонорная длительность казахских и уйгурских гласных (акустико-артикуляционная характеристика и описание их сонорной длительности по данным слуховых наблюдений). Рукопись, Алма-Ата, 1961; Н. Д. Дьячковский. Длительность якутских гласных в односложных словах, стр. 64.

¹¹⁸ В этом положении узкие гласные нередко оглушаются. См.: Е. Д. Поливанов. Введение в языковедение для востоковедных вузов, стр. 100; С. Атамирзаев. Звуковой состав намагганского говора узбекского языка (экспериментальное исследование). Кандидатск. диссертация (рукопись). Л., 1963, стр. 152.

¹¹⁹ См. ниже, стр. 65 и сл.

¹²⁰ Почти все названные факторы универсальны, и поэтому нет необходимости в специальном описании фонетических условий, возникающих в связи с их действием. Собственно тюркскими факторами изменения гласных в многосложном слове можно считать лишь гармонию гласных и умлаут, из которых последний имеет чрезвычайно ограниченную сферу проявления.

тув.	туркм.	якут.
<i>а'лді</i> 'шесть'	<i>алтї</i>	<i>алта</i>
<i>а'рѣа</i> 'горный лес'	—	—
<i>да'зір</i> 'голый (о местности)'	—	—
<i>да'лбај</i> 'расправляйся (о крыльях)', 'размахивай (руками)'	—	<i>талба</i>
<i>да'жі</i> 'тащи'	—	—
<i>ді'жі</i> 'самка'	—	<i>тїкї</i>
<i>ді'ѣі</i> 'набивай, просовывай'	—	—
<i>до'бук</i> 'коленная чашечка'	<i>топук</i>	<i>тобук</i>
<i>дэ'гэ</i> 'козел'	—	—
<i>до'бурак</i> 'земля, пыль'	<i>топрак</i>	<i>тобу- рах</i>
<i>до'кпак</i> 'колотушка'	<i>токмак</i>	—
<i>дө'жэ</i> 'расстилай'	<i>дүшэ-</i>	—
<i>ка'дік</i> 'каша'	<i>батїк</i>	—
	'кислое молоко'	
<i>чі'діг</i> 'острый'	<i>їтї</i>	<i>сітї</i>

Исключения: *бу'дук* 'ветка', ср. туркм. *пүдак*.

Однако с увеличением числа слогов в слове «фарингализованные» гласные утрачивают длительность, что в общем вполне естественно, так как сокращение длительности представляет собой одно из проявлений закона количественной компенсации.¹²¹

Долгие гласные в туркменском языке в первом слове многосложного слова встречаются так же часто, как и в односложном слове, ср.

<i>āва-</i> 'испытывать боль, мучиться'	<i>бālїк</i> 'рыба'
<i>āві</i> 'яд'	<i>бікэ</i> 'барыня', 'госпожа'
<i>āѣа</i> 'старший брат'	<i>бішїк</i> 'колыбель'
<i>āѣірі</i> 'боль, болезнь'	<i>бөјдак</i> 'холостой'
<i>āѣла-</i> 'плакать'	<i>бөрі</i> 'волк'
<i>āда</i> 'остров'	<i>ѣāба-</i> 'окружать'
<i>āдік</i> 'пища, еда'	<i>ѣāбак</i> 'тыква'
<i>āја</i> 'ладонь'	<i>ѣāбак</i> 'веко'
<i>āїї</i> 'горький'	<i>ѣāбар-</i> 'вздуться, распухать'
<i>āкча</i> 'деньги'	<i>ѣāбік</i> 'кожура', 'оболочка'
<i>āла</i> 'пестрый'	<i>ѣāвун</i> 'дыня'
<i>āла</i> 'вперед'	<i>ѣāдан</i> 'котел'
<i>āра</i> 'середина, промежуток'	<i>ѣāја</i> 'скала' ¹²²
<i>āралашма</i> 'смешение'	<i>ѣāїн</i> 'родственники со стороны мужа или жены'
<i>āдік</i> 'сапог'	<i>ѣāнат</i> 'крыло'
<i>āдім</i> 'шаг'	<i>ѣāдік</i> 'пах'
<i>бāба</i> 'дед'	<i>ѣāріш-</i> 'смешиваться'
<i>бāѣа</i> (<i>ѣурбāѣа</i>) 'жаба'	<i>ѣāїр-</i> 'кричать'
<i>бāѣір-</i> 'кричать', 'реветь'	<i>ѣāѣѣа</i> 'короткий'
<i>бāја</i> 'свояк'	<i>ѣāдѣа-</i> 'двигать', 'трогать'
<i>бāла</i> 'ребенок'	<i>ѣāра-</i> 'оберегать'
<i>бāлдід</i> 'золотка'	

¹²¹ См.: N. van Wijk. L'étude diachronique des phénomènes phonologiques et extra-phonologiques. TCLP, 8, 1939, стр. 310.

¹²² В гёкленском диалекте.

бүдүра- 'беситься'
бүрү 'сухой'
гагир- 'отрыгивать'
гами 'судно, корабль'
гидлэ- 'скрывать'
гиджэ- 'зудеть, чесаться'
гоббэж 'пупок'
дабан 'ступня, подошва'
даллак 'селезенка'
дали 'сумасшедший'
дирэ- 'подпирать'
дирү 'живой'
додак 'губы'
долү 'град'
игэ 'напильник'
игэн- 'упрекать', 'придирааться'
инжик 'голень'
ирү 'крупный'
ишик 'дверь'
ябак 'деревянные вилы'
ябани 'дикий'
явүд 'лихой'
ябүлик 'платок'
ябүрүн 'лопатка'
яда- 'утомляться, обессилевать'
яйла 'летовка'
яйүн 'сом'
яккла- 'защищать'
яриш- 'соревноваться'
яшил 'зеленый'
юрба 'иноходец'
кәкилик 'каменная куропатка'
көрүк 'мехи для раздувания
 огня'

кбшэж 'верблюжонок до одного года'
оба 'аул', 'село'
оҗак 'очаг', 'земляная печь'
оддэ- 'возмещать (расходы)', 'оправ-
 дывать (доверие)'
ордэж 'утка'
пүдак 'ветка', 'ветвь'
үабин 'мыло'
үавчи 'сват', 'сваха'
үадан 'сазан'
үалҗим 'мираж'
үаман 'солома'
үана- 'считать'
үарү 'желтый'
үадүик 'вонь, смрад'
үора- 'спрашивать'
үиҗир- 'свистеть'
үина- 'гладить', 'ласкать'
үирик 'шест', 'жердь'
үүји 'сладкий'
үүјирү 'продолговатый'
табак 'блюдо', 'чашка'
тала- 'грабить'
тана 'телка'
тана 'ноздря'
торум 'верблюжонок от шести
 месяцев до года'
үкү 'сон'
чаба 'ребенок'
чибан 'чирей'
чибик 'прут'
чибин 'комар'
чүјирэ- 'гнить'
шана 'сани'

В якутском языке количество многосложных слов с долгими гласными в первом слоге невелико и не все эти слова могут рассматриваться с достаточной уверенностью как собственно тюркские, ср. *биса*- 'освободить', *ярај*- 'истощаться', *кїрнах* 'мелкие крупинки чего-л.', *куосар*- 'спаривать', *сэлби* 'отвислая кожа у быка под шеей', *сүсан*- 'спадать, стекать', *түлај*- 'буйствовать'.

В других тюркских языках, включая древние, первичная долгота в первом слоге многосложного слова выступает очень редко, ср. гаг. *ара*- 'искать', *арү* 'оса', *барба* 'ворона', *јарүн* 'утро', др.-тюрк. *үтун* 'скверный, порочный' (ТТ VI₁₁₉), *отачи* 'лекарь' (Ман III 24₆), *иши* 'женщина, знатная дама' (Суv 355₁₄).

При изменении односложного слова в многосложное вследствие присоединения к нему морфологических элементов долгие гласные в туркменском языке сохраняют первоначальную долготу, ср.

абна- 'валяться' (*аб*- 'опрокидываться')
адаш- 'сбиваться с пути' (*ад*- 'заблудиться')
алда- 'обманывать' (*ал* 'обман, хитрость')
ачик- 'голодать' (*ач* 'голодный')
аша 'через, сквозь' (*аш*- 'переходить')
башинји 'пятый' (*баш* 'пять')

ādim 'шаг' (*ām-* 'шагать')
ḡāba- 'окружать', ср. также: *ḡābak* 'веко' (*ḡān* 'мешок, сумка')
ḡāndīr- 'удовлетворяют' (*ḡān-* 'удовлетворяются')
gījə 'ночь' (*gīč* 'поздно')
gōgər- 'синеть' (*gōk* 'синий')
ḡōlī 'полный' (*ḡōl-* 'наполняться')
īriḡ- 'вызывать отвращение' (*īr-* 'вызывать отвращение')
jāna- 'прислонять' (*jān* 'бок')
jādīk 'проступок' (*jād-* 'промахиваться, ошибаться')
jārīm 'половина' (*jār-* 'рубить, разбивать')
jāša- 'жить' (*jāš* 'молодой', 'год жизни')
ōjūk- 'злиться' (*ōč* 'месть, злоба').
ḡnūm 'продукт' (*ḡn-* 'появляться, расти')
ḡāḡda 'в болоте', *ḡāḡlī* 'тинистый' (*ḡāḡ* 'болото')
ḡīna- 'пробовать' (*ḡīn* 'проверка')

В якутском языке в отличие от туркменского при изменении односложного слова в многосложное долгота гласного первого слога может колебаться и исчезать. В наибольшей мере этим колебаниям подвержены дифтонги.¹²³ Ср.

aččīk 'тощий, голодный' (*āc* 'голодный')
baġar- 'богатеть' (*bāġ* 'богатый')
bəḡis 'пятый' (*bīḡs* 'пять')
bəḡis- 'делиться, отдавать часть', *bəḡdər-*
 'заставлять дать' (*bīḡr-* 'давать')
ḡəḡnər- 'говорить про себя, о себе' (*ḡiḡ-*
 'говорить')
kəḡḡ- 'расширяться' (*kīḡḡ* 'широкий')
kōgōr- 'зеленеть, синеть' (*kūōx* 'синий')
kōmljḡ 'озерцо' (*kūōl* 'озеро')
onuc 'десятый' (*yon* 'десять')
otun- 'разводить огонь' (*yot* 'огонь')
solō- 'идти по следу', 'пробивать (в лесу)
 дорогу' (*suol* 'дорога, путь')
tolor- 'наполнять' (*tuol-* 'наполняться')
tōrdūc 'четвертый' (*tūōrt* 'четыре')
tūḡḡ- 'видеть сон' (*tūḡl* 'сон')
ūtūḡrūm 'дойная корова' (*ūt* 'молоко')

По мнению Л. Н. Харитоновой, утрата дифтонгоидности, а следовательно, и долготы происходит преимущественно в односложных словах, сканчивающихся на согласный, когда к ним присоединяются аффиксы (у Л. Н. Поппе: словообразовательные аффиксы), начинающиеся с гласного.¹²⁴ В самом деле, подобная структурно-фонетическая обусловленность наблюдается в большом количестве случаев и исключения из этого правила немногочисленны. Можно предположить, что открытость первого слога создает благоприятные условия для максимально интенсивной выраженности ударения на последнем слоге и таким образом способствует наибольшему стяжению безударных гласных.¹²⁵

¹²³ Н. Д. Дьячковский. Длительность якутских гласных в двусложных словах. Доклады на XIV научной сессии [Якутского] ИЯЛИ. Якутск, 1964, стр. 39—46.

¹²⁴ Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык, стр. 67, 68; N. P o r p e. Das Jakutische. Fundamenta, I, стр. 676.

¹²⁵ См.: П. П. Барашков. О некоторых особенностях гласных звуков якутского языка, стр. 21, 22.

Размеры редукции узких гласных в многосложном слове резко увеличиваются, особенно в языках кыпчакской группы, в которых узкие гласные почти полностью выпадают, ср. тат. *т₁рам* 'я стою', *б₁л₁м* 'я знаю', *б₁з₁н₁ң* 'наш', *м₁нд₁м* 'я взобрался' (исключения — в положении перед *j*: *к₁б₁ж₁м* 'я лью', *с₁б₁ж₁л₁* 'он говорит'); чуваш. *т₁рат* 'он стоит'; балк. *б₁л₁э* (*б₁л₁э*) 'с', *б₁ч₁ак* (*б₁ч₁ак*) 'нож'; алт. *к₁рут* 'сыр', *к₁з₁л* 'красный', *к₁ра* 'пашня'; хак. *п₁зо* 'теленоч', *х₁ро* 'иней', *п₁ро* 'вина', *к₁р₁э* 'маленькая пила'; шор. *к₁з₁л* 'красный', *к₁р₁а* 'иней', *п₁лан* 'лось', *п₁лар* 'эти, они'.

Наряду с сокращением длительности узких гласных первого слога в положении между глухими согласными происходит также их оглушение. Как отмечает Ф. Кязимов, имея в виду материалы азербайджанского языка, узкие гласные *i*, *i* в указанных комбинаторно-позиционных условиях «теряют звонкость, почти превращаясь в качественно окрашенный взрыв глухого согласного . . .»¹²⁶ Примеры: азерб. *п₁ш₁к* (*п₁ш₁к*) 'кошка', *т₁к₁н* (*т₁к₁н*) 'колючка'; балк. *к₁ш₁* (*к₁ш₁*) 'человек', *т₁ш₁* (*т₁ш₁*) 'самка', *к₁т₁п* (*к₁т₁п*) 'книга'; узб. *к₁с₁к₁* (*к₁с₁к₁*) 'короткий'; шор. *ч₁т₁к₁э* (*ч₁т₁к₁э*) 'затылок', *ч₁х₁ча* (*ч₁х₁ча*) 'висок'.

В диалектах казахского языка наблюдается почти полное выпадение полуузких гласных, а в восточных говорах тувинского языка, в балкарском, татарском и других языках — узких гласных в абсолютном начале слова, например: казах. (диал.) *ш₁ан-т₁эңіз* (< *ш₁ан-т₁эңіз*) 'беспредельное море', *с₁акта-* (< *ш₁акта-*) 'размельчать';¹²⁷ тув. (диал.) *н₁эк* (< *н₁эк*) 'корова', *јаш* (< *јаш*) 'дерево';¹²⁸ ср. также в гагаузском языке.¹²⁹

Сокращение длительности широких гласных в первом (открытом) слоге наблюдается в диалектах уйгурского языка, ср. *б₁лам* 'мой ребенок', *к₁эва* 'ворона', *јэвач* 'дерево', *к₁эра* 'черный'.¹³⁰

Обратный процесс — увеличение длительности — затрагивает только широкие и полуширокие гласные первого слога в таких языках, как балкарский,¹³¹ гагаузский, казахский, татарский и т. д. Относительно долгое произношение гласных в этом случае (в большинстве языков — в открытом слоге, в гагаузском — в открытом и закрытом слогах) обусловлено наличием в последующем слоге очень кратких узких гласных (так называемая позиционная долгота), ср. балк. *ал₁б₁із* 'мы берем', *б₁рун* 'место'; гаг. *б₁акт₁м* 'я посмотрел', *к₁арш₁* 'против'; казах. *т₁эжд₁* 'имеющий корону', *л₁аш₁н* 'ястреб', *м₁ојн* 'шея'.¹³²

¹²⁶ Ф. Кязимов. Система гласных фонем азербайджанского языка. Изв. АН СССР, ОЛЯ, XI, 1952, 4, стр. 303.

¹²⁷ См.: О. Нақысбеков. Көкшетау экспедициясының материалдарынан. Сб. «Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері», 2 шығуы, Алматы, 1960, стр. 92.

¹²⁸ См.: А. А. Пальмбаха. Особенности тувинского вокализма и отражение их в письменности, стр. 136.

¹²⁹ См.: Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка, стр. 48.

¹³⁰ См.: Т. Талипов. Описание гласных фонем и их оттенков в современном уйгурском литературном языке, стр. 142.

¹³¹ Ш. Х. Акбаев по вопросу о позиционной долготе гласных в карачаево-балкарском языке высказывается очень осторожно. См.: Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка, стр. 14.

¹³² Впервые эта особенность была отмечена Н. И. Ильминским. «Ударение, — писал он, имея в виду казахский язык, — не нарушает природной длинноты и краткости звуков: поэтому слова двусложные, имеющие в первом слоге гласную протяжнее, чем во втором, произносятся так, что может показаться, как будто они имеют ударение на первом слоге: *сабым*, *арыс*» (Н. И. Ильминский. Материалы к изучению киргизского наречия. Уч. зап. Казанского унив., III, 1860, стр. 97). См. также: Т. Талипов. Сонорная длительность казахских и уйгурских гласных. . . , стр. 46; В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка, стр. 12, 13; M. R ä s ä n e n. Materialien, стр. 64; Л. А. Покровская. 1) Основные черты фонетики современного гагауз-

Для широких гласных первого слога в башкирском и татарском языках характерно наличие огубленности (в первом в меньшей степени, чем во втором), см. башк. *әлтін* 'золото', *балык* 'рыба', *калды* 'он остался'.¹³³

Широкий (полуширокий) гласный мягкого ряда в первом слоге в азербайджанском, тувинском, уйгурском и других тюркских языках может становиться очень узким, приближающимся или совпадающим с аллофоном фонемы *i*, ср. азерб. *чичәк* 'цветок'; гаг. *димиш* 'он сказал'; тув. *идик* 'сапог'; уйг. *кәчә* ~ *кичә* 'вечер', *чәчәк* ~ *чичәк* 'цветок'. В уйгурском языке значительному сужению подвергается и широкий лабиализованный гласный мягкого ряда, ср. *түшүк* 'отверстие' (< *töshük* < *täshük*), *үсүмлүк* 'растение' (< *ösümlük*).¹³⁴

II. Наряду с необычной реализацией гласных фонем в первом слоге многосложного слова известны также случаи регулярного и устойчивого замещения одних фонем другими в зависимости от качества гласных первых слогов. Это явление — так называемый умлаут — наблюдается в уйгурском языке¹³⁵ и в намаганском говоре узбекского языка.¹³⁶ И в том и в другом умлаут имеет три основные разновидности: палатальную (нёбную), лабиальную (губную) и лингвальную. В первом случае широкий гласный твердого ряда предшествующего слога под влиянием узкого нелабиализованного гласного последующего слога становится мягкорядным, например: уйг. *ат* 'лошадь', *әти* 'его лошадь', *баш* 'голова', *бәши* 'его голова', *сал* 'положи', *сәлип* 'положив', *тап* 'найди', *тәпип* 'найдя', *бар* 'иди', *бәрип* 'пойдя', *тәрик* 'просо' (< *тарик*), *бәзир* 'печень' (< *базир*), *бәлик* 'рыба' (< *балик*); намаганск. (в одной из групп подговоров) *таш* 'камень', *тәши* 'его камень'. Во втором случае губной гласный непервого слога вызывает лабиализацию широкого нелабиализованного гласного первого слога, ср. уйг. *тонуш* 'знакомый' (< *тануш*), *совун* 'мыло' (< *савун*), *томур* 'корень' (< *тамур*), *кошук* 'ложка' (< *кашук*), *комуч* 'камыш' (< *камуш*), *төмүр* 'железо' (< *тәмүр*), *төшүк* 'дыра' (< *тәшүк*). Третья разновидность умлаута — изменение ступени раствора: под влиянием *i* широкий гласный мягкого ряда переходит в полуширокий, ср. уйг. *кәсип* 'резание' (< *кәсип*), а под влиянием *у, ү* сужаются *о, ö*, ср. уйг. (диал.) *чоңкур* ~ *чуңкур* 'глубокий', *мөшүк* ~ *мүшүк* 'кошка'.

Имеется ряд ограничений умлаута, которые подробно описаны в названных выше работах.

По вопросу о происхождении уйгурского умлаута существует две точки зрения: 1) умлаут имеет ограниченное распространение, его невозможно объяснить на основе собственно тюркских материалов и поэтому следует рассматривать как результат иноязычного, вероятнее всего, иранского влияния;¹³⁷ 2) умлаут, или обратное влияние гласных, в той или иной форме встречается в разных тюркских языках. Он возник на

ского языка. ВДТЯ, II, Баку, 1960, стр. 183 и сл.; 2) Грамматика гагаузского языка, стр. 37, 38; М. И с л а м о в. Азербайжан дилинин Нуха диалекти, стр. 11. Ф. Е. Корш указывал также на наличие позиционной долготы гласных в кумыкском языке. См.: Ф. Е. К о р ш. Происхождение формы настоящего времени в западнотурецких языках. Древности Восточные, III, 1, 1907, стр. 10—11.

¹³³ См.: Д. Г. К и е к б а е в. Фонетика башкирского языка (Опыт описательного и сравнительно-исторического исследования). АДД. М., 1959, стр. 9.

¹³⁴ См.: Т. Т а л и п о в. Описание гласных фонем и их оттенков в современном уйгурском литературном языке, стр. 147.

¹³⁵ См.: Т. Т а л и п о в. Система гласных в современном уйгурском языке, стр. 7.

¹³⁶ См.: С. А т а м и р з а е в а. Звуковой состав намаганского говора узбекского языка. АКД. JL., 1963, стр. 2—4.

¹³⁷ См.: Л. А. А г а н и н а. Фонетические закономерности чиликского диалекта уйгурского языка. Краткие сообщения Инст. народов Азии, АН СССР, 72, языковедение, М., 1963, стр. 125.

тюркской почве вследствие своеобразия ударения и широкого развития ассимиляции.¹³⁸

Если обратиться к материалам современных тюркских языков и проанализировать направленность различных ассимилятивных процессов, то станет ясно, что прогрессивное, т. е. направленное от начала слова к концу, уподобление гласных и согласных является в них доминирующим. Есть все основания считать, что по мере отхода от современного состояния к древнему роль прогрессивного уподобления гласных будет возрастать. Старый тезис о неизменности или постоянстве фонетического облика основы в ходе ее морфологических преобразований не вполне правилен в отношении современных тюркских языков, но вряд ли он может быть опровергнут или поколеблен, когда речь идет о древних тюркских языках или о тюркском праязыке. Гармония гласных явилась как бы кульминационной формой выражения превосходства начала слова, его основы, над конечной частью, морфологическими элементами. В отличие от гармонии умлаут — явление относительно новое, в некотором смысле противоречащее основным общетюркским тенденциям фонетического развития слова. Вместе с тем необходимо признать, что обратно направленное уподобление гласных, как справедливо отмечают сторонники второй точки зрения, в той или иной форме встречается в разных тюркских языках и, следовательно, не относится к числу случайных явлений или явлений, возникших под влиянием нетюркских языков, ср. якут. *xatın* и *xotун* 'женщина', *arđix* и *ордух* 'больше'; азерб. *gālin* 'толстый' (<*калін* <*калїн*), *gāmiş* 'камыш' (<*каміш* <*каміш*), *bojun* ~ *бујун* 'баран', *oküz* ~ *јкүз* 'бык'.¹³⁹ Большое количество аналогичных примеров можно найти в памятниках восточнотуркестанского и староузбекского языков, ср. *čikij* ~ *očkü* 'коза', *čksij* ~ *öksij* 'убывать, уменьшаться', *əgür* ~ *ögür* 'поворачивать, отворачивать', *əcür* ~ *öcür* 'пьянеть', *čökij* ~ *čökij* 'молоток', *ətijk* ~ *ötijk* 'ичиги', *təşijk* ~ *töşijk* 'отверстие', *kabur* ~ *кобур* 'жарить', *kaeyk* ~ *коеук* 'полый, пустой' и т. д. Кстати, в иранских и других нетюркских языках, которые оказали интенсивное влияние на развитие тюркских языков, явления, подобного уйгурскому умлауту, не было. Все сказанное выше свидетельствует о собственно тюркском происхождении умлаута. Весьма вероятно, что последний явился следствием изменения направленности ассимилятивных процессов. Одним из важных факторов, стимулировавшим это изменение, была унификация морфологических элементов (фонетическая многовариантность аффиксов вступает в противоречие с усиливающейся их формализацией и упрощением).

б) Гласные в непервых слогах многосложного слова

Вокализм непервых слогов многосложного слова в тюркских языках образует особую подсистему (у Н. С. Трубецкого: частную систему) фонологической системы гласных. В этой подсистеме всего две фонемы, которые являются членами противопоставления по признаку раствора (широкая/узкая) и реализуются в большом количестве аллофонов.¹⁴⁰

¹³⁸ См.: Т. Т а л и п о в. Уйгур тилидики қелин *a* созуқ тавушиниң палаталлишиниңга даир, стр. 41—48. — Е. Д. Поливанов указывал, в частности, на то, что развитие умлаута связано с разложением гармонии гласных. См.: Е. Д. П о л и в а н о в. Причины происхождения Umlaut'a. Сб. Туркестанского восточного инст. в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923, стр. 123.

¹³⁹ См.: М. Ш. Ш и р а л и е в. Диалектологический атлас азербайджанского языка, стр. 54.

¹⁴⁰ См.: Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии, стр. 109, 118. См. также: Ф. К я з и м о в. Система гласных фонем азербайджанского языка, стр. 299; М. А. Ч е р к а с с к и й. 1) О фонологических отношениях в системе тюркских гласных. Уч.

Подобная точка зрения на вокализм непервых слогов является в достаточной мере обоснованной: в непервых слогах отсутствует самостоятельная оппозиция по признакам твердорядности/мягкорядности, долготы/краткости и не велика функциональная емкость противопоставления нелабиализованных и лабиализованных гласных. При этом позиция ударения, как отмечает Н. С. Трубецкой, не играет никакой роли.¹⁴¹

I. Состав аллофонов, выступающих в первом слоге и в непервых слогах, существенно различается.

Широкий нелабиализованный гласный твердого ряда (*a*) характерен и для основной и для частной системы; однако в таких языках, как татарский и башкирский, в первом слоге наблюдается также соответствующий лабиализованный, который во вторых и особенно в третьих слогах по существу не представлен.¹⁴²

Широкий нелабиализованный гласный мягкого ряда (*ä*) в первом слоге встречается в азербайджанском и уйгурском языках. Во всех других тюркских языках выступает преимущественно полуширокий гласный (*ə*). В непервых слогах эти аллофоны распределены иначе: в узбекском, уйгурском и некоторых кыпчакских языках, например башкирском и татарском, за пределами первого слога *ə* почти полностью исключен,¹⁴³ доминирующим оказывается широкий гласный (*ä*); в гагаузском языке *ä* прослеживается регулярно в конечной позиции (в вулканештском говоре ему соответствует *ə*), в неконечной позиции более обычным является *ə*, ср. *gəjā* 'ночь', *gənā* 'снова', *gəlmā* 'не приходи', но *gidəjim* 'пойду-ка';¹⁴⁴ в огузских языках, исключая гагаузский, языках Сибири и Алтая, в балкарском и кумыкском языках *ə* выступает постоянно и в непервых слогах. Тем не менее и в этих тюркских языках рассматриваемый аллофон в непервых слогах обнаруживает большую степень открытости, чем в первом слоге.¹⁴⁵

Широкие лабиализованные гласные твердого и мягкого ряда (*o, ö, õ, õ*) в непервых слогах необычны. Исключение составляют алтайский, киргизский, хакасский и якутский языки, а также диалекты некоторых других тюркских языков, ср. алт. *oĵno-* 'играть', *ozo* 'давно, прежде', *mörö-* 'мычать'; кирг. *köpürö* 'мост', *bošo-* 'пустеть', 'освободиться', *бото* 'верблюжонок по первому году'; хак. *nzo* 'теленек', *xro* 'иней', *хоңро* 'колокольчик', *kzö* 'зять'; якут. *орто* 'средний', *өлөр-* 'умерщвлять', *сөтөл* 'кашель', *төрө-* 'рождаться', *тотор-* 'насыщать', *торҕо* 'ткань, бумажная материя'. Ср. также балк. *бузов* 'теленек', *бузов* 'оковы', *отов* 'комната для молодоженов'. Примечательно, что в перечисленных выше языках *o, ö, õ, õ* часто являются вторичными гласными и образовались в результате монофтонгизации дифтонгов, восходящих к сочетаниям типа «широкий нелабиализованный гласный + согласный», ср. в уйбатском говоре хакасского языка: *nzov* 'те-

зап. Алма-Атинского пед. инст. иностран. языков, II, 5, 1957, стр. 47—62; 2) Очерки по исторической фонологии тюркских гласных, стр. 6, 7; В. И. Котлеев. Система гласных фонем чувашского языка, стр. 11.

¹⁴¹ N. T r u b e t z k o u. Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme. TSLP, 1, 1929, стр. 58.

¹⁴² В небольших размерах лабиализация широкого гласного наблюдается и в непервых слогах. См.: Ж. Ф. Кибеев. Башкорт теленең фонетикаһы. Өфө, 1958, стр. 28.

¹⁴³ См.: Т. Талипов. Описание гласных фонем и их оттенков в современном уйгурском литературном языке, стр. 149.

¹⁴⁴ См.: Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка, стр. 26, 27.

¹⁴⁵ См.: J. N é m e t h. Zu den E-Lauten im Türkischen, стр. 8—19; Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 6.

ленок', *x₁ров* 'иней', *хоңров* 'колокольчик', *к₁зөв* 'зять';¹⁴⁶ в сагайском говоре: *n₁зā*, *x₁rā*, *хоңrā*, *к₁зэ*; др.-тюрк. *бузабу*, *кiрабу*, *коңрабу*, *кiдäгi*.

В древних тюркских языках возможность обнаружения *o*, *ö* в непервых слогах затруднена особенностями графики. Только письменность брахми, располагающая особыми знаками для широкого и узкого лабиализованных гласных, позволяет сделать кое-что в этом направлении. В результате исследования соответствующих текстов А. Габен, например, обнаружила большое количество случаев употребления *o*, *ö* в непервых слогах и высказала предположение о существовании в Восточном Туркестане особого *o*-диалекта, ср. *олорон* 'сидя', *толо* 'полный', *кöңлөмнөң* 'моего сердца'.¹⁴⁷

И все же появление *o*, *ö* в непервых слогах относится к довольно позднему времени.

К. Томсен, исследовавший материалы древних и современных тюркских языков, подверг критике традиционную точку зрения и высказал мысль о том, что первоначально фонема *o* в непервых слогах реализовалась в *o*, *ö* и что затем повсюду, исключая якутский язык, она совпала с фонемой *y*, аллофонами которой в непервых слогах были *y*, *ÿ*, *i*, *i*.¹⁴⁸ Гипотеза К. Томсена не подтверждается данными сравнительной фонетики тюркских языков. Существуют многочисленные факты, свидетельствующие о том, что развитие тюркского вокализма в непервых слогах происходило по линии постепенного увеличения количества гласных (от одного до двух, трех и т. д.), но не наоборот. В этом процессе определяющую роль играли гласные первого слога, которые как бы проецировались на неопределенный гласный непервых слогов и вызывали ту или иную форму его качественного прояснения. Сначала выделились широкий и узкий нелабиализованные гласные, затем *y*, *ÿ* и наконец *o*, *ö*, *ä*.

Все узкие гласные представлены без существенных изменений и в непервых слогах. Только в уйгурском языке в открытом ударном слоге, образовавшемся в результате выпадения конечного *p* (лабиализованные гласные), или в любом открытом слоге под ударением (нелабиализованный мягкорядный гласный) они становятся более широкими: *алидÿ* ~ *алидо* 'он берет', *көмÿ* ~ *көмө* 'уголь', *төмÿ* ~ *төмө* 'железо', *олтÿ* ~ *олто* 'сиди', *көрдi* ~ *көрдэ* 'он увидел', *ändi* ~ *ändэ* 'теперь'.¹⁴⁹ Кроме того, наблюдается совпадение узких нелабиализованных гласных в словах твердого и мягкого ряда в одном гласном (*i*), нейтральном в отношении гармонии, например в чувашском языке, в сагайском диалекте хакасского языка.

В якутском языке в конце многосложных глагольных основ дифтонги *iä*, *yo*, *ÿö* переходят в широкие долгие монофтонги *ä*, *ö*, *ä*.

Различие в количественном отношении между широкими и узкими гласными проявляется главным образом во втором безударном слоге: в этом положении узкие гласные, находящиеся рядом с сонантом, подвергаются сильной редукции или полностью исчезают, ср. балк. *карнi*

¹⁴⁶ См.: Д. Ф. П а т а ч а к о в а. Отчет о работе диалектологической экспедиции Хакасского НИИЯЛИ в 1960 году. Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, IX, Абакан, 1963, стр. 167.

¹⁴⁷ См.: A. v o n G a b a i n. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, стр. 6; M. R ä s ä n e n. Materialien, стр. 100.

¹⁴⁸ К. Т h o m s e n. Bemerkungen über das türkische Vokalsystem der zweiten Silbe. АОН, XVI, 3, 1963, стр. 313—318.

¹⁴⁹ См.: Т. Т а л и п о в. 1) Об одной особенности узких гласных современного уйгурского языка. Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1 (6), Алма-Ата, 1957, стр. 80—87; 2) Ғазирқи заман уйғур әдәби тилидики созуқ та-вушларни классификацияләшниң бәзибир принциплари һәққидә, стр. 163; 3) Система гласных в современном уйгурском языке, стр. 8.

‘его живот’ (<карїні), авзум ‘мой рот’ (<авузум), којнум ‘моя пазуха’ (<којунум);¹⁵⁰ гаг. бојну ‘шея’ (<бојуну), бурну ‘нос’ (<буруну), аннї ‘лоб’ (<алїнї ‘его лоб’);¹⁵¹ тат. карнїм ‘мое чрево’ (<карїнїм), урнї ‘его место’ (<урїнї), ісїм ‘мое имя’ (<ісїмїм), сікрām ‘прыгаю’ (<сікрām), жōгрām ‘бегу’ (<жōгбрām),¹⁵² чакрам ‘зову’ (<чакїрам); тув. арнї ‘его лицо’ (<арїнї), әрнї ‘его губа’ (<әрнї), көрнїп ‘оглядываясь’ (<көрнїп);¹⁵³ тур. аџа ‘рту’ (<аџза), ална ‘лобу’ (<алїна), бәйнә ‘мозгу’ (<бәйнә), бојна ‘шее’ (<бојуна), бурна ‘носу’ (<буруна), гōксә ‘груди’ (<гōгүзә), гөнлә ‘груди’ (<гөнүлә), клрчл ‘животу’ (<карїна), којна ‘пазухе’ (<којуна), оџла ‘сыну’ (<оџула);¹⁵⁴ туркм. омдї ‘его плечо’ (<омудї), ојнї ‘его игра’ (<ојунї), гәлнї ‘его невестка’ (<гәлнї); узб. чакїрадї ‘зовет’; уйг. чәврә ‘правнук’ (<чәврә), татлајдў ‘чешет’ (<татїлајдў), арлаштуруп ‘смешав’ (<арїлаштуруп), јаплак ‘плоский’ (<јапїлак), бурнуң ‘твой нос’ (<бурунуң), којнї ‘его пазуха’ (<којунї), кујрук ‘хвост’ (<кујурук), бөркї ‘его шапка’ (<бөрүкї), көңлїмїз ‘наше сердце’ (<көңүлїмїз), көркї ‘его красота’ (<көрүкї), аџзї ‘его рот’ (<аџзї), ајрїм ‘отдельный’ (<ајрїм), аџрїк ‘болезнь, недуг’ (<аџрїк).¹⁵⁵

Несколько загадочным является наличие значительного количества слов типа казахского көрүк ‘кузнечные мѣхи’, в которых узкий гласный, оказываясь в безударном слоге, не выпадает, ср. көрүгї.¹⁵⁶

Редукция или полное выпадение в непервых слогах многосложного слова широких гласных происходит редко, ср. казах. балдарї ‘их дети’ (<балаларї); гаг. алъјәк ‘он возьмет’, әррјәк ‘он даст’, алмъјї ‘яблоко’ (вин. пад.), алъјим ‘возьму-ка’.¹⁵⁷

В непервых слогах, как и в первом слоге, встречаются долгие гласные, изредка в основе, например: туркм. окїјї ‘чтец’, ‘читатель’, танїмал ‘известный’, туркм. (диал.) таши- ‘тянуть’, җаррї- ‘стариться’, җалїң ‘толстый’, бїлән ‘с, вместе’; якут. арҕа ‘тыл, задняя сторона’, төрө- ‘рождаться’; чаще — в определенных морфологических показателях,¹⁵⁸ в туркменском языке в аффиксах: 1) перфективного деепричастия (-āp), ср. башилāp ‘начав’; 2) причастия настоящего времени (-jān), ср. алјān ‘берущий’, бәрјān ‘дающий’; 3) глагольной формы настоящего времени (-jār), ср. алјār ‘он берет’, бәрјār ‘он дает’; 4) причастия настояще-будущего времени (-ār), ср. јārār ‘подходящий’; 5) относительных прилагательных со значением места или времени (-dākī), ср. обадākī ‘находящийся в ауле’, башдākī ‘находящийся в начале’, ічїндākī ‘находящийся внутри’; 6) притяжательного падежа (-їң ~ -āң), ср. тана-лāң ‘телят’, гәлїллāң ‘невесток’;¹⁵⁹ 7) формы сравнительной степени

¹⁵⁰ См.: Ш. Х. А к б а е в. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка, стр. 52.

¹⁵¹ См.: Л. А. П о к р о в с к а я. Грамматика гагаузского языка, стр. 46.

¹⁵² См.: В. А. Б о г о р о д и ц к и й. О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте, стр. 120, 121.

¹⁵³ См.: А. А. П а л ь м б а х. Особенности тувинского вокализма и отражение их в письменности, стр. 134.

¹⁵⁴ См.: R. V. L e e s. The phonology of modern standard Turkish. Uralic and Altaic Series, 6, Bloomington, 1961, стр. 37.

¹⁵⁵ См.: Л. А. А г а н и н а. Фонетические закономерности чиликского диалекта уйгурского языка, стр. 121; Т. Т а л и н о в. Описание гласных фонем и их оттенков в современном уйгурском литературном языке, стр. 147, 148.

¹⁵⁶ См.: А. Д ж у н и с б е к о в. Гласные казахского языка, стр. 24. См. также: J. D e n y. Principes de grammaire turque («turk» de Turquie). Paris, 1955, стр. 125 и сл.

¹⁵⁷ См.: Л. А. П о к р о в с к а я. Грамматика гагаузского языка, стр. 47, 48.

¹⁵⁸ См.: Н. К. Д м и т р и е в. 1) Долгие гласные в туркменском языке, стр. 189—194; 2) Долгие гласные в якутском языке, стр. 195—197; M. R ä s ä n e n. Materialien, стр. 71—73; А. Б и ш е в. «Первичные» долгие гласные в тюркских языках, стр. 53—57.

¹⁵⁹ В гекленском диалекте.

прилагательных (-*rāk*), ср. *баррїрāk* 'старше', *кїчїрāk* 'меньше'; 8) формы отглагольного имени (-*māk* ~ -*māk* с аффиксом дательного падежа), ср. *бармāба* 'чтобы пойти', *бэрмāгэ* 'чтобы дать'; 9) наречий места (-*īk*), ср. *јокарīk* 'наверх', *їлэрīk* 'вперед', *барīk* 'сюда', *бајрāk* 'назад', *анрīk* 'туда'; 10) различных групп имен и наречий отименного и отглагольного образования (-*ān*, -*īn*, -*āk* ...), ср. *аркān* 'веревка, канат', *ббрān* 'буря', *їлān* 'змея', *којān* 'заяц', *ормān* 'лес', *ајратīn* 'особенно', *гїдлīn* 'скрытно, тайно', *јакīn* 'близко', *оңңīn* 'позавчера', *удīn* 'длинный', *їчīn* 'для, ради', *ашāk* 'низ', *їрāk* 'далекий', *гүндїд* 'днем', *їлпзвāч* 'веер', *эртїр* 'завтра') и т. д.; в якутском языке в аффиксах: 1) совместного падежа (-*līn*), например: *тāстīn* 'с камнем', *табалīn* 'с оленем'; 2) отглагольного имени (-*ū*, -*ī*), ср. *булū* 'находка', 'приобретение', *ојнū* 'игра', *сірї* 'ходьба', *барї* 'хождение', 3) имени действующего лица (-*āchī*), ср. *білзчї* 'знаток'; 4) имени обладания (-*lāx*), ср. *сілїлāx* 'с костным мозгом', *сіллзx* 'имеющий гриву'; 5) отыменного образования глаголов (-*lā*, -*ā*), ср. *сіттїлā* 'точить', *сіттā* 'чуют, идти по запаху', *кэңз* 'расширяться', *аhā* 'есть', *сонō* 'толстеть'; 6) разделительного деепричастия (-*āt*), ср. *сітāt* 'как только ляжет'; 7) разделительных числительных и наречий (-*lī*), например: *алталї* 'по-шесть', *сахалї* 'по-якутски'; 8) относительных прилагательных со значением места или времени (-*dābī*), ср. *їјдābї* 'месячный', *тāстābї* 'находящийся на камне'; 9) деепричастия цели (-*ārī*), ср. *барārī* 'чтобы идти'; 10) уменьшительно-ласкательных форм имени (-*čān*), ср. *уолчān* 'мальчонка'; 11) формы, выражающей склонность, расположенность к совершению действия (-*īk*, -*ūk*), ср. *күлүк* 'смешливый'; 12) формы сравнительного падежа (-*tābār*), ср. *кустāбар* 'по сравнению с уткой' 13) наречия (-*īn*), ср. *білїрїn* 'в прошлом году'; 14) именного словообразования (-*ūn*, -*ūk*, -*ās*, -*mīr*) и т. д. В нохурском диалекте туркменского языка долгота гласных наблюдается также в морфемах лица (-*mān*, -*sān*).¹⁶⁰ Как сообщает в своем отчете Д. Ф. Патачакова, в качинском диалекте и уйбатском говоре хакасского языка долгими являются гласные в аффиксе множественного числа (-*lār*) и в глагольной форме настоящего времени (-*čā*).¹⁶¹ Ср. также в древних тюркских языках: *эрдāmліг* 'доблестный' (E 48₈), *отāсū* 'пусть выполнит' (QVN 62₁₈), *јаттї* 'он лег' (Man I 5₃).

Долгие гласные в ряде грамматических форм являются вторичными, т. е. возникли вследствие выпадения согласных и стяжения гласных, ср. туркм. -*јār*,¹⁶² якут. -*āt*, -*ī*. В некоторых формах они, по-видимому, наследуют общетюркскую долготу.

Долгота в аффиксах, как правило, не имеет фонологического значения и в настоящее время постепенно утрачивается.

II. Зависимость гласных непервых слогов от вокализма первого слога получила выражение в гармонии — явлении прогрессивной ассимиляции гласных.

По вопросу о происхождении гармонии гласных существует фактически одна точка зрения, объясняющая возникновение ее необходимостью фонетического выражения смысловой целостности слова. Она была высказана впервые А. Шлейхером¹⁶³ и нашла себе сторонников в лице

¹⁶⁰ См.: Х. М у х и е в. Нохурский диалект туркменского языка, стр. 4.

¹⁶¹ Д. Ф. П а т а ч а к о в а. Отчет о работе диалектологической экспедиции Хакасского НИИЯЛИ в 1960 году, стр. 166.

¹⁶² См.: Ф. Е. К о р ш. Происхождение формы настоящего времени в западнотюркских языках, стр. 8. Ср.: К. Р о у. *Azerbajġanische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen*. MSoS, VI, Abth. II, 1903, стр. 159 и сл.

¹⁶³ А. S c h l e i c h e r. *Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht*. Bonn, 1850, стр. 63, 64.

В. В. Радлова, Л. Адама, И. А. Бодуэна-де-Куртенэ и других.¹⁶⁴ Нетрудно понять, что перечисленные выше языковеды наделяют гармонию гласных той функцией, которая во многих других языках присуща ударению. Об этом недвусмысленно говорит В. В. Радлов: «Задача резко выделяемого ударения в индоевропейских языках — группировать слоги и корни в единое целое, в урало-алтайских и главным образом в тюркских языках выпадает на долю гармонии гласных».

В настоящее время почти каждый тюрколог отмечает наличие у гармонии гласных централизующей функции, проявляющейся в указании на границы слова и в выделении слова как особого, относительно замкнутого, фонетического комплекса.¹⁶⁵

Признавая непосредственную причинную связь между возникновением гармонии гласных и необходимостью фонетического выражения целостности слова,¹⁶⁶ следует вместе с тем отметить и некоторое значение физиологического фактора, а именно трудность совмещения в одной просодической единице разнородных артикуляций. «Многие исследователи, сравнивавшие тюркские языки с языками других систем (В. А. Богородицкий, Х. Х. Махмудов, В. С. Михайлова, Ф. А. Кязимов, Е. Н. Степанова и другие), — указывает В. М. Шварцман, — отмечали типичную ошибку носителей тюркских языков, заключающуюся в том, что артикуляционный ряд гласной первого корневого слога сохраняется при артикуляции всех остальных гласных иностранного слова».¹⁶⁷

Происхождение гармонии гласных в чисто фонетическом аспекте иногда рассматривается на фоне развития тюркского вокализма и консонантизма в целом. При этом устанавливается первичность консонантной гармонии по сравнению с вокальной и допускается возможность интерпретации гласных в определенном историческом срезе как тембровой окраски согласных.¹⁶⁸

Систематизация и классификация различных типов гармонии гласных впервые была разработана Л. Адамом.¹⁶⁹ Предложенная им схема не утратила своего значения и в настоящее время.

Базой гармонии гласных, как отмечает он, является их разделение на классы, которых в одних языках может быть два (твердорядные/мягкорядные, неогубленные/огубленные), а в других — три (твердорядные/мягкорядные, неогубленные/огубленные, широкие/узкие). Границы проявления гармонии в синтагматическом плане различны. Она бывает: абсолютной — распространяющейся на все слово, включая аффиксальную часть; тематической — ограничивающейся основой слова, и суффиксальной, т. е. такой, которая охватывает последний гласный основы и все морфологические показатели. Гармония гласных подразделяется

¹⁶⁴ Phonetik, стр. 97; L. A d a m. De l'harmonie des voyelles dans les langues ouralo-altaïques, стр. 66; И. А. Б о д у э н - д е - К у р т е н э. Резьянский катехизис, как приложение к «Опыту фонетики резьянских говоров». Leipzig, 1875, стр. 323; Г. П. М е л ь н и к о в. О некоторых типах словоразличительных сигналов в языках тюркских и банту. «Народы Азии и Африки», 1962, № 6, стр. 141; Ф. К я з и м о в. Принципы сингармонизма в азербайджанском языке. Изв. АН СССР, ОЛЯ, XIII, 1954, 1, стр. 96.

¹⁶⁵ См.: Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии, стр. 311, 312.

¹⁶⁶ См.: J. G r u n z e l. Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen. Leipzig, 1895, стр. 20—23; В. Г. Е г о р о в. Закон гармонии гласных в чувашском языке. Научно-педагогический сб. Восточного пед. инст., IV, Казань, 1928, стр. 39.

¹⁶⁷ В. М. Ш в а р ц м а н. Сходства и различия в системе гласных французского и казахского языков, стр. 66.

¹⁶⁸ J. K r á m s k ý. Über den Ursprung und die Funktion der Vokalharmonie in den ural-altaischen Sprachen. ZDMG, CVI, 1, 1956, стр. 128. См. также: М. М о л о в а. К истории тюркского вокализма. ВЯ, 1966, № 2, стр. 56, 57.

¹⁶⁹ L. A d a m. De l'harmonie des voyelles dans les langues ouralo-altaïques, стр. 33, 34.

на сложную (комбинация классов) и простую. По количеству исключений Л. Адам выделяет две разновидности: полную или частичную и недостаточную, по характеру проявления — нормальную и аномальную (имеется в виду случай, когда некоторые гласные переходят из одного класса в другой).

В тюркских языках несмотря на наличие трех классов гласных господствует бинарный тип (нёбная и губная гармония). Что касается троячного типа, то он, возможно, был характерен для койбальского языка и для некоторых древнетюркских диалектов. Абсолютной почти для всех тюркских языков является нёбная разновидность. Губная гармония развита неодинаково, абсолютной ее можно считать, например, в карачаево-балкарском и киргизском языках.

II, 1. Нёбная (палатально-велярная) гармония гласных — очень древнее явление. Возникновение ее, по-видимому, относится к тому времени, когда на смену аналитическому строю приходит агглютинация и когда моносиллабический структурный тип слова перестает быть господствующим: в силу отсутствия сильноцентрализующего ударения гармония гласных оказалась важным средством фонетического объединения слова.

Нёбная гармония гласных прослеживается во всех тюркских языках, кроме караимского и узбекского. В первом из них она заменилась гармонией согласных, во втором — исчезла полностью в результате воздействия нетюркского субстрата. Частные случаи нарушения нёбной гармонии гласных встречаются во многих тюркских языках,¹⁷⁰ ср. гаг. *альжэк* 'он возьмет', *гэлжорум* 'я прихожу';¹⁷¹ туркм. (диал.) *гэлэдүрүн* ~ *гэлдүрүн* 'я иду', *билэдүр* ~ *билдүр* 'он знает', *бэрмәјдүр* 'он не дает', *билмәјдуран* 'не знающий' (ср. также в эрсаринском диалекте туркменского языка).¹⁷² В турецком языке не подчиняются нёбной гармонии следующие аффиксы: *-i*, *-ki*, *-jor*, *-dash*, *-gil*, *-istan*,¹⁷³ в западнорумелийском диалекте турецкого языка — аффикс *-miş*;¹⁷⁴ в хайдакском говоре кумыкского языка — *-лар*, *-йбиз*, *-йңиз*, *-лйк*, *-лй*, *-мах*;¹⁷⁵ в чувашском языке — *-сэм*, *-i* ~ *-ё*.¹⁷⁶ В уйгурском языке не имеют сингармонических вариантов падежные аффиксы (*-ни*, *-ниң*, *-дин* ~ *-тин*); личные местоименные аффиксы (*-мән*, *-сән*, *-миз*, *-сиз*); угодобительный аффикс *-дәк*; аффикс именной привативности (*-сиз*); аффиксы именного словообразования (*-чи*, *-чан*), порядковых числительных (*-инчи*), собирательных числительных (*-лән*), причастия настоящего времени (*-диған*), повелительного наклонения 3-го л. (*-сун*), формы 1-го л. мн. ч. прошедшего категорического (*-дук*); аффикс, образующий относительные прилагательные со значением места и времени (*-дики*); предикативный показатель *-дур* и т. д.¹⁷⁷ В значительном количестве случаев нарушения нёбной гармонии связаны с переходом *ï*

¹⁷⁰ См.: A. von G a b a i n. Zur Geschichte der türkischen Vokalharmonie. UAJb, XXIV, 1—2, 1952, стр. 105—111.

¹⁷¹ См.: V. D r i m b a. Sources roumaines de la dialectologie historique turque, стр. 138, 139 и сл.; Л. А. П о к р о в с к а я. Грамматика гагаузского языка, стр. 47; W. Z a j a c z k o w s k i. Język i folklor gagauzów z Bułgarii, стр. 10, 11.

¹⁷² С. К у р е н о в. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья). АКД. Ашхабад, 1959, стр. 15; К. Ш а м ы р а д о в. Туркмен дилиниң эрсары диалектинде ассимиляция. Тр. ИЯ АН Туркменской ССР, IV, Ашхабад, 1962, стр. 220.

¹⁷³ См.: R. V. L e e s. The phonology of modern standard Turkish, стр. 17—20.

¹⁷⁴ J. N é m e t h. Zur Einteilung der türkischen Mundarten Bulgariens, стр. 27.

¹⁷⁵ Н. К. Д м и т р и е в. Грамматика кумыкского языка, стр. 33.

¹⁷⁶ В. И. К о т л е е в. Система гласных фонем чувашского языка, стр. 23; В. Г. Е г о р о в. Закон гармонии гласных в чувашском языке, стр. 50, 51.

¹⁷⁷ См.: Л. А. А г а н и н а. Гармония гласных (сингармонизм) в илийском диалекте уйгурского языка. Вестник АН Казахской ССР, 3, Алма-Ата, 1954, стр. 31; Т. Т а л и п о в. Система гласных в современном уйгурском языке, стр. 10.

в *i*, реже *i* в *ĩ*, в говорах азербайджанского и турецкого языков.¹⁷⁸ Особенно часто нарушения имеют место в заимствованных словах.¹⁷⁹

Наличие в некоторых тюркских языках большого количества нарушений нёбной гармонии гласных нередко рассматривается как проявление тенденции, направленной к полной десингармонизации.¹⁸⁰

II, 2. Лабиальная гармония гласных¹⁸¹ в отличие от нёбной возникла относительно поздно, что было отмечено еще И. Грунцелем.¹⁸²

Наиболее полно лабиальная гармония гласных выражена в киргизском языке. П р и м е р ы: *којон* 'заяц', *өпкө* 'легкие', *јүрөк* 'сердце', *мојун* 'шея', *отуз* 'тридцать', *мурун* 'нос', *булут* 'туча, облако', *көјнөк* 'рубашка', *көпөлөк* 'бабочка', *бөдөнө* 'перепелка', *отко* 'огню', *болжон* 'бывший', *төрдө* 'в переднем углу', *түндө* 'ночью', *түнгө* 'к ночи', *түндү* 'ночь' (вин.), *кушту* 'птицу'. Различие в характере огласовки по степени раствора указывает на то, что исходными являются разновидности аффиксов с неогубленными гласными: с широкими (*a*, *ä*), когда выступают широкие лабиализованные гласные (*o*, *ö*); с узкими (*ı*, *i*), когда в соответствующих аффиксах оказываются узкие лабиализованные гласные (*u*, *ü*). Нарушение лабиальной гармонии происходит в том случае, когда после твердорядного узкого лабиализованного гласного первого слога во втором слоге основы или в аффиксе выступает широкий гласный, ср. *куштар* 'птицы', но *кушу* 'его птица', *бутак* 'ветвь', *тујак* 'копыто'. Лабиальная гармония в киргизском языке охватывает все слово, независимо от количества слогов, ср. *көлдөрүңүздүн* 'ваших озер', *колуңду* 'вашу руку'.

В якутском языке в отличие от киргизского огубление широкого гласного не наблюдается и после *ү*, *өү*, ср. *кустар* 'утки', *уола* 'его сын', *күнлэр* 'дни', *күөлгэ* 'на озеро', *түстүлэр* 'они опустились', *ол күнтэн* 'с того дня'.

В алтайском языке устойчиво лабиализуются широкие гласные первых слогов основы и аффиксов под влиянием широких лабиализованных гласных и лабиализация в этом случае является абсолютной, ср. *кочкор* 'дикий баран', *өлөң* 'травя', *тозун* 'пыль', *колдо* 'в руке', *көлдө* 'в озере', *кочкорлорго* 'диким баранам'. После узких лабиализованных гласных подвергаются огублению только узкие нелабиализованные гласные, при этом способность ассимилятивного воздействия проявляется не дальше второго слога основы. П р и м е р ы: *түлкүлэр* 'лисы', *түлкү-*

¹⁷⁸ J. N é m e t h. Zur Einteilung der türkischen Mundarten Bulgariens, стр. 27.

¹⁷⁹ См.: A. F i s c h e r. Die Vocalharmonie der Endungen an den Fremdwörtern des Türkischen. Leipzig, 1920; В. Г. Е г о р о в. Закон гармонии гласных в чувашском языке, стр. 55.

¹⁸⁰ См.: Э. В. С е в о р т я н. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, стр. 37.

¹⁸¹ Наиболее точное и подробное описание см. в статье: В. А. Б о г о р о д и ц к и й. Законы сингармонизма в тюркских языках. ВНОТ, 6, 1927, стр. 65—80. См. также: Ф. Г. И с х а к о в. Гармония гласных в тюркских языках. ИСГТЯ, стр. 138—159; К. Д ы й к а н о в. Кыргыз тилиндеги үндүүлөр, стр. 38—41; Г. П. М е л ь н и к о в. 1) Математические формулы и блок-схемы электронных автоматов для описания и моделирования взаимодействия дифференциальных признаков фонем при сингармонизме (огласовка тюркских аффиксов), I. М., 1961; 2) Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках, ВЯ, 1962, № 6, стр. 31—53. О развитии лабиальной гармонии см.: А. В о m b a c i. Probleme der historischen Lautlehre der türkischen Sprache, I. UAJb, XXIV, 3—4, 1952, стр. 89—105; о состоянии лабиальной гармонии гласных в древних тюркских языках см.: А. С. Е m r e. Türk lehçelerinin mukayeseli grameri (соответствующие разделы в описании памятников каждой группы).

¹⁸² J. G r u n z e l. Die Vokalharmonie der altaischen Sprachen. SWAW, CXVII, III Abh., 1889, стр. 39. См. также: Н. P e d e r s e n. Türkische Lautgesetze. ZDMG, LVII, 1903, стр. 543; W. R a d l o f f. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türkischen Sprachen. Записки АН, VIII серия, VIII, 7, 1908, стр. 4; М. R ä s ä n e n. Materialien, стр. 16.

ниң 'лисы', узун 'длинный', но: күни 'его день'. В северной группе диалектов алтайского языка широкие аффиксальные гласные (ä, ә) и после широких лабиализованных гласных (o, ö) подвергаются лабиализации нерегулярно, ср. северн. көргән 'видевший', полған 'бывший', южн. көргөн, болған.¹⁸³

В казахском, каракалпакском и ногайском языках полное или частичное огубление узких гласных происходит как после твердорядных, так и после мягкорядных лабиализованных гласных, а огубление широких — только после мягкорядных. Ассимилирующая способность последних проявляет себя главным образом в пределах второго (третьего) слога,¹⁸⁴ ср. казах. күлүн 'жеребенок', ұбұм 'понятие', ұтұс 'выигрыш', *оқұту 'учение', көбүк 'пена', жұзүк 'кольцо', бөлүм 'часть', көпүр 'мост', *орүн 'место', колдұң 'руки', күндөр 'дни', *өрүк 'урюк', түйтүн 'дым', *өтө 'очень', *өлөң 'песня', *өлкө 'край', ұлкөн 'большой', түйжөләргә ~ түйжөләргә 'верблюдом', бөтөлкә ~ бөтөлкө 'бутылка', күлүннi ~ күлүннү 'его жеребенок'. После твердорядных лабиализованных гласных огубление широких гласных не наблюдается, ср. казах. көлгө 'к озеру', көлдө 'в озере', *өзөн 'река', күлан 'дикий осел', күлда 'у раба', колда 'в руке', *орак 'серп, коса', тулар 'знамена'.

В карагасском и тувинском языках лабиализованные гласные первого слога вызывают огубление последующих узких гласных и не влияют на широкие, например: тув. өттү 'жёлчь' (вин. пад.), о'тту 'траву', хүлдү 'золу', хөмүр 'уголь', кулун 'жеребенок', өкпә 'легкие', холда 'в руке', хүлдә 'в золе', одаф 'костер', оруннар 'места'.

Аналогичное положение — в шорском языке, в котором, однако, огубление узких гласных наблюдается регулярно лишь в основах. П р и м е р ы: кулун 'жеребенок', кујун 'вихрь', кузурук 'хвост', күмүш 'серебро'. В аффиксах лабиализация узких гласных происходит факультативно.¹⁸⁵

К каракалпакскому и тувинскому языкам примыкают также карачаево-балкарский, кумыкский, караимский, уйгурский¹⁸⁶ языки и почти все языки огузской группы,¹⁸⁷ ср. балк. күнүбүзүңкү 'относящийся к нашему дню', толтурлузубуз 'то, что вы можете (должны) наполнить'; уйг. колум 'моя рука', болуң 'будьте', тојдум 'я насытился', олтур 'сядь', олтурушлук 'сидение', бошлук 'пространство', көлүм 'мое озеро', бөлүң 'делите', көрдүм 'я видел', күлүн 'смеясь', күтүш 'ожидание', өткүр 'острый', бөлүм 'отдел'; гаг. коллу 'с руками', сују 'воду', гөзлүк 'очки', *өкүзүк 'бычок', сүдү 'молоко' (вин. пад.), көпүңнүң 'моста'; тур. отуз 'тридцать', куллуқ 'рабство', докуз 'девять', үчлү 'тройной', дөнүл- (безличн.) 'вращаться'. Огубление в указанных языках широких гласных по существу исключено, ср. балк. күлләрибиз 'наши дни', толтуррамбиз 'мы наполнили'; уйг. очак 'очаг, печка', Чолпан 'Венера', өдәк 'утка', жүрәк 'сердце' (но: кулубум 'мое ухо', булубум 'мой источ-

¹⁸³ Н. А. Б а с к а к о в. Диалекты алтайского языка. Уч. зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, I, Горно-Алтайск, 1956, стр. 5.

¹⁸⁴ В диалектах ассимилирующая способность лабиализованных гласных может быть абсолютной. См.: С. А. К а л м ы к о в а. Акногайский диалект ногайского языка. АКД. М., 1965, стр. 5; А. Д ж у н и с б е к о в. Гласные казахского языка, стр. 26, 28.

¹⁸⁵ В некоторых говорах шорского языка огубление узких гласных является довольно последовательным и в аффиксальной части слова. См.: Н. П. Д ы р е н к о в а. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 14, 15.

¹⁸⁶ В уйгурском языке лабиальная гармония является, однако, весьма нерегулярной. См.: Л. А. А г а н и н а. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский район). АКД. М., 1954, стр. 5.

¹⁸⁷ См.: Ф. К я з и м о в. Принципы сингармонизма в азербайджанском языке, стр. 91; П. А з ы м о в. Түркмен дилинде ясама сөзлердеки фонетики үйтгешмелер. Ашгабат, 1944, стр. 10, 11.

ник'); гаг. *сокак* 'улица', *суда* 'на воде', *кузудан* 'от ягненка', *сүттә* 'в молоке', *көпрүдән* 'от моста'; тур. *отак* 'шатер', *кулак* 'ухо', *доксан* 'девьяносто', *дөнэк* 'переменчивый', *үчлэ* 'утроить'.

В диалектах туркменского языка лабиализации могут подвергаться и узкие и широкие гласные, например в эрсаринском диалекте: *шолор* 'эти', *болмосун* 'пусть не будет', *гөрөртүк* 'мы показали';¹⁸⁸ в говоре ставропольских туркмен: *көфөлөк* 'бабочка', *бөйлө* 'так', *шөйлө* 'так';¹⁸⁹ туркм. *дүјөлөрө* 'верблюдам', *брдөклөрө* 'уткам', *күрөк* 'лопата, весло', *түтүн* 'дым', *күрөгүм* 'моя лопата', 'мое весло', *дүрү* 'стадо', *гүлү* 'его роза', *офлонлоро* 'сыновьям', *мөјөклөрө* 'волкам', *кулу* ~ *кулі* 'его раб'.

В башкирском и татарском языках лабиализуются только полуузкие гласные (этимологические узкие) и только под влиянием *ö, õ* (< *y, ü*). Примеры: башк. *көлдөбөд* 'наш жеребенок', *төшөрөрбөд* 'спустим'. Сила ассимилятивного воздействия лабиализованных гласных в татарском языке далее второго слога заметно ослабевает.

В чувашском языке губная гармония выражена чрезвычайно слабо: возможно незначительное огубление широкого гласного *a* под влиянием впереди стоящего сверхкраткого *ä*, ср. *вәрмән* 'лес', *тәрәт* (*т.рәт*) 'стоит'. В верховом диалекте редуцированные лабиализованные *ä, ё, (ö, õ)* оказывают лабиализующее воздействие на редуцированные нелабиализованные *ä, ё (ï, ï)*.¹⁹⁰

В хакасском языке огубление гласных непервых слогов под влиянием лабиализованных гласных первого слога вообще не происходит, ср. *хозан* 'заяц', *өкпэ* 'легкие', *хулах* 'ухо', *чүрэк* 'сердце', *орін* 'место', *көмір* 'уголь'. Наблюдаются лишь частные случаи лабиализации в основах и только после узких лабиализованных гласных: *хулун* 'жеребенок', *түлгү* 'лиса', *үгү* 'филин'.

Таким образом, лабиальная гармония оказывается наиболее развитой в киргизском (I, степень ассимилятивного воздействия — абсолютная; не лабиализуется только широкий твердоярдный гласный после *y*) и якутском (II, степень ассимилятивного воздействия — абсолютная; не лабиализуются широкие гласные после *y, ü, yo, үө*) языках. Рядом с ними можно поставить такие языки, как казахский, каракалпакский и ногайский (III, степень ассимилятивного воздействия — ограниченная; не лабиализуется широкий твердоярдный гласный после *o, u*). Следующую группу образуют тофаларский (карагасский), тувинский, карачаево-балкарский, караимский, кумыкский, уйгурский, азербайджанский, турецкий, гагаузский и туркменский языки (IV, степень ассимилятивного воздействия — разная; не лабиализуются широкие гласные после *o, ö, u, ü*). Пятая группа включает в себя один язык — алтайский (V, степень ассимилятивного воздействия — абсолютная; не лабиализуются¹⁹¹ широкие и узкие гласные после *y, ü* и узкие после *o, ö*). Последняя группа — башкирский и татарский языки (VI, степень ассимилятивного воздействия в башкирском языке — абсолютная, в татарском — ограниченная; не лабиализуются широкие гласные после *ö, õ, u, ü* и узкие — после *y, ü*). В узбекском, хакасском и чувашском языках лабиальная гармония фактически отсутствует.

Схематическое изображение лабиальной гармонии, основанное на учете тех случаев, когда она не действует, ср.

¹⁸⁸ К. Ш а м ы р а д о в. Туркмен дилиниң эрсары диалектинде ассимиляция, стр. 222.

¹⁸⁹ См.: С. К у р е н о в. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья), стр. 10.

¹⁹⁰ См.: В. Г. Е г о р о в. Закон гармонии гласных в чувашском языке, стр. 56, 57.

¹⁹¹ Во всех случаях имеется в виду отсутствие устойчивой лабиализации.

- I *y* — *a*
 II *y, yo, ŷ, ŷö* — *a, ə*
 III *o, y* — *a*
 IV *o, y, ö, ŷ* — *a, ä (ə)*
 V *y, ŷ* — *a, ĩ, ə, i*
 o, ö — *ĩ, i*
 VI *ö, y, ő, ŷ* — *a, ä*
 y, ŷ — *ĩ, i,*

позволяет наглядно представить себе размеры и характер ограничений, имевших место в разных тюркских языках в процессе ее развития. Несомненна большая сопротивляемость ассимилирующему воздействию лабиализованных гласных первого слога широких гласных непервых слогов и прежде всего широких твердорядных гласных. По силе ассимилирующего воздействия на первом месте оказываются широкие лабиализованные гласные, а из них наиболее сильные — мягкорядные.

Продолжая начатые выше обобщения и опираясь на все изложенное в данном разделе, отметим, что наиболее характерным для всех тюркских языков типом гармонического сочетания лабиализованных гласных является

- o, ö* — *y, ŷ,*
 менее характерным —
y, ŷ — *y, ŷ,*
 ограниченным —
o, ö — *o, ö,*
 почти полностью исключенным —
ŷ — *ö.*
 и совершенно невозможным —
y — *o.*

Важным фактором, способствующим проявлению лабиальной гармонии, является благоприятное соотношение ступеней раствора гласных первого слога и непервых слогов, иначе говоря, расположение гласных в такой последовательности, которая характеризуется убыванием ступени раствора или по крайней мере совпадением. Мягкорядные гласные более подвержены лабиализации, чем твердорядные. Из частных обстоятельств, стимулирующих проявление лабиальной гармонии, могут быть выделены краткость гласного (в туркменском языке краткий *a* во втором слоге после *o*, огубляется, долгий — нет, ср. *обо* 'аул', *обā* 'аулу'),¹⁹² фонетическая и морфологическая структура слова (в закрытых слогах гласные подвержены лабиализации в большей мере, чем в открытых), состав согласных (наличие губных согласных в основе может предопределять соответствующую огласовку аффиксов, ср. кум. *тав* 'гора' — *тавубуз* 'наша гора').

II, 3. Существование в древних тюркских языках лингвальной гармонии гласных (по степени раствора) пока еще нельзя считать бесспорным. Тем не менее имеются факты, позволяющие предполагать о ее наличии по крайней мере в некоторых диалектах, ср. в манихейских текстах: *кэлтā[мāз]* 'мы пришли', *барда[маз]* 'мы пошли' (Ман I 10₁₂), *савдан өтрү* 'после речи', *анаң* 'его' (Ман III 22₁₃). По свидетельству Махмуда Кашгарского, огласовка аффиксов и непервых слогов основы посредством фатхи являлась особенностью языка огузов, ср. *балта* 'топор' (ГвМ 16), *балду* (МК I 14) и *балту* (Ман I 20₁₃).

¹⁹² П. А з ы м о в. Түркмен дилинде ясама сөзлердәки фонетики үйтгешмелер, стр. 11.

Вместе с тем приведенные факты могут быть объяснены иначе — как следствие диалектного разнообразия огласовки. На определенном этапе развития тюркских языков вокализм непервых слогов не образовывал самостоятельной фонологической системы или подсистемы, поэтому параллельно существовали формы с разными гласными, ср. *алтан* ~ *алтон* ~ *алтун* ~ *алтйн* 'золото', *оран* ~ *орон* ~ *орун* ~ *орйн* 'место', *балта* ~ *балто* ~ *балту* ~ *балтї* 'топор' и т. д., первоначальное диалектное распределение которых было нарушено возникновением лабиальной гармонии.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ ТЮРКСКОГО ПРАЯЗЫКА

Учитывая все сказанное выше, мы выделяем следующие пратюркские дифференциальные (качественные и количественные) признаки гласных фонем:

- 1) широкость/узкость (компактность/диффузность);
- 2) твердорядность/мягкорядность (низкая тональность/высокая тональность);
- 3) неогубленность/огубленность (простая тональность/бемольная тональность);
- 4) долготу/краткость,

и восстанавливаем для праязыка фонологическую систему из восьми кратких и восьми долгих гласных (*a, o, y, ĩ, ä, ö, ŷ, i* и *ā, ō, ū, ī, ā, ō, ū, ī*).

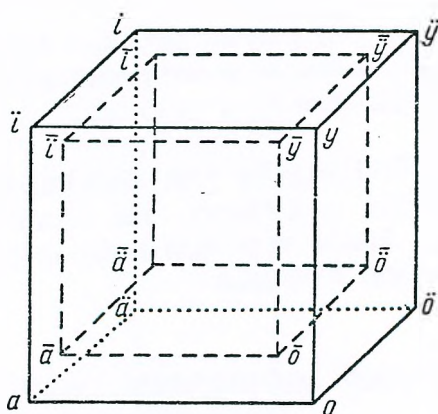
Переходя к краткой фонологической характеристике системы гласных праязыка, прежде всего следует отметить наличие в ней четырех тембровых классов¹⁹³ (твердорядные, мягкорядные, нелабиализованные, лабиализованные), двух ступеней полноточности (широкость, узкость) и двух количественных, или просодических, градаций (долгие, краткие). Основная система имела в непервых слогах свою подсистему, состоявшую из двух фонем, которые являлись членами противопоставления по признаку раствора (широкий/узкий). В синтагматическом плане, если не иметь в виду уже упомянутое выше разграничение первого и непервых слогов, гласные фонемы существенно не различались между собой, хотя возможность недостаточного распределения некоторых фонемных рядов, например *o, ö* в отношении *y, ŷ*, не исключена и в первом слоге.

Совершенно ясно, что описание физиолого-акустической структуры пратюркского вокализма невозможно. Допустимы лишь гипотетические построения, опирающиеся на результаты совмещения данных экспериментального исследования современных языков (ср., например, установление максимальных и минимальных расстояний в артикуляционной конфигурации). Подобные построения могут быть полезны при объяснении таких общетюркских тенденций фонетического развития, как опереднение *ĩ* и совпадение его с *i*. Не вызывает сомнений также то, что при сопоставлении данных акустического анализа разных тюркских языков¹⁹⁴ можно разработать некий общетюркский эталон формантных характеристик гласных.

Ниже приводится кубическое изображение фонологической системы гласных тюркского праязыка:

¹⁹³ В соответствии с классификацией Н. С. Трубецкого. См.: Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии, стр. 106 и сл.

¹⁹⁴ См.: J. L o t z. Thoughts on phonology as applied to the Turkish vowels. American Studies in Altaic Linguistics, Uralic and Altaic Series, №13, Bloomington, 1962, стр. 346—348.



Изображение фонологической системы тюркских гласных в виде куба¹⁹⁵ позволяет лучше представить себе структуру этой системы и связи, существующие между ее отдельными компонентами. Любая пара противоположных граней фиксирует противопоставление гласных по качественным признакам: тембра (ряд, отсутствие или наличие огубленности) и полнотвучия (степень раствора), а помещение одной фигуры внутри другой означает наличие особой, количественной оппозиции. Горизонтальные линии на передней и задней гранях указывают на фонологический состав подсистемы или частной системы вокализма непервых слогов (оппозиция по признаку раствора). Приведенная схема имеет и свои недостатки: будучи достаточно точной в передаче фонологических различий, она лишь весьма приблизительно отражает соотношение артикуляционных и акустических характеристик разных гласных. Именно поэтому в последнее время участились попытки лишить куб некоторых первоначальных условностей — посредством размещения гласных не только в местах пересечения трех координат, но и в других точках,¹⁹⁶ или создать более совершенную модель тюркской системы вокализма — в виде усеченной пирамиды с несимметричным расположением гласных как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскостях.¹⁹⁷

СОГЛАСНЫЕ

Специально, насколько нам известно, пратюркская фонологическая система согласных не восстанавливалась. Тем не менее гипотеза о составе пратюркских согласных фонем существует давно. Она возникла в связи с необходимостью алтаистического осмысления данных тюркской фонетики и окончательно оформилась в таком виде, какой в общем не противоречит алтайским реконструкциям, но несколько расходится с показаниями современных и древних тюркских языков. Алтаистическая традиция называет 6—8 начальных пратюркских согласных фонем: *б, т, к (к), с, (ш), ч, j, (м)* и 17—19 срединных и конечных: *б, п, т, д, к (к),*

¹⁹⁵ Впервые кубическое изображение системы гласных фонем было использовано Дж. Лотцом в статье: Notes on structural analysis in metrics. «Helicon», 1942, 4, стр. 119—146. Впоследствии этот прием получил широкое распространение в специальной литературе. См.: J. D e n y. 1) Principes de grammaire turque («turk» de Turquie), стр. 57; 2) L'osmanli moderne et le turk de Turquie. Fundamenta, I, стр. 189.

¹⁹⁶ См.: В. И. К о т л е в. Система гласных фонем чувашского языка, стр. 22.

¹⁹⁷ См.: J. L o t z. Thoughts on phonology as applied to the Turkish vowels, стр. 350 (турецкий вокализм).

б (ɛ), ч, с, з, ш, ж, (ʃ), (ʒ), δ, м, н, л, р, ң.¹⁹⁸ Существует также особый вариант алтаистической реконструкции пратюркской системы согласных, допускающий возможность восстановления в анлауте двух дентальных (*m* и *ð*), двух губных (*n* и *b*) и двух заднеязычных или увулярных согласных (*k* и *ɸ*).¹⁹⁹

Ставя перед собой задачу реконструировать фонологическую систему согласных тюркского праязыка, мы прибегаем к тем же методическим приемам, которые были использованы в предыдущем разделе при восстановлении системы гласных.

АНАЛИЗ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Дифференциальные признаки согласных фонем целесообразно рассматривать в пределах односложных слов, так как в односложных словах согласные вовлечены в процессы синтагматического взаимодействия гласных и согласных в значительно меньшей степени, чем в словах, состоящих из двух-трех слогов. Сочетаниями согласных в односложных словах практически можно пренебречь, так как они однотипны (сонорный + шумный, преимущественно, смычный), ср. якут. *бэрт* 'хороший, отличный', *тарт* 'тяти, тащи', *күрт* 'супи', *илт* 'уноси', *булт* 'добыча', *сiңк* 'сопли', *эмп* 'лекарство'; др.-тюрк. *курт* 'червяк', *юрт* 'владение', *тёрт* 'четыре', *ант* 'клятва', *ајт* 'скажи', *арт* 'зад', *кiрк* 'сорок', *инч* 'покой', *санч* 'пронзи'.

Переходя непосредственно к анализу дифференциальных признаков, отметим, что фонологические оппозиции согласных в тюркских языках группируются по основному активному органу, по дополнительному активному органу, по участию голоса (или по силе артикуляционного напряжения) и по способу образования.

А. Качественные признаки

Оппозиция согласных по основному активному органу²⁰⁰

Данная оппозиция является многочленной: губные/губно-зубные/переднеязычные/среднеязычные/заднеязычные/увулярные/фарингальные. В дихотомической теории фонем²⁰¹ рассматриваемую многочленную оппозицию принято сводить к двум типам бинарной оппозиции: 1) низкие (губные, губно-зубные, заднеязычные, увулярные и фарингальные со-

¹⁹⁸ См., например: M. R ä s ä n e n. Materialien, стр. 24, 25; N. P o r r e. 1) Altaisch und Urtürkisch. UJb, VI, 1926, стр. 94—124; 2) Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960, стр. 9—90, 153—155.

¹⁹⁹ Z. G o m b o s z. Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen. KSz, XIII, 1—2, 1912, стр. 36—37; N. P o r r e. Altaisch und Urtürkisch, стр. 99—100, 104; В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. 1) Алтайские дентальные: *t*, *d*, *ð*, стр. 44; 2) Алтайские гуттуральные: **k'*, **k*, **g*. Сб. «Этимология», М., 1965, стр. 338—343; 3) Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения. Сб. «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков», М., 1964, стр. 22—26.

²⁰⁰ Ср. у Н. С. Трубецкого: оппозиция согласных по локальным признакам.

²⁰¹ См.: R. J a k o b s o n. Observations sur le classement phonologique des consonnes. Proceedings of the Third International Congress of Phonetic Sciences held at the University of Ghent 18—22 July 1938. Ghent (Belgium), 1939, стр. 34—41; С. К. Ш а у м я н. История системы дифференциальных элементов в польском языке. М., 1958, стр. 8—12.

гласные, при произношении которых ртовый резонатор оказывается неделимым)/высокие (переднеязычные и среднеязычные, образующиеся в условиях разделения ртовой полости на небольшие резонаторы); 2) компактные (от среднеязычных до фарингальных)/диффузные (от губных до среднеязычных). Данная процедура, в применении которой допускается целый ряд условностей, не получающих строгой фонологической интерпретации, может служить лишь вспомогательным приемом, необходимым, в частности, для составления матриц идентификации фонем.

Типично тюркские губные согласные — *п, б, м*. Другие губные и все губно-зубные согласные (*в, ф*), встречающиеся в современных тюркских языках и отчасти в древних, появились в результате преобразования других звуков и вследствие заимствования большого количества слов из других языков, ср. гаг. *фурда* 'округ' (< *хурда*), *фороз* 'петух' (< *хороз*), *куфнэ* 'кухня' (< *куһнэ*), *сарфоиш* 'пьяный' (< *сарһоиш*), *тафта* 'доска' (< *таһта*), *тофум* 'зерно' (< *тоһум*);²⁰² узб. *сув* 'вода' (< **сув* ~ **суу*); тур. *вэр-* 'давать' (< **nār-*), *фарз* 'предположение' (< а. *فَرَزٌ*), *вар* 'есть' (< **nār*); туркм. (диал.) *бағи* 'дверь' (< **kānīγ*), *арфа* 'ячмень' (< **арпа*).²⁰³

В чувашском языке и реже в других тюркских языках выступает протетический *в*,²⁰⁴ который появился довольно поздно,²⁰⁵ во всяком случае, не ранее X в.

К переднеязычным относятся *с, з, џ, д, т, ѓ, р, н* и т. д. При этом межзубные *џ* и *д*, характерные для башкирского и туркменского языков,²⁰⁶ развились из *с* и *з*, и фонологически не противопоставлены им.

Среднеязычные согласные — *ј, ј̣, ч* и т. д. Характерно, что для большинства из них употребление в начале слова является необычным: *ј̣* выступает в начальной позиции только в некоторых языках Сибири, где он появился в результате поздних фонетических процессов (см. ниже, стр. 82), *ш* можно обнаружить в начале трех-четырех собственно тюркских слов; несколько чаще встречается начальный *ч*. Если иметь в виду праязыковое состояние тюркских языков, то, очевидно, те же самые замечания должны быть отнесены и к *ј*. Система согласных фонем и их распределение в большинстве современных тюркских языков таковы, что они исключают возможность исконного употребления *ј* в начале слова. В начальной позиции *ј* восходит к **џ*, глухому межзубному спиранту, который в наибольшей мере сохранил свое первоначальное качество в чувашском (*с̣*)²⁰⁷ и якутском (*с*) языках, т. е. в языках, обна-

²⁰² См.: W. Zajączkowski. Język i folklor gagauzów z Bułgarii, стр. 15.

²⁰³ См.: Дж. Амансарыев. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1954, стр. 8.

²⁰⁴ См.: G. J. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. JSFOu, XXXVIII, 1922—1923, стр. 14; M. Räsänen. Materialien, стр. 137.

²⁰⁵ См.: В. А. Семенов. Zur Frage nach dem Ursprung der prothetischen Konsonanten *v* und *j* im Tschuwassischen. АОН, XIX, 1, 1966, стр. 63.

²⁰⁶ См.: Д. Г. Кибеев. О звуках *џ, д, н* и их развитии в башкирском, туркменском и якутском языках. Уч. зап. Башкирского гос. унив., VI, серия филологическая, № 5, Уфа, 1958, стр. 3—15.

²⁰⁷ Некоторые тюркологи считают анлаутный чувашский *с̣* вторичным, развившимся в результате оглушения изначальных звонких согласных. Для доказательства этой точки зрения ссылаются на материалы венгерского языка, в котором чувашскому *с̣* соответствует *g'*, а также на сочинения византийских и других историков (см.: J. Markwart. Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten, III. Historische Zeugnisse für anlautendes alttürk. *d' > j*. UJb, IX, 1, 1929, стр. 81—88). Известно, однако, что в венгерском языке чувашскому *с̣* в ряде слов соответствует глухой целевой, ср. *szél* 'ветер', *szőlő* 'виноград', *szűcs* 'скорняк' (см.: М. К. Паллб. Die Vertretung ung. sz- (*s*) < türk. *j*- in den alten türkischen Lehnwörtern der ungarischen Sprache. UJb, XXXIII, 1—2, 1961, стр. 128—135). Таким образом, не исключена возможность, что источником заимствования для венгерского языка были разные тюркские языки или разные диалекты древнечувашского языка, о чем в свое время писал З. Гомбоц

руживающих, по общему мнению, некоторое количество очень древних черт. Звук *j* — самое отдаленное от праформы отражение, и естественно, что последовательно он представлен главным образом в огузских языках, которые обычно рассматриваются как «относительно новые тюркские языки» и в которых сильные согласные в анлауте подверглись ослаблению раньше, чем в других языках, и в наибольших размерах. Б. А. Серебренников, возражающий против изложенной точки зрения и считающий *j* изначальным согласным, акцентирует внимание на таких случаях, как, например, изменение *j > ч* в заимствованном из русского языка слове *яблоко* в сагайском диалекте хакасского языка. «Если бы в этом языке, — пишет Б. А. Серебренников, — не имел места процесс превращения начального *j* в *č*, рус. *яблоко* никогда не могло бы превратиться в *čablak*». ²⁰⁸ Подобные случаи не находятся в противоречии с положением о довольно позднем появлении *j*. Употребление *ч* вместо *j* в заимствованных словах говорит лишь о том, что сагайцы не могут произносить *j* в начале слова, оглушают его и заменяют звуком *ч* (*č* и *čj* в сагайском диалекте в начальной позиции отсутствуют). То же самое наблюдается у шорцев, якутов и других тюрков, ср. шор. *Čakın* (< рус. *Яков*), якут. *ĵähik* (< рус. *ящик*), *ĵärıs* (< рус. *ярус*). Примечательно, что в таких тюркских языках, как, например, узбекский (в начале слова) и хакасский (в начале слова, в междометиях), *j* является в значительной мере шумным. ²⁰⁹

Что касается самой возможности перехода шумного смычного или щелевого в *j*, то она вполне реальна. Кстати, об этом свидетельствуют примеры из башкирского языка, ср. *jän* 'душа' (< п. *جان*), *jäsmın* 'жасмин', *jämbiät* 'общество' (< а. *جَمَاعَة*), *järbä* 'жеребий' (< рус.), *jännät* 'рай' (< *جَنَّة*), *jäbör* 'обида', 'притеснение' (< а. *جَوْر*). ²¹⁰ Ср. также в говорах узбекского языка: *jan* 'душа' (< п. *جان*), *jūra* 'друг' (< *ĵūra*), *javap* 'ответ' (< а. *جَوَاب*). ²¹¹

В ряде тюркских языков встречается также протетический *j*, ²¹² ср. узб. *jəvəč* 'дерево' (< **aγac ~ *iγac*), *jıbla-* 'плакать' (< **aγla-*); гаг. *jət* 'мясо' (< **ät*) *jäski* 'старый' (< **äski*), *jüč* 'три' (< **jüč?*). ²¹³ Этот *j* развился сравнительно поздно. Более того, процесс развития протетического *j* путем обособления начального элемента вновь образовавшихся в анлауте дифтонгов происходит и в настоящее время. Примечательны, например, случаи неполной протезы перед гласным *ě* в верховом диалекте чувашского языка: *ĵenə* 'корова', *ĵemər* 'век' (< а. *جَمْر*). ²¹⁴

Группа заднеязычных (+увулярных) включает в себя *k*, *b*, *x*, *ŋ*.

(Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. MSFOu, XXX, 1912, стр. 208). С другой стороны, вполне допустимо диалектное разнообразие анлаута в самом древнененгерском языке, сквозь призму которого могли по-разному преломиться одни и те же чувашские звуки. Попутно заметим, что в древнечувашских заимствованиях в марийском языке выступает в анлауте *c'* (см.: М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, I. Чувашско-марийские связи. Чебоксары, 1965, стр. 8—10, 21).

²⁰⁸ Б. А. Серебренников. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков. ВЯ, 1960, № 4, стр. 67.

²⁰⁹ См.: Д. И. Чанков. Согласные хакасского языка. Абакан, 1957, стр. 70 и сл.; С. А. Тамирзаева. Звуковой состав наманганского говора узбекского языка (экспериментальное исследование), стр. 102.

²¹⁰ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 32.

²¹¹ Н. Ражабов. Узбек диалектологияси курсидан материаллар (сиртки ва кечки бўлим студентлари учун). Самарканд, 1962, стр. 33.

²¹² См.: М. Räsänen. Materialien, стр. 188.

²¹³ См.: W. Zajączkowski. Język i folklor gagauzow z Bułgarii, стр. 9.

²¹⁴ А. С. Канюкова. Некоторые особенности диалектов чувашей тури и анатри. МЧД, 1, 1960, стр. 88, 89.

Фарингальные представлены одним согласным — *h*, который в древних тюркских языках выступает очень редко и преимущественно в виде протезы (в языке памятников рунической письменности *h*, по-видимому, отсутствовал вообще), а в современных языках — значительно чаще и не только в виде протезы, ср. азерб. (диал.) *hорax* 'серп', *hавос* 'овес', *haxçix* 'девочка не-азербайджанка';²¹⁵ узб. *hўл* 'мокрый', *hорi-* 'уоставать', *hурнаj-* 'наохлиться'; туркм. *hĩn* 'нора', 'берлога', *hўvi* 'филин', но и в качестве вторичного рефлекса пратюркских **c*, **ш*, **ч*, ср. башк. *hўд* 'слово', *hарi* 'желтый', *hĩд* 'вы', *hуң* 'после', *hуkĩр* 'слепой', *булна* 'если он будет', *hав* 'здоровый'; якут. *ahā-* 'есть', *bihax* 'нож', *kiĩn* 'зима', *kūhūn* 'осень', *kihi* 'человек' (в интервокальном положении в якутском языке *h* — звонкий).

Начальный *h*, не являющийся вторичным рефлексом пратюркских **c*, **ш*, **ч*, выступает крайне нерегулярно, главным образом в азербайджанском, гагаузском, туркменском, узбекском и уйгурском языке.²¹⁶ Для установления времени появления *h* как протетического элемента имеет определенное значение то обстоятельство, что он нередко обнаруживается в заимствованных словах, при отсутствии в тех языках, из которых эти слова были заимствованы,²¹⁷ ср. уйг. *hарву* 'телега', *härä* 'оса', *häsäl* 'мед', *hарак* 'водка'; узб. *hўkiz* 'бык'; гаг. *hармут* 'груша', *hатши* 'огонь'; азерб. (диал.) *hавос* 'овес', *haxçix* 'девочка не-азербайджанка'.

Анализ письменных памятников и учет материалов современных тюркских языков позволяет обнаружить еще одну, древнюю группу согласных, относящуюся к многочленной оппозиции по основному активному органу: зубноязычные²¹⁸ или межзубные согласные — *ʃ*, *ʂ*, не являющиеся вторичными рефлексами **c*.

Неназальность/назальность («оппозиция по резонансным признакам»)

Дополнительным активным органом может быть мягкое нёбо, преграждающее в опущенном состоянии путь воздуха через рот. Акустическим эффектом активизации мягкого нёба (с физиологической точки зрения опускание мягкого нёба, напротив, представляет собой переход из активного состояния в пассивное)²¹⁹ является приобретение звуком особого тембра или так называемого назального качества.

Носовые согласные в тюркских языках — *m*, *n*, *ɲ*, *ɟ*, которые произносятся с обычной смычкой в полости рта, при опущенном мягком нёбе, и образуют коррелятивную оппозицию с соответствующими неносовыми согласными, ср. *m/n(б)*, *n/m(д)*, *ɲ/k(в)*, *ɟ/j*.

Звуки *m* и *n* должны рассматриваться как древнейшие, исключая те случаи, когда *m* появляется на месте этимологического *b* (< **n*) в ре-

²¹⁵ См.: В. Т. Джангидзе. Особенности дманисского говора азербайджанского языка. АҚД. Баку, 1955, стр. 7.

²¹⁶ Более подробные сведения об этом изложены ниже, в разделе «Протетические согласные».

²¹⁷ Любопытно, что наличие в ряде слов анлаутного фарингального в азербайджанском языке некоторые тюркологи объясняют влиянием кавказских языков или воздействием иберийско-кавказского субстрата. См.: Н. К. Дмитриев. Некоторые вопросы азербайджанского языкознания. Тр. Азербайджанского гос. унив., серия филологическая, III, Баку, 1949, стр. 63; М. Ш. Ширалиев. О звуке *h* в азербайджанском языке. Там же, стр. 67, 68; А. М. Асланов. Иберийско-кавказский субстрат в закатальских говорах азербайджанского языка. ВДТЯ, IV, Баку, 1966, стр. 203.

²¹⁸ Термин «зубноязычные» или «язычнозубные» был предложен М. Граммоном. «Эти щелевые, — указывает он, — есть, собственно говоря, *linguo-dentales*; например английский *th*» (М. Grammont. *Traité de phonétique*. Paris, 1933, стр. 68).

²¹⁹ См.: Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 138.

зультате ассимилятивного воздействия последующих носовых, ср. тат. *мін* 'я' (< *бән* < **nän*), *миң* 'родинка' (< *бәң* < **näң*), *миң-* 'взбираться' (< *бин-* < **nīn-*), *миҗик* 'ус, усы' (< *биҗик* < **nijik* ~ **nijik*), *миң* 'тысяча' (< *биң* < **nīң*), *моң* 'печаль, уныние' (< *буң* < **puң*), *муҗиң* 'шея' (< *боҗиң* < **nōjīn*), *мәңгә* 'вечный' (< *бәңгә* < **näңgә*). Степень древности двух других носовых согласных не вполне ясна, тем не менее данные, относящиеся к частоте их употребления и дистрибуции, указывают на то, что они являются вторичными.

Заднеязычный носовой согласный прослеживается в конце односложных и в конце и середине многосложных слов, в абсолютном начальном положении он полностью исключен. В середине многосложных слов, в интервокальном положении, вторичность *ң* часто не требует никаких доказательств, ср. др.-тюрк. *баңа* ~ *мәңә* 'мне' (< *мәңгә*), *сәңә* 'тебе' (< *сәңгә*), *аңа* 'ему' (< *анба*). Сложнее обстоит дело с конечной позицией. Здесь необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Для конечной позиции в тюркских языках примечательно отсутствие сочетания *н+б* (< *k*) или *н+г* (< *k*), вполне допустимого и совершенно естественного с точки зрения общетюркских правил сочетаемости и последовательности звуков, ср. *нт*, *мт*. Отсутствие такого сочетания может служить одним из аргументов в пользу гипотезы о вторичном происхождении *ң* (из сочетания *нб* < *нк* или *нг* < *нк*), ср. др.-тюрк. *күң* 'рабыня, служанка' (< **kūnk*), *јәң* 'рукав' (< **ʔānk*), *биң* 'тысяча' (< **nīnk*), *муң* 'печаль' (< **puнк*), *тәң* 'равный' (< **tānk*), *јүң* 'перо птицы, шерсть' (< **ʔjūnk*), *соң* 'конец' (< **sonk*), *әң* 'щека' (< **ānk*), *әң* 'сгибай, гни' (< **ānk*). Кстати, в интервокальном положении, образуемом присоединением к слову с конечным *ң* аффикса, начинающегося гласным, *ң* может реализоваться в сочетании *нб* или *нг*.

В отличие от *ң*, *ј* (*н'*) употребляется в некоторых тюркских языках и в начале слова, ср. тофал. (караг.) *јарин* 'спинная лопатка', *јам* 'сор', *јаиш* 'дерево'. Появление *ј* в первых двух словах, очевидно, было вызвано ассимилятивным воздействием конечного носового согласного. Причина назализации *ј* в последнем слове неясна. Во всяком случае и в нем ее нельзя отнести к числу этимологических явлений, так как *ј* в слове *јаиш* является протетическим. В якутском языке начальный *ј* прослеживается только в словах, заимствованных из нетюркских языков, ср. *јалбан* 'жесть', *јур* 'лицо'. В середине слова, в положении между гласными, *ј* выступает в небольшой группе слов в тофаларском (карагасском) и якутском языках, например: тофал. (караг.) *мијис* 'рога'; якут. *мәји* 'голова', 'мозг', *ајах* 'отверстие', 'рот', *аји* 'проступок, грех', *тајах* 'лось', *хајах* 'род молочного продукта', 'якутское масло', *тујах* 'копыто', *кујах* 'панцырь', *ијә* 'мать', *хојох* 'сгусток', *кәјәр* 'заклинание', *кијит* 'жена младшего родственника', *көјүр* 'насекомое', 'тля', *куја* 'куча', *кујас* 'солнце', *ијір-* 'глотать', 'поглощать', *кијаттаһ* 'имеющий крылья', *сајис-* 'проситься вместе идти', 'неотступно следовать', *тијәр-* 'плавно двигаться', *тијис* 'жесткий, плотный' и т. д.

В древних тюркских языках *ј* (*н'*) встречается только в конечном и интервокальном положениях и преимущественно в твердорядных словах: ²²⁰ *ајиб* 'скверный, плохой' (КТМ_{3,5}, ср. *аніб*, Ман I 6₁₇), *кија* — усилительн. и ограничительн. частица (КТБ₃₄, Тон₉, ср. *кина*, ТТ I₁₅₂), **кају* 'какой' (ср. *канју*, Ман III 20₄, *кану*, МК I 31 «в языке аргу»), *кој* 'овца' (ThS II₄₀, ср. *кон*, МК I 31 «в языке аргу»), *чибај* 'бедный,

²²⁰ См.: А. von Gabain. 1) Briefe der uigurischen Hüen-tsang-Biographie. SPAW, phil.-hist. Klasse, XXIX, 1938, стр. 393—394; 2) Alttürkische Grammatik, стр. 3—5, 53; M. Räsänen. Materialien, стр. 205 и сл.; В. М. И д е л я е в. Чтение орхоно-енисейского знака **З** и этимология имени Тонькука. Сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 197—213.

неимуший' (ThS II₄₅, ср. *чѣбан*, МК I 31 «в языке аргу»), *jaʃ*- 'рассеивать, разгонять' (КТб_{23, 24}, Тон_{16, 41}), *kitaj* — кидани (КТб_{8, 14}, Тон_{7, 9}), **kaʃak* 'сметана' (ср. *канак*, МК I 383 «в языке болгаров и аргу»), *koʃak* 'фляга, сосуд, бурдюк' (ThS II₈₈, ср. *көнәк*, МК I 392), **koʃuk*- 'гореть, загораться' (ср. *көнүк*-, Ман I 17₁₂), *tuɾuʃa ja* 'журавль' (ThS II₉₄), *toʃukuk* — и. соб. (Тон_{1, 5, 15}).

Уже на нынешней стадии сравнительного исследования фонетики тюркских языков можно смело говорить об относительно позднем образовании *ʃ* (*н'*) в особых комбинаторных условиях. Назализованный *j* в праязыке был, по-видимому, аллофоном первичного *j*, сохранившегося в таких словах, как тур. *aj*, якут. *ij* 'луна'; алт., тур. *ajm*- 'сказать'; алт., ног., шор. *ijm* 'собака'; узб. *kaʃm*- 'возвращаться'; якут. *aj*- 'творить', *ajman*- 'беспокоиться, тревожиться', *kuoj*- 'пугаться', *tuoj* 'глина', *uja* 'гнездо, нора', *xaʃa* 'скала, утес', *taʃan*- 'опираться'; туркм. *baʃ* 'богатый'; тур. *ojna*- 'играть'; туркм. *oʃla*- 'думать'. Однако установить, чем характеризовалось дополнительное распределение *ʃ* в отношении чистого *j* в тюркском праязыке или в древних тюркских языках, пока не удается. Отметим лишь, что *ʃ* никогда не встречается в сочетании с другими согласными и что в абсолютном большинстве случаев он выступает в соседстве с заднеязычными или увулярными. Не исключена возможность образования *ʃ* из сочетаний *nj*, *nʃ* (*нʃ*), *jn* или просто из *n* в таких словах, как др.-тюрк. *toʃukuk* — и соб. (<? *tonjukuk*) и *tuɾuʃa* 'журавль' (<? *турунја*, ср. якут. *туруја*, туркм. *дурна*); якут. *məʃi* 'голова', 'мозг' (<? **nəŋgi*, ср. уйг. *миңә*, туркм. *bəʃni* 'мозг'); тофал. (караг.) *mijis* 'рог' (<? **ninʃis* ~ **nunʃus*, ср. узб. *муғуз*, уйг. *мүнғүз*, тур. *bojnuz*); якут. *iʃir*- 'глотать' (<? **dinʃir*-, ср. др.-тюрк. *siŋir*- 'вводить', тур. *sinir*- 'переваривать').

Как известно, ни один из носовых согласных не типичен для тюркского анлаута, и поэтому попытка восстановить общетюркский начальный **m* в словах, имеющих в анлауте соответствующий согласный (при отсутствии других носовых), не вполне удачна. Действительно, в туркм. *mād* 'железа', кирг. *miʒ* 'острие', казах. *mūz* 'лед', уйг. *mosaj* 'теленок', ног. *miʃik* 'усы', тув. *məʃə* 'клевер', хак. (диал.) *matir* 'герой', *maliti* 'топор', *malchax* 'грязь', *mūzək* 'высокий', *morʃix* 'барсук' присутствие *m* нельзя объяснить ассимилятивным воздействием последующих носовых согласных, и все же нет достаточных оснований считать его изначальным, тем более что *m* встречается на месте *b* в указанных выше фонетических условиях и в заимствованных словах, ср. хак. (диал.) *matir* 'герой' (монг.-п. *baɣatur*).

Твердость/мягкость

Противопоставление согласных по другому дополнительному активному органу (средняя часть языка; твердые/мягкие) встречается очень редко, ср. в западном (мишарском) диалекте татарского языка: *барам* 'иду' / *бар'ам* 'праздник', *аран* 'конюшня' / *ар'ан* 'напиток из кислого молока', *канар* 'будет течь (о крови)' / *кан'ар* 'горячий', *ката* 'твердеет' / *кат'а* 'возвращается', *карак* 'вор' / *кар'ак* 'точилка', *калам* 'остаюсь' / *кал'ам* 'перо', *осак* 'осина' / *ос'ак* 'ларь' и т. д.²²¹ Ср. также в чувашском языке и его говорах: *кар'ан* 'сзади, после',²²² *јурат* 'люби' / *јурат'* 'годится, ладно',²²³

²²¹ См.: Р. Ф. Шакирова. Фонетические особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области (мишарский диалект). Сб. «Материалы по диалектологии», Казань, 1955, стр. 127—129; Н. Б. Бурганова. Особенности говора татар нагорной стороны Т[атарской] АССР. Там же, стр. 45—47.

²²² См.: Л. П. Сергеев. Основные особенности моргаушского говора. МЧД, I, 1960, стр. 152.

²²³ См.: В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, I, стр. 147.

хурат 'стирай'/*хурат'* 'кладет', *хут* 'бумага'/*хут'* 'хотя', *субӑн* 'страдай'/*субӑн'* 'мыло', *хал* 'здоровье'/*хал'* 'теперь'.²²⁴ Данное явление относится к числу инноваций: палатализация *т, д, с, з, к, р, л, н* в примерах из западного диалекта татарского языка связана с выпадением находившегося перед ними *ј*, ср. *байрам, ајран, кайнар, кайта* и т. д. Слово *кал'ам*, в котором палатализацию *л* объяснить выпадением *ј* невозможно, — заимствование из арабского языка. Причиной, обусловившей появление мягких *р', л', н', т'* в чувашском языке, является выпадение *ј* и *ё*, ср. *кајран, халё, јуратё* и т. д.²²⁵

Р. Якобсон, опираясь на работы Г. Шарафа и других тюркологов, рассматривает в фонологическом аспекте и такое различие согласных по твердости/мягкости, которое обусловлено существованием сингармонизма. «Шараф (98—99), Яковлев (а 61) и другие, — пишет он, — показывают . . . , что неправильно рассматривать парность тюркских гласных как самостоятельную фонологическую категорию, а парность согласных как только сопутствующую вариацию», и далее: «Мягкость в сингармонистических языках служит для различения не отдельных фонем, а целых слов. Поэтому в некоторых тюркских системах письма имеет место „вынесение общего для всех звуков слова знака мягкости как бы за скобки“ (Шараф)». ²²⁶ Очевидно, в данном случае остается без внимания то обстоятельство, что характер различия «твердых» и «мягких» гласных, с одной стороны, и согласных, с другой, не одинаков. Твердое произношение согласного *т*, например, в слове *ӓт* 'мясо' не приводит к смешению его со словом *ат* 'лошадь', при замене же гласного *ӓ* гласным *а* образуется новое слово.²²⁷

Г. Рамстедт и многие другие исследователи, разделяющие его точку зрения, реконструируют в тюркском языке оппозицию твердых и мягких *р, л — *р/*р', *л/*л'*.²²⁸ Основанием для реконструкции указанной оппозиции послужило наличие в чувашском языке наряду с общетюркскими такими *р, л*, которым в остальных тюркских языках соответствуют *з, ш*. Общетюркские *р, л* рассматриваются как рефлексы обычных **р, *л*, тогда как соответствующие сонанты, обнаруживаемые только в чувашском языке, возводятся к особым **р', *л'*. При этом ротацизм и ламбдаизм чувашского языка получает алтаистическую интерпретацию и становится важным классификационным признаком в алтаистике.

Как справедливо отметил Б. А. Серебренников, гипотеза Г. Рамстедта построена без учета особенностей развития чувашского и, добавим, тюркского консонантизма и остается недоказанной.²²⁹ Не случайны в связи с этим попытки найти другое объяснение природы ротацизма и ламбда-

²²⁴ См.: Е. Н. Степанова. Звуковой состав чувашского языка в сравнении с немецким. Уч. зап. 1-го Московского гос. пед. инст. иностр. языков, VIII, Экспериментальная фонетика и психология речи, 1954, стр. 94, 96.

²²⁵ См.: В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, I, стр. 206.

²²⁶ Р. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза. In: Selected writings, I. 's-Gravenhage, 1962, стр. 174.

²²⁷ Ср. у Н. С. Трубецкого: «. . . противоположения по тембровому признаку у гласных являются фонематическими, тогда как палатализованные и веляризованные разновидности согласных являются лишь комбинаторными вариантами без смысло-различительной, но с делимитативной функцией» (Основы фонологии, стр. 312, прим. 3).

²²⁸ G. J. Ramstedt. 1) Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. JSFOu, XXXVIII, 1922—1923, стр. 26—32; 2) Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre. Helsinki, 1957, стр. 103—106; M. Räsänen. Materialien, стр. 177—180.

²²⁹ Б. А. Серебренников. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков, стр. 62—65, 70—71.

изма,²³⁰ заметно участвовавшие в последнее время.²³¹ Фонологическое исследование современных тюркских языков и ход реконструкции фонологической системы тюркского праязыка вскрывают факты, свидетельствующие о том, что ротацизм и ламбдаизм в чувашском языке — довольно поздние явления, представляющие собой результат своеобразного фонетического развития аллофонов пратюркских фонем /**c/* и /**ш/*,²³² выступавших в позиции после общетюркских (так называемых первичных) долгих гласных в односложном слове и после любых гласных в конце второго или третьего слога в многосложном слове. Подобные позиционно-комбинаторные условия вызвали ослабление глухих шумных согласных, их последующее озвончение (в определенных диалектных границах) и сонантизацию.

Таким образом, в основе возникновения чувашского ротацизма и ламбдаизма лежит не наличие особого рода согласных в тюркском праязыке,

²³⁰ Так, Н. Н. Поппе считал более вероятным, что в тюркском праязыке были не палатализованные **r'* и **l'*, *a*ř*, близкий к чешскому ř, и глухой **l*, быть может **t̪l* или **ɖl*. См.: Н. Н. П о п п е. 1) Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам, III, Изв. АН, VI серия, XIX, 1925, №№ 1—5, стр. 31—33; 2) *Altaiisch und Urtürkisch*, стр. 107 и сл.

²³¹ Мы имеем в виду объяснения, предложенные О. Прицаком (O. P r i t s a k. Der «Rhotazismus» und «Lambdazismus». *UJb*, XXV, «D», 1964, стр. 337—349) и А. Бишевым (1) «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963, стр. 79; 2) Соответствие *-p//z* в алтайских языках. Сб. «Исследования по уйгурскому языку», Алма-Ата, 1965, стр. 192—205; 3) Соответствие *-л//ш* в алтайских языках. Уч. зап. [Чувашского] НИИ, XXVIII, Чебоксары, 1965, стр. 43—46). По мнению О. Прицака, тюркские *z*, *ш*, соответствующие чувашским *p*, *л*, восходят к праязыковым сочетаниям **pmi*, **ami* (**pmi* > ж < $\begin{matrix} \delta \\ \text{з} \end{matrix}$, **ami* > *c'* → *ш*), в которых *p* и *л* являются конечными согласными основы, а *-mi* — показателем единичности, например др.-тюрк. *kiz* 'девушка, девушка' < **kīp + mi* (аффикс единичности), *kīrkīn* 'девушка' < **kīp + kīn* (аффикс собирательности). А. Бишев, касаясь ротацизма, формулирует свою точку зрения следующим образом: «Если в конце имен существительных наблюдается соответствие *p~z*, то эти *-p* и *-z* являются именными аффиксами («Первичные» долгие гласные в тюркских языках, стр. 79), тогда как «... в глагольных основах нет соответствия *-p//z*, а есть два самостоятельных глагольных аффикса *-p* и *-z* (Соответствие *-p//z* в алтайских языках, стр. 198). Рассматривая далее чувашско-тюркское соответствие *-p//z* в именных основах как имеющее фонетическую природу, А. Бишев объясняет чувашский ротацизм заимствованием перехода **-z* > *-p* из монгольских языков (ук. соч., стр. 203). Звуки *-л* и *-ш*, как полагает он, в прамонгольскую и пратюркскую эпоху были аффиксами именного словообразования, затем застыли в составе производных форм и вызвали «так называемое соответствие *-л//ш*». Что касается чувашей, то они, «по всей вероятности, отделились от массы тюрков и вошли в соприкосновение с монголами до того, как произошла аффиксация рассматриваемых слов, и под влиянием монгольского языка от корней, общих для всех тюрков, а иногда для тюрков и монголов, образовали имена существительные при помощи монгольского аффикса *-л*» (Соответствие *-л//ш* в алтайских языках, стр. 46). Хотя изложенные точки зрения и не лишены заслуживающих внимания моментов, в целом они недостаточно убедительны.

Проблеме ротацизма и ламбдаизма посвящены работы многих авторов, см., например: J. M a r k w a r t. Kultur- und Sprachgeschichtliche Analekten, II. Das Alter des bulgarischen Wandels des alttürkischen *ā* > *r*. *UJb*, IX, 1, 1929, стр. 79—81; IV. Chronologische Data für den bulgarisch-türkischen «Rhotazismus». Там же, стр. 83—95; K. B o u d a. Lateral und Sibilant, *ZPhon*, I, 1/2, 1947, стр. 48—53; A. R a u n. Zum *š~l* und *z~r* im Türkischen. *ZPhon*, II, 5/6, 1948, стр. 363—364; P. Г. А х м е т ъ я н о в. К вопросу о природе звуковых переходов в тюркских языках. ВЯ, 1961, № 6, стр. 128—129; T. T e k i n. Zetacism and sigmatism in Proto-Turkic. АОН, XXII, 1, 1969, стр. 51—80. Однако большинство их не содержит ничего принципиально нового.

²³² Подобные или весьма близкие соображения о природе чувашского ротацизма и ламбдаизма высказывали В. В. Радлов (*Phonetik*, стр. 189, 190), З. Гомбоц (*Z. G o m b o c z*. 1) *Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen*, стр. 21; 2) *Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache*, стр. 177, 179), Э. Н. Сетяля (E. N. S e t ä l ä. *Zur finnisch-ugrischen Lautlehre*, FUF, II, 3, 1902, стр. 273). Любопытно, что З. Гомбоц и Э. Н. Сетяля возводят чувашский *л*, не связанный с общетюркским *л*, к **ж*, который мы рассматриваем как аллофон пратюркского /**ш/*.

а особенности дополнительной дистрибуции аллофонов /**c/* и /**ш/*. Ср.

/i>*c/

туркм.		чуваш.	
—	/буџ 'прячься'	—	/нис 'избегай'
б̄ад 'гусь'	/баџ 'стягивай'	хур	/ —
б̄ід 'девушка'	/б̄иџ 'жми, дави'	хёр	/хёс
—	/буџ 'рви (при тошноте)'	—	/хяс
—	/кэџ 'режь'	—	/кас
ōđ 'сам, свой'	/ōџ 'расти'	варă 'сердце-вина'	/уc
—	/ōџ 'дуй' (о ветре)	—	/ас

/i*ш/

туркм.		чуваш.	
б̄аш 'язва, нарыв'	/баш 'голова'	—	/пус'
д̄аш 'камень'	/ —	чул	/ —
ј̄аш 'слеза'	/ —	с'ул'	/ —
џ̄аш 'зуб'	/ —	шӓл	/ —
—	/биш 'зрей'	—	/нис'
—	/баша 'чеши'	—	/хис'

Практически почти каждый чувашский *p* и почти каждый чувашский *л*, которым в огузских, кыпчакских и карлукско-уйгурских языках соответствуют *з* (*đ*) и *ш*, указывают на долготу предшествующего гласного или двусложность предшествующей части слова, ср. (*p* ~ *з*):

чуваш.	туркм.	тур.
вӓгӓр 'бык'	ōкӓџđ	ōкӓџз
вӓдӓр 'тридцать'	отуд	отуз
вӓрӓм 'длинный'	удӓн	узун
ӓбир 'мы'	бид	биз
ӓир 'вы'	џид	сиз
ир- 'мять, давить'	ӓд-	ӓз-
јӓгӓр 'двойня'	ӓкиđ	икиз
јӓр 'след, знак'	īđ	из
кӓгӓр 'грудь'	гӓвӓџџ	гӓјӓџс
кӓндӓр 'полдень', 'днем'	гӓндӓīđ	гӓндӓјӓз
кӓр 'осень'	гӓјӓđ	гӓџз
нар 'железӓ'	мӓđ	бӓз
пӓвӓрлӓ 'чалый'	бод 'серый' (ср. тур. диал. бӓз)	боз
пӓр 'лед'	бӓџđ	буз
пӓру 'теленок'	будав	бузаџӓ
пӓр 'горло'	боџад	боџаз
пӓр 'холст', 'бязь'	б̄ид	—
пулдӓр 'шурин'	бӓлđīđ 'золовка'	балđиз 'свояченица'
самӓр 'жирный'	џӓмид	сӓмиз
саккӓр 'восемь'	џӓкиđ	сӓкиз
сӓр- 'цедить'	џӓџđ-	сӓџз- (ср. якут. сӓџрт-)
суџӓр 'смола'	—	сакӓз
с'ӓвар 'рот'	аџид	аџиз
с'ӓлдӓр 'звезда'	јӓлđīđ	јӓлđиз
с'ӓр 'сто'	јӓџđ (ср. якут. сӓџс)	јӓџз

<i>c'ёрё</i> 'кольцо'	<i>јүдүк</i>	<i>јүзүк</i>
<i>c'ір-</i> 'писать'	<i>јад-</i> (ср. тур. диал. <i>јаз-</i>)	<i>јаз-</i>
<i>c'ірә</i> 'каштановый'	<i>јабїд</i> (в сочетании <i>бара јабїд</i>)	<i>јабїз</i>
<i>c'ур</i> 'весна'	<i>јад</i>	<i>јаз</i> 'лето'
<i>тар-</i> 'убегать'	<i>тәд-</i>	—
<i>тәвар</i> 'соль'	<i>дүд</i>	<i>туз</i>
<i>тәххәр</i> 'девять'	<i>докуд</i>	<i>докуз</i>
<i>тір-</i> 'нанизывать'	<i>дүд-</i>	<i>диз-</i>
<i>тјүрө</i> 'прямой'	<i>дүд</i> 'равнина'	<i>дүз</i>
<i>ујар</i> 'ясная погода'	<i>ајад</i> 'мороз'	<i>ајаз</i> 'ясный, мороз- ный'
<i>хәндәр</i> 'бобр'	<i>бундуд</i>	<i>кундуз</i>
<i>хёр-</i> 'краснеть, накалять- ся'	<i>бїд-</i> (ср. якут. <i>кїс-</i>)	<i>кїз-</i>
<i>хуран</i> 'котел'	<i>бәдан</i>	<i>казан</i>
<i>чёр</i> 'колени'	<i>дїд</i>	<i>диз</i>
<i>шур</i> 'болото'	<i>сәд</i>	—

(л~ш)

чуваши.	туркм.
<i>алт-</i> 'рыть, копать'	<i>їш-</i>
<i>алак</i> 'ворота'	<i>їшик</i> 'дверь'
<i>їлт-</i> 'слышать, слушать'	<i>їшит-</i> (ср. азерб. <i>їшит-</i>)
<i>с'амал</i> 'повод, предлог'	<i>јумуш</i> 'поручение, дело'
<i>с'итмәл</i> 'семьдесят'	<i>јәтмиш</i>
<i>тәлә</i> 'путы'	<i>душак</i>
<i>тул</i> 'вне', 'наружный'	<i>даш</i> (ср. др.-тюрк. <i>тәш</i>)
<i>утмәл</i> 'шестьдесят'	<i>алтмиш</i>
<i>хәвәл</i> 'дупло'	— (ср. азерб. <i>кобуш</i>)

Следы ротацизма и ламбдаизма в незначительных размерах обнаруживаются в разных тюркских языках, ср. 1) алт. *сәміс*, кирг. *сәміз*²³³ 'жирный', алт., кирг. *сәмір* 'жирей'; азерб. *будуз* 'бешеный', *будур* 'бесись', *гөз* 'глаз', *гөр* 'видь'; алт., тел., шор. *кос*, туркм. *бөр* 'горящий уголь'; узб. *күкіс*, *күкрак* 'грудь', *эз* 'худей', *эрік* 'худой, тощий', *сәз* 'чувствуй, ощущай', *сәргак* 'чуткий, чувствительный', *кутказ* ~ *куткар* 'спасай'; др.-тюрк. *-сїз* ~ *-сіз* — афф. привативности у имен, *-сіра* ~ *-сірә* — афф. глагольных форм привативности; 2) башк. *кашїк* 'столовая ложка', *калак* 'чайная ложка'; азерб. *дәшик* ~ *дәлік*, тур. *дәшик* ~ *дәлік* 'отверстие'; др.-тюрк. *їшик* ~ *їл*, чуваш. *алак* 'дверь'. В западных говорах ёмудского диалекта, по сведениям К. Шамурадова, параллельно употребляются два фонетических варианта отрицательной формы неопределенно-будущего времени: *јімәз* и *јімәр* 'не съест', *гәчмәз* и *гәчмәр* 'не пройдет', *білмәз* и *білмәр* 'не будет знать', *ајтмаз* и *ајтмар* 'не ска-

²³³ В параллельных формах типа *сәміз* — *сәмір*, *будуз* — *будур*, *көз* — *көр* мы, возможно, имеем дело с различными морфологическими элементами. В. Банг считал любой *з* в составе имен древним аффиксом, выражавшим двойственное или множественное число, или же уменьшительность. См.: W. B a n g. Das negative Verbum der Türk-sprachen. SPAW, phil.-hist. Klasse, XVII, 1923, стр. 114 и сл. Критические соображения по поводу примеров, приведенных В. Бангом, высказывает Дж. Клосон. См.: G. C l o s o n. Eski türkçe üzerine üç not. Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten 1966' dan aygıbasım, Ankara, 1967, стр. 23, 24. — Ряд аналогичных примеров из восточно-тюркестанского и староузбекского языков приводит А. Дж. Эмре (Türk lehçelerinin mukayeseli grameri, стр. 93—96).

жет'. Обнаружение следов ротацизма и ламбдаизма в общетюркском масштабе является достаточно убедительным доводом в пользу признания его значительной древности. Напомним также, что среди монгольских и тунгусо-маньчжурских заимствований из тюркских языков обнаруживается очень древний лексический слой с вторичными *p* и *l*,²³⁴ например: др.-монг. *bo'orla-* 'перерезать горло', *sere-* 'чувствовать', *aral* 'оглобля', *čilayun* 'камень', *taulai ~ tablqai* 'заяц'; монг.-п. *boru* 'серый', *ikere* 'близнецы, двойня', *küger* 'гордый, надменный', *kerü-* 'бродить, скитаться', *uḡan* 'мастер', *üxer* 'бык', *birayū* 'теленочек двух лет', *qıḡayun* 'ягненок'; маньчж. *toron* 'пыль'; эвенк. *turukę* 'соль', *hukur* 'корова', *kurkan* 'ягненок'. В монгольских языках ротацизм и ламбдаизм встречаются в конце первого слога с общетюркским долгим гласным и в конце непервых слогов после любых гласных, преимущественно в интервокальном положении. Следовательно, те условия, которые предопределяли в тюркских языках ослабление *s* и его озвончение, а также переход *z* в *p*, на монгольской почве получили еще более интенсивное выражение.

Наличие слов с ротацизмом и ламбдаизмом в монгольских языках позволяет говорить об относительно большой древности рассматриваемых явлений. Дело в том, что из современных тюркских языков ротацирующим и ламбдаирующим является только чувашский; ни в одном из древнетюркских текстов, относящихся к VIII—XII вв., ротацизм и ламбдаизм не прослеживаются, поэтому естественно думать, что соответствующие формы появились в монгольских языках не позднее VI—VII вв., когда все тюркские племена располагались довольно компактно в бассейне Енисея.

Глухость/звонкость (сила/слабость)

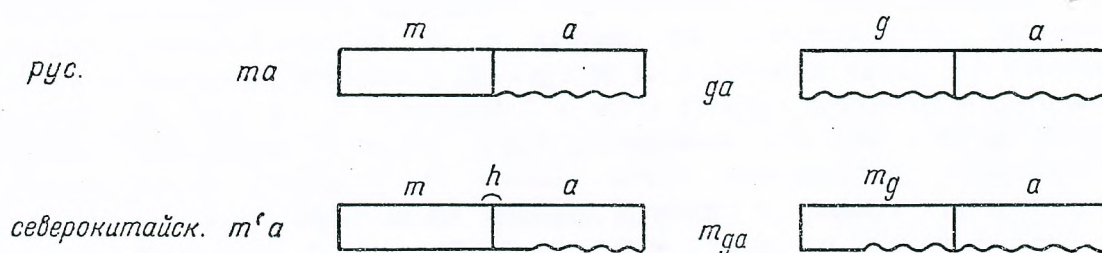
Противопоставление глухих и звонких согласных²³⁵ обнаруживается во всех положениях, включая интервокальное, ср. тат. *бака* 'лягушка' / *баба* 'смотрит', *тапа* 'руби' / *таба* 'сковорода', *бас* 'стань, наступи' / *баз* 'погреб', *аса* 'вешает' / *аза* 'балуется'; азерб. (диал.) *кол* 'куст' / *бол* 'рука', *тор* 'сеть' / *дор* 'мачта', *тађ* 'свод' / *дађ* 'гора'; узб. *этам* 'мой отец' / *эдам* 'человек', *ўқит* 'учи' / *ўѓит* 'удобрение'; якут. *тал* 'выбирай' / *дал* 'загон для скота', *таң* 'перебирай' / *даң* 'земляная насыпь на крыше (потолке) дома', *тэң* 'равный' / *дэң* 'несчастный случай, увечье', *тэс* 'пробивай' / *дэс* 'говорите друг другу, говорите вместе', *туол* 'наполняйся' / *дуол* 'совсем, совершенно', *бото* 'потник под седлом' / *бодо* 'вид, физиономия', 'характер', *атаба* 'его нога' / *адаба* 'деревянные пути'. Однако данное противопоставление является эпизодическим, не имеет большой фонологической нагрузки, и поэтому вопрос о том, насколько оно типично для тюркских языков, требует более глубокого рассмотрения.

Противопоставление сильных и слабых согласных для тюркских языков является своеобразным выражением оппозиции глухих и звонких шумных: сильные согласные — глухие, слабые — звонкие; однако звонкость слабых факультативна: слабые могут быть и глухими, и полувзвонкими, и полновзвонкими. Указанные оппозиции, таким образом, взаимозаменяемы. Правильнее, пожалуй, говорить не о взаимозаменяемости, а о сочетании глухости и силы, с одной стороны, и звонкости и слабости,

²³⁴ См.: А. М. Щербак. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. ВЯ, 1966, № 3, стр. 30—32.

²³⁵ Противопоставление глухих и звонких согласных может рассматриваться как разновидность оппозиции по дополнительному активному органу.

с другой, как взаимообусловленных или смешанных признаков.²³⁶ В связи с этим уместно привести одно из высказываний К. Эбелинга: «Я не признаю, однако, что функциональный признак, признак, который, иначе говоря, образует минимальную (или „прямую“) оппозицию двух фонем, является физически или физиологически также обязательно простым. Трудно понять, почему фонематическая значимость (property) должна всегда быть ограничена одним измерением звукового континуума. Не исключено а priori, что /t/ и /d/ в некоторых языках отличаются друг от друга как глухой+сильный и звонкий+слабый».²³⁷ Наиболее распространенный случай соотношения силы и глухости, слабости и звонкости отмечен Е. Д. Поливановым в китайском языке, в котором имеет место противопоставление сильных (аспирированных) и слабых (лишенных придыхания) смычных и аффрикат: ²³⁸ n'/n^b , m'/m^d , k'/k^b и т. д., ср.



Данная оппозиция прослеживается в тех тюркских языках, в которых отсутствует противопоставление глухих и звонких шумных согласных, например в тувинском, ср. *паш* 'чугунная чаша' / *ба'ш* 'голова', *пар* 'тигр' / *бар* 'есть, имеется', *тэп* 'пинай' / *дэп* 'говоря', *тал* 'ива' / *дал* 'точь в точь'.²³⁹ В конце слова и в интервокальной позиции в тувинском языке сильные согласные ослабляются и указанное противопоставление нейтрализуется. Подобная оппозиция существует также в тофаларском (карагасском) и азербайджанском языках. Ср. замечание Е. Д. Поливанова о том, что в некоторых азербайджанских говорах в начале слова наблюдаются «полузвонкие» смычные.²⁴⁰

1. Употребление звонких согласных в начальной позиции характерно не для всех тюркских языков (в хакасском и чувашском в начале слова могут быть только глухие), возможность противопоставления начальных смычных n и b , m и d , k и g является минимальной в общетюркском масштабе, а противопоставление начальных щелевых s и z , $ш$ и $ж$ исключено вообще. Тем не менее существует широко распространенная точка зрения, устанавливающая наличие в тюркском праязыке оппозиции по признаку глухости/звонкости (силы/слабости) для смычных согласных: n/b ,

²³⁶ Ср. у У. Ш. Байчуры: «В целом, более слабая артикуляция совпадает с возрастанием степени звонкости и сокращением квантитета. Напротив, усилению артикуляции сопутствует возрастание длительности и процента глухой части» (У. Ш. Б а й ч у р а. Звуковой строй татарского языка, II. Казань, 1961, стр. 71).

²³⁷ С. L. E b e l i n g. Linguistic units, стр. 29. Ср: A. M a r t i n e t. Neutralisation et archiphonème. TCLP, 6, 1936, стр. 51.

²³⁸ См.: Е. P o l i v a n o v. La perception des sons d'une langue étrangère. TCLP, 4, 1931, стр. 90, 91. См. также: Е. Д. П о л и в а н о в. Введение в языковедение для востоковедных вузов, стр. 102.

²³⁹ См.: Ф. Г. И с х а к о в, А. А. П а л ь м б а х. Грамматика тувинского языка, стр. 72, 76.

²⁴⁰ Е. Д. П о л и в а н о в. Введение в языковедение для востоковедных вузов, стр. 105. О противопоставлении сильных и слабых смычных согласных (придыхательных и непридыхательных) см.: Р. О. Ш о р. Из инструментально-фонетических наблюдений о так называемом «озвончении» заднеязычного q в азербайджанско-тюркском языке. Советское языковедение, II, Л., 1936, стр. 93, 94. По мнению С. Б. Садыхова, данная оппозиция охватывает и щелевые согласные азербайджанского языка. См.: С. Б. С а д ы х о в. Экспериментальное исследование согласных современного азербайджанского литературного языка. АКД. Баку, 1968, стр. 9, 10.

m/d, k/ɟ. Сторонники этой точки зрения считают, что в данном отношении турецкий язык, имеющий в начале слова и глухие и звонкие смычные согласные, древнее языка орхонских и енисейских надписей. По мнению Х. Педерсена, праязыковое различие глухих и звонких смычных сохранилось не только в языках огузской группы. Так, например, в чувашском языке **k* и **ɟ* имели разные рефлексy: *jur* 'снег' (<**ɟār*), *xur* 'гусь' (<**kās*).²⁴¹ В. М. Иллич-Свитыч, рассматривающий только дентальные смычные, особо выделяет тувинский и тофаларский (карагасский) языки, в которых праязыковое разграничение соответствующих согласных выступает в виде противопоставления по силе/слабости. «Итак, огузские языки и тувинско-карагасский, — пишет он, — сохраняют (в несколько измененной форме) пратюркское противопоставление **d*- и **t*-. Для остальных тюркских языков следует принять изменение **d*- > *t*-, приведшее к совпадению двух дентальных фонем в одной (*t*-)». ²⁴² При этом следы первичного разграничения, по мнению В. М. Иллича-Свитыча, обнаруживаются и в таких языках, как татарский, узбекский, якутский, в которых имеется небольшая группа слов с начальным *ɟ*, ср. узб. *ɟə*- 'говорить', *ɟənz* 'море'; тат. *di*- 'говорить', *dürt* 'четыре'; якут. *diš*- 'говорить'. Несколько оригинальна точка зрения О. Прицака, полагающего, что в алтайских языках в анлауте некогда была оппозиция сильных (*fortes*) и слабых (*lenes*) шумных смычных, но что уже в тюркском праязыке *n* утратился, *ɟ* изменился в *j*, а *ɟ* в *k*, вследствие чего древнетюркские *b*, *m*, *k* не образовывали привативных оппозиций.²⁴³

Реконструкции, предлагаемые Х. Педерсеном и О. Прицаком, малоубедительны. Нет никаких оснований возводить начальные *j* и *x* в словах *jur* 'снег' и *xur* 'гусь' в чувашском языке к разным архетипам. Случаи исчезновения пратюркского **n*, которому обычно придается большое значение в традиционной алтаистике (ср. закон Рамстедта—Пельйо),²⁴⁴ нам неизвестны. Очень мало фактов, свидетельствующих о развитии в тюркском праязыке начального **j* из **ɟ*, а начального **k* — из **ɟ*.

Относительно замечания В. М. Иллича-Свитыча о совпадении фонологической оппозиции глухого и звонкого дентальных согласных в огузских языках с противопоставлением сильного и слабого дентальных в тувинском языке необходимо сказать следующее. Анализ соответствующих материалов (см. ниже, стр. 91) показывает, что слова с начальными глухими (сильными), с одной стороны, и слова с начальными звонкими (слабыми), с другой, не образуют последовательно разграниченных рядов даже внутри группы огузских языков.²⁴⁵ Случаи совпадения слов с глухим (сильным) *m* во всех огузских языках и в тувинском языке единичны (всего 5 из 92), количество же слов с совпадающим начальным звонким (слабым) превышает три десятка. Такое несоответствие вполне понятно: и в тувинском языке и в языках огузской группы происходило ослабление анлаутного *m*. Слабый (звонкий) дентальный был конечным результатом указанного процесса, тогда как соответствующий сильный (глухой) представлял исходную ступень. И если развитие первого происходило согласно общей закономерности, то сохранение второго было обусловлено действием частных, локальных факторов. Следовательно, совпадение слов

²⁴¹ H. Pedersen. Türkische Lautgesetze, стр. 531.

²⁴² В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t*, *d*, *ɟ*, стр. 43.

²⁴³ O. Pritsak. Die Herkunft der Allophone und Allomorphe im Türkischen. UAJb, XXXIII, 1—2, 1961, стр. 142.

²⁴⁴ Подробно о законе Рамстедта-Пельйо см.: А. М. Щербак. Об алтайской гипотезе в языкознании. ВЯ, 1959, № 6, стр. 55—60.

²⁴⁵ См.: К. Fou. Azerbajġanische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen, стр. 145. Примечательны в этом отношении показания старотурецких текстов, см.: A. C. Emre. Türk lehçelerinin mukayeseli grameri, стр. 152—154.

с начальным *ð* в названных выше языках — закономерное явление, совпадение же слов с начальным *t* является случайным.²⁴⁶ Ср.

азерб.	тур.	туркм.	тув.	тат.	
табаџ	табак	тāбак	тавак	табак	'блюдо', 'миска', 'лоток'
дабан	табан	дāбан	даван	табан	'подошва', 'ступня' (тув. 'задняя конечность животного')
даџ	даџ	дāџ	даџ	тав	'гора'
тоџуб	тавук	товук	даџā	тавїк	'курица'
—	тавуш	товуш	дāш	тавїш	'звук, голос, шум'
дај	тај	тај	дај	тај	'жеребенок по второму или третьему году'
—	—	тāј-	тај-	тај-	'скользнуть' (тув. 'поскользнуться')
дајан-	дајан-	дајан-	дајан-	тајан-	'опираться'
—	такав	—	даџа	даџа	'подкова'
дāхи	дахи	—	даџїн	таџїн	'и, также, снова'
—	дал	тāл	тал	тал	'тальник', 'ветвь'
дал-	дал-	—	дал-	тал-	'впасть в забытие', 'остолбенеть' (азерб. 'погружаться', тат. 'утомиться')
дамар	дамар	дамар	дамїр	тамїр	'кровеносный сосуд', 'жила'
дамїї	дамла	дамїа	дамдї	тамчї	'капля'
танї-	танї-	танї-	танї-	танї-	'знать, узнавать'
дан	тан	даң	даң	таң	'заря, рассвет'
тап-	—	тап-	тї'п-	тап-	'находить'
дар	дар	дāр	тар	тар	'тесный', 'узкий'
дара-	тара-	дара-	дїра-	тара-	'расчесывать'
дарт-	тарт-	дарт-	тїрт-	тарт-	'тянуть', 'взвешивать'
даз	даз	—	тас	таз	'лысый', 'плешивый' (тат. 'шелудивый')
даш	таш	дāш	даш	таш	'камень'
даш-	таш-	дāш-	дашї-	таш-	'переливаться через край, выходить из берегов'
дашї-	ташї-	—	да'жї-	ташї-	'перевозить, переносить'
дә-	дї- ~ дә-	дїї-	дә-	дї-	'говорить'
дāвā	дәвә	дїјә	тәвә	тāвā, дәјā	'верблюды'
дāј-	дәј-	дәг-	дәг-	тї-	'трогать, касаться'
дāмїр	дәмїр	дәмїр	дәмїр	тїмїр	'железо'
тāн	дәң	дәң	дәң	тїң	'одинаковый, равный'
тāп-	тәп-	дәп-	тә'п-	тїп-	'пинать, лягать'
тāр	тәр	дәр	дәр	тїр	'пот'
дāр-	дәрлә-	тїр-	дәрї-	—	'собирать' (тув. 'снаряжать')
тāз-	—	тәд-	дәс-	—	'убегать', 'скрываться'
тāкā	тәкә	тәкә	дә'гә	тāкā	'козел' (тув. 'дикий козел')
дāш-	дәш-	дәш-	дә'ш-	тїш-	'пробивать дыру'

²⁴⁶ У. Пош объясняет это так: «Возвращаясь к общетюркским **k*- и **t*-, мы не можем найти другого объяснения, чем то, что регулярным и закономерным развитием этих двух фонем в юго-западных тюркских языках являются *g* и *d* и что, следовательно, все слова с начальными *k*- и *t*- — не что иное, как заимствования из северо-западных или юго-восточных тюркских языков, относящиеся к тому времени, когда токуз-огузы были в тесных контактах с кыпчаками» (U. P o s s h. Concerning the sonorization of the south-west Turkic languages. CAJ, IV, 3, 1959, стр. 173). Ср.: М. М o l l o v a. Les gutturales initiales dans le dialecte turk des Rhodopes de l'Est. Folia Orientalia, IX, Kraków, 1968, стр. 72, 77.

<i>däriṅ</i>	<i>däriṅ</i>	<i>däriṅ</i>	<i>täriṅ</i>	<i>tiṅ</i>	‘глубокий’
<i>tiṅ</i>	<i>tiṅ</i>	<i>tiṅ</i>	<i>tiṅ</i>	<i>tiṅ</i>	‘втыкать’, ‘затыкать, заку- поривать’
—	<i>diṅ</i>	<i>diṅ</i>	<i>tiṅ</i>	<i>tiṅ</i>	‘успокаиваться’ (тув. ‘ды- шать’)
<i>diḅ</i>	<i>diṅ</i>	<i>diṅ</i>	<i>diṅ</i>	<i>tiṅ</i>	‘дно’, ‘основание’
<i>diṅlä</i>	<i>diṅlä</i>	<i>diṅlä</i>	<i>diṅlä</i>	<i>tiṅlä</i>	‘слушать’
<i>diṅraḅ</i>	<i>tiṅraḅ</i>	<i>diṅraḅ</i>	<i>diṅraḅ</i>	<i>tiṅraḅ</i>	‘ноготь’
<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘колени’
<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	—	<i>diḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘теревить, дергать’, ‘чесать’ (шерсть)
<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘зуб’
<i>diḅari</i>	<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘внешний, наружный’
<i>diḅi</i>	<i>diḅi</i>	—	<i>diḅi</i>	—	‘самка’
<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘нанизывать’
<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘язык’
<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>diḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘резать пластами’
<i>diḅlä</i>	<i>diḅlä</i>	<i>diḅlä</i>	<i>diḅlä</i>	<i>tiḅlä</i>	‘желать’, ‘искать’, ‘просить’
<i>tiḅki</i>	<i>tiḅki</i>	<i>tiḅki</i>	<i>diḅki</i>	<i>tiḅki</i>	‘лиса’
<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘пыль’
<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	‘колодушка’
<i>tiḅra</i>	—	<i>tiḅra</i>	<i>tiḅra</i>	<i>tiḅra</i>	‘останавливаться’
<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	‘девять’
<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘свадьба’, ‘пир’
<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘наполняться’
<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	—	‘град’
<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘халат’, ‘верхняя одежда’
<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘мерзлый’, ‘мороз’
<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	‘земля, почва’
<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	‘коленная чашечка’, ‘щико- лотка’
—	<i>tiḅra</i>	<i>tiḅra</i>	<i>tiḅra</i>	<i>tiḅra</i>	‘гнедой’
—	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	—	‘верблюжонок по второму году’
<i>tiḅ</i>	—	—	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘береста’
<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘лить’, ‘сыпать’
<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	‘круглый’
<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘зародыш’, ‘детеныш’
<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘поворачиваться, переворачи- ваться’ (тув. ‘кончатся’)
—	—	<i>tiḅra</i>	<i>tiḅra</i>	<i>tiḅra</i>	‘почетное место’
<i>tiḅ</i>	—	—	<i>tiḅ</i>	—	‘подъем, склон горы’
<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘грудь животного’
<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	<i>tiḅ</i>	‘расстилать’
<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	‘четыре’
<i>tiḅraḅ</i>	—	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	—	‘рождаться’
<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	‘вдова’, ‘вдовец’
—	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	‘копыто’
<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	‘стоять’, ‘вставать’
<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	‘соль’
<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	‘держатъ’
<i>tiḅraḅ</i>	—	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	—	‘встречаться’
(<i>tiḅraḅ</i> <i>tiḅraḅ</i>)	—	—	—	—	—
<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	‘петля, ловушка, силос’
—	—	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	<i>tiḅraḅ</i>	‘клюв’, ‘нос’

дурна	турна	дурна	дурҗаја	төрна	'журавль'
—	—	тўи	дўи	тõи	'полдень'
дўи-	дўи-	дўи-	д'ўи-	тõи-	'падать, опускаться'
—	тўн	тўн	дўн	тõн	'ночь, вечер'
дўнән	дўн	дўн	—	—	'вчера'
дўр-	дўр-	дўр-	дўр-	тõр-	'свертывать, завертывать'
—	дўи	дўи	дўи	тõи	'сон, сновидение'
тўк	тўј	тўј	дўк	тõк	'волосок', 'шерсть'
дўј-	дўј-	дўв-	дўј-	—	'завязывать узлом'

Несколько иначе обстоит дело с начальным губным смычным.²⁴⁷ В отличие от *т*, *п* подвергся ослаблению и более или менее значительному озвончению почти в общетюркском масштабе. Только чувашский, хакасский и шорский языки сохранили относительно сильный глухой *п*, ср.

хак.	тур.	казах.	узб.	
паџ	баџ	бав	бџ	'веревка', 'связка', 'вязанка'
паџа	баџа	бака	бака	'лягушка'
пај	—	бај	бџј	'богатый'
палїх	балїк	балїк	балїк	'рыба'
палтї	балта	балта	бџлта	'топор'
пār	баџір	бавїр	баџір	'печень'
пар	вар	бар	бџр	'есть', 'имеется'
пас	баи	бас	бџи	'голова'
пас-	бас-	бас-	бџс-	'давить, наступать'
пат-	бат-	бат-	бџт-	'тонуть', 'погружаться'
пїс-	пїш-	пїс-	пїш-	'зреть', 'вариться', 'печься'
пїчак	бїчак	пїшак	пїчџк	'нож'
пїл	бџл	бџл	бџл	'спина', 'поясница'
пїл-	бїл-	бїл-	бїл-	'знать'
пїр-	вџр-	бџр-	бџр-	'давать'
пїр	бїр	бїр	бїр	'один'
пїс	бџи	бџс	бџи	'пять'
пол-	ол-	бол-	бўл-	'быть, становиться'
пос	бои	бос	бўи	'пустой, порожний'
пõл-	бõл-	—	бўл-	'делить'
пурун	бурун	мўрїн	бурун	'нос'
пус	буз	мўз	муз	'лед'
пус-	боз-	бўз-	буз-	'ломать, разрушать'
пут	бут	бўт	бут	'бедро, нога'
пўр	—	бõрї	бўрї	'волк'

Небольшие группы слов с глухим *п* в анлауте встречаются и в других тюркских языках. В основном это довольно поздние заимствования из персидского, русского и других языков. В собственно же тюркских словах начальный *п* выступает в виде исключений,²⁴⁸ ср. ног. *пїт* 'нога'; тур. *пус-* 'спрятаться, устроить засаду', *порсук* 'барсук'; туркм. *палта*

²⁴⁷ Ряд весьма интересных соображений по этому вопросу высказан в статье: Ф. А б д у л л а е в. О кичакско-огузских соответствиях *п//б*, *б//м*, *б//в* (по материалам хорезмских говоров узбекского языка). Сб. «Вопросы тюркологии», Ташкент, 1965, стр. 55—65. О начальных губных смычных в тюркских языках см.: G. S I a u s o n. The initial labial sounds in the Turkish languages. BSOAS, XXIV, 2, 1961, стр. 298—306.

²⁴⁸ Во многих тюркских языках эпизодическое колебание *б ~ п* является особенностью отдельных диалектов. См.: С. К у р е н о в. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья), стр. 13; Ш. Х. А к б а е в. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка, стр. 96, 97.

‘топор’, *пўдак* ‘ветвь’; узб. *пичан* ‘сено’; уйг. *палчик* ‘глина’, *пака* ‘лягушка’, *пат-* ‘погружаться’, *пўт-* ‘кончаться, завершаться’.

Начальные глухой и звонкий заднеязычные (увулярные) в современных тюркских языках распределены приблизительно так же, как переднеязычные. Ослабление или озвончение их в тех или иных размерах наблюдается в кумыкском, тувинском и огузских языках. В кумыкском, гагаузском и турецком языках звонким является только заднеязычный (в мягкорядных словах), в азербайджанском и туркменском — заднеязычный и увулярный (в мягкорядных и твердорядных словах), при этом в двух последних языках увулярные имеют сильное глухое начало. В тувинском языке в одной группе слов начальные заднеязычный и увулярный являются слабыми, не подвергающимися озвончению (*к, к*), в другой — сильными и притом спирантизованными (*х*), ср.

азерб.	тур.	кум.	тув.	
<i>җаз-</i>	<i>каз-</i>	<i>каз-</i>	<i>кас-</i>	‘копать’
<i>җал-</i>	<i>кал-</i>	<i>кал-</i>	—	‘оставаться’
<i>җар</i>	<i>кар</i>	<i>кар</i>	<i>хар</i>	‘снег’
<i>җат-</i>	<i>кат-</i>	<i>кат-</i>	<i>ка‘т-</i>	‘прибавлять, смешивать’
<i>җач-</i>	<i>кач-</i>	<i>кач-</i>	<i>каш-</i>	‘бежать, убежать’
<i>җојун</i>	<i>којун</i>	<i>кој</i>	<i>хој</i>	‘овца’
<i>җол</i>	<i>кол</i>	<i>кол</i>	<i>хол</i>	‘рука’
<i>җул</i>	<i>кул</i>	<i>кул</i>	<i>кул</i>	‘раб’
<i>җуш</i>	<i>куш</i>	<i>куш</i>	<i>ку‘ш</i>	‘птица’
<i>җїз</i>	<i>кїз</i>	<i>кїз</i>	<i>кїс</i>	‘девушка’
<i>җїл</i>	<i>кїл</i>	<i>кїл</i>	<i>хїл</i>	‘волос’
<i>җїн</i>	<i>кїн</i>	<i>кїн</i>	<i>хїн</i>	‘ножны’
<i>җїш</i>	<i>кїш</i>	<i>кїш</i>	<i>кї‘ш</i>	‘зима’
<i>гәл-</i>	<i>гәл-</i>	<i>гәл-</i>	<i>кәл-</i>	‘приходить’
<i>кәс-</i>	<i>кәс-</i>	<i>гәс-</i>	<i>кәс-</i>	‘резать’
<i>гир-</i>	<i>гир-</i>	<i>гир-</i>	<i>кир-</i>	‘входить’
<i>гөз</i>	<i>гөз</i>	<i>гөз</i>	—	‘глаз’
<i>гөл</i>	<i>гөл</i>	<i>көл</i>	<i>хөл</i>	‘озеро’
<i>гөј</i>	<i>гөк</i>	<i>көк,</i>	<i>көк</i>	‘небо’, ‘синий’
		<i>гөк</i>		
<i>гөр-</i>	<i>гөр-</i>	<i>гөр-</i>	<i>көр-</i>	‘видеть’
—	—	<i>көн</i>	<i>көн</i>	‘много’
—	<i>гүз</i>	<i>гүз</i>	<i>күс</i>	‘осень’
<i>гүн</i>	<i>гүн</i>	<i>гүн</i>	<i>хүн</i>	‘солнце’
<i>гүј</i>	<i>гүч</i>	<i>гүч</i>	<i>күш</i>	‘сила’

Противопоставление сильного и слабого заднеязычного (увулярного), обнаруживаемое в тувинском языке, не может быть интерпретировано как явление реликтового порядка.

Образование в современных тюркских языках минимальных пар, различающихся по признаку глухости/звонкости или силы/слабости, является результатом заимствования большого количества слов из нетюркских языков или следствием семантической дифференциации параллелизмов, ср. кум. *көк* ‘небо’, *гөк* ‘синий’,²⁴⁹ появление которых объясняется тем, что в ряде языков различие в употреблении начальных глухих и звонких носит характер диалектных расхождений, ср. туркм. *дört* ‘четыре’, *докуд* ‘девять’, *дарт-* ‘тянуть’, *дарі* ‘просо’, *гәлін* ‘невестка’, *җадім* ‘старинный’, *җоркак* ‘трус’, туркм. (диал.) *төрт*, *ток-*

²⁴⁹ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, стр. 15.

*куд, тарт-, тарі, кэлін, кадім, коркак.*²⁵⁰ Ср. также: уйг. *топ* 'мяч', *толкун* 'волна', *топла-* 'собирать', уйг. (диал.) *доп, долкун, допла-*.

Примечательно, что в некоторых тюркских языках начальные *п* и *б*, *т* и *д*, *с* и *з* свободно заменяют друг друга, например в восточном диалекте татарского языка: *пӓс ~ бӓз* 'мы', *пӓш ~ биш* 'пять'. Индифферентность в плане употребления глухих и звонких в этом диалекте хорошо иллюстрируется примерами передачи согласных в словах, заимствованных из русского языка, ср. *просать* 'бросать', *боявились* 'появились', *тача* 'дача', *тым* 'дым', *сабрать* 'забрать', *зода* 'сода'.²⁵¹ Вариантное, неустойчивое употребление слов с дентальным смычным (глухой/звонкий) нередко наблюдается в старотурецких текстах. В одном из говорев башкирского языка на месте начального *б* всюду выступает *п*, а в заимствованных из русского языка словах, напротив, глухой губной заменяется звонким, ср. *бартком, балучка.*²⁵²

Все перечисленные выше факты свидетельствуют против гипотезы о существовании в древних тюркских языках коррелятивной оппозиции согласных по признаку глухости/звонкости или силы/слабости в начале слова. Начало — самая сильная позиция в слове, так как в начале сосредоточено наибольшее количество информации. И поэтому различие в качестве согласных (глухость/звонкость или сила/слабость), на наш взгляд, должно интерпретироваться не как реликт исчезнувшей оппозиции, а как следствие внутрдиалектной или междиалектной альтернации аллофонов одних и тех же фонем.

II. В конце слова в таких языках, как алтайский, шорский, тувинский, хакасский и якутский, выступают только глухие шумные согласные, в других тюркских языках глухие шумные явно преобладают. По мнению О. Прицака, в конце и середине слова в древнетюркском языке еще сохранялась в качестве релевантной старая оппозиция *п, т, к/б, д, в*, ср.

аб 'охота' / *ап* 'и'
уд- 'спать' / *ут-* 'побеждать'
од 'время' / *от* 'совет'
юб 'траур' / *юк* 'бедный'.²⁵³

Совершенно очевидно, что примеры, приведенные О. Прицаком, не подтверждают высказанного им предположения. В словах *уд-* 'спать' и *од* 'время' в древнетюркском языке *д* выступает только графически или, по крайней мере, является одной из диалектных реализаций межзубного *д*. Не подтверждают это предположение и материалы современных тюркских языков, в которых почти все конечные звонкие вторичны и восходят к глухим. Озвончение конечных глухих согласных в азербайджанском (*п, т, к, ч, с*), татарском, турецком, узбекском, уйгурском и других языках (*с*) связано с наличием так называемой первичной долготы у пред-

²⁵⁰ См.: Р. Бердыев. Диалектные данные туркменского языка — один из источников при разработке сравнительной грамматики тюркских языков. ВДТЯ, III, Баку, 1963, стр. 21; Р. А. Рустамов. Роль диалектных данных азербайджанского языка при разработке сравнительной грамматики тюркских языков. Там же, стр. 12; С. Куренов. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья), стр. 11, 14; Х. Мухиев. Нохурский диалект туркменского языка, стр. 7; К. Шамуратов. Западные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, стр. 9; С. Аразкулиев. Говоры туркмен Турткульского района Каракалпакской АССР. АКД. Ашхабад, 1962, стр. 8, 9.

²⁵¹ См.: Г. Х. Ахатов. О восточном диалекте татарского языка. ВДТЯ. Тр. ИЛЯ им. Низами [АН Азербайджанской ССР], XII, Баку, 1958, стр. 56, 57.

²⁵² См.: Т. Г. Баишев. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955, стр. 33.

²⁵³ О. Pritsak. Die Herkunft der Allophone und Allomorphe im Türkischen, стр. 142.

шествующего гласного, ср. азерб. *jad* 'чужой' (< **ǰām*) и *jat* 'ложись' (< **ǰat*), *ǰab* 'посуда', 'сосуд' (< **kān*) и *ǰap* 'хватай, кусай' (< **kan*), *aǰ* 'голодный' (< **āč*) и *ač* 'открывай' (< **ač*), *aǰ* 'белый' (< **āk*) и *ač* 'теки' (< **ak*), *ǰǰj* 'небо', 'синий' (< **kǰk*) и *kǰk* 'корень' (< **kǰk*), *sǰj* 'ругай, брани' (< **sǰk*) и *sǰk* 'распарывай' (< **sǰk*); туркм. *ǰād* 'гусь' (< **kās*) и *ǰas* 'стягивай' (< **kas*), *ǰīd* 'девушка' (< **kīs*) и *ǰīs* 'жми, дави' (< **kīs*). После краткого гласного согласный остается довольно сильным, несколько удлинненным,²⁵⁴ и не подвергается озвончению. Исключения из этого правила немногочисленны, ср. туркм. *īǰ* 'запах', *āǰ* 'ящерица', причем последнее слово, по-видимому, является одиночным, не имеющим параллелей в других тюркских языках (ср. ? др.-тюрк. *ās* ~ *āz* 'горностаи').

Особый случай представляет наличие в исходе слова согласного *ǰ* (*z*) и противопоставление в этой позиции *k/ǰ* (*x/ǰ*, *k/z*), например в карлукско-уйгурских и огузских языках, ср.

азерб.	туркм.	узб.	
<i>ač</i>	<i>ak</i>	<i>ǰk</i>	'теки'
<i>aǰ</i>	<i>āk</i>	<i>ǰk</i>	'белый'
<i>ǰk</i>	<i>ǰk</i>	<i>ǰk</i>	'сей' (глагол.)
<i>ǰj</i>	<i>ǰǰ</i>	<i>ǰǰ</i>	'сгибай'
<i>bač</i>	<i>bak</i>	<i>bǰk</i>	'смотри'
<i>baǰ</i>	<i>bāǰ</i>	<i>bǰǰ</i>	'связка, завязка'
<i>boǰ</i>	<i>boǰ</i>	<i>buǰǰ</i>	'души'
<i>buǰ</i>	<i>buǰǰ</i>	<i>buǰ</i>	'пар'
<i>buǰk</i>	<i>buǰk</i>	<i>buk</i>	'складывай, сгибай'
<i>kǰk</i>	<i>ǰǰk</i>	—	'корень'
<i>ǰǰj</i>	<i>ǰǰk</i>	<i>kuǰk</i>	'небо, 'синий'
<i>tǰk</i>	<i>tǰk</i>	<i>tǰk</i>	'нечет'
<i>ǰǰj</i>	<i>ǰǰǰ</i>	<i>tǰǰ</i>	'касайся, трогай'
<i>toč</i>	<i>dok</i>	<i>tuǰk</i>	'сытый'
<i>doǰ</i>	<i>doǰ</i>	<i>tuǰǰ</i>	'рожай'
—	<i>ǰak</i>	<i>ǰǰk</i>	'зажги'
<i>ǰač</i>	—	—	'мажь, прикладывай'
<i>ǰaǰ</i>	<i>ǰaǰ</i>	<i>ǰǰǰ</i>	'иди, падай' (о дожде)
<i>ǰaǰ</i>	<i>ǰāǰ</i>	<i>ǰǰǰ</i>	'жир, масло'
<i>ǰǰx</i>	<i>ǰǰk</i>	<i>ǰǰk</i>	'вали, сваливай'
<i>ǰǰǰ</i>	<i>ǰǰǰ</i>	<i>ǰtǰ</i>	'собирай'
<i>ǰox</i>	<i>ǰǰk</i>	<i>ǰuǰk</i>	'нет'
<i>ǰuǰk</i>	<i>ǰuǰk</i>	<i>ǰuk</i>	'груз, вьюк'
<i>ǰj</i>	<i>ǰǰ</i>	—	'хвали'
<i>ox</i>	<i>ok</i>	<i>uǰk</i>	'стрела, пуля'
—	<i>ǰak</i>	—	'чуткий, бдительный'
<i>saǰ</i>	<i>ǰaǰ</i>	<i>sǰǰ</i>	'дои'
<i>sič</i>	<i>ǰik</i>	<i>sik</i>	'жми, дави'
<i>siǰ</i>	<i>ǰiǰ</i>	<i>siǰ</i>	'вмещайся'
<i>soč</i>	<i>ǰok</i>	<i>sǰk</i>	'совывай, ударяй'
<i>sǰk</i>	<i>ǰǰk</i>	<i>sǰk</i>	'распарывай'
<i>sǰj</i>	<i>ǰǰǰ</i>	<i>sǰk</i>	'ругай, брани'
<i>tač</i>	<i>ǰak</i>	<i>tak</i>	'прицепи, присоедини'
<i>ǰaǰ</i>	<i>ǰāǰ</i>	<i>tǰǰ</i>	'гора'
<i>tǰk</i>	<i>ǰǰk</i>	<i>tuǰk</i>	'лей'
<i>ǰǰj</i>	<i>ǰǰǰ</i>	—	'бей, колоти'

²⁵⁴ См.: Е. Д. Поливанов. К вопросу об общетурецкой долготе гласных, стр. 157.

<i>mīxa</i>	<i>ḍīk</i>	<i>mīk</i>	‘втыкай, вталкивай’
—	<i>mīḅ</i>	<i>mīḅ</i>	‘острие, лезвие’
<i>mīk</i>	<i>ḍīk</i>	<i>mīk</i>	‘устанавливай, сооруди’, ‘ружай’, ‘шей’
<i>mūk</i>	<i>mūj</i>	<i>mūk</i>	‘волос на теле’
<i>ḍūj</i>	<i>ḍūe</i>	<i>mūe</i>	‘завязывай узел’
<i>čax</i>	<i>čak</i>	<i>čak</i>	‘высекай огонь’
<i>čaḅ</i>	<i>čaḅ</i>	<i>čaḅ</i>	‘время’
<i>čāk</i>	<i>čāk</i>	<i>čāk</i>	‘тяни, тащи’
<i>čīx</i>	<i>čīk</i>	<i>čīk</i>	‘выходи’
<i>čīj</i>	<i>čīe</i>	—	‘сырой’
<i>čōk</i>	<i>čōk</i>	<i>čūk</i>	‘присядь’

Как показывают примеры, \dot{b} ($\dot{e} > j$) в азербайджанском языке нередко выступает и после этимологического краткого гласного, ср. *boḅ* ‘души’, *ḍāj* ‘касайся’, *ḍoḅ* ‘рожай’, *ḍūj* ‘завязывай узел’, *jaḅ* ‘иди, падай’ (о дожде), *jīḅ* ‘собирай’, *saḅ* ‘дои’, *siḅ* ‘вмещайся’. Никаких данных, позволяющих говорить о дополнительном распределении \dot{b} (\dot{e}) в отношении *k* (*κ*), в нашем распоряжении нет, и поэтому остается предположить, что в приведенных примерах \dot{b} ($\dot{e} > j$) — отражение сонанта * γ (* γ').

То же самое можно сказать о конечном *b*, обнаруживаемом в древних текстах как после долгих, так и после кратких гласных и имеющем своеобразные рефлексy в современных тюркских языках, ср.

др.-тюрк.	азерб.	туркм.	узб.	
<i>ab</i>	<i>ov</i>	<i>āv</i>	<i>ov</i>	‘охота’
<i>ḅb</i>	<i>ḅv</i>	<i>ōj</i>	<i>yj</i>	‘дом’
<i>sḅb</i>	<i>sḅv</i>	<i>sōj</i>	<i>sḅv</i>	‘любви’
<i>sub</i>	<i>su</i>	<i>su</i>	<i>su</i>	‘вода’
<i>čab</i>	—	—	—	‘слава, молва’

Этот *b* должен быть возведен к сонанту * β .

Есть основания предполагать, что в тюркском праязыке был также сонант * δ , ср. в словах: **kod* ‘ставь’, **mod* ‘насыщайся’, **kud* ‘лей’, **kād* ‘одевай’.

Итак, мы приходим к выводу, что в тюркском праязыке звонкие шумные согласные не противопоставлялись глухим (соответственно: слабые — сильным) и в конечной позиции и что, следовательно, признак глухости / звонкости (силы / слабости) не имел фонологического значения.

При отсутствии фонологической оппозиции глухих и звонких согласных имело место противопоставление несонантов (сильных и слабых согласных) и сонантов (сверхслабых), причем парные глухие и звонкие (resp. сильные и слабые) являлись позиционно-комбинаторными вариантами фонетической репрезентации несонантов.

Корреляция по признаку несонантности / сонантности включала в себя большое количество согласных, ср.

ϑ (δ)	<i>c</i> (<i>z</i>)	<i>ш</i> (<i>ж</i>)	<i>n</i> (<i>б</i>)	<i>m</i> (δ)	<i>k</i> (β)
<i>j</i>	<i>p</i>	<i>л</i>	β/m	δ/n	γ/ζ

и занимала господствующее положение в фонологической системе праязыка.

Смычность/щелинность

Двучленной является также оппозиция согласных по способу образования: смычные/щелевые. Согласные *n*, *b*, *m*, δ , *m*, *n*, ζ , *k* и др. — смычные, *φ*, *v*, *c*, *z*, *ш*, *л*, *p*, *j*, *ç*, *жç*, *x* и т. д. — щелевые; *č* и *j* — смычно-

щелевые, они могут быть противопоставлены и смычным и щелевым и, таким образом, обладают комплексным дифференциальным признаком. Для большинства согласных, не имеющих соответствующих пар, признак смычности/щелинности является несущественным для определения их как фонем. Данную оппозицию следует считать типичной для современных тюркских языков, однако такие противопоставления, как *n/ɸ*, *b/v* и *k/x*, не являются исконными. Они возникли либо как следствие заимствования большого количества слов из других языков, либо в результате интенсивных междиалектных смещений.

Звук *ɸ* встречается главным образом в заимствованных словах и междометиях, например в туркменском, узбекском языках, а также в небольшой группе собственно тюркских слов в интервокальном положении и в положении перед некоторыми согласными, где он восходит к **n* и **β*, ср. в западных говорах ёмудского диалекта туркменского языка: *дофулмак* 'бросаться' (<*топулмак*), *дафїрдамак* 'топать' (<*тапїрдамак*).

Согласный *v* появился в тюркских языках не раньше X в. Появление *v* в восточнотуркестанском языке явилось следствием утраты билабиальности конечного и интервокального *b* (<**β*), а также следствием изменения *ɸ* (<**γ*) в середине и конце слова. В отличие от диалектов восточнотуркестанского языка древние диалекты южной группы дают примеры образования *v* из *b* и *v* в начале основы или морфологических элементов, см. CD: *варїдї* 'он был' (14), *вєрмәсїн* 'пусть не дает' (155), *әйләмәвән* 'я не делаю' (158).

Учитывая наличие у Махмуда Кашгарского двух обозначений *v*: *و* (например МК I: *اوت* *авут* 'горсть', *اوت* *увут* 'стыд' (83)) и *ڤ* (например МК I: *اڤ* *эв* 'дом' (37), *اڤ* *ав* 'охота' (81)), можно предположить, что в диалектах восточнотуркестанского языка существовали какие-то особые фонетические реализации данного согласного.

Приблизительно к этому же времени относится появление щелевого *x*. В рунических надписях *x* отсутствует вообще (правда, его отсутствие в этой группе памятников можно объяснить особенностями графики), тогда как в арабографичных текстах XI в. встречается довольно часто, но главным образом в заимствованных словах. Так, Махмуд Кашгарский приводит лишь несколько тюркских слов, в которых *k* заменялся спирантом *x*, ср. МК III: *хају* 'какой, который', *хїзїм* 'моя дочь', *ханда* 'где' (218), и считает указанную замену особенностью языка огузов и кыпчаков. Об изменении *k* в *x* в языках южной группы свидетельствуют и другие источники, относящиеся к более позднему времени, см. CD: *јохса* 'если не', 'в противном случае' (158); Feraḥ-nāme: *корху* 'страх', *ујху* 'сон' (148); *Äşuq-rāšā*: *дахї* 'также', *дутмах* 'держать' (9). П. Пельйо и А. Лекок видели обозначение *x* в букве *𐰇* памятников уйгурской письменности, употребляемой с одной точкой вверху или без точек,²⁵⁵ см. КР: *хају* 'какой', *хач* 'сколько', *харї* 'старый', *холтбучїлар* 'просители' (18—29).

Процесс спирантизации *k* не получил широкого распространения в общетюркском масштабе: вплоть до настоящего времени *k* сохраняется без перехода в *x* в таких языках, как алтайский, башкирский, гагаузский, казахский, каракалпакский, киргизский, ногайский, татарский, узбекский, уйгурский и шорский. В других тюркских языках спирант отсутствует вообще или выступает вместе со смычным, но находится в отношении дополнительного распределения. Например, в хакасском языке *x* встречается в твердорядных словах, в якутском — перед гласными *a* (*ā*), *o* (*yo*)

²⁵⁵ По мнению В. В. Радлова, этот орфографический прием был перенесен из манихейского письма, в котором ставили над знаком, обозначающим *k*, две точки, а *x* писали с одной точкой. См.: W. R a d l o f f. *Alttürkische Studien*, V, стр. 437.

и после *a* (*ā*, *īa*), *ə* (*iə*), *o* (*yo*), *ö* (*üö*). Противопоставление же смычного и щелевого имеет место главным образом в тувинском языке, ср. *кат* 'ягода' / *хат* 'ветер', *кол* 'основной' / *хол* 'рука', *көк* 'синий' / *хөк* 'забавный', *көр* 'смотри' / *хөр* 'сугроб', *кїл* 'делай' / *хїл* 'волос', *кїр* 'войди' / *хїр* 'грязь' и т. д.²⁵⁶

Попытки установить соответствие между тувинским *x* и огузским *k* (*к*) и реконструировать праязыковую систему с двумя гуттуральными не совсем удачны: тувинскому *x* нередко соответствует огузский *ɣ* (*г*), ср.

тув. <i>хөм</i> - 'закапывать'	тур., туркм. <i>гөм</i> -
<i>хўн</i> 'солнце'	» » <i>гўн</i>
<i>хэ́рэк</i> 'надо'	» » <i>гэ́рэк</i>
<i>хэ́мір</i> - 'грызть'	» » <i>гэ́мір</i> -
<i>хө́л</i> 'озеро'	тур. <i>гө́л</i>
<i>хо́ј</i> 'овца'	азерб. <i>җојун</i>
<i>хол</i> 'рука'	» <i>җол</i>
<i>хї́л</i> 'волос'	» <i>җї́л</i>
<i>хї́н</i> 'ножны'	» <i>җї́н</i>

Тувинскому же *k* (*к*) соответствуют огузские *k* (*к*), *ɣ* (*г*), ср.

тув. <i>кїр</i> - 'входить'	тур. <i>гїр</i> -	азерб. <i>гїр</i> -
<i>кө́р</i> - 'видеть'	» <i>гө́р</i> -	» <i>гө́р</i> -
<i>кө́к</i> 'синий'	» <i>кө́к</i>	» <i>гө́ј</i>
<i>кас</i> - 'копать'	» <i>кас</i> -	» <i>җазї</i> -
<i>каш</i> - 'бежать'	» <i>каш</i> -	» <i>җач</i> -

Отсутствие придыхательности/придыхательность

Для отдельных тюркских языков, по-видимому, не исключена возможность образования минимальных пар, различающихся отсутствием или наличием аспирации. Любопытные примеры подобного разграничения согласных обнаружены Э. Р. Тенишевым²⁵⁷ в языке саларов и языке желтых уйгуров, живущих на территории Китая,²⁵⁸ ср.

В начале слова

саларск.	<i>кал</i> 'останься'	—	<i>к'ал</i> 'натяни лук'
	<i>кумур</i> 'уголь'	—	<i>к'умур</i> 'мост'
	<i>кїму</i> 'горчица'	—	<i>к'їму</i> 'подка'
	<i>там</i> 'стена'	—	<i>т'ам</i> 'пресный'
	<i>пузї</i> 'теленки'	—	<i>п'узї</i> 'магазин'
	<i>пат</i> 'утка'	—	<i>п'ат</i> 'тоний'
ж.-уйг.	<i>кол</i> 'рука'	—	<i>к'ол</i> 'проси'
	<i>каро</i> 'смотри'	—	<i>к'аро</i> 'письмо'
	<i>гэ́р</i> 'чашка'	—	<i>к'э́р</i> 'войди'
	<i>кў́р</i> 'смотри'	—	<i>к'ў́р</i> 'мера зерна'
	<i>тала</i> 'вьючь'	—	<i>т'ала</i> 'равнина'
	<i>тар</i> 'сей' (глагол.)	—	<i>т'ар</i> 'узкий'
	<i>пэ́р</i> 'дай'	—	<i>п'э́р</i> 'бей'

²⁵⁶ См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка, стр. 79.

²⁵⁷ Э. Р. Тенишев. 1) Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу. ВДТЯ, III, Баку, 1963, стр. 124—126; 2) Саларский язык. М., 1963, стр. 15. См. также: С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 163.

²⁵⁸ Необходимо в связи с этим обратить внимание на соответствующее различие смычных и аффрикат в китайском языке. См.: Е. Д. Поливанов. Введение в языковедение для востоковедных вузов, стр. 101.

n'ir 'один' — *n'ir* — звукоподражание полету птиц

В конце слова

саларск.	<i>at</i> 'имя'	—	<i>a't</i> 'конь'
	<i>ot</i> 'огонь'	—	<i>o't</i> 'сиди'
ж.-уйг.	<i>at</i> 'имя'	—	<i>a't</i> 'конь'
	<i>ak</i> 'белый'	—	<i>a'k</i> 'теки'
	<i>ət</i> 'делай'	—	<i>jə't</i> 'мясо'

Легко заметить, что в конечной позиции аспирация (точнее: преаспирация) зафиксирована в односложных словах, которые в тувинском языке выступают с «фарингализованными» гласными, ср. тув. *a't* 'конь, лошадь', *a'k* 'теки', *ət* 'мясо', и напротив, она не отмечена в словах, имеющих в тувинском языке чистые гласные, ср. тув. *at* 'имя' (< **ām*), *ot* 'огонь' (< **ōt*), *ak* 'белый' (< **āk*). Является ли в данном случае дифференциальным признаком придыхательность согласных или фарингализация гласных, сказать пока довольно трудно.

В начале слова противопоставление непридыхательных и придыхательных согласных, очевидно, имеет иное происхождение, чем в исходе. Окончательные суждения по этому вопросу станут возможными после проведения тщательных экспериментальных исследований языка саларов и языка желтых уйгуров.

В других тюркских языках аспирация является сопутствующим, не самостоятельным признаком. Максимально выраженной она бывает у сильных (глухих) смычных, выступающих в начальной позиции. Слабые (глухие) смычные могут быть аспирированными факультативно.

Используя материалы В. Прёле, О. Прицак высказывает мысль о том, что карачаевский язык, подобно осетинскому и многим дагестанским языкам, имеет четыре группы смычных согласных: 1) глухие непридыхательные (*Tenuis*); 2) глухие аспирированные (*Aspiratae*); 3) смычно-гортанные (*Glottalocclusivae*); 4) звонкие, слабые (*Mediae*).²⁵⁹ Действительно, в карачаевском языке обнаруживается несколько групп смычных согласных, в том числе и согласные с придыханием, однако они не образуют самостоятельных фонемных рядов.

Б. Количественные признаки

Длительность согласного в односложном слове не является самостоятельным признаком и входит в качестве одного из компонентов в состав так называемых сложных, или смешанных, признаков, ср. «сила + глухость + долгота» / «слабость + звонкость + краткость». Тем не менее в ряде случаев она может получить фонологическую интерпретацию сама по себе, например в сочетаниях *nt*, *lt*, *rt*, *jt*, *lp*, *rk*, *lk*, когда шумные согласные ассимилируют сонанты и приобретают функциональные особенности геминат.

СОГЛАСНЫЕ В МНОГОСЛОЖНОМ СЛОВЕ

Прежде чем говорить о качестве согласных в многосложном слове, необходимо выделить те наиболее характерные для них позиции, которые отсутствуют в односложном слове. Таких позиций две: конец и середина многосложного слова.

²⁵⁹ О. P r i t s a k. Das Karatschaische und Balkarische. Fundamenta, I, стр. 349, 350.

а) Согласные в конце многосложного слова

Конечная позиция в многосложном слове в плане ее воздействия на фонетическое качество шумных согласных идентична конечной позиции в односложном слове с первичными долгими гласными. Это значит, что в конце многосложного слова шумные согласные становятся очень краткими, слабыми, предрасположенными в той или иной мере к озвончению. Так, например, в азербайджанском языке и в диалектах некоторых других огузских языков общетюркские согласные *n, m, k, ç* в конце многосложного слова являются полувзвонками, ср. азерб. *aşağ* 'дерево', *bulud* 'облако', *şanađ* 'крыло', *igid* 'молодец', *kəçid* 'проход', *ajaş* 'нога', *араş* 'водка', *атмаş* 'бросание', *алїб* 'взяв'. Таким образом, в указанной позиции противопоставление глухих и звонких (геср. сильных и слабых) нейтрализуется.

б) Согласные в середине многосложного слова

Середина многосложного слова охватывает два важных позиционно-комбинаторных момента, влияющих на качество согласных: интервокальное положение и стечение согласных.

В интервокальном положении, которое представляет собой совершенно особый позиционный случай, происходит ослабление (озвончение) глухих согласных — частичное, значительное или полное, спирализация смычных шумных и выпадение сонантов.

В зависимости от масштабов озвончения глухих согласных тюркские языки подразделяются на несколько групп, образующих последовательный ряд ступеней, крайние из которых представляют, с одной стороны, языки Сибири и Алтая, с другой, языки огузской и карлукско-уйгурской групп.

В чувашском языке и в языках Сибири и Алтая, исключая тофаларский и якутский, частичное, значительное или полное озвончение глухих согласных в интервокальном положении по существу не имеет никаких ограничений. Любой звук, выступающий или оказывающийся в интервокальном положении, может быть частично или полностью звонким, разумеется, если он не геминирован. «Глухие согласные в середине слова: а) в положении между двумя гласными и б) между сонорными (*p, l, m, n, v, й*) и гласными (обратно нет), — пишет Т. М. Матвеев, имея в виду чувашский язык, — подвергаются особому изменению, в результате чего получается звук, который по акустическому эффекту может быть назван слабым звонким или даже полным звонким», и далее: «... Согласные произносятся как бы звонко, на самом деле они остаются глухими, т. е. произносятся без вибраций голосовых связок, но с длительностью соответствующих звонких».²⁶⁰ Ср. чуваш. *уна* (~*уба*) 'медведь', *туда* (~*туда*) 'сыт', *ача* (~*аја*) 'ребенок', *часах* (~*чазах*) 'скоро'; хак. *сазім* 'мой волос' (*сас* 'волос'), *аді* 'его лошадь' (*ат* 'лошадь'), *абі* 'его белизна' (*ах* 'белый'), *көбізі* 'большинство' (*көн* 'много'); тув. *о'дар* 'пастбище' (*о'т* 'трава'), *кızı* 'его дочь' (*кис* 'девочка', 'дочь'), *азип* 'повесив' (*ас* 'вешай'), *дажі* 'его камень' (*даш* 'камень'), *афартір* 'бели' (*ак* 'белый'), *дї'бар* 'находящий' (*тї'n ~ тїп* 'найди').

В якутском языке в указанных фонетических условиях *m* остается глухим. В тофаларском (карагасском) языке *m* и *ш* озвончаются только

²⁶⁰ Т. М. М а т в е е в. Краткий обзор чувашских диалектов (опыт районирования). МЧД, I, Чебоксары, 1960, стр. 35. См. также: Р. О. Ш о р. К вопросу о чувашском консонантизме. Изв. Восточн. факультета Азербайджанского гос. унив., IV, Баку, 1929, стр. 43, 44; В. И. К о т л е е в. К вопросу о составе согласных фонем чувашского языка. Уч. зап. [Чувашского] НИИ, XXVIII, Чебоксары, 1965, стр. 68—75.

в положении после этимологических долгих, ср. *a'tīm* 'моя лошадь' (**at*), *adīm* 'мое имя' (**āt*), *o'tīm* 'моя трава' (**ot*), *odīm* 'мой огонь' (**ōt*), *ba'hīm* 'моя голова' (**naū*), *bažīm* 'моя рана' (**nāū*), *əžīm* 'мой друг' (**āū*), *a'tar* 'стреляющий' (**atar*), *adar* 'называющий' (**ātar*), *budum* 'моя нога' (**nūt*), *kižīm* 'мой соболь' (**kīū*), *həbəm* 'моя одежда' (**kān*).²⁶¹

Глухость сохраняют геминаты и *ч*, что объясняется относительно большой длительностью последнего (например, в хакасском языке — 22—26 σ, тогда как при сочетании с согласными — 11—14 σ).²⁶²

В кыпчакских языках в неразложимых основах могут быть и глухие и звонкие. При наращении аффиксов с начальными гласными становятся звонкими *n* и *k*, не подвергаются озвончению *t*, *s*, *ш*, *ч*, ср. тат. *tabīn* 'найды' (*tap* 'найди'), *baža* 'смотрит' (*bak* 'смотри'), *avīm* 'течение' (*ak* 'теки'), но: *atī* 'его лошадь' (*at* 'лошадь'), *asīn* 'повесив' (*as* 'вешай'), *kōshī* 'его птица' (*kōsh* 'птица'), *tašīn* 'выходя из берегов, разливаясь' (*tash* 'выходи из берегов'), *ačīn* 'открыв' (*ač* 'открой'), *ōčīnčī* 'третий' (*ōč* 'три').

В огузских и карлукско-уйгурских языках, как и в кыпчакских, в неразложимых основах представлены и глухие и звонкие согласные. При наращении аффиксов в огузских языках озвончение глухих согласных (*n*, *t*, *k*, *ч*) происходит в конце односложных слов с этимологическими долгими гласными и в конце многосложных слов с любыми гласными, ср. тур. *cap* 'рукоятка', *capī* 'его рукоятка', *in* 'веревка', *inī* 'его веревка', но: *kap* 'сосуд', *kabī* 'его сосуд', *din* 'дно', *dibi* 'его дно'. В языках карлукско-уйгурской группы, в отличие от огузских, глухие согласные (*n*, *k*) озвончаются преимущественно в интервокальной позиции, образуемой присоединением аффиксов к многосложным существительным, ср. узб. *kujruvi* 'его хвост' (*kujruk* 'хвост'), *balijim* 'моя рыба' (*balik* 'рыба'), но: *aki* 'его белизна' (*ak* 'белый'). При этом в словах, заимствованных из арабского, персидского и других языков, а также в некоторых собственно тюркских словах, независимо от того, какое количество слогов они включают в себя, озвончение *k* и *t* обычно не происходит,²⁶³ ср. тур. *māmnunijētī* 'его радость', *bilāti* 'его билет'; туркм. *muhabbāti* 'его любовь', *tarapī* 'его сторона', *tanapī* 'его веревка', *bānatī* 'его крыло', *ədbijātī* 'его литература'; узб. *sovēt imtiǧki* 'Советский Союз'.

Озвончение глухих согласных может иметь место также в интервокальном положении, которое образуется концом и началом двух разных компонентов ритмической группы при слитном произношении слов (внешнее сандхи), например в башкирском, казахском, каракалпакском, кумыкском, тофаларском, чувашском, якутском и других языках.²⁶⁴

Спирантизация смычных согласных, оказывающихся в интервокальном положении, наблюдается в той или иной мере во всех тюркских языках. В тувинском она является полной. В кыпчакских языках полностью спирантизуется *ʃ*; что же касается *б*, то полная спирантизация его проис-

²⁶¹ По материалам М. А. Кастрена и Н. П. Дыренковой. См.: М. А. Castrén's Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre. SPb., 1857, стр. 29, 78, 79; Н. П. Дыренкова. Тофаларский язык. Сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 8.

²⁶² См.: Д. И. Чанков. Согласные хакасского языка, стр. 65.

²⁶³ См.: [Рец. на]: J. N é m e t h. Turkish grammar. English adaptation of the German original by T. Halasi Kun. 's-Gravenhage, 1962. «Language», XXXIX, 3 (Part 1), Baltimore, 1963, стр. 556.

²⁶⁴ См.: Д. Г. К и е к б а е в. О согласных *к* — *к* и *ʃ* — *ʃ* в начале слова в башкирском и других тюркских языках. Уч. зап. Башкирского гос. унив., VI, серия филологическая, № 5, Уфа, 1958, стр. 17—22. См. также: Н. К. Д м и т р и е в. 1) Грамматика башкирского языка, стр. 35; 2) Ассимиляция и диссимиляция согласных в кумыкском языке. ИСГТЯ, стр. 300; И. А. Б а т м а н о в. Современный киргизский язык, I, стр. 145.

ходит лишь эпизодически, тогда как обычно он произносится с ослабленной смычкой. В диалектах туркменского языка можно наблюдать полную спирантизацию *п(б)*, ср. *саві ~ сафї* 'его рукоятка' (*сап* 'рукоятка'), *чавїп ~ чафїп* 'скакав' (*чап* 'скачи'),²⁶⁵ *јафїнжа* 'бурка' (*јап* 'закрывай'), *тоф_ојна* 'играй в мяч' (*топ* 'мяч', *ојна* 'играй'), *кѳ_адам* 'много людей' (*кѳп* 'много', *адам* 'человек').²⁶⁶

Под выпадением сонантов мы имеем в виду многообразный процесс изменения общетюркских сонантов (**γ*, **β*, **δ*) и сонантизованных шумных согласных в положении между гласными. Наибольшее развитие этот процесс получил в языках Сибири и Алтая, в которых образование интервокальной позиции при морфологическом изменении слова приводит к появлению других звуков или вторичной долготы, ср. хак. *таб* 'гора', *та̄* 'его гора' (< *табї*), *суб* 'вода', *сү* 'его вода' (< *субї*); шор. *кэчиг* 'брод', *кэчїї* 'его брод' (< *кэчїгї*), *ачїб* 'огорчение', *ачїї* 'его огорчение' (< *ачїбї*); тофал. *эргак* 'палец', *эргам* 'мой палец' (< *эргаким*), *инак* 'корова', *инам* 'моя корова' (< *инаким*), *кирник* 'ресница', *кирним* 'моя ресница' (< *кирниким*), *таб* 'гора', *там* 'моя гора' (< *табїм*).

С интервокальным положением связано существование так называемых вставочных звуков, используемых при позиционном столкновении гласных, которое, как известно, является нетерпимым для тюркских языков. К «вставочным» согласным относятся *р*, *ш*, *с*, *ј*. Первые два выступают при образовании разделительных числительных, ср. тат. *икїшар* 'по два' (*икї-ш-ар*); староузб. *иккірар* 'по два' (*иккі-р-ар*), *алтірар* 'по шести' (*алті-р-ар*). В уйгурском языке *р* используется также при образовании форм принадлежности от слов, оканчивающихся на гласный, ср. *кинорим* 'мое кино', *тохорум* 'моя курица', *дунјари* 'его мир'.²⁶⁷ «Вставочный» *с* употребляется в составе притяжательных и партитивных форм имени, ср. др.-тюрк. *анасї* 'его мать' (*ана-с-ї*), *үчәгүсү* 'трое из них' (*үчәгү-с-ү*). Сфера употребления «вставочного» *ј* необычайно широка, особенно в огузских языках, например, др.-тюрк. *авлаја* 'охотясь' (*авла-ј-а*); ст.-узб. *сајрајур* 'он поет' (*сајра-ј-ур*), *сөзләјүр* 'он говорит' (*сөзлә-ј-үр*); тур. *масаја* 'столу' (*маса-ј-а*), *бабајї* 'отца' (*баба-ј-ї*), *јазмајніз* 'не пишите' (*јаз-ма-ј-їніз*).

В определенной зависимости от интервокального положения находится также геминация согласных.

Геминаты в тюркских языках образуются в результате стечения согласных на границе морфем и вследствие изменения формы слова, ср. узб. *хэтин* 'жена', *хэтинї* 'его жена', *хэтинні* 'его жену'; чуваш. *тажя* 'танец', *ташшям* 'мой танец', *пёр* 'один', *вїс'* 'три' (при конкретном счете, т. е. с указанием живых существ, предметов и т. д.) и *пёррә* 'один', *вїс'с'э* 'три' (при отвлеченном счете), *тубя* 'пушка', *тупна* 'пушку', *с'агя* 'вешалка', *с'акжар* 'ваша вешалка', *а́жя* 'тепло', *а́шша* 'тепло' (дат.-вин.), *узя* 'польза', *уссар* 'ваша польза', *савя* 'стих', *саввар* 'ваши стихи', *тум* 'одежда', *тумма* 'одежду', *пуля* 'рыба', *пуллар* 'ваша рыба', *тёвё* 'узел', *тёвёё* 'узел' (дат.-вин.), *түмэ* 'пуговица', *түмми* 'его пуговица';²⁶⁸ якут. *акка* 'лошади' (< *ат-ка*), *анна* 'под ним' (< *алһн-да*), *инна* 'перед ним' (< *иліндä*). Кроме того, существует особый тип удвоения согласных, который, по всей видимости, должен получить чисто фонологическую

²⁶⁵ С. К у р е н о в. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья), стр. 14.

²⁶⁶ К. Ш а м у р а д о в. Западные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, стр. 11.

²⁶⁷ См.: Л. А. А г а н и н а. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский район), стр. 10.

²⁶⁸ См.: Г. Е. К о р н и л о в. О составе фонем и их аллофонах в системе диалектов чувашского языка, стр. 100, 101.

интерпретацию: в интервокальном положении все сильные шумные согласные могут выступать только в геминированном виде, при отсутствии же геминации происходит ослабление сильных согласных и частичное озвончение, ср. чуваш. *шӑпӑр* ~ *шӑбӑр* 'метла', *вӑттӑр* ~ *вӑдӑр* 'сквозь', *сӑккӑр* ~ *сӑгӑр* 'хлеб', *сӑккӑл* ~ *сӑгӑл* 'крючок';²⁶⁹ хак. *оттӑх* 'огниво', *хаттӑх* 'твердый'.

Причины возникновения последнего типа геминации, или собственно геминации, остаются до сих пор неясными. Можно предположить, учитывая особенности позиционного ограничения геминации в тюркских языках, что рассматриваемое явление развилось как вспомогательное средство, обеспечивающее качественную устойчивость согласных в интервокальном положении, и является, таким образом, одной из форм выражения интенсивности: геминированные согласные — более сильные и более устойчивые в качественном отношении, чем обычные согласные.²⁷⁰ Так геминированные глухие не озвончаются, звонкие — не подвергаются сонантизации или оглушению, геминированные сонанты не ассимилируются гласными.

Не исключено, что в образовании геминат определенную роль играют просодические факторы, например редукция узких гласных второго слога, обуславливающая существование в ряде тюркских языков так называемой позиционной долготы. Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что в абсолютном большинстве случаев во всех тюркских языках, кроме чувашского и хакасского, геминация наблюдается главным образом в положении перед узкими гласными, ср. азерб. *аддӑм* 'шаг', *јӑддӑ* 'семь', *сӑккӑз* 'восемь', *доббуз* 'девять'; кум. *гӑччи* 'маленький', *каттӑ* 'твердый'; туркм. (диал.) *чӑззӑк* 'черта', *аззӑ* 'коренной зуб', *јассӑ* 'плоский, гладкий'; узб. *иссӑк* 'горячий, жаркий', *аччик* 'горький', *иккӑ* 'два', *тӑккӑз* 'девять', *јӑтти* 'семь', *јуттиз* 'тридцать'; узб. (диал.) *чӑччи* 'сладкий', *сассӑ* 'вонючий', *каттӑ* 'твердый', *уллӑ* 'большой', *кӑччи* 'маленький'.²⁷¹

Второй важный позиционно-комбинаторный момент в середине многосложного слова — стечение согласных.

При стечении согласных возникают ассимилятивные и диссимилятивные процессы, которые чаще всего направлены от основы к аффиксу: после глухих согласных основы начальные согласные аффиксов — глухие, после звонких согласных и сонантов основы смычные согласные аффиксов озвончаются, а щелевые сохраняют глухость (в алтайском, тувинском, хакасском и шорском языках озвончению подвергаются и щелевые). Исключения из этого правила распространяются в основном на сочетания сонорных с шумными согласными. При этом в неразложимых основах явно преобладают сочетания сонантов с глухими согласными; в формах, имеющих прозрачную морфологическую структуру, сонорные встречаются обычно со звонкими шумными.

Широко распространенные случаи ассимиляции и диссимиляции в тюркских языках: *дл* > *дд*, *дд* > *дд*, *дн* > *дд*, *зн* > *зд*, *ѳн* > *кт*, *лн* > *нн*, *зн* > *ст*, *дн* > *тт*, *жн* > *шт*, *лн* > *лд*, *рн* > *рд*, *ңн* > *ңд*, *нл* > *нд*, *нд* > *нн*, *тн* > *тт*, *ңд* > *ңн*, *лт* > *лч*, *лл* > *лд*, *тл* > *тт*, *зл* > *ст*, *мд* > *мн*, *рд* > *рд*, *ѳс* > *кс* и т. д., ср. башк. *каддар* 'гуси' (< *кадлар*), *каддан*

²⁶⁹ См.: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 17; А. С. Каянова. Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965, стр. 62.

²⁷⁰ А. Мартин. Принцип экономии в фонетических изменениях. Пер. с франц. М., 1960, стр. 181.

²⁷¹ См.: Ф. А. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров узбекского языка, стр. 20—22.

‘от гуся’ (<каддан), карда ‘в снегу’ (<карда), кардїң ‘снега’ (<карнїң); каддї ‘гуся’ (<каднї), аттар ‘лошади’ (<атлар); казах. малдї ‘скот’ (<малнї), аттї ‘лошадь’ (<атнї), каздї ‘гуся’ (<казнї), малдар ‘скот’ (<маллар); кум. міннї ‘он сел верхом’ (<міндї), уланна ‘у парня’ (<уланда), оннан ‘от него’ (<ондан); хак. тондар ‘шубы’ (<тонлар); тув. малдїб ‘имеющий скот’ (<маллїб); шор. (диал.) аңдї ‘зверя’ (<аңнї).

Регрессивная ассимиляция и диссимиляция менее характерны и наблюдаются реже, ср. к.-калп. (диал.) кўллār ‘дни’ (<кўнлār), толлар ‘шубы’ (<тонлар); кум. табаллї ‘имеющий подошву’ (<табанлї), улаллар ‘парни’ (<уланлар); узб. јэсса ‘если будет писать’ (<јэсса); якут. акка ‘лошади’ (<атка), аппит ‘наш конь’ (<атпит), саптар- ‘закрываться’ (<сабїнар-), бїстар- ‘резаться’ (<бїнїнар-), санна ‘его плечо’ (<сарїна), мунна ‘его нос’ (<муруна), ханна ‘его живот’ (<харїна).

В группах *лт*, *рт*, *нт* в сагайском диалекте хакасского языка возможно почти полное оглушение *л*, *р* и *н*.²⁷² Напротив, в тувинском языке в сочетании с *л*, *р* и *н* могут быть только звонкие шумные согласные, ср. чїлбї ‘табун лошадей’, алдї ‘шесть’, алдїн ‘золото’, балдї ‘топор’, борзук ‘барсук’.²⁷³

В сочетаниях *кс*, *кс*, *кт*, *кт* и т. д. в разных тюркских языках и прежде всего в кыпчакских происходит спирализация *к*, *к*. П р и м е р ы: балк. кэрэхсіз ‘ненужный’; кар. ахсах ‘хромой’ (<аксак); к.-калп. тōхтї ‘он лил’ (<тōктї).

О. Прицак, исследуя материалы древнетюркского языка рунических надписей, высказал предположение о том, что выступающие в них начальные согласные аффиксов составляли оппозицию по признаку силы/слабости,²⁷⁴ например: *-тї* (афф. наречий) и *-дї* (афф. глагольной формы прошедшего времени), *-клї* (афф. деепричастия) и *-гли* (афф. причастия), *-ку* (афф. деепричастия) и *-бу* (афф. причастия), *-ка* (афф. дат. пад.) и *-ба(ру)* (афф. направительного падежа). В соседстве с сонантами основ слабые согласные вследствие диссимилятивных изменений превращались в сильные, происходила нейтрализация указанной оппозиции (*нд* > *нт*, *лд* > *лт*, *рд* > *рт*, например: *бардї* ‘он пошел’ > *бартї*, *бәрдім* ‘я дал’ > *бәртїм*) и образовывались, следовательно, архифонемы, аллофоны которых выступали в составе алломорф типа *-та* и *-да*, *-тї* и *-дї*, *-ку* и *-бу*.

Гипотеза О. Прицака нуждается в проверке и подтверждении конкретными фактами. Между тем конкретные факты свидетельствуют не в пользу высказанной им точки зрения. Первоначально в различии качества аффиксальных согласных определяющее значение имела комбинаторная обусловленность, впоследствии получили широкое развитие процессы унификации звукового состава морфем на основе наиболее типических разновидностей. Именно этот этап нашел свое отражение в древнетюркском языке, хотя степень достигнутой унификации не была в нем достаточно высокой.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ ТЮРКСКОГО ПРАЯЗЫКА

Подводя итог всему изложенному выше, мы можем выделить четыре общетюркских дифференциальных признака: признак, вытекающий из наличия многочленной оппозиции по основному активному органу (губные / зубноязычные / переднеязычные / среднеязычные / заднеязычные (узу-

²⁷² См.: Д. И. Ч а н к о в. Согласные хакасского языка, стр. 32, 77.

²⁷³ См.: Д. А. М о н г у ш. Закономерности сочетаемости согласных в тувинском языке. Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, X, Кызыл, 1963, стр. 196—210.

²⁷⁴ О. P r i t s a k. Die Herkunft der Allophone und Allomorphe im Türkischen, стр. 143, 144.

лярные)), неназальность / назальность, несонантность / сонантность и признак, лежащий в основе многочленной оппозиции по способу образования (смычные / щелевые (серединные / боковые / дрожащие)). Возможные с точки зрения фонетики тюркских языков комбинации последних дают 15 согласных фонем, распределяемых следующим образом:

По способу образования	По основному активному органу	По участию голоса или силе артикуляционного напряжения		
		несонанты (сильные, слабые)	сонанты (сверхслабые)	
Щелевые	губные	ð	β	
	зубноязычные	с/ш	δ	
	переднеязычные	—	р/л	
	среднеязычные		ј	ј (?)
	заднеязычные (увулярные)		γ	
Смычные	губные	п		м
	переднеязычные	т		н
	заднеязычные (увулярные)	к		ң (?)
Смычно-щелевые	среднеязычные	ч		
		Неназальные		назальные
		По дополнительному активному органу		

Оппозиции по признакам несонантности / сонантности / неназальности / назальности являлись коррелятивными, оппозиция *р/л* — изолированной.

Что касается особенностей дистрибуции, то необходимо указать на недостаточное распределение сонантов в отношении несонантов: сонанты употреблялись в конце слова и отсутствовали в начале, несонанты выступали как в начальной, так и в конечной позициях.

Позиционная реализация сонантов была относительно единообразной. Несонанты, как правило, имели в односложном слове три аллофона: 1) в начале слова (сильный, глухой), 2) в конце односложного слова, после кратких гласных (менее сильный, глухой), 3) в конце односложного слова, после долгих гласных (слабый, расположенный к озвончению). Глухость или звонкость слабых аллофонов находилась в некоторой зависимости от характера самих звуков (место и способ образования): *с* и *ш* могли быть звонкими; смычные и смычно-щелевые, для которых также не исключалась возможность озвончения в положении после долгих гласных, были обычно глухими.

Конечная позиция в многосложном слове в плане ее воздействия на фонетическое качество шумных согласных идентична конечной позиции в односложном слове с долгим гласным.

Совершенно особый позиционный случай (4-я позиция) — интервокальное положение, в котором возможность ослабления и озвончения несонантов являлась максимальной.

Таким образом, в фонетической репрезентации несонантов в тюркском языке можно установить четыре ступени ослабления: нулевая, минимальная, средняя, максимальная. Среди факторов, обусловивших развитие подобного многообразия, следует отметить наличие количественной оппозиции гласных и активный процесс преобразования односложного слова в многосложное.

КОМПЛЕКСНЫЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

Как указывалось выше, фонема является элементарной фонологической единицей, выступающей в сочетании с другими фонемами не только на уровне морфем, но и в пределах фонологического уровня. Так, совокупность фонем, имеющих определенную дистрибуцию, которая в самой общей форме характеризуется чередованием гласных и согласных, образует комплексные фонологические единицы: слог, слово, фразу.

Комплексные фонологические единицы имеют особые, преимущественно количественные, признаки (сила — ударение, тон — интонация, пауза — смычка²⁷⁵), и, таким образом, каждая из них отличается от элементарной фонологической единицы не просто как совокупность элементов, а как нечто принципиально иное.

СЛОГ

Наиболее важная комплексная фонологическая единица — слог. Понятие слога в фонологии служит своеобразным индикатором, позволяющим учесть и правильно систематизировать многообразные реализации фонем в потоке речи.²⁷⁶

I. По вопросу об обстоятельствах, предопределяющих группировку гласных и согласных в слоги, существуют разные точки зрения. О. Есперсен связывает образование силлабической структуры с распределением фонем по степени их сонорности, ср.: 1) глухие (смычные и щелевые), 2) звонкие смычные, 3) звонкие щелевые, 4) назальные и латеральные, 5) дрожащие, 6) закрытые гласные, 7) полужакрытые гласные, 8) открытые гласные.²⁷⁷ Все фонемы группируются вокруг наиболее сонорных фонем. Важность сонорности («le son laryngien ou la sonorité de la voix») для создания акустического впечатления отдельного слога особо подчеркивает Б. Хала²⁷⁸ в полемике с А. Росетти. В теории слога у Ф. де-Соссюра важное значение придается акту экспирации: переход от имплозии к эксплозии, характеризуемый физиологическими данными и имеющий определенный акустический эффект, придает речевому потоку особый характер и делит его на отрезки, или ритмические группы.²⁷⁹ Взгляды Ф. де-Соссюра на природу слога в значительной мере разделяют М. Граммон, П. Фуше, Д. Фрай и А. Росетти.²⁸⁰ Последний из них, в частности, считает важнейшим условием образования слога струю воздуха, выталкиваемую мускульным напряжением, и подчеркивает наличие ритмического соответствия между артикуляторными движениями и психической тенденцией к группировке звуков. Там, где одно мускульное усилие, убывая, переходит в новое, возрастающее, мускульное усилие, находится

²⁷⁵ Пауза-смычка тесно связана с интонацией и как фонологическое средство выступает во фразе.

²⁷⁶ См.: A. Sommerfelt. Sur l'importance générale de la syllabe. TCLP, 4, 1931, стр. 156—160.

²⁷⁷ O. Jespersen. Lehrbuch der Phonetik. Leipzig—Berlin, 1920, стр. 193.

²⁷⁸ B. Hálal. Autour du problème de la syllabe, II. «Phonetica», XI, 1, New York, 1964, стр. 41. Принцип сонорности вместе с тем нередко подвергается критике, см., например: Y. Lebrun. Sur la syllabe, sommet de sonorité. «Phonetica», XIV, 1, 1966, стр. 15.

²⁷⁹ Ф. де-Соссюр. Курс общей лингвистики. Пер. с франц. М., 1933, стр. 71.

²⁸⁰ M. Grammont. Traité de phonétique, стр. 97—100; P. Fouché. Études de phonétique générale. Paris, 1927, стр. 4 и сл.; D. B. Fry. The function of the syllable. ZPhon, XVII, 2—4, 1964, стр. 221; A. Rosetti. Sur la théorie de la syllabe. La Haye, 1959.

Граница между разными слогами или ритмическими группами, состоящими из двух слогов (за один выдох могут быть произнесены два слога). Поскольку струя воздуха — основной детерминирующий фактор слогоделения, постольку функция слогообразования присуща только гласным и открытым согласным. Сонорность, как полагает А. Росетти, не является решающим признаком слога, в силу того что слоги могут образовываться и без участия голоса.

Приведенные выше точки зрения заметно отличаются одна от другой в интерпретации природы слога, однако все они совпадают в определении тех особенностей, которые характеризуют слог как особую фонологическую единицу: наличие просодического «оформления» и противопоставление вершинной точки какого-либо признака (сонантности, напряженности или открытости) зонам его убывающей интенсивности.

II. Слог может совпадать со словом и может быть его частью, приобретая в связи с этим дополнительные различительные признаки.

Самостоятельно функционирующий изолированный слог имеет выраженную синтагматическую автономность, и следовательно, все происходящие или некогда происходившие в нем процессы детерминированы изнутри, являются прозрачными с точки зрения их внутренней обусловленности. Например, сила или слабость конечных смычных согласных в азербайджанском языке зависит от того, каким был исторически предшествующий гласный, кратким или долгим. Сильный аспирированный согласный выступает после общетюркского краткого гласного, слабый без придыхания — после долгого. Это различие более ощутимо при изменении односложного слова в многосложное, когда конечный согласный оказывается в интервокальном положении.

Слог в многосложном слове, сохраняя в определенной мере свое количественное и качественное своеобразие, вступает в тесное взаимодействие с окружающими слогами, что отражается в первую очередь на его просодической стороне.

Границу между слогами многосложного слова принято устанавливать с учетом эксплозивности/имплозивности согласных. Имплозивный согласный, образующий геминату или выступающий с каким-либо согласным, относится к предшествующему гласному. Напротив, эксплозивно произносимый согласный теснее связан с последующим гласным. В несколько упрощенном виде правило слогоделения может быть изложено так: имплозивный элемент указывает на конец слога, эксплозивный — на начало.²⁸¹ Если рассматривать имплозивность как своеобразную форму закрытости согласного, а эксплозивность как своеобразную форму его открытости, то о слогоразделе следует говорить как о месте наложения в определенном порядке двух разных ступеней открытости, т. е. открытости гласного и «открытости» согласного ($< | \leq$,²⁸² ср. *a + ta, ka + ta*) или месте противоположения «закрытости» одного согласного «открытости» другого согласного ($\geq | \leq$, ср. *at + ta, kart + ta*). Возможность каких-либо других случаев слогораздела, с иным распределением ступеней открытости и закрытости, в тюркских языках, по-видимому, исключена. Определение слоговой структуры во фразе вызывает некоторые трудности. При колебании интонационной паузы между двумя слогами соседних слов две ступени открытости, образующие слогораздел, нередко совмещаются, ср. *at aldi* (*at + al + di* или *a + tal + di*). Колебание интонационной паузы

²⁸¹ См.: J. K u r y ł o w i c z. Contribution à la théorie de la syllabe. Biuletyn Polskiego Towarzystwa językoznawczego, VIII, Kraków, 1948, стр. 104.

²⁸² $<$ — открытость гласного, \leq — «открытость» эксплозивно произносимого согласного, \geq — «закрытость» имплозивного согласного.

и связанное с этим колебанием изменение слоговой структуры фразы способствует возникновению сандхи.²⁸³

III. Физиологическая обусловленность слога деления и идентичность функционального назначения слога определяют единство или по крайней мере сходство многих наблюдаемых в нем явлений и процессов в разных языках. Вместе с тем в слоге обнаруживаются особенности, характерные для определенного круга языков и наблюдаемые главным образом в слоговой структуре.

В тюркских языках центральным элементом, или ядром, слога может быть только гласный; согласные — маргинальные элементы, образующие начальную и конечную часть. Присутствие гласного в слоге является совершенно обязательным, согласные факультативны.

Основные структурные типы слога: Г, Г+С, Г+С+С, С+Г, С+Г+С, С+Г+С+С.

Если слогаобразовательные функции гласных ничем не ограничены, то участие в слоге согласных имеет количественные и отчасти качественные границы. В начале слова допускается один согласный, максимально возможное количество согласных в конце — два, причем первый из них обычно сонант (кроме *ŋ*), очень редко — глухой щелевой, второй — шумный смычный. При этом число слов, в которых конечная часть слога представлена стечением согласных, невелико, и, возможно, многие из них включают в себя застывшие морфологические элементы, присоединение которых к основе на уровне общетюркского состояния происходило через посредство гласных, ср. др.-тюрк. *ält* 'тащи' (< **ältim*), *aĵm* 'скажи' (< **aĵim*), *mīnč* 'покой' (< **mīnīč*), *körk* 'образ, красота' (< **körük*).

Некоторые тюркологи считают типичными для тюркских языков слоги (слоги-корни), состоящие из трех элементов: согласный + гласный + согласный, и все структурные разновидности слога возводят к трехэлементному типу,²⁸⁴ так что, например, для слогов-корней, начинающихся гласным, или с гласным в исходе, восстанавливается утраченный согласный. Слоги-корни из трех звуков типа С+Г+С действительно занимают особое место, и к ним восходят некоторые другие разновидности, ср. азерб. *ud-* 'глотать' (< **đūt-*), *il* 'год' (< **đil*); тув. *ŷ's-* 'бодать' (< **šjcs-*); якут. *āl* 'плот, судно' (< **šāl*), *ŷm* 'молоко' (< **šjmt*), *ia-* 'дойть' (< **šay-*), *mīa* 'лес, тайга' (< **māy* 'гора'), *ŷ* 'вода' (< **šuy ~ šyβ*); кирг. *šjrt-* 'тереть, втирать' (< **šjrt- + m-*). Однако свести к слогам типа С+Г+С все слоги типа Г, С+Г, Г+С не удастся. Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что, подобно слогам других структурных типов, слоги типа С+Г+С не всегда являются первичными, ср. азерб. *šīn-* 'ломаться' (< **šī- + n-*); узб. *bəβ* 'вязанка' (< **nā- + γ*); кирг. *šyn-* 'протягивать, вытягивать' (< **šy- + n-*). Большие возможности для образования слогов, состоящих из согласного, гласного и согласного, создавало протезирование начальных гласных согласными *j*, *v*, *h* преимущественно в чувашском, азербайджанском, туркменском, узбекском, уйгурском и гагаузском языках. Для окончательного решения рассматриваемого вопроса бесполезен учет типологических констант, относящихся к структуре слога (см. выше, стр. 22).

С другой стороны, существует предположение, что всем разновидностям слога с согласным в исходе в тюркских языках предшествует разновидность с конечным гласным и что в тюркском праязыке, так же как в монгольском, преобладали открытые слоги. В связи с этим можно за-

²⁸³ См.: Н. К. Дмитриев. Ассимиляция и диссимиляция согласных в кумыкском языке. ИСГТЯ, стр. 300, 301.

²⁸⁴ См.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, I. М., 1952, стр. 100.

метить, что некоторые тюркские языки обнаруживают примеры более или менее регулярного соответствия двусложных корней с конечным гласным односложным корням закрытого типа других тюркских языков. Однако не вызывает сомнений то, что дополнительные гласные в них не образуют единой линии развития, появились в результате действия разных факторов, и, таким образом, никаких оснований для проецирования данной структурной особенности на уровень общетюркского состояния нет.

С Л О В О

Слово — комплексная единица более высокого уровня, чем слог. Оно может состоять из одного или из нескольких слогов.

Специфическими признаками слова как комплексной фонологической единицы являются ударение, пауза-смычка и гармония гласных.

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

У д а р е н и е

Ударение, по определению Н. С. Трубецкого, представляет собой вершинообразующее выделение просодемы.²⁸⁵ Подобно тому как в каждом слогое есть одна вершинная фонема, в каждом слове выделяется один вершинный слог, противопоставляемый другим слогам. Количеством вершинных слогов определяется количество слов во фразе. Таким образом, основная фонологическая функция ударения — выделение комплексных фонологических единиц.

Выделенность или более или менее индифферентное произношение слога следует рассматривать как дифференциальный признак комплексной единицы.

Противопоставление ударных и безударных слогов является значимым не только в плане просодического членения фразы (кульминативная и делимитативная функции), но и в плане образования смыслоразличительной оппозиции.

Фонетически ударность, или вершинность, слога реализуется в усилении напряжения, в повышении тона или в удлинении.

Природа и место ударения в тюркских языках продолжительное время являются предметом споров, которые первоначально возникли в связи с исследованием ударения в турецком языке.

Отсутствие вплоть до настоящего времени окончательного решения указанной проблемы вызывает необходимость специального обзора всех существующих точек зрения.

До начала нынешнего столетия господствующим было представление о том, что ударение в турецком языке является силовым (экспираторным), фиксированным, и что в абсолютном большинстве случаев оно падает на последний слог. В 1905 г. И. Кунош подверг критике традиционные представления и высказал мысль, что силовое (экспираторное) ударение в турецком языке находится не на последнем, а на первом слоге, тогда как на последнем слоге или на одном из последних слогов бывает тоническое (музыкальное) ударение.²⁸⁶

²⁸⁵ Н. С. Трубецк о й. Основы фонологии, стр. 230. См. также: A. M a r t i n e t. Phonology as functional phonetics. London, 1949, стр. 12.

²⁸⁶ J. K ú n o s. Oszmán-török nyelvkönyv. Janua linguae ottomanicae. Budapest, 1905, стр. 207 и сл. Еще раньше, в 1901 г., было отмечено, что силовое ударение на промежуточных слогах («l'accent du milieu») часто сопровождается тоническим ударением. См.: Cl. H u a r t. L'accentuation en ture osmanli. MSLP, XII, 1901, стр. 13.

В 1906 г. со статьей, посвященной турецкому ударению, выступил К. Нильсен.²⁸⁷ Исследуя главным образом двусложные слова, он пришел к выводу о зависимости места ударения от структуры слога и качества гласных. Эта зависимость сформулирована им в следующих пунктах: 1) если первый слог двусложного слова закрытый, а второй — открытый, то ударение всегда оказывается на первом слоге; 2) если первый слог открытый, а второй закрытый, возможны следующие случаи: а) если в первом слоге *y, ŷ, ĩ, i*, то ударение на втором слоге, б) если в первом слоге *a, ə, o, ö*, а во втором *y, ŷ, ĩ, i*, то ударение падает на первый слог, если же в первом слоге *o, ö*, а во втором — *a, ə*, то ударение оказывается на втором слоге; 3) когда оба слога открытые или оба закрытые, место ударения определяется степенью сонорности или полнозвучности (Klangfülle) гласного: в этом отношении *a, ə* доминируют над всеми гласными, *o, ö* — над *ĩ, i, y, ŷ*, тогда как *ĩ, i* — только над *y, ŷ*; 4) если оба слога открытые или оба закрытые и к тому же в обоих слогах одинаковые гласные, то ударение падает на второй слог. Как и И. Кунош, К. Нильсен отмечает факт наличия в турецком языке наряду с силовым тоническим ударением. О зависимости силы ударения от структуры слога и качества гласных («чем больше сонорность гласных, тем сильнее падающее на них ударение») говорит также С. Вурм в статье, посвященной соотношению ударения и тона в узбекском языке.²⁸⁸

Через несколько лет после опубликования статьи К. Нильсена с подробным анализом выводов последнего выступил В. Прёле.²⁸⁹ Выразив несогласие с изложенной точкой зрения, В. Прёле высказался в пользу традиционных взглядов на тюркское ударение. «Каждый звуковой комплекс, — указывает он, — который воспринимается тюркским языковым чутьем как единое слово, независимо от состава звуков, имеет ударение на последнем слоге».²⁹⁰

В 1927 г. Г. Ракетт совершенно определенно заявил о наличии в турецком языке тонического ударения и посвятил основную часть своей статьи описанию его в связи с силовым ударением. Г. Ракетт выделяет три группы слов в зависимости от характера и места ударения. 1) Слова, в которых силовое ударение накладывается на высокий музыкальный тон последнего слога (преимущественно слова персидского и арабского происхождения, а также небольшое количество собственно тюркских слов, в частности, сложных с моносиллабическим компонентом в конечной части. При этом, как полагает он, в арабских и персидских словах, имевших в последнем слоге долгие гласные, ударение носит квантитативный характер; будучи же перенесенным на первый слог с низким тоном, что иногда имеет место в разговорном языке, оно становится силовым).²⁹¹ 2) Слова, в которых силовое ударение совпадает с высоким музыкальным тоном промежуточного слога (заимствованные слова разного происхождения и турецкие глагольные формы). В заимствованных словах при изменении их грамматической формы и, следовательно, изменении коли-

²⁸⁷ K. Nielsen. Akcentueringen i turkisk (osmanisk) Videnskabs-Selskabet. Forhandling, Aar., 1906, № 9, Christiania, 1907. Изложение см. в статье: K. Grønbech. Der Akzent im Türkischen und Mongolischen. ZDMG, XCIV, 1940, стр. 376: См. также: W. Pröhle. Zur Frage des Wortakzents im Osmanisch-Türkischen. KSz, XII, 1911, стр. 201 и сл.

²⁸⁸ S. Wurm. Über Akzent- und Tonverhältnisse im Özbekischen. UAJb, XXV, 3—4, 1953, стр. 222, 226.

²⁸⁹ W. Pröhle. Zur Frage des Wortakzents im Osmanisch-Türkischen, стр. 199—216.

²⁹⁰ Там же, стр. 204. Критика точки зрения К. Нильсена содержится также в статье: G. Raquette. The accent problem in Turkish. Lunds Universitets Årsskrift, NF, Avd. 1, XXIV, 4, Lund—Leipzig, 1927, стр. 36.

²⁹¹ G. Raquette. The accent problem in Turkish, стр. 15, 16.

чества слогов высокий музыкальный тон может накладываться на второе-степенное силовое ударение последнего слога, тогда как основное ударение остается на промежуточном слоге; в турецких глагольных формах некоторые аффиксы, например аффикс побудительного залога *-dir*, отрицательный аффикс *-ma*, вопросительная частица *-mi*, будучи сами по себе слабоударенными, вызывают перенос ударения на слог с низким тоном, стоящий непосредственно перед ними или в конце слова.²⁹² 3) Слова с более или менее четким силовым ударением на первом слоге, имеющем обычно низкий тон (большинство собственно тюркских слов, позволяющее судить о специфике и месте турецкого ударения вообще).²⁹³

Несколько иной точки зрения придерживается Б. Коллиндер, по мнению которого высокий тон в турецком языке характерен для последнего слога (исключения: слова, произносимые с особой эмоциональной окраской, вокативно употребленные имена и т. д.), силовое же ударение бывает на первом слоге, когда он является носителем высокого тона, и на непервых слогах — при тоническом ударении на последнем слоге.²⁹⁴

Эволюция концепции, устанавливающей двойственный характер турецкого ударения, завершается в работе К. Нильсена, который фактически отрицает какую-либо роль силового ударения и абсолютизирует тоническое ударение.²⁹⁵

Своеобразный итог исследованию ударения в турецком языке подводит М. Ряснен, который, указывая на близость своих взглядов к точке зрения В. Прёле, отмечает справедливость мнения К. Грёнбека о зависимости исследователей турецкого ударения от акцентологических особенностей собственных языков и о связанном с этим обстоятельством некотором преувеличении различий между музыкальным тоном и силовым ударением.²⁹⁶

Попытку выделить в турецком языке два разнородных ударения — силовое и тоническое — в одном слове резко критикует Л. Старостов, отмечающий при этом, что за музыкальное ударение в тюркских языках ошибочно принимается явление, целиком относящееся к фразовой интонации.²⁹⁷ На фразовую обусловленность двойственного характера турецкого ударения указывает также А. Н. Кононов, отмечающий его относительную связанность и преимущественную постановку на последнем слоге.²⁹⁸

Споры о турецком ударении способствовали появлению скептического отношения к возможности окончательного решения этой проблемы и послужили основой для постановки в целом ряде статей вопроса о том, существует ли вообще ударение в турецком языке. Основоположителем нового подхода к решению проблемы турецкого ударения явился К. Грёнбек. Отметив, что турецкому языку бесспорно присуще характерное дви-

²⁹² Там же, стр. 17—25.

²⁹³ Там же, стр. 25 и сл.

²⁹⁴ B. C o l l i n d e r. Reichstürkische Lautstudien. Uppsala Universitets Årsskrift, I, Uppsala—Leipzig, 1939, стр. 26—94. См. также: H. W. D u d a. Zu Björn Collinders osmanisch-türkischen Lautstudien. ZDMG, XCIV, 1940, стр. 86—105. Б. Коллиндер пользуется терминами «охутона» (для слов с высоким тоном на последнем слоге) и «baguтона» (для слов с высоким тоном на непоследнем слоге), см.: B. C o l l i n d e r, ук. соч., стр. 28.

²⁹⁵ K. N i e l s e n. Druck und Tonbewegung im Reichstürkischen. Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, XIII, Oslo, 1945, стр. 41.

²⁹⁶ M. R ä s ä n e n. Materialien, стр. 41.

²⁹⁷ Л. Н. С т а р о с т о в. Об ударении в турецком языке. Тр. Военного инст. иностр. языков, 2, 1953, стр. 118. Ср.: J. K r á m s k ý. Betonungsfunktion im Türkischen. ZDMG, XCVIII, 1944, стр. 286, 287; Г. А л е к б е р л и. Природа ударения слова в азербайджанском и русском языках. Тр. Азербайджанского гос. унив., серия филологическая, III, Баку, 1949, стр. 81, 82.

²⁹⁸ А. Н. К о н о н о в. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 51.

жение тона, К. Грэнбек указал далее на фонологическую иррелевантность ударения и отсутствие определенного ударения в основной массе турецких слов.²⁹⁹

Изучение проблемы ударения в других тюркских языках имеет приблизительно ту же историю, что и в турецком языке. Однако в отличие от турецкого другие тюркские языки стали исследоваться в акцентологическом отношении значительно позднее и программа соответствующих исследований была более глубокой и целенаправленной.

Особенно важное место изучению ударения отводится в работах дескриптивистов. Последние рассматривают ударение как подсистему супrasegmentных функциональных единиц, имеющих фонематическую значимость на уровне слова и фразы, состоящую из трех (или двух) фонем: главного ударения, второстепенного и третьестепенного. Дескриптивисты подчеркивают тесную связь подсистемы фонем ударения с подсистемой тональных фонем.

Словесное ударение в азербайджанском языке было исследовано экспериментально Ш. М. Абдуллаевым,³⁰⁰ основные выводы которого группируются по трем вопросам: природа, место ударения и его функциональное назначение. По мнению Ш. М. Абдуллаева, ударение в азербайджанском языке обязательное и фонетически выражается в более сильном экспираторном выделении одного из слогов, в повышении тона и в более длительном произношении этого слога. Ударение является разноместным: некоторые аффиксы вообще или факультативно лишены ударения, но обычно оно падает на последний слог. В словах, состоящих из двух, трех или четырех слогов, подобный тип составляет «в словаре 86.5%, а в речи 89%». В отличие от четырехсложных слов в пяти-, шести- и семисложных словах первые два-три слога (корневые слоги) несут второстепенное ударение, главное же ударение падает либо на последний, либо на предпоследний слог. Функционально ударение выступает как словоорганизующее и словоразграничительное средство; вместе с тем, благодаря подвижности, оно может выполнять и смыслоразличительную функцию (автор обнаруживает в азербайджанском языке 30 случаев дифференциации слов посредством перемещения ударения). П р и м е р ы: *axşam* 'вечер' / *áxşam* 'вечером', *burá* 'вот это место' / *búra* 'сюда', *hará* 'какое место' / *hára* 'куда', *sabáh* 'утро' / *sábah* 'завтра', *kúnortá* 'полдень' / *kúnorta* 'в полдень'.

В карачаево-балкарском языке Р. Геберт,³⁰¹ пользующийся дескриптивистической методикой описания просодических явлений, выделяет две фонемы ударения (сильное и слабое ударение с четырьмя аллофонами) и две тональные фонемы (высокий тон и низкий). Сильное ударение, указывает Р. Геберт, почти всегда падает на последний слог ударной группы, и поэтому возможности образования контрастирующих пар по месту ударения очень ограничены, ср. *burún* 'нос' / *búrun* 'прежде', *almá* 'яблоко' / *álma* 'не бери', *atám* 'мой отец' / *átam* 'отец мой!', *kártmá* 'груша' / *kártmá* 'не делай зарубок', *mándá* 'у меня' / *mándá* 'я, также'.

В алтайском языке, как отмечает Н. П. Дыренкова,³⁰² ударение падает на последний слог. В многосложных словах наряду с основным ударе-

²⁹⁹ K. G r e n b e c h. Der Akzent im Türkischen und Mongolischen, стр. 378 и сл. С. К. Грэнбеком полемизируют И. Бенцинг и Б. Коллиндер. См.: J. V e n z i n g. Noch einmal die Frage der Betonung im Türkischen. ZDMG, XCV, 1941, стр. 300—304; B. S o l l i n d e r. Gibt es im Türkischen keinen Akzent? Там же, стр. 305—310.

³⁰⁰ Ш. М. А б д у л л а е в. Место и природа словесного ударения в современном азербайджанском языке (в свете экспериментальных данных). АҚД. Баку, 1964. Ср.: Г. А л е к б е р л и. Природа ударения слова в азербайджанском и русском языках, стр. 80.

³⁰¹ R. J. H e b e r t. Karabaу phonology, стр. 100.

³⁰² Н. П. Д ы р е н к о в а. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 39.

нием выступает второстепенное. При наращении аффиксов ударение отодвигается назад (в ряде случаев усложнение грамматической формы не влечет за собой перемещения ударения: безударными являются, например, притяжательный аффикс 1-го л. мн. ч., частицы-аффиксы уподобления и т. д.).

Аналогичное, по характеру и месту, ударение устанавливается исследователями башкирского,³⁰³ гагаузского,³⁰⁴ караимского,³⁰⁵ киргизского,³⁰⁶ туркменского,³⁰⁷ узбекского,³⁰⁸ уйгурского³⁰⁹ и шорского³¹⁰ языков.

В казахском языке, согласно выводам С. К. Кенесбаева,³¹¹ силовое ударение слабое. Оно бывает на последнем слоге и изредка переносится на один из предшествующих ему слогов, например «при малейшей экспрессивности» произношения форм повелительного наклонения, в междометиях. К числу безударных в казахском языке относятся лично-предикативные аффиксы, уподобительный аффикс-частица *дај* и некоторые другие. Количество контрастирующих пар невелико, ср. *окушмїз* 'наш ученик' / *окушмїз* 'мы ученики', *кормэ* 'выставка' / *кормэ* 'не смотри', *инжэнэрсїз* 'без инженера' / *инжэнэрсїз* 'вы инженер', *көршї* 'его сосед' / *көршї* 'посмотри-ка', *каліңіз* 'ваша родинка' / *каліңіз* 'останьтесь', *ўјдэ* 'дома' / *ўјдэ* 'и дом', *калалїк* 'городской' / *калалїк* 'останемся-ка'.

Несколько иное заключение о месте силового ударения в казахском языке делает Г. Шараф: «... в казак-киргизском произношении второстепенное начальное ударение заметно выделяется не только в многосложных словах, но и в двусложных и трехсложных; там ясно воспринимается и музыкальный характер этого ударения и связанность его с несколько большей длительностью и силой начального слога; одновременно в казак-киргизском языке несколько слабее, как нам кажется, конечное ударение, т. е. по сравнению с татарским имеется как бы некоторое перераспределение силы и энергии слогов».³¹²

Существует и третья точка зрения на казахское ударение, выраженная в статье Е. Симоновой: «... казахское ударение чаще распределяется между двумя слогами, из которых каждый характеризуется одним-двумя

³⁰³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 40, 41. См. также: Ж. Ф. Кибяев. Башкорт теленен фонетикаһы, стр. 178 и сл.; N. Porre. Bashkir manual. Descriptive grammar and texts with a Bashkir-English glossary. Uralic and Altaic Series, 36, Bloomington, 1964, стр. 18.

³⁰⁴ Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка, стр. 78; Б. Г. Гаров. К вопросу о фонетических особенностях некоторых гласных гагаузского языка, стр. 12.

³⁰⁵ К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка, стр. 90, 91.

³⁰⁶ И. А. Батманов. Современный киргизский язык, I, стр. 58; Т. К. Ахматов. Звуковой строй современного киргизского литературного языка (экспериментально-фонетическое исследование). АДД. Фрунзе, 1969, стр. 31 и сл.

³⁰⁷ А. Поцелуевский. Фонетика туркменского языка. Ашхабад, 1936, стр. 36, 37.

³⁰⁸ А. Ф. Фуломов. Узбек тилида урғу. Тошкент, 1948; В. В. Решетов. Узбекский язык, I, стр. 314; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 52—56.

³⁰⁹ Т. Талипов. Уйгур тилидики урғу. Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 3 (16), Алма-Ата, 1960, стр. 65—70.

³¹⁰ Н. П. Дыренков. Грамматика шорского языка, стр. 23.

³¹¹ С. К. Кенесбаев. К вопросу о закономерностях акцентуации в казахском языке. Сб. «Вопросы казахской филологии», Алма-Ата, 1964, стр. 11—12.

³¹² Г. Шараф. Сонорная длительность татарских гласных, стр. 242. Ср. у П. М. Мелиоранского: «В киргизском (resp. казахском, — А. Ш.) языке второе ударение слышится вообще более слабо, чем в других турецких наречиях, так что весьма часто главное ударение приходится на первый слог» (П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, I. Фонетика и этимология. СПб., 1894, стр. 72).

компонентами — долготой и высотой тона, или только силой, или только высотой, или долготой, и гораздо реже всеми тремя компонентами».³¹³

По вопросу об ударении в каракалпакском языке К. Менгесом и Ж. Аралбаевым³¹⁴ сделаны приблизительно такие же выводы, как С. К. Кенесбаевым относительно казахского ударения. К словам с ударением на первом слоге К. Менгес относит: *nǎshǎ* 'сколько', *kájda* 'где', *kájci* 'какой' и некоторые другие.

В татарском языке, согласно выводам, сделанным В. А. Богородицким и Г. Шарафом, ударение — силовое (экспираторное), падает в подавляющем большинстве случаев на последний слог и сопровождается нисходящим движением тона.³¹⁵ В мишарском диалекте У. Ш. Байчур констатирует наличие силового ударения на первом слоге (в двусложных словах) и отмечает значительное повышение тона на втором слоге.³¹⁶ То же самое говорит Г. Х. Ахатов об ударении в диалекте западносибирских татар.³¹⁷

Относительно ударения в тувинском языке высказаны две разные точки зрения: 1) «ударение в урянхайском языке, как и в других тюркских наречиях, стоит всегда на последнем слоге»;³¹⁸ 2) силовое ударение в тувинском языке падает в общем на первый слог («... тогда как повышение или понижение средней высоты тона гласного едва ли имеет в такой же степени важное значение»)³¹⁹

Ударению в узбекском языке посвящена кандидатская диссертация А. А. Махмудова. Последний в результате экспериментального исследования приходит к выводу, что «словесное ударение в узбекском языке вызывается чаще всего сочетанием высоты основного тона и интенсивности»³²⁰ и что «ударный слог отличается от неударных прежде всего большей силой».³²¹

Большое место описание узбекского ударения занимает в грамматике А. Шёберг.³²² В основном оно сводится к следующему. Главное ударение

³¹³ Е. С и м о н о в а. К вопросу о характере интонации казахской фразы. Уч. зап. Казахского гос. унив., язык и литература, XXXIV, 3, Алма-Ата, 1958, стр. 106.

³¹⁴ К. Н. М е н г е с. *Qaraqalpaq grammar, I. Phonology*. New York, 1947, стр. 72, 73; Ж. А р а л б а е в. Фонетическая система современного каракалпакского языка. АКД. Алма-Ата, 1949, стр. 10, 11.

³¹⁵ В. А. Б о г о р о д и ц к и й. Движение тона в словах двусложных и трехсложных в татарском языке по экспериментальным данным. ВНОТ, 4, Казань, 1926, стр. 3—9; Г. Ш а р а ф. Сонорная длительность татарских гласных, стр. 202, 240 и сл. Ср.: У. Ш. Б а й ч у р а. 1) К вопросу о характере словесного ударения в чувашском языке (по материалам кинематографических записей). Сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 53—57; 2) Звуковой строй татарского языка, II, стр. 190, 191; 3) Татар теленең кайбер фонетик үзенчәлекләре. Сб. «Татар теле һәм әдәбияты», 2, Казан, 1963, стр. 136.

³¹⁶ У. Ш. Б а й ч у р а. Звуковой строй татарского языка, II, стр. 192.

³¹⁷ Г. Х. А х а т о в. 1) Диалект западносибирских татар. АДД. Ташкент, 1965, стр. 15; 2) Об ударении в языке сибирских татар в связи с ударением в современном татарском литературном языке. Сб. «Проблемы тюркологии и истории востоковедения», Казань, 1964, стр. 184.

³¹⁸ Н. Ф. К а т а н о в. Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, стр. 35.

³¹⁹ У. Ш. Б а й ч у р а. 1) Некоторые данные о словесном ударении в тувинском языке. Сб. «Проблемы тюркологии и истории востоковедения», Казань, 1964, стр. 181, 182; 2) Звуковой строй татарского языка, II, стр. 236.

³²⁰ А. А. М а х м у д о в. Словесное ударение в узбекском языке. АКД. Ташкент, 1957, стр. 15.

³²¹ А. М а х м у д о в. Словесное ударение в узбекском языке. Ташкент, 1960, стр. 49.

³²² А. F. S j o b e r g. *Uzbek structural grammar*. Uralic and Altaic Series, 18, 1963, стр. 23—35. См. также: S. W u r m. *Über Akzent- und Tonverhältnisse im Özbekischen*, стр. 220—242.

у всех неглагольных слов бывает преимущественно на последнем слоге. Исключение составляют некоторые наречия и союзы, заимствованные из арабского и персидского языков, например: *албатта* 'конечно', *һатто* 'даже', *аммо* 'но, однако', *базан* 'иногда', *лэкин* 'но'. В глагольных формах позиция главного ударения характеризуется большим разнообразием, ср. *караң* 'смотрите', *үтираман* 'я сяду', *кэлтирмаңизлар* 'не приносите'. Второстепенное ударение (^) наблюдается в словах, содержащих не менее двух слогов, и, как правило, за два-три слога перед главным ударением. В тех случаях, когда главное ударение падает не на последний слог, второстепенное ударение обнаруживает тенденцию перемещаться к концу слова. Третьестепенное ударение (') падает на начальный или следующий за ним слог. Иногда, однако, ему может предшествовать второстепенное ударение. Слабое ударение (˘) имеют энклитики и те слоги многосложных просодических единиц, которые не несут главного, второстепенного или третьестепенного ударения, ср. *сіз үзбәкми* 'вы узбек?'. Изменение позиции главного ударения фонологически значимо, ср. *кизгина* 'маленькая девочка' / *кизгина* 'только девочка', *јзма* 'письмо, писание' / *јзма* 'не пиши', *үкитүчими* 'наши учителя' / *үкитүчими* 'мы учителя'. Тон фонематичен только на синтаксическом уровне, в слове же он выступает в сочетании с ударением: высокий тон — с главным ударением, средний — с второстепенным, третьестепенным или, реже, слабым ударением, низкий — в комбинации с высоким тоном, сопровождая слог или слоги, предшествующие конечной большей смычке-паузе. Хотя низкий тон нередко совпадает со слабым ударением, он может выступать и с любым другим ударением, в частности с главным, когда оно находится на последнем слоге.

В хакасском языке ударение силовое и «в подавляющем количестве корней и основ падает на последний слог».³²³ Согласно другой точке зрения, интенсивность не является постоянным компонентом ударения в хакасском языке; важную роль играет повышение тона, которое в целом более характерно для последнего слога (слабо выраженное силовое ударение приходится «довольно часто» на первый слог).³²⁴

Вопрос о характере словесного ударения в чувашском языке рассматривает в специальной статье У. Ш. Байчура.³²⁵ В первой части статьи приводятся данные о высоте тона в двусложных словах, во второй — о степени интенсивности. Почти во всех случаях в верховом диалекте тон первого гласного оказывается более высоким, чем тон второго гласного; в низовом диалекте — наоборот (возможно, под влиянием татарского языка). Поскольку разница в высоте тона в низовом диалекте незначительна, автор считает возможным говорить о наличии в чувашском языке тонического ударения на первом слоге. Что касается силового ударения, то в верховом диалекте оно является довольно подвижным, а в низовом падает на последний слог, т. е. совпадает с тоническим, и сопровождается почти неизменным увеличением длительности гласного. В многосложных словах с редуцированным гласным в последнем слоге силовое ударение обычно переносится на предпоследний слог, ср. *кавагарҗан* 'голубь'. Относительно ударения в словах, «закрывающих в себе полную гласную и оканчивающихся на краткий гласный звук (ә или ё)», в некоторых низовых говорах, Н. И. Апмарин замечает, что оно бывает очень слабым

³²³ Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова - Грекул. Фонетические особенности хакасского языка и его диалектов, стр. 374.

³²⁴ У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка, II, стр. 239, 268.

³²⁵ У. Ш. Байчура. К вопросу о характере словесного ударения в чувашском языке, стр. 41—53.

и «для неправильного слуха как бы перемещается на предшествующий полный гласный».³²⁶

«Якутское словесное ударение, — пишет Н. Д. Дьячковский, — носит квантитативный характер, т. е. выражается увеличением длительности и интенсивности гласного ударяемого слога».³²⁷ Как отметил О. Бётлингк, оно падает на последний слог.³²⁸

На основании всего изложенного выше трудно сразу прийти к определенным выводам о характере и месте ударения в современных тюркских языках. Высказывания тюркологов часто противоречивы, нередко об ударении в одном и том же языке делаются прямо противоположные заключения. Очевидно, это объясняется тем, что ударение в тюркских языках является недостаточно выраженным и слабо централизующим. Не будет большим преувеличением, если мы скажем, что в слове столько же ударений, сколько слогов, и то, что одно из них более сильное, чем другие, не имеет существенного значения: перемещение более сильного ударения с одного слога на другой практически лишено смысловозначительной функции (многие из обнаруживаемых пар включают в себя энклитики в качестве одного из компонентов).

Можно считать бесспорным, что тюркское ударение — силовое (экспираторное), часто, но не всегда, сопровождаемое повышением тона, распределение которого в слове, как совершенно справедливо указала А. Шёберг, находится в тесной зависимости от фразовой интонации. Далее, отвлекаясь от некоторых особых случаев (ср. ударение в казахском языке), отметим, что наиболее сильное ударение падает на последний слог; в некоторых непроезженных формах, значение которых имеет ярко выраженную эмфатическую окраску (например, в формах повелительного наклонения, факультативно — в числительных), в вопросительных словах (ср. башк. *kájhǐ* 'который', *nǐsǎ* 'сколько', *nǐndǎj* 'какой', *nǐmǎ* 'что'), в заимствованных словах (ср. башк. *háman* 'все еще', *ǎlbǐttǎ* 'конечно', *ǎmmǎ* 'однако', *lǎkin* 'однако' и т. д.)³²⁹ и в грамматических формах, включающих в себя в качестве морфологических элементов разного рода частицы (лично-предикативные частицы-аффиксы, аффикс глагольного отрицания *-ma*, аффикс именной привативности *-sǐz*, уподобительные, побудительные и другие частицы-аффиксы), ударение бывает обычно на предпоследнем слоге.

В реконструируемой фонологической системе тюркского праязыка ударение, по-видимому, также было силовым, падающим на конечный слог многосложного слова. Нет никаких фактов, которые бы позволяли говорить о его значительной функциональной нагрузке. Небольшой, очевидно, была роль словесного ударения и в чисто фонетических процессах, в отличие от слоговой акцентуации.

По вопросу о месте ударения в тюркском праязыке или протоязыке существует и другая точка зрения, которая заслуживает самого серьезного внимания. Суть ее заключается в том, что постановка ударения на последнем слоге в современных тюркских языках находится в противоречии с особенностями их фонетической структуры, метрики и т. д. и что, следовательно, в отношении праязыка необходимо постулировать тезис о локализации ударения в другой части слова, на корне или, точнее,

³²⁶ Н. И. Ашмарин. Заметки по чувашской диалектологии. МЧД, I, 1960, стр. 78. Ср.: Н. Я. Золотов. Краткий очерк народной поэзии чуваш. Шупашкар, 1928, стр. 24.

³²⁷ Н. Д. Дьячковский. О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке, стр. 24.

³²⁸ О. B ö h t l i n g k. Über die Sprache der Jakuten, стр. 55.

³²⁹ Ж. Ф. Киркбаев. Башкорт теленең фонетикаһы, стр. 184.

на первом слоге. В поддержку этой точки зрения в разное время выступили Х. Педерсен, считавший, что первоначально тюркское ударение было музыкальным,³³⁰ Ф. Е. Корш,³³¹ Г. Ракетт,³³² Б. Я. Владимирцов,³³³ С. Вурм³³⁴ и многие другие тюркологи и монголисты.

Ф. Е. Корш связывал ударение на первом слоге с гармонией гласных и утверждал, что «исходящая от корня гармония звуков, общая всем турецким языкам и потому, очевидно, унаследованная ими от пратурецкого, могла возникнуть только при главном ударении на корне».³³⁵ Трудно понять, каким образом гармония гласных, которая «могла возникнуть только при главном ударении на корне», мирно сосуществует с действующей системой акцентуации, не исключаяющей наличия главного ударения на аффиксальных слогах. И уже совсем непонятно то, как первоначальное корневое ударение, будучи органически связанным с таким исключительно важным фонетическим явлением, как гармония гласных, переместилось на последний слог. Мы думаем, глубоко прав М. Граммон, указывающий, что «направление» гармонии гласных не связано с местом ударения и обусловлено исключительно той ролью, которую играет в слове корень.³³⁶ Логично допустить, с учетом точки зрения Ф. Е. Корша и других исследователей тюркского ударения, что на одном из древних этапов развития тюркских языков, когда преобладали односложные слова и в морфологическом плане господствовала изоляция, ударение являлось обязательным просодическим признаком каждого слова (resp. каждого слога). Превращение аморфной структуры в структуру агглютинативную, связанное с переходом большого количества самостоятельных слов в служебные элементы, обусловило перераспределение просодических границ и замену акцентологических различий в слоге количественными, а также стимулировало развитие дополнительного средства с делимитативной функцией — гармонии гласных. Итак, из средства выделения и различения одного односложного слова (у М. А. Черкасского: «из средства выделения одной из морфем в пределах слова») ³³⁷ ударение постепенно превращается в одно из средств объединения нескольких односложных слов, из которых одно становится основой, а все другие — морфологическими элементами.

Б. Я. Владимирцов, как отчасти и Ф. Е. Корш, для доказательства своей точки зрения ссылается на анализ тюркской метрики.³³⁸ Однако собственно тюркская метрика в своей основе — силлабическая, и ритмика стиха определяется в первую очередь не соотношением ударных и безударных слогов, а соразмерностью их количества. Если все же обратить внимание на характер распределения ударных и безударных слогов, то можно сделать вывод о преобладании ямбического склада в стихах как силлабического, так и квантитативного метра (с начальным неударным или условно кратким слогом), ср. у Н. Ф. Катанова: «Урянхайские песни все сложены ямбическим размером» и далее: «Песни у здешних абаканских

³³⁰ H. Pedersen. Türkische Lautgesetze, стр. 542.

³³¹ Ф. Е. Корш. Древнейший народный стих турецких племен, ЗВО РАО, XIX, 1909, стр. 28, 29.

³³² G. R a q u e t t e. The accent problem in Turkish, стр. 38.

³³³ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, стр. 112.

³³⁴ S. W u r m. Über Akzent- und Tonverhältnisse im Özbekischen, стр. 222.

³³⁵ Ф. Е. Корш. Древнейший народный стих турецких племен, стр. 28.

³³⁶ M. G r a m m o n t. Traité de phonétique, стр. 267.

³³⁷ М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965, стр. 94.

³³⁸ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, стр. 112.

татар, подобно урянхайским, сложены ямбическим размером». ³³⁹ Предпочтительность ямбической расстановки слогов в тюркской поэзии подчеркивает в частности и Ф. Е. Корш, который вообще был склонен установить связь между семисложным ямбическо-трохаическим стихом тюрков и восьмисложным трохаическим стихом монголов. Касаясь вопроса о том, согласовался ли восьмисложный трохаический стих «с физическими свойствами турецких языков настолько, чтобы когда-либо мог занять у турок место господствующего стихотворного размера», Ф. Е. Корш пишет: «С точки зрения всех известных нам турецких языков на этот вопрос можно отвечать только отрицательно. . .» ³⁴⁰

Что касается причины, вызвавшей перемещение ударения с первого на последний слог, то, по мнению Г. Ракетта, такой причиной для турецкого языка явилось обилие заимствований из арабского, персидского и других языков, ³⁴¹ с чем трудно согласиться. Хотя в турецком языке действительно много заимствованных слов и это обстоятельство имело некоторое значение для его фонетики, едва ли оно могло играть решающую роль в перемещении ударения, если последнее первоначально и в самом деле падало на первый слог. Уместно в связи с этим напомнить, что в тюркских языках Сибири и Алтая арабских и персидских заимствований по существу нет, а между тем ударение нередко бывает на последнем слоге, т. е., согласно концепции Г. Ракетта, оказывается перемещенным.

Г. Х. Ахатов, имеющий в виду разные тюркские языки, называет несколько причин: передвижение гласных ($\ddot{o} > \ddot{y}$) ³⁴² и утрату древнетюркских долгих гласных *o*, *ö*, *ä*; 2) появление сочинительных союзов и аффиксов. «Передвижение гласных в первом слоге, — пишет он, — обусловило, в свою очередь, передвижение гласных во втором и других слогах на основе закона сингармонизма и губной аттракции. А это передвинуло ударение со второго на последующие слоги». ³⁴³ Связь между перемещением ударения и передвижением гласных в первом слоге сомнительна: передвижение гласных первого слога — региональное изменение в системе вокализма и, естественно, могло иметь определенные последствия только в пределах соответствующей языковой территории. Приблизительно то же самое следует сказать и об утрате долгих. Хорошо известно, что в ряде тюркских языков общетюркские долгие гласные сохраняются вплоть до настоящего времени, а во многих языках развилась так называемая вторичная долгота, однако ни то, ни другое не сочетается в этих языках с необычной локализацией ударения. Кроме того, вполне вероятно, что наличие долгих гласных в тюркском праязыке не являлось привилегией первых слогов.

Большую роль в обосновании тезиса о первоначальном силовом или тоническом выделении в тюркских языках первого слога и последующем перемещении ударения с первого слога на последний сыграла алтайская гипотеза. ³⁴⁴ Существование указанной гипотезы стимулировало интенсив-

³³⁹ Н. Ф. К а т а н о в. Письма из Сибири и Восточного Туркестана, Приложение к LXXIII тому Записок АН, 1893, № 8, стр. 9, 20.

³⁴⁰ Ф. Е. К о р ш. Древнейший народный стих турецких племен, стр. 28.

³⁴¹ G. R a q u e t t e. The accent problem in Turkish, стр. 38.

³⁴² Примечательно, что Х. Педерсен, касаясь вопроса о тюркском ударении, также говорит о передвижении гласных. См.: Н. P e d e r s e n. Türkische Lautgesetze, стр. 541. — Г. Шараф устанавливает обратную зависимость: «. . . сужение ряда корневых гласных в татаро-башкирских говорах произошло под влиянием ослабления в последних начального второстепенного ударения» (Г. Ш а р а ф. Сонорная длительность татарских гласных, стр. 244).

³⁴³ Г. Х. А х а т о в. Об ударении в языке сибирских татар в связи с ударением в современном татарском литературном языке, стр. 189.

³⁴⁴ Впрочем, иногда, напротив, факты, относящиеся к ударению, используются как свидетельство в пользу родства указанных языков. «В бурят-монгольском и уйгурском языках, — пишет У. Ш. Байчура, — весьма четко выражено силовое ударение

ные поиски параллельных явлений и попытки объяснить любыми способами материальные и структурные различия в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Понятно, что исход объяснения тех или иных различий в рамках алтаистической концепции оказывался предрешенным необходимостью восстановления единых алтайских архетипов, праформ и т. д. И поскольку алтайская гипотеза нашла себе сторонников главным образом среди монголистов, важное место в алтайских реконструкциях заняли факты монгольских языков как якобы сохранивших в наибольшей мере черты древнего состояния.³⁴⁵ Тюркские языки были отнесены алтаистической традицией к новейшим, и их расхождение с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками интерпретировались как региональные инновации.

Смычка-пауза

I, 2. Смычка-пауза обычно рассматривается в связи с интонацией на синтаксическом уровне и преимущественно в работах дескриптивистов.³⁴⁶ В пределах слова и словосочетания последние выделяют две фонологически значимые разновидности смычки-паузы: закрытую (*close juncture*), представляющую собой переход от одной сегментной фонемы к другой (фактически — отсутствие паузы, наличие тесной смычки), и открытую (*open juncture*) с несколькими аллофонами, заключающуюся в переходе от предшествующего члена одной ударной группы к последующему члену другой ударной группы, когда, например, звонкий и глухой согласные могут стоять рядом, или в переходе от одного слова к другому, сопровождаемом сильным повышением тона на ударном слоге перед паузой. Минимальные контрастирующие пары закрытой и открытой паузы-смычки, например, в карачаево-балкарском языке (см. статью Р. Геберта) используются для разграничения следующих слов и словосочетаний, ср. *алтї-шар* 'по шести' / *алтї шар* 'шесть шаров', *карачај* 'карачаевец' / *карачај* 'черный чай', *карачајџа* 'карачаевцу' / *карачајџа* 'посмотри за чаем'.

Роль смычки-паузы в общетюркских фонетических процессах пока не удается установить с достаточной определенностью. Нам известна единственная попытка учета данного просодического средства при объяснении одного из фонетических явлений, предпринятая О. Прицаком. Последний восстанавливает в тюркском праязыке в пределах системы согласных оппозицию *fortes / lenes* (*n, m, k/б, д, в*), которая, по его мнению, сохранялась и в начале аффиксов при любых конечных согласных основы, кроме *л, р* и *н*. Высказав далее предположение о том, что пауза между *тi* и *кă* в слове *тiкă* меньше, чем между *кôr* и *џ* в слове *кôrџ* (подобное слогоделение О. Прицак объясняет тем, что в начале фонологического слога могут выступать только те фонемы, которые выступают в начале слова), он делает вывод, что после *р, л* и *н* начало аффикса идентично началу слова.

и тонический акцент совпадают и во всех случаях приходятся на последний слог слова. Такая же картина (за исключением некоторых говоров) наблюдается в казанско-татарском и уфимско-башкирском, что свидетельствует об исторических и генетических связях этих языков и диалектов» (У. Ш. Б а й ч у р а. Звуковой строй татарского языка, II, стр. 267), но ср. дальше: «Причина преимущественно конечного ударения в хакасском [языке], по-видимому, стоит в связи с влиянием монгольского языка» (Там же, стр. 268).

³⁴⁵ См.: G. J. R a m s t e d t. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I, стр. 152; K. H. M e n g e s. Über den Bau der türkischen Wurzel. UAJb, XXXIV, 1—2, 1962, стр. 157.

³⁴⁶ См.: R. J. H e b e r t. Karaçay phonology, стр. 100, 101; A. F. S j o b e r g. Uzbek structural grammar, стр. 23; N. P o p p e. Bashkir manual, стр. 18; L. B. S w i f t. A reference grammar of modern Turkish. Uralic and Altaic Series, 19, Bloomington 1963, стр. 16, 17.

Поэтому мы имеем *tikdim* (*tik-dim*, с внутренней, междуслоговой, паузой), но *körtig* (*kör-tig*, с внешней, междусловной, паузой).³⁴⁷

Примеры, которыми оперирует О. Прицак, взяты из текстов орхоненской письменности, и первое возражение, которое можно было сделать по поводу предложенной им гипотезы, подсказываются своеобразием фонологической системы древнетюркского языка названных надписей. Если в начале фонологического слога могут выступать только те фонемы, которые выступают в начале слова, то как быть с определением слоговой структуры в слове *tikdim*: как известно, в языке рунических текстов нет ни одного слова с начальным *đ* или конечным *kd*? Однако разбор гипотезы О. Прицака в данном случае не имеет существенного значения, и мы не считаем целесообразным продолжать его, тем более что исходная посылка этой гипотезы — существование в тюркском праязыке или протоязыке оппозиции слабых и сильных согласных — кажется нам ошибочной.

Предположение О. Прицака представляется ценным и важным с точки зрения имеющихся перспектив исторического исследования системы гласных и согласных в связи с просодическими явлениями. Становится, например, все более очевидной важность проблемы соотношения внутреннего и внешнего саньди на разных стадиях развития тюркских языков. Достаточно определить, в каких пределах и в каких размерах в современных тюркских языках происходит нейтрализация разных делимитативных средств, чтобы понять, насколько фонетические изменения начала слова (ослабление и спирализация сильных начальных согласных) могут иметь синтагматическую обусловленность.

Анализ материалов современных и древних тюркских языков позволяет думать, что в тюркском праязыке междуслоговая и междусловная паузы-смычки были идентичны, а в качестве делимитативного средства выступала главным образом гармония гласных и в меньшей мере ударение.

Г а р м о н и я г л а с н ы х

Среди явлений, тесно связанных с существованием комплексных фонологических единиц, особое место занимает гармония гласных, которая в тюркских языках, как справедливо отметил еще В. В. Радлов, является важнейшим средством выделения и ограничения слова и, следовательно, выполняет те же функции, что и «резко выделяемое ударение» в индоевропейских языках.³⁴⁸

Из двух разновидностей гармонии гласных — палатальной и губной — наиболее древней следует считать первую. Нет никаких сомнений в том, что палатальная гармония относится к числу праязыковых явлений и возникла задолго до распада тюркской языковой общности.

Палатальная гармония гласных, по-видимому, развилась на основе слогового сингармонизма, рассматриваемого как явление вокально-консонантной гармонии в пределах односложного слова, и процесс ее развития может быть охарактеризован следующим образом. При наличии преимущественно односложных слов доминирующее положение занимает гармония звуков в слог, которая выделяет его (слог) как особую фонологическую единицу с различительной и разграничительной функцией одновременно. В процессе морфологического усложнения слова и изме-

³⁴⁷ О. P r i t s a k. Die Herkunft der Allophone und Allomorphe im Türkischen, стр. 144, 145.

³⁴⁸ Phonetik, стр. 97. Ср.: И. Б о д у э н - д е - К у р т е н э. Резья и Резьяне. Славянский сб., III, СПб., 1876, стр. 323—324. См. также в новейших работах: В. Н. З и н о в ь е в. О ритмико-мелодической структуре казахского языка. Изв. АН Казахской ССР, № 77, серия лингвистическая, 5, Алма-Ата, 1948, стр. 48—50.

нения его фонетической структуры гармония звуков преобразуется в гармонию слогов, вследствие чего ее различительная функция постепенно утрачивается, тогда как функция разграничения приобретает основополагающую значимость. В дальнейшем в гармонии слогов, охватывающей все звуки слова, средоточием гармонического соответствия становятся гласные, тем не менее некоторую роль продолжают играть и согласные.

Губная гармония, в отличие от палатальной, возникла в условиях существования многосложных слов и с самого начала выступала как средство междуслоговой связи.

Раздел 3

ХАРАКТЕР ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ ТЮРКСКИХ ЗВУКОВ И ПРОСОДИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Звуки и просодические явления в тюркских языках выполняют разные функции: звуки выступают главным образом как различительные единицы, в то время как просодические явления служат целям разграничения и выделения слов. В небольших размерах функциями разграничения наделены и звуки.

Различительные функции тюркских звуков подробно описаны в одном из предыдущих разделов. Относительно же использования звуков в качестве разграничительных, или делимитативных, средств целесообразно привести лишь самые общие данные, важные с историко-лингвистической точки зрения. Для начальной позиции, если не принимать во внимание некоторые частности, не типично стечение двух и более согласных, сонанты в начале слова (resp. сверхслабые) встречаются лишь в порядке исключения. В конце односложного слова сочетания из двух согласных вполне допустимы, однако возможны только два типа подобных сочетаний: «сонант+шумный» (обычно смычный, очень редко — щелевой), «шумный щелевой+шумный смычный» (данный тип почти не встречается), причем обратный порядок в такого рода сочетаниях совершенно исключен.

Раздел 4

О ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ТЮРКСКОГО ПРОТОЯЗЫКА

Рассматривая некоторые вопросы реконструкции древнейшего состояния тюркского праязыка, мы не ставим перед собой цель восстановить это состояние полностью и лишь высказываем ряд соображений главным образом критического характера, в связи с имевшими место ранее попытками проникнуть дальше вглубь тюркской языковой истории.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЕРВИЧНЫХ ДОЛГИХ

Все имеющиеся в нашем распоряжении факты прямо или косвенно подтверждают большую древность так называемой первичной долготы и существование фонологической оппозиции кратких и долгих гласных в тюркском праязыке.³⁴⁹ Что же касается проблемы происхождения первичных долгих гласных, то она, несмотря на усилия нескольких поколе-

³⁴⁹ См. выше, стр. 49 и сл.

ний тюркологов, остается до сих пор нерешенной. Принципиально ли различие между первичными и вторичными долгими гласными с точки зрения их происхождения, или оно является только хронологическим, — вот основной вопрос, от характера ответа на который зависит многое в интерпретации фонологической системы тюркского протоязыка.

1. По мнению В. В. Радлова, не выделявшего первичную долготу, любые тюркские долгие гласные образовывались вследствие слияния гласного с согласным или гласного с гласным, после выпадения согласного в сочетаниях типа Г+С+Г (гласный+согласный+гласный).³⁵⁰ Приблизительно такой же точки зрения придерживался В. Грэнбек, для которого туркм. *д̄ört* или якут. *түört* 'четыре' — не что иное, как отражение пратюркского **tögürt* или **töbärt*.³⁵¹ В последнее время точка зрения В. В. Радлова и В. Грэнбека получила новое, оригинальное преломление в работе А. Бишева. Согласно трактовке последнего, долгие гласные, относимые к категории первичных, появились в тюркских языках в результате стяжения сочетаний кратких гласных с *j*. При этом *j* рассматривается А. Бишевым как «вставочный звук», который «в односложных корнях и грамматических формах с конечным гласным . . . закрывал открытый слог, а в остальных случаях выполнял связующую роль между корнем (типа С+Г или Г) и аффиксом или между двумя грамматическими элементами». ³⁵² Так, например, туркм. *б̄ар* 'есть' возводится к **бајр*, *б̄эр*- 'давать' (ср. якут. *биэр*-) — к **б̄әјр*-, *біл* 'поясница' — к **б̄әјл*, *ін*- 'нисходить' — к **әјн*-, *д̄інч* 'спокойный' — к **тіјнч*; якут. *іт*- 'посылать' — к **іјд*- и т. д.³⁵³ В чувашском языке *j* мог менять положение, т. е. переходить в позицию перед гласным, где он либо сохранял свое качество, либо изменялся в *в*. «Помимо стяжения звуко сочетания с *-й*-, — отмечает далее А. Бишев, — „первичная“ долгота могла быть образована в результате заместительного удлинения гласных в первоначальных двусложных словах или их эмфатического удлинения в образных и звукоподражательных словах» ³⁵⁴ (ср. точку зрения К. Г. Менгеса). Возможность контракционного происхождения первичной долготы считают вполне реальной также Л. Лигети ³⁵⁵ и К. Г. Менгес.³⁵⁶ Совершенно особую позицию занял Ю. Немец, по мнению которого, высказанному полвека назад, первичная долгота гласных — отличительная черта якутского языка и чувашские примеры, так или иначе отражающие долготу, — ранние заимствования из якутского, ср. чуваш. *с'ав̄т*- 'вести' < др.-якут. *с'ām*-> якут. *сі̄т*-.³⁵⁷ Происхождение первичных долгих Ю. Немец объяс-

³⁵⁰ W. Radloff. *Phonetik*, стр. 77 и сл. См. также: Ф. Е. Корш. Слово *балдак* и долгота гласных в турецких языках. *Живая старина*, 2—3, 1909, стр. 157. В одной из более поздних работ В. В. Радлов называет в числе причин возникновения долготы необходимость различать одинаково звучащие основы. См.: W. Radloff. *Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen*, стр. 8, 9.

³⁵¹ V. Grönbach. *Forstudier til tyrkisk lydhistorie*. København, 1902. Изложение см.: KСz (IV, 1903, стр. 229—240).

³⁵² А. Бишев. «Первичные» долгие гласные в тюркских языках, стр. 118.

³⁵³ Там же, стр. 81, 71, 74.

³⁵⁴ Там же, стр. 118.

³⁵⁵ L. Ligeti. *Les voyelles longues en turc*, стр. 198—201.

³⁵⁶ К. Н. Менгес. *Einige Bemerkungen zur vergleichenden Grammatik des Türkmenischen*, стр. 19. — Особый путь контракционного развития первичной долготы постулируется в статье М. И. Боргоякова: широкие гласные удлинились в позиции перед узкими гласными, которые подверглись частичной или полной редукции (М. И. Боргояков. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке. Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, XII, Абакан, 1966, стр. 91, 92). Неприемлемость этого довольно оригинального объяснения природы первичных долгот предопределена, главным образом, следующим обстоятельством: первичные долгие и краткие выступают в одинаковых позиционных условиях и долгими могут быть как широкие, так и узкие гласные.

³⁵⁷ J. Németh. *Die langen Vokale im Jakutischen*. KСz, XV, 1914, стр. 161.

няет не сокращением слогов или выпадением звуков, а особенностями древней акцентуации.³⁵⁸ Е. Д. Поливанов, не отрицавший существования общетюркских долгих гласных, высказал предположение, что на якутской почве развитие долготы «можно приписать влиянию звонкости следующего согласного».³⁵⁹ Для Ф. Абдуллаева образование первичных долгих гласных в тюркских языках — процесс, происходивший в целях различения омонимов и предохранения гласных от редукции.³⁶⁰

Доводы, приводимые для обоснования изложенных выше точек зрения, многочисленны и разнообразны. В. В. Радлов находит опору в тех данных, которые характеризуют процесс образования долгих гласных в современных тюркских языках. В. Грэнбек ссылается на примеры типа *кăвак* 'синий', *тăвадă* 'четыре', *тăвар* 'соль' в чувашском языке. Л. Лигети, полагая, что вопрос о природе пратюркской долготы следует решать в общеалтайском плане, использует такие параллели, как тюрк. *туз* (**mūz*) 'соль', монг.-п. *dabusun*; тюрк. *кўн* (**kūn*) 'народ', монг.-п. *kūtiin* 'человек'; тюрк. *тоз* (**mōz*) 'пыль', монг.-п. *toγusun*; тюрк. *тор* (**mōr*) 'сеть, ловушка', монг.-п. *toγur*; тюрк. *чїб* (**chīγ*) 'сырой, влажный', монг.-п. *čigig*. С позиций алтаистики выступает и К. Г. Менгес, для которого ключом к решению проблемы первичных долгих гласных является структурно-фонетическое расхождение тюрко-монгольских лексических параллелей: односложным словам с долгими гласными тюркских языков соответствуют двусложные слова с обычными гласными в монгольских языках, ср. тюрк. **кѡк* 'небо', монг.-п. *xixе* < **kūkā*; тюрк. **аб* 'охота', монг.-п. *aba*; тюрк. **тāш* 'камень', монг.-п. *čilayun* < **tila-γun* и т. д. Это расхождение наводит К. Г. Менгеса на мысль о том, что в алтайском праязыке не было долгих гласных, а долгие гласные в тюркском праязыке появились как следствие количественной компенсации (*Ersatzdehnung*) выпавшего конечного гласного.³⁶¹ Для системы доказательств Ю. Немета большое значение имеет присутствие долгих гласных только (?) в односложных словах якутского языка. В определенной группе односложных слов, пишет он, слоги были двухвершинными с основной второй вершиной, которая при изменении структуры слова перемещалась на второй или третий слог; гласный первого слога, утрачивая одну из вершин, становился кратким. Е. Д. Поливанов указывает на связь между долготой / краткостью гласных и звонкостью / глухостью последующих согласных в индоевропейских языках.³⁶² А. Бишев пользуется в основном теми же аргументами, что и В. В. Радлов.

Рассмотрим изложенные выше доводы более подробно.

Факт образования вторичной долготы в результате выпадения согласных и слияния гласных бесспорен, так как в тюркских языках со-

³⁵⁸ Там же, стр. 163, 164. С особенностями древней акцентуации Г. Рамстедт связывает также прачувашские долготы, отразившиеся в качественном своеобразии чувашских гласных. См.: G. J. R a m s t e d t. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, стр. 11.

³⁵⁹ Е. Д. П о л и в а н о в. К вопросу об обще-турецкой долготе гласных, стр. 157.

³⁶⁰ Ф. А б д у л л а е в. Чўзиқ унлиларнинг табиати тўғрисида. Ўзбек тили ва адабиёти масалалари, Тошкент, 1959, № 3, стр. 29—33.

³⁶¹ М. Ряснен, напротив, считает, что тюркские языки отражают исконное положение, тогда как монгольские утратили долготу гласных (M. R ä s ä n e n. Materialien, стр. 69). Первичные долгие гласные в протомонгольском языке реконструирует Широ Хаттори, опирающийся на материалы монгольского и в меньшей мере дагурского языков. См.: S h i r o H a t t o r i. The length of vowels in Proto-Mongol. *Studia Mongolica Instituti Linguae et Litterarum Comitetti Scientiarum et Educationis Altae Reipublicae Populi Mongoli*, I, 12, Ulaanbaatar, 1959. См. также: N. P o r r e. The primary long vowels in Mongolian. *JSFOu*, LXIII₂, 1962. Однако Г. Дёрфер отрицает наличие первичных долгих гласных в монгольских языках. См.: G. D ö e r f e r. 1) Sprachbau. *Handbuch der Orientalistik. Erste Abteilung*, V, 2. Leiden—Köln, 1964, стр. 53; 2) *Langvokale im Urmongolischen?* *JSFOu*, LXV₄, 1964, стр. 1—21.

³⁶² См.: A. M a r t i n e t. Phonology as functional phonetics, стр. 8.

храняются наряду со стяженными формами полные. Иначе обстоит дело с первичной долготой. Пока никому не удалось привести достоверные примеры соответствия первичного долгого гласного какому-либо сочетанию гласного с согласным или гласного с гласным. Поэтому ссылка В. В. Радлова и В. Грэнбека на случаи образования вторичной долготы при объяснении природы первичных долгих гласных не убедительна.³⁶³ Чувашские формы *кăвак*, *тăвада* и *тăвар* (ср. якут. *күѳх*, *түѳрт*, *түс*; туркм. *гѳк*, *дѳрт*, *дүз*) не обязательно должны быть первичными по отношению к туркменским и якутским. Если допустимо развитие долгого гласного из дифтонга, то вполне возможен и обратный процесс, т. е. дифтонгизация долгого гласного. «Не вероятнее ли, — писал в связи с этим П. М. Мелиоранский, — что как раз у чувашей, которые в течение столетий были отделены от других тюрков, первоначальные долгие гласные стали дифтонгами, что как раз у них различными способами развились вторичные звуки . . .»³⁶⁴ Следует предположить, что вслед за дифтонгизацией имело место образование из дифтонгов группы «губной согласный+гласный» и устранение необычного для тюркских языков стечения согласных в начале слова посредством интродукции гласного неполного образования, например: **кѳк* > **квк* > *кăвак*. Для чувашского языка такой путь тем более вероятен, что группа с согласным *в* появляется только на месте пратюркских лабиализованных гласных. Кстати, аналогичная группа широко представлена в чувашском языке в начале слова, ср. *вил-* 'умирать' (< **ѳл*-), *вал* 'он' (< **ѳл*-), *вйрăн* 'место' (< **орін*-), где она восходит как к долгому, так и к краткому гласному.

Безусловно примечательны тюрко-монгольские параллели, в которых монгольская часть представлена словами с группой «гласный+согласный+гласный», соответствующей в тюркских примерах долгому гласному. Можно напомнить в связи с этим о своеобразной передаче в уйгурском варианте легенды об Огузе слов *кар* 'снег', *шам* 'Сирия', *катйр* 'мул' (*кабар*, *шафам*, *кабатйр*). Мы сомневаемся, однако, в том, что эти факты, как и примеры, приведенные Л. Лигети, вызывают необходимость перенести решение вопроса о природе пратюркских долгих гласных в общеалтайский аспект. Больше того, нет никаких оснований рассматривать указанные факты как возникшие на тюркской почве. Г. Рамстедт сообщает в своей грамматике монгольского письменного языка³⁶⁵ следующую любопытную деталь: «. . . монголы не только новые заимствования, но и даже старый собственный лексический фонд намеренно архаизируют. Так образуются формы, которые можно было бы обозначить в языке как „сверхархаические“, ср. монг.-п. *šayaḷun* 'фарфор' (*šādza* < кит.), *birbaḷasun* 'перевоз' (*b'arwās* < рус.)». Возьмем теперь тюрк. *шафам* ~ *шăм*. Вряд ли кто-либо будет утверждать, что в этом слове некогда и

³⁶³ Против точки зрения В. Грэнбека, сразу же после выхода в свет работы последнего, выступил Х. Педерсен. См.: Н. Pedersen. Türkische Lautgesetze, стр. 538—540. Критику указанной точки зрения содержит также рецензия К. Г. Менгеса на кн.: G. Jarri ng. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Lund—Leipzig, 1933 (Sonderdruck aus den Göttingischen gelehrten Anzeigen, 1934, № 9, стр. 365). См. также: Н. Н. Попе. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам, IV, стр. 407, 408.

³⁶⁴ P. Melioranski j. [Рец. на]: V. Grønb e s c h. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. København, 1902. Aus den Göttingischen gelehrten Anzeigen, 1904, № 6, стр. 498. — Как установила А. С. Канюкова, в чувашских диалектах тури и анатри на месте пратюркского **ѳ* выступает дифтонгообразный *y^o*: *c'y^ok* 'нет' (< **ѳк*-), *пу^oл* 'быть' (< **пѳл*-), *ту^oл* 'наполняться' (< **тѳл*-). См.: А. С. Канюкова. Некоторые особенности диалектов чувашей тури и анатри, стр. 84. В говоре ставропольских туркмен, сообщает С. Куренов, все долгие гласные имеют тенденцию переходить в дифтонги. См.: С. Куренов. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья), стр. 7.

³⁶⁵ G. J. R a m s t e d t. Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch verglichen. JSFOu, XXI, 2, 1902, стр. 5.

в самом деле на месте \bar{a} было сочетание *аба*. Общеизвестно, что слово *шām* — заимствование из арабского языка, где оно всегда выступало с обычным долгим \bar{a} (شام). Таким образом, монгольские примеры, так же как и примеры из монголизированного текста уйгурского варианта легенды об Огузе, не могут быть использованы для доказательства тезиса о возникновении тюркских первичных долгих гласных путем стяжения.

Что касается гипотезы К. Г. Менгеса, то она требует специального разбора.

Замечание Ю. Немета относительно особого положения односложного слова в якутском языке основано на реально существующих фактах. Действительно, в якутском языке наблюдается исчезновение долготы (дифтонгоидности) гласных при изменении односложного слова в многосложное, хотя этот процесс и не носит характера всеобщей закономерности, ср. *bīs* 'пять', *bīskä* 'пяти', *bīstän* 'из пяти', *bǟh̄is* 'пятый'; *bīär* 'дай', *bīärär* 'дает', *bǟris* 'поделись, отдай часть'; *kīän* 'форма, модель, фасон', *kīäbir* 'хвалится, «фасонит»'. Попытка объяснить происхождение первичных долгих гласных особенностями акцентуации является важным шагом вперед.

Связь между долготой / краткостью гласного и звонкостью / глухостью последующего согласного имеет в тюркских языках не ту направленность, о которой говорит в своей статье Е. Д. Поливанов. Не долгота гласного обусловлена звонкостью последующего согласного, а наоборот: звонкость согласного находится в прямой зависимости от долготы предшествующего гласного. После краткого гласного шумный согласный — относительно долгий, сильный и поэтому не подвергается озвончению, после долгого гласного он произносится кратко, слабо, что и располагает его к приобретению звонкости. Допустить, что долгота гласного вызвана влиянием последующего краткого (resp. звонкого) согласного в связи с действием закона просодического равновесия слога, невозможно хотя бы потому, что перед сонантами встречаются не только долгие, но и краткие гласные, а в односложных словах с конечными долгими гласными вообще нет согласных.

Примеры на стяжение группы «гласный + *j*» с последующим образованием долгого гласного, собранные в статье А. Бишева, представляют частный случай развития вторичной долготы и не имеют никакого отношения к первичным долгим. Наличие дифтонга в одном тюркском языке при соответствии ему долгого гласного в другом языке не свидетельствует в пользу указанной точки зрения. Долгие гласные в языке могли реализоваться как в монофтонгах, так и в дифтонгах, тем не менее в основе соответствующей фонологической оппозиции лежало количество, а не качество гласных. Следует обратить внимание и на другое обстоятельство. Анализ всех односложных слов, выступающих в тюркских языках и допускающих в исходе группу из двух согласных, показывает, что в них соответствующие группы состоят в абсолютном большинстве случаев из сочетания сонанта с шумным согласным, ср. др.-тюрк. *kirk* 'сорок', *jurt* 'владение, страна', *ant* 'клятва', *kajt* 'вернись', *kurt* 'червь', *tört* 'четыре', *ajt* 'скажи', *inç* 'покой', *sanç* 'пронзи'. Сочетания двух сонантов или шумного согласного с сонантом в конце собственно тюркских слов не допустимы. Особенно фантастичным является сочетание *jj*, которое должно быть восстановлено, согласно точке зрения А. Бишева, в следующих праформах: **ajj* 'луна' (> туркм. *āj*), **jajj* 'лук' (оружие) (> туркм. *jāj*), **jujj-* 'мыть' (> якут. *сүj-*). С другой стороны, имеются слова, в которых группа «широкий гласный + *j*» при наличии последующего шумного согласного сохранилась без изменений, ср. узб. *ajt-* 'говорить', *kajt-* 'возвращаться'. Относительно интерпретации конечных согласных как аффиксов, присоединение ко-

торых сопряжено с использованием «вставочного» *j*, можно сказать следующее: присоединение согласных к гласным в тюркских языках осуществляется без посредства «вставочного» *j*.

По поводу точки зрения, высказанной Ф. Абдуллаевым, следует заметить, что появление новых оппозиций в языке происходит на основе фонологизации имеющихся фонетических различий и эти оппозиции служат целям смысловоразличения. Обратный процесс, т. е. образование фонетических различий и фонологизация их под влиянием происходящей в языке семантической дифференциации, маловероятен.

II. Переходя к разбору гипотезы К. Г. Менгеса, отметим, что примеры соответствия односложным корням двусложных прослеживаются не только в тюрко-монгольских параллелях, но и в пределах самих тюркских языков.

В целях проверки указанной гипотезы необходимо установить, имеется ли более или менее регулярная связь между возможностью обнаружения второго слога и первичной долготой гласных.

II, 1. В современных тюркских языках, исключая чувашский, насчитывается более 50 корней с двумя структурными разновидностями: односложной и двусложной, ср.

алт. *apī-* 'уствовать', 'худеть'
 туркм. *bāji-* 'богатеть'
 башк. *bōjǒ*, казах. *būjǐ*, кирг. *bōjōn* ~ *bō* ~ *bōj* 'тарантул'
 башк. *bōrǒ*, тат. *bōrǐ* 'почка', тув. *būrū* 'лист'
 туркм. *būrī-* ~ *būra-* 'сохнуть'
 туркм. *batā-* ~ *bat-* 'затвердевать'
 туркм. *jāna-* 'прислонять боком к чему-л'.
 башк. *jājā* 'лук' (оружие)
 тур. *jälä* 'грива'

туркм. *jörǒ-* ~ *jör-* 'ходить'
 ж.-уйг. *kaza* 'гусь'
 кирг. *kaǐ-* 'скользить по поверхности', 'парить'
 тув. *kǐzi-* 'бродить'
 кирг. *kǐzi-* 'накаляться', 'нагреваться'
 тат. *kǐñi* 'ножны'

азерб. *boxu-* 'издавать запах'
 тув. *örū-* 'плести', 'вязать'
 кирг. *örū-* 'подниматься, ползти в гору'
 ж.-уйг. *saka* 'осторожный', 'бдительный'
 туркм. *ðara-* 'окружать, закутывать'
 кирг. *sarī* ~ *sar* 'коршун'
 тур. *sizi* 'ломота, острая боль'
 тур. *sīna* 'ослеенок', 'жеребенок'

тув. *sīri-* 'шить в строчку'
 алт. *sory-* ~ *sōr-* 'сосать'

туркм. *ār-*, якут. *īr-*
 якут. *baǐ-*
 туркм. *mōj*, *bōe*, узб. *biǐ*, ног. *biǐj*

кум. *būr*, хак. *nūr* 'лист'

якут. *kūr-*
 кирг. *kat-*, якут. *xat-*
 кирг. *jan-* ~ *janī-* 'подходить сбоку, касаться'
 туркм. *jāǐ*, якут. *sā*
 туркм. *jāl* 'грива', якут. *sāl* 'жир на загривке'

хак. *çör-*
 туркм. *ḅād*
 туркм. *ḅāj-*

кирг. *kǐz-*, туркм. *gǐd-*
 якут. *kīs-*, туркм. *ḅīd-*

туркм. *ḅīn*, якут. *kīn*, тур., кирг. *kīn*, узб. *kin*, хак. *xīn*

тур. *kok-*
 туркм. *ōr-*
 туркм. *ōr-* 'подниматься, вставать'
 кирг. *sak*, туркм. *ðak*

тур. *sar-*

—
 алт. *sīs*, туркм. *ḅīd*
 ж.-уйг. *sīn* 'двухлетний жеребенок'
 туркм. *ḅīr-*
 туркм. *ḅōr-*

хак. <i>тајі-</i> 'поклоняться', 'приносить в жертву'	ж.-уйг. <i>тај-</i>
кирг. <i>талі-</i> ~ <i>тал-</i> 'остолбенеть', 'упасть в обморок'	якут. <i>тāl-</i>
башк. <i>тамї-</i> 'пробовать, «вкусить»'	туркм. <i>дāt-</i>
кирг. <i>ташї-</i> 'переливаться через край', 'выходить из берегов'	туркм. <i>дāш-</i>
кирг. <i>тәрі</i> , туркм. <i>дәрі</i> 'кожа'	ж.-уйг. <i>тәр</i> ~ <i>тәрә</i>
алт. <i>тöлү</i> 'род, поколение'	кирг. <i>төл</i> , туркм. <i>дөл</i> 'приплод, потомство'
западносибирск. тат. <i>түшї</i> 'наковальня'	башк. <i>түш</i> , хак. <i>тös</i>
кирг. <i>ују-</i> 'следовать за кем-л.'	тур., туркм. <i>уј-</i>
башк. <i>өрө</i> , казах. <i>ұра</i> , тув. <i>уру</i> 'нарост, опухоль'	тур. <i>ур</i>
тур. <i>үрү-</i> 'лаять'	туркм. <i>үір-</i> (<i>ūr-</i>)
туркм. <i>чүірә-</i> (<i>чүрә-</i>), азерб. <i>чүрү-</i> 'гнить'	чуваш. <i>с'ёр-</i>

Приведенные примеры как будто не оставляют никаких сомнений относительно вознаградительного происхождения первичной долготы. Кажется само собой разумеющимся, что туркм. *ār-* 'уствовать', 'худеть', *мōј* 'тарангул', *јāj* 'лук', *јāl* 'грива', *бād* 'гусь', *бāj-* 'скользить по поверхности', 'парить', *вїн* 'ножны', *өр-* 'плести', *ōр-* 'подниматься, вставать', *вїр-* 'шить в строчку', *вōр-* 'сосать', *дāt-* 'пробовать, «вкусить»', *дāш-* 'переливаться через край', 'выходить из берегов', *үр-* 'лаять', якут. *кїс-* 'накаляться', *тāl-* 'остолбенеть', 'упасть в обморок' и т. д. восходят к первоначально двусложным корням с обычными гласными, тем более что возникновение долготы путем компенсации длительности выпавшего слога не исключено для тюркских языков, ср. якут. *бāртїм* 'я пошел' (< *барбїтїм*), *кэлтїм* 'я пришел' (< *кэлбїтїм*). И все же возведение туркменских и якутских односложных корней с долгими гласными к соответствующим двусложным едва ли возможно.

Во-первых, для значительного количества туркменских и якутских односложных корней с долгими гласными не удается обнаружить двусложных параллелей в других тюркских языках. Далее, если согласиться с тем, что появление первичных долгих связано с утратой конечного согласного или конечного слога, то необходимо полностью исключить возможность употребления долгих гласных в первом слоге двусложных корней. Однако факты туркменского языка препятствуют этому, ср. *āба* 'старший брат', *āбла-* 'плакать', *āда* 'остров', *āја* 'ладонь', *āјї* 'горький', *āра* 'середина, промежутки', *бāба* 'жаба', *бāјї-* 'богатеть', *вүрї-* ~ *вүра-* 'сохнуть', *гāмї* 'судно, корабль', *дāрї* 'желтый', *дїпа-* 'гладить', *тāла-* 'грабить', *тāна* 'ноздря', *чүірә-* 'гнить', *шāна* 'сани' и мн. др.

Спрашивается, каковы же причины существования разных структурных вариантов корня?

Еще П. М. Мелиоранский заметил, что «от некоторых турецких глагольных корней образуются путем присоединения преимущественно одного из узких гласных своего рода „распространенные“ корни, в которых не всегда, но нередко, более или менее ясно проглядывает „интенсивное“ значение».³⁶⁶ Точно такой же вывод сделал А. Н. Кононов, спе-

³⁶⁶ П. М. Мелиоранский. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. LXII.

циально подчеркнутый различия в содержании структурных вариантов основы в турецком языке, ср. *kınmak* 'хулить' — *kınamak* 'придираться', *kazmak* 'рыть' — *kazımak* 'скоблить', *kacmak* 'бежать' — *kacamak* 'увиливать', *kalkmak* 'вставать' — *kalkımak* 'вскакивать'.³⁶⁷ Нельзя не согласиться с замечанием А. Зайончковского, что если вообще более обычным является упрощение форм, «то в тюркских языках в большинстве случаев мы имеем дело с явлением обратного порядка: благодаря своему агглютинативному строю тюркский литературный язык в процессе своего исторического развития легко воспринимал наращивания аффиксов». ³⁶⁸ В поддержку точки зрения П. М. Мелиоранского выступил также в одной из своих работ Э. В. Севортян. Сопоставляя глагольные основы *aң-* и *aңа-* 'понимать, знать', он приходит к заключению, что источником образования «распространенной» формы (*aңа-*) является присоединение к синкретичному (глагольно-именному) корню аффикса и что таким путем образовывались «распространенные» глагольные основы в разных тюркских языках. ³⁶⁹ Это заключение Э. В. Севортян относит и к именным основам, ³⁷⁰ разделяя положение Ж. Деви о моносиллабизме древнего тюркского корня. ³⁷¹

Хорошо известно, что в тюркских языках встречаются корни, выступающие в качестве и глагольных и именных основ, ³⁷² причем есть основания думать, что число подобных корней было некогда более значительным и что по мере приближения к нынешнему состоянию оно уменьшалось вследствие явно выраженной тенденции грамматического «прояснения». В одних языках эти корни сохранились в первоначальном виде, в других приобрели морфологическую определенность благодаря формальному выделению глагольных основ. Если, например, в киргизском языке *jan* — 'бок' и 'подходить с боку, касаться', то в туркменском языке *jān* — 'бок', тогда как глагольная основа — *jāna-* 'прислонять боком к чему-л.', образованная при помощи аффикса *-a*. Ср. также: якут. *bāj* 'богатый' и 'богатеть', туркм. *bāj* 'богатый', *bāji-* 'богатеть'; азерб. *dad* 'вкус' и 'пробовать, «вкусать»', башк. *tat* 'сладость', 'вкус', *tatı-* 'пробовать, «вкусать»'; тур. *an* 'сознание, мысль' и 'вспоминать', тат. *aң* 'сознание', *aңла-* 'понимать'; алт. *kat* 'ряд, слой' и 'складывать', туркм. *bat* 'ряд, слой', *batla-* 'складывать'; тур. *tün* 'вечер, ночь' и 'темнеть, смеркаться', башк. *tön* 'ночь', *tönä-* 'ночевать'. Точно так же могли выделяться посредством присоединения аффиксов и именные основы. Возникновение «распространенных» основ в языке желтых уйгуров, саларском языке и языке хотонов (ср. ж.-уйг. *kaza* 'гусь', *saka* 'осторожный'; салар. *taşı* 'внешний', *işi* 'внутренний', *nılā* 'этот год', *kızılı* 'красный', *ılı* 'передний'; хот. *atā* 'лошадь', *bāşı* 'пять', *bīri* 'один', *butū* 'нога', *gözā* 'глаз', *çılğā* 'коза', *ōzā* 'рот', *otā* 'огонь', *tılı* 'язык', *yu* 'бык', *üçü* 'три') ³⁷³

³⁶⁷ А. Н. К о н о н о в. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 209.

³⁶⁸ А. З а й о н ч к о в с к и й. К вопросу о структуре корня в тюркских языках. ВЯ. 1961, № 2, стр. 33.

³⁶⁹ Э. В. С е в о р т я н. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962, стр. 439.

³⁷⁰ Там же, стр. 438, 442.

³⁷¹ J. D e n y. 1) Le turc était-il à l'origine une langue monosyllabique? Actes du XVIII^e Congrès International des orientalistes. Leiden, 1932, стр. 111, 112; 2) L'ancien monosyllabisme des racines turques. BSLP, 42 (1942—1945), 1 (№ 124), 1946, стр. XIV, XV; 3) Rôle de l'harmonie vocalique dans la formation des mots turcs. Actes du XIX^e Congrès International des orientalistes, Roma, 1938, стр. 229—231.

³⁷² Большое количество таких корней зафиксировано в работе: Б. М. Ю н у с а л и е в. Киргизская лексикология, I. Фрунзе, 1959, стр. 69—77.

³⁷³ См. Б. Я. В л а д и м и р ц о в, А. Н. С а м о й л о в и ч. Турецкий народец хотоны. ЗВО РАО, XXIII, 3—4, 1916, стр. 274—277; Э. Р. Т е н и ш е в. Саларский язык, стр. 17.

обусловлено влиянием китайского или монгольского языков. Впрочем, примеры из хотонского языка могут быть объяснены и иначе. «По-видимому, слова *атă, бешĕ, бĕри, бутĕ* etc., — писал Б. Я. Владимирцов, — являются в форме с местоименной притяжательной приставкой для третьего лица, подвергшейся ассимиляции предшествующими гласными основы».³⁷⁴

II, 2. Особого внимания заслуживают материалы чувашского языка, в котором общетюркские односложные корни часто выступают с дополнительным гласным, ср.

чуваш. (включая и говоры)	туркм.	якут.
<i>анă</i> (<i>ан</i>) 'ширина'	<i>ĭн</i>	<i>ĭн</i>
<i>варă</i> (<i>вар</i>) 'середина'	<i>ōđ</i> 'сам, свой'	<i>үōс</i>
<i>вăлă</i> (<i>вăл</i>) 'он'	<i>ол</i>	<i>ōл</i> (<i>уол</i>)
<i>вĕĕ</i> 'месть, злоба'	<i>ōч</i>	<i>ōс</i>
<i>вĕз'ĕ</i> (<i>вĕс'</i>) 'три' (числ. лит.)	<i>үч</i>	<i>үс</i>
<i>вудă</i> (<i>вут</i>) 'огонь'	<i>ōт</i>	<i>уот</i>
<i>вунă</i> (<i>вун</i>) 'десять'	<i>ōн</i>	<i>уон</i>
<i>јажă</i> (<i>јаш</i>) 'молодой'	<i>јаш</i>	<i>сăс</i>
<i>јĕнĕ</i> 'ножны'	<i>ĕĭн</i>	<i>кĭн</i>
<i>јĕнĕ</i> 'нора, берлога'	<i>ĕĭн</i>	<i>ĭн</i>
<i>јĕрĕ</i> (<i>јĕр</i>) 'след'	<i>ĭđ</i>	<i>ĭс</i> (<i>суол-ĭс</i>)
<i>јĭдă</i> (<i>јĭт</i>) 'собака'	<i>ĭт</i>	<i>ĭт</i>
<i>јудă</i> (<i>јут</i>) 'чужой'	<i>јăт</i>	—
<i>кĕлĕ</i> (<i>кĕл</i>) 'озеро'	<i>кōл</i>	<i>кĕōл</i>
<i>мăјă</i> (<i>мăј</i>) 'шея'	<i>бојун</i>	<i>мōј</i>
<i>пĕрĕ</i> (<i>пĕр</i>) 'один'	<i>бĕр</i>	<i>бĕр</i>
<i>пĕјдă</i> (<i>пĕјт</i>) 'вошь'	<i>бĕт</i>	<i>бĕт</i>
<i>пужă</i> (<i>пуш</i>) 'пустой'	<i>бош</i>	—
<i>пурă</i> (<i>пур</i>) 'мел'	<i>бōр</i>	<i>буор</i> 'глина'
<i>сазă</i> (<i>сас</i>) 'звук, голос'	<i>đăđ</i>	—
<i>сĕвă</i> (<i>сĕв</i>) 'здоровый'	<i>đак</i>	—
<i>сĕĕă</i> (<i>сĕх</i>) 'охрана'	<i>đак</i>	—
<i>сулă</i> 'плот'	<i>đăл</i>	<i>ăл</i>
<i>с'анă</i> 'рукав'	<i>јăң</i>	<i>сĕĕх</i>
<i>с'ĕвĕ</i> 'шов'	—	<i>сĕк</i>
<i>с'үбĕ</i> (<i>с'үп</i>) 'сор, мусор'	<i>чōп</i>	—
<i>тăвадă</i> (<i>тăват</i>) 'четыре'	<i>đōрт</i>	<i>тĕōрт</i>
<i>тубă</i> 'мяч, шар'	<i>топ</i>	—
<i>тујă</i> (<i>туј</i>) 'свадьба'	<i>тој</i>	—
<i>тĕрĕ</i> 'прямо'	<i>đĕđ</i>	<i>тĕс</i> 'степенный, смиренный'
<i>уĕă</i> 'лук' (оружие)	<i>ок</i> 'стрела'	<i>ок</i>
<i>удă</i> 'сено', 'трава'	<i>от</i>	<i>от</i>
<i>хĕвĕ</i> (<i>хĕв</i>) 'пазуха'	—	<i>хōј</i>

³⁷⁴ Там же, стр. 272.

<i>хулă</i> (<i>хул</i>) 'рука'	<i>бол</i>	—
<i>хурă</i> (<i>хур</i>) 'гусь'	<i>бăд</i>	<i>хăс</i>
<i>чигĕ</i> (<i>чик</i>) 'граница'	<i>чăк</i>	—
<i>шĕвă</i> (<i>шĕв</i>) 'вода'	<i>дув</i>	<i>ÿ</i>
<i>шурă</i> (<i>шур</i>) 'болото'	<i>дăд</i>	—

Даже при поверхностном обзоре приведенных примеров нетрудно заметить, что регулярные соответствия между чувашскими двусложными корнями и односложными корнями туркменского и якутского языков с первичными долгими гласными отсутствуют. С одной стороны, «распространенными» являются корни с этимологическими краткими гласными, например: *пужă* 'пустой', ср. туркм. *бош*; *с'убĕ* 'сор, мусор', ср. туркм. *чōп*, тув. *чō'п* 'гуща, осадок'; *убă* 'стрела', ср. туркм. *ок*, тув. *о'к*; *удă* 'сено, трава', ср. туркм., якут. *от*, тув. *о'т*; *тубă* 'мяч, шар', ср. туркм. *топ*; с другой стороны, многие корни с первичными долгими гласными оказываются в чувашском языке односложными, ср. *сĕт* 'молоко', *кĕт-* 'ждать', *с'ĕр-* 'гнить', *ăт-* 'выигрывать', *ар* 'мужчина', *ĵĕн* 'сторона', *пуж-* 'богатеть' и т. д.

Двусложные корни чаще встречаются в говорах низового диалекта, для которого вообще характерно «тяготение» к открытым слогам.³⁷⁵

Происхождение конечных гласных в чувашских двусложных корнях остается неясным. В ряде случаев они могут рассматриваться как преобразованные и слившиеся с корнем морфологические элементы: *судă* 'торговля' (< ?**саміу*), *хубă* 'кора' (< ?**kānīu*), *виз'ĕ* 'голодный' (< ?**āčīu*), *тудă* 'вкус' (< ?**tāmīu*), *сарă* 'желтый' (< ?**sārīu*). С этой точки зрения примечательно употребление в чувашском языке общетюркских односложных корней с аффиксом *-ax ~ -ǣx ~ -ǣx ~ -ĕx ...* (< ?**-ak ~ -äk*), ср. *сăмах* 'слово' (< ?**саβ-ak*), *ÿĵăх* 'луна' (< ?**āj-ak*), *хĕлĕх* 'конский волос' (< ?**kīl-ak*), *кĕрĕк* 'грязь' (< ?**kīr-äk*), *кăмрăк* 'древесный уголь' (< ?**kōmīr-äk*), *пĕлĕк* 'поясница' (< ?**pāl-äk*), *тăлăх* 'сирота' (< ?**тул-ak*), *тĕлĕк* 'сон, сновидение' (< ?**tĵi-äk*).

Многие слова с конечными гласными по ряду фонетических признаков — наличие *ĵ* и *ч* в начальной позиции, *ж* в интервокальном положении вместо ожидаемого *с'* (ср. *ĵажă* 'молодой', *ĵудă* 'чужой', *ĵурă* 'песня', *пужă* 'пустой', *чигĕ* 'граница') и т. д. — являются заимствованиями из других языков поволжской группы и поэтому появление в них дополнительных гласных — следствие определенной региональной закономерности,³⁷⁶ действовавшей в довольно позднее время. Характерно, что материалы древнечувашского языка, которыми мы располагаем благодаря тщательному исследованию З. Гомбоцем чувашских (?) слов в венгерском языке, заимствованных не позднее IX в., не дают ни одного примера с открытым слогом, которому в других тюркских языках соответствовал бы тип Г+С, С+Г+С или С+Г+С+С, ср. венг. *ál* 'ложный', 'фальшивый', *bér* 'жалованье, плата', *bor* 'вино', *bors* 'перец', *borz* 'барсук', *csat* 'пряжка, застежка', *dél* 'полдень', *gyász* 'траур', *gyom* 'сорная трава', *kék* 'синий', *kép* 'образ', 'лицо', 'картина', *kor* 'время', 'эпоха', *kos* 'баран', *sár* 'грязь', *szám* 'число', *szél* 'ветер', *tar* 'голый, лысый', *térd* 'колени' и т. д.³⁷⁷

³⁷⁵ См.: В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, I, стр. 190. См. также: Л. С. Левитская. 1) Историческая фонетика чувашского языка. Кандидатск. диссертация (рукопись). М., 1966, стр. 143; 2) О чувашских именных основах с конечными *ă*, *ĕ*. Уч. зап. [Чувашского] НИИЯЛИ, XXVIII, Чебоксары, 1965, стр. 32—38.

³⁷⁶ Н. И. Ашмарин был склонен связывать появление «распространенных» основ в чувашском языке с влиянием финских языков (Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898, стр. 77, прим. 2).

³⁷⁷ Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache, стр. 36—129.

Представляет несомненный интерес то обстоятельство, что при возможности употребления в конце слова гласных полного образования все дополнительные гласные (дополнительные по сравнению с другими тюркскими языками) в чувашском языке являются редуцированными (исключение — *пёрэ* 'один').

II, 3. В заключение обратимся к тюрко-монгольским параллелям, ср.

др.-тюрк.	монг.-п., др.-монг.
<i>аб</i> 'охота'	<i>aba</i>
<i>är</i> 'мужчина'	<i>ere</i>
<i>ärk</i> 'сила, власть'	<i>erke</i>
<i>барк</i> 'сооружение'	<i>baraya</i> 'имущество'
<i>бärk</i> 'крепкий'	<i>berke</i>
<i>боз</i> 'серый'	<i>boru</i>
<i>ірк</i> 'знак, предзнаменование'	<i>irwa ~ iruwa</i>
<i>кан-</i> 'наслаждаться, удовлетворяться'	<i>xanu-</i>
<i>кат-</i> 'затвердевать'	<i>xata-</i> 'сохнуть'
<i>кiрк-</i> 'стричь'	<i>kiryа-</i>
<i>коч</i> 'баран'	<i>xuça</i>
<i>кон-</i> 'ночевать'	<i>xonu-</i>
<i>кәнч</i> 'ребенок'	<i>kenje</i>
<i>кärт-</i> 'делать зарубку'	<i>kerçi-</i>
<i>көк</i> 'голубой'	<i>köke</i>
<i>мәнч</i> 'родинка'	<i>mengge</i>
<i>өң</i> 'цвет', 'перёд', 'лицо'	<i>öngge</i>
<i>саб-</i> 'доить'	<i>saça-</i>
<i>сак-</i> 'охранять, стеречь'	<i>saki-</i>
<i>сач-</i> 'разбрасывать, рассеивать'	<i>saçu- ~ saçi-</i>
<i>сәз-</i> 'чувствовать, ощущать'	<i>sere-</i>
<i>сiк-</i> 'давить', 'нажимать'	<i>siya-</i> 'забивать'
<i>сiң-</i> 'впитываться'	<i>šingge-</i>
<i>сөк-</i> 'ругать, бранить'	<i>söge-</i>
<i>сөн-</i> 'гаснуть'	<i>sönü-</i>
<i>түн</i> 'ночь'	<i>tüne</i> 'темный'
<i>ук-</i> 'понимать'	<i>uxa-</i>
<i>ул</i> 'основание', ' подошва'	<i>uła</i>
<i>үрк-</i> 'бояться, пугаться'	<i>ürgü-</i>
<i>чак-</i> 'высекать огонь'	<i>çaqi-</i>
<i>чiш-</i> 'испражняться'	<i>čiči-</i>
<i>чок-</i> 'стучать', 'клевать'	<i>čoki-</i>
<i>чөк-</i> 'опускаться на колени'	<i>čöke-</i>

И в этом случае совершенно очевидно отсутствие регулярной соотносимости односложных корней, содержащих долгие гласные, с двусложными.

Наблюдаемые в тюрко-монгольских параллелях структурно-фонетические расхождения в традиционной алтаистике служат основанием для вывода об относительной древности монгольских языков и об утрате в тюркских языках конечных гласных.³⁷⁸ Понятно, чтобы говорить об

³⁷⁸ См.: G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I, стр. 152—156; Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, стр. 323, 324; Н. Н. Попе. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам, IV, стр. 422—424; W. Van g. Manichäische Erzähler. «Le Muséon», XLIV, Louvain,

утрате конечных гласных, необходимо предварительно доказать, что корни с открытым типом слога для тюркских языков не терпимы. Пытаясь найти выход из затруднительного положения, Н. Н. Поппе решил считать все тюркские корневые слова с открытым вторым слогом древними заимствованиями из монгольских языков, например: монг. *janggi* 'новость' > тюрк. *jaŋŋi*.³⁷⁹ Необоснованность такого решения настолько очевидна, что нет надобности специально обсуждать его.

В своей последней работе В. Котвич впервые высказал точку зрения, прямо противоположную традиционной: тюркские формы (без конечного гласного) — древнейшие, монгольские (с конечным гласным) — более поздние. Появление дополнительного гласного в монгольских формах объясняется В. Котвичем как следствие приспособительных фонетических изменений, вызванных необходимостью структурного освоения заимствованных слов.³⁸⁰

В самом деле значительное число тюркских корней, приведенных выше, оканчивается на согласные *k* (*к*), *ш*, *ч*, *з*, *т*, которые для древнемонгольского языка или, по крайней мере, для одного из его диалектов были «противопоказаны».

Не только односложные, но и многосложные слова с указанными согласными в абсолютном конце и в конце слога имеют в качестве параллелей в монгольском письменном языке структурные варианты с дополнительными гласными, ср.

др.-тюрк.	монг.-п., др.-монг.
<i>ajak</i> 'чаша'	<i>ajaya</i>
<i>бyтpа-</i> 'расходиться, рас- сеиваться'	<i>butara-</i>
<i>жалавач</i> 'посол'	<i>jalavači</i> — и. собств.
<i>jüräk</i> 'сердце'	<i>jirüke</i>
<i>катйъ</i> 'твердый, крепкий'	<i>xatayu</i>
<i>кйлинч</i> 'поступок'	<i>kilinče</i> 'проступок, греховное деяние'
<i>көпрүк</i> 'мост'	<i>kögürge</i>
<i>көмүлдүрүк</i> 'нагрудный ре- мень' (у лошади)	<i>kömüldürge</i>

1931, стр. 32, 33; S. M u r a y a m a. Einige Formen der Stammverkürzung in den altaischen Sprachen. «Oriens», XI, 1—2, Leiden, 1958, стр. 224, 225; U. P o s c h. Die altaische Sprachverwandtschaft — Theorie oder Hypothese? Handbuch der Orientalistik, Erste Abteilung, V, 2, Leiden, 1964, стр. 23—25. — Не являющийся сторонником алтайской гипотезы Г. Дёрфер также допускает утрату в тюркских языках конечного гласного, например: др.-тюрк. *ант* 'клятва' (<*андä), *аб* 'охота' (<*абä), *боз* 'серый' (<*бозä), *коч* 'баран' (<*кочä), *көк* 'голубой' (<*көкё), *саб-* 'дойть' (<*сабä-), *кон-* 'почевать' (<*конä-), *азйъ* 'клык' (<*азäбä), *балйк* 'город' (<*балäкä), *ajak* 'чаша' (<*ajakä) и т. д. См.: G. D o e r f e r. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen, I. Mongolische Elemente im Neupersischen, стр. 97—102.

³⁷⁹ Н. Н. П о п п е. Чувацкий язык и его отношение к монгольскому и турецкому языкам, IV, стр. 423.

³⁸⁰ W. K o t w i c z. Studia nad językami altajskimi. RO, XVI, 1953, стр. 19. — По мнению К. Томсена, сочетания *aya*, *ege*, *igi*, *oyo*, *ögö*, *uyu*, *ügü* в монгольском письменном языке не указывают на первоначальную двусложность и служат чисто графическим обозначением вторичной долготы гласных, ср. др.-тюрк. *kap-* 'закрывать', монг.-п. *qaya-*, ордос. *xä-*, др.-тюрк. *саб-* 'дойть', монг.-п. *sayu-*, ордос. *sä-*. Отсюда монг.-п. *буyуpа* 'верблюд-самец' = *büra*, *тоyорay* 'земля, почва' = *tōray*, *çigiray* 'крепкий' = *çīray* и т. д. См.: K. T h o m s e n. Zwei türkisch-mongolische Korrespondenzreihen. Aspects of Altaic civilization. Proceedings of the fifth meeting of the permanent international Altaic conference held at Indiana university, June 4—9, 1962, Uralic and Altaic Series, 23, Bloomington, 1963, стр. 235—237.

<i>küclä-</i> 'совершать наси- лие'	<i>küčile-</i>
<i>miträ-</i> 'дрожать'	<i>čičire-</i>
<i>улаб</i> 'вьючное животное', 'почтовый транспорт'	<i>улага</i>

Среди слов с дополнительными гласными много таких, заимствование которых монголами подтверждается историческими источниками или анализом морфологического состава и вокализация которых, следовательно, — чисто монгольское явление.

Для выяснения природы дополнительных гласных в монгольском письменном языке важное значение имеет учет структурного своеобразия корневых слов и морфологических элементов. Это своеобразие заключается прежде всего в том, что имена оканчиваются в основном на сонанты, глаголы — на гласные, аффиксы — на те и другие.

Таким образом, весьма вероятно существование в древнемонгольском языке закона открытого слога или закона, устанавливавшего определенные ограничения для согласных в конце слога. нечто подобное обнаружено в дунсянском языке, в котором преобладают открытые слоги, а в конце закрытых слогов выступают преимущественно *ң* и *н*.³⁸¹

Резюмируем все сказанное выше.

Хотя вопрос о происхождении дополнительных гласных во многих конкретных случаях остается пока открытым, ясно, что ставить первичную долготу гласных в тюркских языках в зависимость от возможности восстановления дополнительного слога нельзя.

В настоящее время трудно опровергнуть широко распространенный взгляд на древний тюркский корень как моносиллабический. Односложные корни составляют значительную часть словарного состава современных тюркских языков, и односложными являются наиболее древние слова, ср. тур. *gök* 'небо', *aj* 'луна', *jör* 'земля', *su* 'вода', *ot* 'огонь', *kar* 'снег', *buз* 'лед', *gün* 'день', *tün* 'ночь', *jē-* 'есть', *iç-* 'пить', *бар-* 'идти', *gīt-* 'уходить', *gāl-* 'приходить', *al-* 'брат', *vär-* 'давать', *дур-* 'стоять', *јат-* 'лежать', *доб-* 'рождаться', *өл-* 'умирать', *тут-* 'держат' и т. д.

III. Так как невозможно возвести первичные долгие гласные в тюркских языках к сочетаниям типа Г+С+Г или объяснить их возникновение вознаграждительным удлинением, то не остается ничего иного,³⁸² как предположить, что первичная долгота развилась в результате процессов, происходивших внутри слога.

Тюркский односложный корень имеет несколько структурных разновидностей: Г (*a*), Г+С (*am*), Г+С+С (*art*), С+Г (*ma*), С+Г+С (*mat*) и С+Г+С+С (*mart*). При сравнительно небольшом количестве гласных и согласных богатство лексического состава в протоязыке достигалось за счет слогового сингармонизма (твердорядные односложные корни противопоставлялись мягкорядным).

Как известно, качественное разнообразие гласных и согласных в пределах слога способствует образованию количественных различий. К числу факторов, влияющих на количественную сторону гласных, относятся степень их открытости (узкие / широкие), способ образования согласных

³⁸¹ См.: Б. Х. Т о д а е в а. Дунсянский язык. М., 1961, стр. 18. Ср. у Н. Н. Поппе: «Многие слова, оканчивающиеся в монгольском письменном языке и в известных нам наречиях на согласный, в дагурском часто принимают на конце *ь*» (Н. Н. Поппе. Дагурское наречие. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР, 6, Л., 1930, стр. 116).

³⁸² Мы не принимаем в расчет гипотетический «индоевропейский» путь появления долготы: особенности распределения согласных в слоге препятствуют восстановлению в тюркском протоязыке ларингалных.

(взрывные / щелевые), место образования гласных (переднерядные / заднерядные), характер дополнительной артикуляции согласных (глухие / звонкие, ртовые смычные / носовые смычные) и т. д.³⁸³ Все названные факторы или большинство их безусловно присутствовали в тюркском протоязыке и оказывали влияние на длительность гласных, однако ни один из них не мог влиять таким образом, чтобы в конечном итоге обеспечить развитие количественной оппозиции гласных. Дело в том, что слоги, в которых восстанавливается первичная долгота, и слоги с краткими гласными имеют в начале и в конце одни и те же согласные и противопоставление по признаку долготы / краткости характерно для всех гласных: твердоядных и мягкорядных, неогубленных и огубленных, узких и широких. Следовательно, появление первичной долготы не могло зависеть от качественных особенностей соседних согласных и не было связано с качественными особенностями самих гласных.

На образование количественных различий влияет также структура слога: его открытость или закрытость. Чтобы выяснить возможность такого влияния в данном конкретном случае, необходимо установить, одинаково ли распределены первичные долгие гласные в перечисленных выше структурных разновидностях слога. Как показывают материалы современных и древних тюркских языков, долгие гласные встречаются в любой структурной разновидности слога. Однако характер соотношения долгих и кратких гласных далеко не одинаков и находится в зависимости от слоговой структуры. В тех разновидностях слога, которые оканчиваются на согласные, выступают и долгие и краткие гласные, в слогах типа Г и С+Г (открытые слоги) — только долгие гласные,³⁸⁴ ср.

- bā-* 'связывать, повязывать' (Тон₂₇, ThS II₁₉, КР 80₁, Suv 7₁₉), туркм.
bāḅ 'связка', якут. *bā* 'насилие';
bī 'лезвие' (Rach II 3₁₆₇, TT VIII A₁), якут. *bī*;
bī 'кобыла' (ThS II₇, МК III 206), якут. *bīš*;
bī (?) 'тарангул' (МК III 206);
bū 'этот' (QBN 23₂₄), туркм. *bū*;
bū 'пар' (МК III 206), туркм. *būḅ*;
ī 'запах', якут. *ī* 'острый едкий запах';
ī (?) 'растение' (Man I 9₁, 14₁₀);
jā 'лук' (QBN 38₁₄), якут. *sā*;
jā- 'есть' (МК III 67, QBN 12₇), якут. *siš*;
jī 'шов' (МК III 229), якут. *siḅ*;
jū- 'мыть' (МК III 66, Rach II 3₆), якут. *siḅj-*;
jū 'сок' (Rach I₁₅₃);
kā 1) 'сундук', 'ящик для пищи', 2) 'чрево', 3) 'складывать вместе, класть по порядку' (МК III 211, 249, QVK 140₆), якут. *xā* 'карман', 'сумка', 'чехол';
kū 'молва, весть' (КТб₁₂, МК III 212, Uig I 19₁₃);
kū- 'охранять, оберегать' (Tiš 50_a);
kī 'сухой коровий помет', якут. *kī*;
nā 'что', туркм. *nā*;
ō- (?) 'думать, размышлять' (КТм₈, МК I 11, QBN 110₁₄);
sā- 'считать' (МК III 247, QBN 432₂), туркм. *ḅāj-*, якут. *āx-*;
sī- 'ломать' (КТб₃₆, МК III 249, QVK 212₁₇), туркм. *ḅīn-* 'ломаться';
sū- 'тянуть, протягивать' (МК III 248), якут. *ūn-* 'вытягивать руку';

³⁸³ См.: P. Delattre. Some factors of vowel duration and their cross-linguistic validity. JASA, XXXIV, 8, 1962, стр. 1141—1143; E. Fischer-Jørgensen. Sound duration and place of articulation. ZPhon, XVII, 2—4, 1964, стр. 175—207.

³⁸⁴ Впервые на это указал О. Бётлингк (O. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten, стр. 37). Ср. также замечание И. Нейгард, о котором сообщает в своей статье А. Зайончковский (К вопросу о структуре корня в тюркских языках, стр. 35).

с̄ 'войско' (КТб₃₂, МК III 339, Суv 89₂₀, Уиг II 69₅);
т̄а (?) 'также, и' (Суv 13₂₀);
т̄э- 'говорить' (Тон₃₂, МК I 74), туркм. *di-*, якут. *di-*;
т̄и 'постоянно, всегда' (ТТ III₉₆);
т̄о (?) 'жидкая мучная похлебка' (МК III 207);
т̄у 1) 'вёрша, морда', 2) 'закрывать, загоразивать, запруживать'
 (Тон₂₃, МК III 247, QBN 18₆), якут. *т̄у*;
т̄ү 'волос', 'шерсть' (МК III 207, QVK 166₄, ТТ VII 23₃), якут. *т̄ү*
 'шерсть';
т̄ү 'каждый, всякий' (МК I 179, Суv 117₁₄);
ү 'сон' (Тон₂₇, МК III 247), якут. *ү*;
ү- 'мочь', 'выносить, выдерживать' (Е 59₁, МК I 43, QBN 244₁₃);
ч̄ 'роса' (МК III 207), туркм. *çib* 'влажный, сырой', якут. *с̄к̄*.

Сплошное проявление долготы в односложных словах, состоящих из согласного с гласным или из одного гласного, вообще говоря, может быть обусловлено действием закономерности относительного количественного равновесия слога: чем меньше качественных компонентов, тем больше длительность каждого из них. Но в данном случае действие указанной закономерности не являлось определяющим фактором количественного разграничения гласных, так как долгие гласные наблюдаются и в односложных словах с закрытым типом слога, ср. туркм. *ат* 'лошадь' и *āt* 'имя', *ач* 'открой' и *āç* 'голодный', *бар* 'иди' и *bār* 'есть', *көк* 'корень' и *gök* 'синий'.

Рассматривая слог как фундаментальную речевую единицу, в пределах которой протекают основные фонетические процессы, мы не должны забывать вместе с тем, что своеобразие слога не исчерпывается качественными особенностями составляющих его звуков и их дистрибуций. Слог характеризуется также наличием просодических явлений (тона, силы и количества), находящихся в единстве с его звуковой стороной.³⁸⁵ И хотя степень изученности тюркских языков не позволяет пока сделать хорошо обоснованные выводы по вопросу о фонологической значимости просодических явлений в протоязыке, можно тем не менее предположить, что на той стадии развития, когда господствовал моносиллабизм, большую роль играли слоговые акценты, которые, так же как и слоговой сингармонизм, являлись одновременно и различительным и разграничительным (делимитативным) средством.

Будучи принадлежностью слога в целом, слоговые акценты получали преимущественное выражение в выделении какого-либо одного слогового компонента или в способе соединения одного из них с другим.

Наиболее распространенный случай выделения слогового компонента — образование корреляции разновершинных слогов — вокально-вершинного и консонантовершинного, к которой, очевидно, и восходит общетюркская количественная оппозиция гласных. В слогах с вершиной на вокалической части развились долгие гласные, причем долгота гласных непременно сочеталась с краткостью последующих согласных, и наоборот, в словах с вершиной на консонантической части развились краткие гласные, краткость которых сочеталась с длительным, сильным произношением согласных,³⁸⁶ ср. *ām / aṁ* > *ām / aṁ* > *ād / am* (в азербайджанском языке количественная оппозиция гласных трансформировалась

³⁸⁵ См.: G. F. Meyer. Silbenkern und Sonorität. ZPhon, XVII, 2—4, 1964, стр. 369.

³⁸⁶ В связи с этим не лишено интереса сообщение Е. Д. Поливанова об акцентологической интерпретации противопоставления долгих и кратких гласных в туркменском языке самими носителями языка. «От туркмен пришлось мне слышать нелепую формулировку явления гласной долготы — в виде „ударения на гласном“ (*ja : z*) в противоположность „ударению на согласном“ (*jaz*). . .» (Е. Д. Поливанов. К вопросу об обще-турской долготе гласных, прим. к стр. 157).

в оппозицию слабых, лишенных придыхания, и сильных, аспирированных согласных, например: *ад* 'имя' / *ат* 'лошадь', *ај* 'голодный' / *ач* 'открой', *џаб* 'посуда, сосуд' / *џап* 'хватай, кусай'). Естественно, что для односложных слов с открытым типом слога возможность противопоставления двух просодических типов исключалась в виду отсутствия консонантической части, так что вершина всегда была на гласном. Именно поэтому в односложных словах с открытым слогом встречаются только долгие гласные.

Попутно следует отметить, что существование корреляции разновершинных слогов отразилось на характере слоговой структуры в пределах более крупных, чем слог, комплексных фонологических единиц. Так, в слогах с вершиной на вокалической части присоединение гласного способствовало большему ослаблению артикуляции согласного, в слогах же с вершиной на консонантической части оно обусловило появление геминат,³⁸⁷ ср. *ám* 'имя' — *ādī* 'его имя' / *ań* 'лошадь' — *amī* 'его лошадь'. В дальнейшем вследствие развития процессов агглютинации слоговые акценты уступили место словесному ударению с очень слабой централизующей функцией и произошли значительные изменения в фонетическом облике слогов. Тем не менее в некоторых языках, например в турецком, сохранилось противопоставление глухих и звонких смычных согласных в интервокальном положении, основывающееся на восходящем к протоязыку различии просодических типов слога, ср. *ат* 'имя' — *адī* 'его имя' / *ат* 'лошадь' — *amī* 'его лошадь', *от* 'огонь' — *оду* 'его огонь' / *от* 'трава' — *оту* 'его трава'.

Что касается способа соединения разных компонентов слога, в чем больше всего проявляется динамический признак слоговых акцентов, то он лег в основу корреляции примыкания³⁸⁸ (непосредственное примыкание гласного к последующему согласному / примыкание через посредство гортанного спиранта,³⁸⁹ так называемая прерывная корреляция³⁹⁰), следы которой сохраняются в тувинском языке в виде противопоставления «чистых» и «фарингализованных» гласных (ср. *ат* 'имя' / *ahm*³⁹¹ 'лошадь'). При этом «чистые» гласные тувинского языка соотносятся с общетюркскими долгими гласными, а «фарингализованные» — с краткими, ср.

тув.	<i>ат</i>	'имя'	/	<i>а'т</i>	'лошадь'
тюркм.	<i>āт</i>	»	/	<i>ат</i>	»

В поисках ближайших аналогий тюркским слоговым акцентам можно указать на два различных вида произношения слога в литовском языке: с плавным восходящим (Schleifton)³⁹² и толчкообразным нисходящим тоном (Stoŕton),³⁹³ на так называемый датский толчок (*stød*), предстар-

³⁸⁷ О связи геминации с ударением говорит, в частности, К. Г. Менгес. См.: К. Н. М е n g e s. *Qaraqalpaq grammar*, I, стр. 42. См. также: А. М а r t i n e t. *Du rôle de la gémination dans l'évolution phonologique*. *ZPhon*, XII, 1—4, 1959, стр. 225.

³⁸⁸ См.: Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии, стр. 242. Г. Дёрфер пытается сопоставить тувинскую «фарингализацию» с датским толчком (G. D o e r f e r. *Langvokale im Urmongolischen?*, стр. 16).

³⁸⁹ Теоретически допустима любая спирантная реализация опосредствованного примыкания, так как релевантным является не качество спиранта, а перерыв в голосе или пауза.

³⁹⁰ См.: Р. Я к о б с о н. К характеристике евразийского языкового союза, стр. 158.

³⁹¹ Так обозначал «фарингализацию» тувинский поэт О. К. Саган-оол (ср. *nahи* 'голова', *оһт* 'трава'). См.: Ф. Г. И с х а к о в, А. А. П а л ь м б а х. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология, стр. 24.

³⁹² Согласно предположению Г. Дёрфера, в тюркском протоязыке имелось три слоговых акцента: *Akut*, *Gravis* и *Schleifton*, и долгота развилась из последнего (G. D o e r f e r. *Langvokale im Urmongolischen?*, стр. 16, 17).

³⁹³ См.: А. S c h m i t t. *Schleifton und Stoŕton*. *ZPhon.*, IV, 1—2, 1950, стр. 90—105; П. С. К у з н е ц о в. О качестве ударения как признаке отдельных слоговых фонем. Сб. статей по языкознанию, М., 1961, стр. 155—160.

ляющий собой особую разновидность динамического акцента,³⁹⁴ а также на шведско-норвежскую и центральнобаварскую просодическую оппозицию длительности, основывающуюся на различии двух ритмических типов долгого слога — начальновысшего и конечновысшего.³⁹⁵ Особого внимания заслуживают материалы саамского языка. «Исследование западносаамского, так же как и южносаамского, — отмечает Э. Лагеркранц, — показало, что саамский язык стремится образовать в каждом слове вершину либо в вокализме корня, либо в консонантизме, которая проявляется как в продолжительности, так и в качестве звука. Благодаря этому между вокалическим и консонантическим элементами возникает контрастирующая корреляция. Чем длиннее вокализм корня, тем короче консонантизм, и наоборот».³⁹⁶

О РАЗВИТИИ ТЮРКСКОГО ВОКАЛИЗМА

I. Почти сто лет назад И. Грунцель высказал предположение, что первоначально в алтайских (resp. урало-алтайских) языках было три гласных звука (*a*, *i*, *y*), позднее появились еще два (*ä*, *ÿ*) и уже после распада алтайского праязыка произошла дивергенция сначала $y \left(\begin{smallmatrix} o \\ y \end{smallmatrix} \right)$ и $\dot{y} \left(\begin{smallmatrix} \ddot{o} \\ \dot{y} \end{smallmatrix} \right)$, а затем $i \left(\begin{smallmatrix} \ddot{i} \\ i \end{smallmatrix} \right)$.³⁹⁷ Таким образом, в истории алтайского вокализма И. Грунцель устанавливает четыре этапа:

I	II	III	IV
<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
	<i>ä</i>	<i>ä o ö</i>	<i>ä ö o</i>
<i>i y</i>	<i>i ÿ y</i>	<i>i ÿ y</i>	<i>i i ÿ y</i>

из которых два последних совпадают со временем существования праязыков отдельных групп: тюркского, монгольского и т. д., а два первых рассматриваются как их древнейшее (общеурало-алтайское, или протоязыковое) состояние.

К более радикальным выводам пришел Я. ван Гиннекен, заявивший, что в урало-алтайском праязыке не было гласных вообще и что в западных тюркских языках (казахском, киргизском, башкирском, татарском, туркменском) вплоть до недавнего времени корни содержали только согласные, принадлежавшие к четырем тембровым группам (нейтральные, смягченные, лабио-веляризованные и лабиализованные смягченные), в то время как в аффиксах имелись два близких к гласным звука (ларингальные), соответствовавшие двум крайним ступеням открытости — максимальной (широкий) и минимальной (узкий). Под влиянием тембра согласных корня аффиксальные квази-гласные получили четырехвариантную фонетическую реализацию. Затем каждая из двух ступеней открытости была соотнесена с одним из четырех тембров согласных, в результате чего появилось восемь гласных. В дальнейшем эта система стала использоваться и в корнях.³⁹⁸ Длительность гласных Я. ван Гиннекен рассма-

³⁹⁴ См.: S. S m i t h. Contributions to the solution of problems concerning the danish stød. Nordisk Tidsskrift for Tale og Stemme, VIII, Copenhagen, 1944, стр. 6.

³⁹⁵ С. Д. К а ц н е л ь с о н. Сравнительная акцентология германских языков. М.—Л., 1966, стр. 85, 214; Cl. E l e r t. Phonologic studies of quantity in Swedish. Uppsala, 1964, стр. 34.

³⁹⁶ E. L a g e r s r a n t z. Strukturtypen und Gestaltwechsel im Lappischen. MSFOu, LVII, 1927, стр. 13, 14.

³⁹⁷ J. G r u n z e l. Die Vokalharmonie der altaischen Sprachen, стр. 1—42.

³⁹⁸ J. v a n G i n n e k e n. La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité. Amsterdam, 1939, стр. 50, 51. Точку зрения Я. ван Гиннекена в общелингвистическом плане разделяет Р. Якобсон (R. J a k o b s o n. Les lois phoniques du langage enfantin et leur place dans la phonologie générale. Selected writings, I. 's-Gravenhage, 1962, стр. 325, 326). См. также: В. М а l m b e r g. Remarks on a recent contri-

тривает как подражание («imitation servile») геминации согласных.³⁹⁹

По мнению И. Крамского, учитывающего особенности графической системы рунических памятников (наличие четырех знаков для гласных, употребление которых не обязательно; многообразное обозначение некоторых согласных) и допускающего возможность отождествления звуковой системы тюркского праязыка со звуковой системой языка орхон-енисейских рунических надписей, тюркский праязык являлся переходной ступенью от периода, когда гласные существовали в виде особых дифференциальных признаков согласных, к периоду, когда они стали самостоятельными звуками.⁴⁰⁰

Все другие точки зрения на историю тюркского вокализма представляют собой развитие идей И. Грунцеля, Я. ван Гиннекена и И. Крамского и отличаются одна от другой лишь несущественными моментами. Так, М. А. Черкасский считает, что доорхонская система тюркского вокализма была треугольной (ср. у И. Грунцеля):

$$\begin{array}{cc} i & y \\ & a, \end{array}$$

что орхонский вокализм следует рассматривать как четырехчленный:

$$\begin{array}{cc} i & y \\ a & \dot{y} \end{array}$$

и что в послеорхонский период каждая из четырех «орхонских» гласных фонем разделилась на две. Главным и единственным аргументом в пользу интерпретации орхонского вокализма как системы, состоящей из четырех гласных, у М. А. Черкасского являются «данные орхонского письма».⁴⁰¹ М. Моллова, подчеркивая конструктивный характер попыток установить зависимость гласных от согласных в диахроническом плане,⁴⁰² высказывает предположение, что «в эпоху существования тюркского праязыка или еще более отдаленную эпоху фонологической единицей был слог. Лексические единицы состояли из силлабофонем, где гласные и согласные фонологически не различались», и что позднее образовались согласные, которые и стали «основными фонологическими дифференциаторами. Гласные же еще не были фонемами, и обособление гласных как фонем происходит не одновременно с согласными, а после них». «Подтверждение этому, — по мнению М. Молловой, — можно найти, анализируя: 1) экспрессивно-стилистические и семантические параллелизмы; 2) гласные в рунической письменности; 3) явление сингармонизма; 4) нейтральные гласные».⁴⁰³

Сходной, но не зависимой от идей И. Грунцеля, Я. ван Гиннекена и И. Крамского, является точка зрения И. А. Батманова, постулирующего четырехгласный состав орхон-енисейского вокализма и говорящего о примате согласных над гласными только на основе анализа орхон-енисейского алфавита.⁴⁰⁴

II. Мысль И. Грунцеля о постепенном увеличении количества гласных находит подтверждение в результатах исследования некоторых конкретных языков, а также в данных, относящихся к развитию языка

bution to the problem of the syllable. *Studia Linguistica*, XV, 1, Lund—Copenhagen, 1961, стр. 7.

³⁹⁹ Там же, стр. 9, 58.

⁴⁰⁰ J. K r á m s k ý. Über den Ursprung und die Funktion der Vokalharmonie in den uralaltaischen Sprachen, стр. 126—127.

⁴⁰¹ М. А. Ч е р к а с с к и й. Тюркский вокализм и сингармонизм, стр. 107.

⁴⁰² М. М о л л о в а. К истории тюркского вокализма, стр. 56—58.

⁴⁰³ Там же, стр. 59.

⁴⁰⁴ И. А. Б а т м а н о в. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, стр. 32.

у детей и к явлениям расстройства речи.⁴⁰⁵ Однако в самих тюркских языках никаких следов перехода от трехчленного состава гласных к пятичленному, а затем к семи- и восьмичленному обнаружить не удастся.

Попытка Я. ван Гиннекена сократить ту огромную дистанцию, которую прошла в своем развитии фонетическая система тюркских языков, ничем не обоснована. Явно противоречит действительным фактам тюркской языковой истории выделение им в качестве основы для развития гласных подсистем аффиксального вокализма, который в действительности сам формировался под влиянием гласных корня. Явления, подобные уйгурскому умлауту, когда вокализм корня на самом деле испытывает сильное влияние аффиксальных гласных, в тюркских языках встречаются редко, и их позднее возникновение не вызывает сомнений.

Не подтверждается и исходная общелингвистическая посылка концепции Я. ван Гиннекена, согласно которой звуки во всех языках первоначально имели вид кликсов. Так, Р. Якобсон указывает, что гипотеза, устанавливающая первичность кликсов, отвергается практикой лингвистических исследований: в большинстве языков мира кликсы отсутствуют, в то время как обычные согласные (*non-click consonants*) универсальны; по наблюдениям специалистов, в детском языке банту и готтентотов кликсы появляются в числе последних звуков.⁴⁰⁶

Особенности графики, на которые ссылаются И. Крамский, М. А. Черкасский и другие, не позволяют говорить с достаточной определенностью о фонологической системе древнетюркского языка. Руническое, уйгурское, манихейское и арабское письмо располагали ограниченным количеством знаков для гласных, и они были, как правило, полифонными, так что по количеству их невозможно судить о составе звуков. Достаточно обратиться к тюркским глоссам из Восточного Туркестана, записанным брахми, который имел большое количество знаков для передачи гласных, чтобы иллюзия четырехчленности древнетюркского вокализма полностью рассеялась. Брахми строго разграничивает гласные *o* и *y*, *ö* и *ü*, ср. *ол* 'тот', *от* 'огонь', *оз* 'спасаться', *орто* 'середина', *он* 'десять', *у* 'сон', *уд* 'корова', *ук* 'понимать', *уз* 'искусный', *ö-* 'думать', *ög* 'мать', *öl-* 'умирать', *öz* 'сам', *үч* 'три', *үлүш* 'часть, доля', *үр* 'долго', *үстүн* 'сверху' и т. д., а также *ä*, *ë* и *i*, например: *пәрк* 'крепкий, прочный', *пәлгү* 'знак, признак', *бәш* 'пять', *пәр-* 'давать', *бир* 'один', *бил-* 'знать'. В текстах брахми отсутствует лишь графическое разграничение *ï* и *i*, так как не было специального знака для тюркского *ï*. Судя по приведенным примерам, древнетюркский вокализм очень близок к современному, и это вполне согласуется с прочно укоренившимся в традиционной тюркологии представлением, что со времени составления орхоно-енисейских надписей в фонетике и морфологии тюркских языков существенных изменений не произошло. Что касается замечания И. Крамского о обязательном употреблении знаков, обозначающих гласные в рунических текстах, то оно нуждается в некоторых коррективах. Для упомянутых текстов характерно довольно строгое соблюдение орфографических норм (в первом слове и в середине слова обозначение *a*, *ä* обычно отсутствует, а в конце слова является обязательным; гласные *o*, *ö*, *y*, *ü*, *ï*, *i* в первом слове и в ауслауте почти всегда обозначены), и пропуск знака — не свидетельство отсутствия самостоятельности гласного, а всего лишь орфо-

⁴⁰⁵ Система с минимальным составом вокализма, устанавливаемая Р. Якобсоном для детского языка (*a/i/y*), полностью совпадает с системой гласных, реконструированной И. Грунцелем для урало-алтайского праязыка. См.: R. Jakobson. *Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze. Selected writings, I.* 's-Gravenhage, 1962, стр. 358.

⁴⁰⁶ R. Jakobson. *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics. Selected writings, I.* 's-Gravenhage, 1962, стр. 531.

графический прием. Трудно интерпретировать особенности рунического алфавита и как отражение состояния тюркского вокализма в предорхонский период. Для этого необходима полная уверенность в тюркском происхождении рунического письма или по крайней мере в продолжительности его традиции у тюрков.

Примеры экспрессивно-стилистических параллелизмов, используемые М. Молловой (ср. тур. *patırdı* 'шум, треск', *pitırdı* 'слабый шум'), у которых выразительная сторона мотивирована обозначаемым, образуют внутри языка совершенно особую, автономную группу, а парные сочетания, так называемые слова-дублиеты, с произвольным изменением звуков, представляют действующий словообразовательный прием,⁴⁰⁷ сущность которого заключается в нарочито неточном дублировании полнозначной лексемы, ср. казах. *şakır-şuķır* 'шум', *şöñ-mön* 'трава и т. п.', *balık-malık* 'рыба и т. п.', *malık-sılık* 'оружие и т. п.'; узб. *эт-мэт* 'лошади и все прочее', *чэј-пэј* 'чай и всякие мелочи'; уйг. *җачір-буҷур* 'скрип, скрежет'. При этом второй компонент дублиетных сочетаний создается изменением и гласных и согласных, и если быть последовательным, то необходимо рассматривать приведенные примеры как реликт слабой фонологической дифференциации не только гласных, но и согласных.

Когда Я. ван Гиннекен указывает, что для казахов, киргизов, башкиров гласные нейтральны и выступают в качестве зависимых вариантов, а согласные корня являются единственными носителями различных тембров,⁴⁰⁸ и что, таким образом, гармонируют согласные, а не гласные, он слишком односторонне воспринимает и несколько преувеличивает существующую и в настоящее время синтагматическую взаимообусловленность тембра гласных и согласных в пределах слога и слова (Р. Якобсон, например, с большим основанием говорит о единой тембровой окраске слогов).⁴⁰⁹ Что касается парности графической передачи согласных в рунических надписях, то она весьма непоследовательна, и едва ли ошибался В. Томсен, который видел в ней прием обозначения тембра соседних гласных и отмечал, что «собственный звук согласного был, несомненно, в большинстве случаев совершенно одинаков».⁴¹⁰

На вопрос о том, не являются ли нейтральные гласные в тюркских языках остатками неопределенных гласных, следует дать отрицательный ответ. Практически нейтральным может быть только нелабиализованный узкий гласный и главным образом в тех языках, которые подверглись сильному влиянию извне и в значительной мере отошли от обычного тюркского типа. Попутно заметим, что тенденция к образованию нейтральных гласных на протяжении всего периода истории тюркских языков, засвидетельствованного письменными памятниками, представляется скорее усиливающейся, чем ослабевающей.

III. Наши замечания и возражения не опровергают широко распространенное в последнее время положение о том, что смешанная (дифференцированная) консонантно-вокальная фонологическая система является вторичной, возникшей из синкретической (недифференцированной) системы. Есть основания думать, что в истории тюркских языков была такая эпоха, когда слог, или, точнее, односложное слово выступало как целостная различительная единица (силлабема),⁴¹¹ характери-

⁴⁰⁷ См.: С. К е н е с б а е в. О трансформированном повторе в казахском языке. Сб. «Вопросы тюркологии», Ташкент, 1965, стр. 34—38.

⁴⁰⁸ Ук. соч., стр. 50.

⁴⁰⁹ Р. Я к о б с о н. К характеристике евразийского языкового союза, стр. 174.

⁴¹⁰ Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par V. Thomsen. MSFOu, V, 1896, стр. 17.

⁴¹¹ Впервые этот термин был использован в кн.: А. И. И в а н о в и Е. Д. П о л и в а н о в. Грамматика современного китайского языка. М., 1930, стр. 5, 146 и сл.

зубаем наличием одного определенного тембра (слоговой сингармонизм).⁴¹² Однако мы не располагаем никакими достоверными фактами, которые бы позволяли говорить о выделении тюркских гласных из согласных или утверждать, что сначала в слоге выделились согласные, а «обособление гласных как фонем происходит не одновременно с согласными, а после них» (см. у М. Молловой).

Система гласных в тюркских языках необычайно развита, причем праязыковое состояние ее, реконструируемое при помощи сравнительного метода, мало чем отличается от современного. Здравый смысл подсказывает, что такая система могла сложиться лишь на ранних этапах развития упомянутых языков.

Важным свидетельством раздельности тюркских гласных и согласных с древнейшей поры является наличие разных слоговых акцентов, выделявших вокальную или консонантическую часть слога и лежащих в основе общетюркской количественной оппозиции гласных и противопоставления «чистых» и «фарингализованных» гласных в тувинском языке. Пожалуй, нет надобности доказывать, что интерпретация слога как синкретической единицы, состоящей из согласного с определенной тембровой окраской и лишённого гласного, несовместима с признанием разновершинности древнетюркского слогового ударения, ср.

	* <i>ōt</i> 'огонь' / * <i>ot̄</i> 'трава'			
туркм.	<i>ōt</i>	»	/ <i>ot</i>	»
азерб.	<i>od</i>	»	/ <i>ot'</i>	»
тув.	<i>ot</i>	»	/ <i>o't</i>	»

Ср. также: турецк. *odu* 'его огонь' / *otu* (**ottu*) 'его трава'.

Особенно примечателен факт существования корней, состоящих из одного гласного, ср. др.-тюрк. *ū* 'сон', *ī* 'растение', *ū-* 'мочь', 'быть в состоянии', *ō-* 'думать', *ī* 'запах', *ā* — междометие, выражающее удивление. Ничто не указывает на утрату ими каких-либо согласных или слогов: именно в таком фонетическом облике они зафиксированы в древнейших тюркских текстах и в таком виде восстанавливаются их праформы. Разумеется, что при наличии корней, состоящих из одного гласного, невозможно говорить об отсутствии самостоятельности гласных и их зависимости от согласных. Являются ли подобные корни изначальными или образовались некогда в результате изменения иных структурных форм, сказать трудно, да это и не важно. Существенно то, что они очень древние, и, следовательно, различие тембров и ступеней полнозвучности (=открытости) составляющих их гласных восходит к глубокой древности.

⁴¹² Р. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза, стр. 174, 187.

Глава II

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГЛАСНЫХ

Переходя к характеристике фонетической эволюции пратюркских гласных, отметим, что в целом она незначительна, если не считать чувашского языка, в котором при почти полном сохранении праязыковой системы противопоставлений многие гласные существенно изменились.

Чтобы понять причины некоторых, регулярно проявляющихся несоответствий в отражении одних и тех же гласных, необходимо иметь в виду, что еще на стадии существования общетюркского языка долгие и краткие гласные имели неодинаковую фонетическую репрезентацию не только в количественном, но и в качественном отношении: аллофонами кратких гласных были, как правило, монофтонги, отражения которых в современных тюркских языках довольно однообразны; долгие же гласные могли реализоваться и в монофтонгах и в дифтонгах,¹ причем широкие гласные — главным образом в восходящих дифтонгах, а узкие — в нисходящих, ср.

\bar{a}	\bar{o}	$\bar{ä}$	$\bar{ö}$	\bar{y}	\bar{i}	\bar{y}	\bar{i}
$i\bar{a}$	$y\bar{o}$	$i\bar{ä}$	$y\bar{ö}$	$y\bar{i}$	$i\bar{i}$	$y\bar{i}$	$i\bar{i}$

В одних диалектах праязыка дифтонгизация долгих представляла собой редкое факультативное явление и не оказала никакого влияния на происходившие в них фонетические процессы, в других она приобрела характер закономерности и оставила заметный след. Следы этого процесса можно обнаружить и в современных тюркских языках. Так, в якутском языке имеются дифтонги $i\bar{ä}$, $y\bar{o}$, $y\bar{ö}$, восходящие соответственно к пратюркским $*\bar{a}$, $*\bar{o}$ и $*\bar{ö}$, ср. $bi\bar{ä}s$ 'пять' (< $*n\bar{ä}u$), $bi\bar{ä}r-$ 'давать' (< $*n\bar{ä}r-$), $suol$ 'дорога' (< $*\bar{ö}l$), $k\bar{y}öx$ 'синий' (< $*k\bar{ö}k$); в тофаларском (карагасском) — ai , $äi$, $öi$, $y\bar{i}$, ср. $ta\bar{i}u$ 'камень' (< $*t\bar{a}u$), $b\bar{ä}i$ 'пять' (< $*n\bar{ä}u$), $d\bar{ö}i$ 'грудь' (< $*t\bar{ö}u$), $y\bar{i}u$ 'три' (< $*y\bar{i}u$).² В туркменском языке встречается дифтонг $y\bar{i}$, восходящий к $*\bar{y}$, ср. $\bar{d}y\bar{i}t$ 'молоко' (< $*s\bar{y}t$), $g\bar{y}i\bar{d}$ 'осень' (< $*k\bar{y}c$), $d\bar{y}i\bar{u}$ 'сон' (< $*t\bar{y}u$).³ Кроме того,

¹ См.: Н. Р e d e r s e n. Türkische Lautgesetze, ZDMG, LVII, 1903, стр. 555, 556; L. L i g e t i. Les voyelles longues en turc, JA, CCXXX, 1938, стр. 195; E. K a r a h k a. Zur Frage nach ursprünglichen Vokallängen im Tschuwassischen, StO, XIV, 1950, стр. 9.

² М. А. Castrén's Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre. SPb., 1857, стр. 2, 88, 117, 126.

³ См.: А. П. П о ц е л у е в с к и й. 1) Диалекты туркменского языка. Ашхабад, 1936, стр. 31, 32; 2) Фонетика туркменского языка. Ашхабад, 1936, стр. 30.

в туркменском языке, по-видимому, существовал дифтонг *iə* (< **ā*), который дал вторично монофтонгическую долготу в своеобразном отражении (*i*), ср. *gīñ* 'широкий' (< **kāñ*), *gījə* 'ночь' (< **kāčā*). В говорах узбекского языка отмечены отдельные случаи дифтонгизации долгих узких гласных, например: *kīiz* 'девушка' (< **kīs*), *diim* 'зуб' (< **mīu*).⁴ Тенденция к реализации долгих гласных в виде дифтонгов проявлялась также на одном из этапов развития чувашского языка. Об этом свидетельствуют такие формы, как: *kāvak* 'синий' (ср. якут. *kjōx* < **kōk*), *tāvāt* 'четыре' (ср. якут. *tjōrt* < **tōrt*), *tāvār* 'соль' (ср. якут. *tjūs* < **tjūs*), *nāvārlā* 'бурый' (< **nōs...*), *avāt-* 'петь' (о птицах) (ср. якут. *jōt-* 'ворковать' < **ōt-*), *s'avāt-* 'вести' (ср. якут. *siēt-* < **ōāt-*), *kāvār* 'горящие угли, жар' (< **kōs*).⁵

Своеобразие фонетической реализации пратюркских долгих гласных обусловило качественную многовариантность их рефлексов в современных тюркских языках. Так, например, краткий широкий гласный мягкого ряда отразился в турецком языке в *ə*, тогда как долгий — в *ē* и *i*, ср. *il* 'административная единица' (< **āl*), *ən* 'ширина' (< **ān*), *git-* 'уходить' (< **kāt-*), *eḡr-* 'давать' (< **nār-*); ср. также: якут. *siṛ-* 'чувствовать отвращение, презирать' (< **ḡār-*), туркм. *īr-*, казах. *ḡār-* и т. д. Краткий широкий лабиализованный гласный в тувинском, туркменском и многих других тюркских языках сохранился без изменений, соответствующий долгий же дал два рефлекса: широкий и узкий, ср. туркм. *ōn-* 'расти' (< **ōn-*), тув. *ūn-*, якут. *ūn-*; туркм. *ōbl-* 'наполняться', кум. (диал.) *tuḡl-* и т. д.

К сожалению, не всегда удается установить, каким был этимологический гласный в количественном отношении, особенно в многосложных словах; и все же имеющихся фактов достаточно, чтобы сделать определенный вывод о своеобразном качественном отражении первичной долготы в некоторых современных тюркских языках.

*/*a/* — азерб., алт., балк., гаг., казах., кар., кирг., к.-калп., кум., ног., тур., туркм., уйг., хак., шор., якут. *a*.

В башкирском и татарском языках гласный, восходящий к **a*, приобрел огубленность, в первом — в меньшей мере,⁶ во втором — в большей.⁷ Максимальная (хотя вообще и небольшая) степень огубленности может быть отмечена в узбекском языке, в котором **a* отразился в виде *ə* (открытый *o*), ср. *ət* 'лошадь', *bəsh* 'голова', *əl-* 'брат', *bər-* 'идти', *təp-* 'находить' и в виде продвинутого вперед *a* (*ā*), с вариациями от *a* до *ä*,⁸ преимущественно в словах, заимствованных из арабского и персидского языков, ср. *kānd* 'сахар', *kārər* 'постановление', *ägär* 'если', *āsar* 'произведение', *māslāhāt* 'совет', *kāltā* 'короткий'.

⁴ См.: Е. Д. Поливанов. Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка. Изв. АН СССР, VII серия, Отделение гуманитарных наук, 1929, № 7, стр. 533.

⁵ По свидетельству Л. П. Сергеева, в моргаушском говоре чувашского языка в соответствующих словах вплоть до настоящего времени выступают дифтонги (ср. *тоар* 'соль', *коар* 'уголь'). См.: Л. П. Сергеев. Основные особенности моргаушского говора. МЧД, I, 1960, стр. 150—151. Ср. также в говорах сундырцев и ишлейцев верхнего диалекта. См.: А. С. Каникова. Некоторые фонетические и лексические особенности чувашских диалектов. ВДТЯ, II, Баку, 1960, стр. 192.

⁶ Как отмечает Д. Г. Киекбаев, огубленный *a* характерен для отдельных башкирских говоров, смежных с татарскими, и встречается лишь в первом безударном слоге многосложных слов, например: *āltın* 'золото', *bālīk* 'рыба', *kāldī* 'он остался'. См.: Д. Г. Киекбаев. 1) Фонетика башкирского языка (Опыт описательного и сравнительно-исторического исследования). АДД. М., 1959, стр. 9; 2) Башкорт теленең фонетикасы. Офе, 1958, стр. 24 и сл.

⁷ См.: Л. Жәләй. Татар теленең тарихи фонетикасы буенча материаллар. Казан, 1954, стр. 25 и сл.

⁸ В. В. Решетов. Узбекский язык, I. Введение. Фонетика. Ташкент, 1959, стр. 114.

В тувинском и тофаларском языках на месте **a* перед всеми согласными, кроме сонорных (сверхслабых), развился «фарингализованный» гласный *a'*, долгий, полудолгий или краткий.⁹

В некоторых словах тувинского и якутского языков **a* отразился в узком гласном (*i'* и *i*), ср. тув. *tī'n-* 'находить' (< **tan-*), *tīrt-* 'тащить' (< **tart-*), *ci'n* 'рукоятка' (< **can*), *čī't* 'лежать' (< **čat-*), *dīrβak* 'гребенка' (< **tarβak*), *čīrīk* 'свет' (< **čarīk*), *kīlīn* 'толстый' (< **kalīn*), *kīmčī* 'кнут' (< **kamčī*), *xīrīn* 'желудок' (< **karīn*), *čīnšīn-* 'приклеиваться' (< **čanšīn-*); якут. *ci't-* 'лежать' (< **čat-*), *it-* 'стрелять' (< **at-*), *il-* 'брат' (< **al-*), *ci'rđīk* 'свет' (< **čartīk*), *kīmč'i* 'кнут' (< **kamčī*), *kītar-* (*kīt-ar-*) 'смешивать' (< **kat-ar-*), *tīmīr* 'корень', 'жила' (< **tamīr*), *is-* 'рассеивать, рассыпать' (< **sac-*), *tīj* 'жеребенок по второму году' (< **taj*), *tīŋ* 'заря' (< **taŋ*), *iĵīm-* 'спрашивать' (< **ajīm-*).

Анализ приведенных примеров показывает, что появление *i* на месте **a* невозможно объяснить ни характером вокализма непервых слогов, ни особенностями непосредственного фонетического окружения: изменение *a* в *i* наблюдается в начале слова, после любых согласных и перед любыми согласными, независимо от качества гласных последующего слога. Обращает на себя внимание то, что указанный переход имел место главным образом в тувинском и якутском языках.¹⁰ Учитывая наличие и некоторых других общих черт в фонетике этих языков, не имевших непосредственных контактов на протяжении не менее, чем тысячи лет, мы придерживаемся той точки зрения, что переход *a* в *i* являлся особенностью одной из диалектных групп праязыка.

Факт соответствия *a ~ i* может служить основанием и для предположения о существовании особого архетипа; однако при подобной интерпретации необходимо было бы восстанавливать не один, а несколько архетипов, так как в тувинском и якутском языках совпадают не все случаи указанного соответствия. Реконструкция новых архетипов в связи с необходимостью объяснения необычных соответствий вполне допустима и не представляет трудностей, хотя совершенно очевидно, что степень достоверности таких реконструкций весьма невелика.

В чувашском языке на месте **a* встречаются *i*, *y* (в верховом диалекте — *o*), *ä* и *a*.

Гласный *i* наблюдается в следующих словах: *xīt-* 'твердеть' (< **kat-*), *nīr-* 'идти, уходить' (< **nar-*), *xīn-* 'хватать, кусать' (< **kan-*), *iĵīm-* 'спрашивать' (< **ajīm-*), *nīl* 'мед' (< **nal*), *iwās'* 'горсть', 'пригоршня' (< **awīč*), *īldān* 'золото' (< **altdīn*), *nīl'jak* 'глина, грязь' (< **nalčīk*), *s'iwāx* 'близкий' (< **dawīk*), *tīrā* 'хлеб на корню' (< **tarīŋ*), *s'iwās'* 'приставать, приклеиваться' (< **čanšīn-*), *xīrām* 'живот, желудок' (< **karīn*), *sīxla-* 'беречь' (< **sakla-*), *tīmar* 'корень', 'жила', 'сосуд' (< **tamīr*). В ряде случаев *i* изменился в соответствующий гласный мягкого ряда, ср. *il-* 'брат' (< **al-*).

Самые многочисленные в чувашском языке — случаи отражения **a* в узком лабиализованном гласном, ср. *tup-* 'находить' (< **tan-*), *ut*

⁹ См. выше, стр. 43. См. также: В. И. Рассадин. Лексика современного тофаларского языка. АКД. Улан-Удэ, 1967, стр. 17—19.

¹⁰ Аналогичный переход в чувашском языке встречается в довольно поздних заимствованиях (см. стр. 148) и вместе с тем отразился в словах, заимствованных венгерским языком из древнечувашского, по крайней мере до X в., ср. венг. *ir* 'пиши', *tino* 'тёлка'. По мнению Б. А. Серебряникова, он восходит к эпохе болгаро-хазарской общности, когда «на месте общетюркского *a* в некоторых словах по какой-то причине образовался звук неясной артикуляции (*шва*), который в дальнейшем в период изолированного существования болгарского и чувашского языков мог превращаться в *y*». См.: Б. А. Серебряников. К истории звуков чувашского языка. Уч. зап. [Чувашского] НИИЯЛИЭ, XIV, Чебоксары, 1956, стр. 84.

‘лошадь’ (< *at), чуп- ‘бежать, скакать’ (< *чан-), пун- ‘тонуть, погружаться’ (< *пат-), сут- ‘продавать’ (< *сат-), ус- ‘открывать’ (< *ач-), хура ‘черный’ (< *кара), уяр- ‘отделять’ (< *адір-), улма ‘яблоко’ (< *алма), хуран ‘береза’ (< *кадїң), улт ~ улда ~ ултта ‘шесть’ (< *алтї), ура ‘нога’ (< *адак), тура ‘гребень’ (< *таркак), с’умяр ‘дождь’ (< *даумір), хулан ‘толстый’ (< *калїн), сузал ‘борода’ (< *сакал), с’уба ‘воротник’ (< *дака), урба ‘ячмень’ (< *арпа), хуїба ‘горе, печаль’ (< *каїгу), узї ‘польза’ (< *асїгу), с’убах ‘лещ’ (< *чанак). Замена твердого ряда мягким встречается в виде исключений, например: пурнї ‘палец’ (< *пармак), с’ус ‘волосы’ (< чач < *сач).

В небольшой группе слов чувашского языка на месте общетюркского *a встречается редуцированный гласный ä (ё). Примеры: пãх- ‘смотреть’ (< *пак-), хãз’ан ‘когда’ (< *качан), чãбã ‘курица’ (< *такїу), äяр ‘жеребец’ (< *адүір), пãбãр ‘медь’ (< *пакїр), хãмãш ‘камыш’ (< тат. камїш < *камїш), сãмах ‘слово’ (< *сабак), жãнãш ‘ошибка’ (< тат. жаңлїш < *даңлїш), жãлãн- ‘умолять, просить’ (< тат. жалїн- < *далїн-), пãвãр ‘печень’ (< *павїр). В приведенной группе большое количество явных заимствований из татарского языка (ср. слова с начальным j, конечным ш и т. д.), поэтому отражение общетюркского *a в чувашском языке в виде редуцированного гласного правомерно рассматривать как довольно редкое исключение.

Гласный a на месте *a выступает в терминах родства и междометиях, ср. аттã ‘отец’, аннã ‘мать’, аппа ‘старшая сестра’, а также в заимствованиях из татарского и русского языков, ср. кажãк ‘ложка’, кашкãр ‘волк’, калај ‘белая жесть’, калдãра- ‘дрожать’.

Многоплановость фонетических соответствий между чувашским и другими тюркскими языками получила широкое освещение в специальной литературе. В. В. Радлов объяснял ее трехступенчатой тюркизацией чувашского языка, который, по его мнению, первоначально не был тюркским. Согласно этой точке зрения, опирающейся на сравнение чувашского языка с татарским, в наиболее древнем слое тюркских заимствований в чувашском языке произошел переход a в i,¹¹ на следующем этапе тюркизации в заимствованиях из тюркских языков имело место изменение a в y. В последний период, когда чувашский язык уже был в значительной мере тюркизирован, гласный a в заимствованных словах не изменялся ни в i, ни в y.¹² Г. Рамстедт, не согласившись с концепцией В. В. Радлова, выдвинул собственную гипотезу, в основе которой лежит разграничение двух ступеней a: сильной (долгий a) и слабой (краткий a) (ср. $\acute{a} > \delta > y$ и $\check{a} > \delta > i$, причем возникновение ä рассматривается как результат влияния последующих i, л (л’), р (р’), j).¹³ Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Понне избрали более простой путь объяснения отмеченной выше многоплановости, выделив особую фонему *ã ~ *ä (> чуваш., якут. i).¹⁴ По мнению Б. А. Серебренникова, в древнечувашском языке

¹¹ О датировке перехода a в i в чувашском языке см. у М. Рясненна (Materialien, стр. 80, 81) и И. Бенцинга (J. B e n z i n g. 1) Die angeblichen bolgartürkischen Lehnwörter im Ungarischen. ZDMG, XC VIII, 1944, стр. 24—27; 2) Das Hunnische. Donaubolgarische und Wolgabolgarische. Fundamenta, I, стр. 694; 3) Das Tschuwassische. Там же, стр. 705).

¹² Phonetik, стр. 90.

¹³ G. J. R a m s t e d t. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, JSFOu, XX XVIII, 1922—1923, стр. 7, 11. См. также: В. Г. Е г о р о в. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, I. Чебоксары, 1954, стр. 159, 162.

¹⁴ Б. Я. В л а д и м и р ц о в и Н. Н. П о п п е. Из области вокализма монголо-турского праязыка. ДАН-В, 1924, стр. 34, 35; Н. Н. П о п п е. 1) Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турским языкам, IV. Гласные. Изв. АН, VI серия, XIX, 1925, стр. 409; 2) Die tschuwassische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. KCSA, II. 1926, стр. 65 и сл.

гласный *a* первого слога был лабиализованным, подобно *a* в башкирском и татарском языках, и лабиализация *a* предопределила его изменение в *o* и *y*.¹⁵

Концепция В. В. Радлова может быть принята в той части, в какой она касается последнего этапа, — относительно поздних заимствований из татарского и русского языков. В этой группе слов *a* сохранился без изменений (в заимствованиях из татарского языка, относящихся к раннему периоду, в соответствии с общими закономерностями преобразования чувашского вокализма, *a* изменился в *y* и *ä*). Все то, что относится к двум другим этапам, является спорным, так как нет никаких доказательств того, что древнечувашский язык не был тюркским. По поводу высказываний Г. Рамстедта следует заметить, что возможность объяснения многообразия чувашских соответствий посредством разграничения в праязыке долгого и краткого **a* фактически отсутствует. Вряд ли может прояснить что-либо и выделение особой фонемы **ä* (**ä*), так как многие чувашские и якутские слова, в которых выступает неэтимологический *ï*, не совпадают, ср. чув. *nïr*- 'идти', якут. *бар-*; чув. *ïлдäñ* 'золото', якут. *алтан* 'медь'; чув. *xïñ*- 'хватать, кусать', якут. *кан-*.

Преобразование чувашского вокализма — следствие неоднократно перекрещивающихся влияний нетюркского субстрата, общетюркских тенденций и кыпчакских языков Поволжья.

Говоря о конкретных формах проявления указанного процесса, мы в основном опираемся на точку зрения Б. А. Серебренникова, который выделяет в древнечувашском языке лабиализованный *a* и рассматривает лабиализацию *a* как зональное явление, обусловленное воздействием нетюркского субстрата (у Б. А. Серебренникова: влиянием восточного диалекта черемисского языка).¹⁶ Можно предположить, что эта лабиализация происходила главным образом в первом слоге и не имела существенных ограничений, связанных с количественными (долгота/краткость)¹⁷ или какими-либо комбинаторными моментами. Наличие лабиализации явилось основным фактором, предопределившим изменение чувашского *a* в *o*. После завершения перехода *a* в *o* низовой диалект чувашского языка «подвергся сильному влиянию господствующего татарского языка и начал изменять свое *o* на *y*». ¹⁸ Очевидно, и переход *a* в *ï* должен рассматриваться как результат воздействия субстрата, имевшего узкую диалектную сферу проявления.

Хронологические рамки преобразования чувашского вокализма устанавливаются посредством анализа древнечувашских заимствований в венгерском языке. Эта работа была проведена З. Гомбоцем, который на основании своего исследования сделал вывод о том, что древнечувашский вокализм был близок к древнетюркскому (ср. венг. *arpa* 'ячмень', *alma* 'яблоко') и что современная шкала чувашского вокализма оформилась после контактов венгров с чувашами, т. е. после IX в.¹⁹ Процесс изменения гласных в чувашском языке происходил в течение нескольких

¹⁵ В. S e r e b r e n n i k o v. Zur Geschichte der *a*-Laute im Tscheremissischen und Tschuwassischen. UAJb, XXIX, 3—4, 1957, стр. 224—230.

¹⁶ Там же, стр. 226, 228.

¹⁷ См. выше, стр. 39.

¹⁸ Т. М. М а т в е е в. Краткий обзор чувашских диалектов (опыт районирования). МЧД, I, 1960, стр. 38.

¹⁹ Z. G o m b o c z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. MSFOu, XXX, 1912, стр. 138, 187. Придерживаясь приблизительно такой же точки зрения, Б. А. Серебренников ссылается также на марийские и мордовские заимствования из древнечувашского языка, в которых на месте современного чувашского *o* (*y*) выступает *a*. См.: Б. А. С е р е б р е н н и к о в. К истории звуков чувашского языка, стр. 78 и сл. См. также: В. Г. Е г о р о в. Введение в изучение чувашского языка. М., 1930, стр. 99, 100.

столетий вплоть до недавнего времени. В связи с этим примечательны заимствования из арабского и персидского языков,²⁰ отражающие разные ступени преобразования *a*, ср. *xībar* 'весть, известие' (< а. خَبْرٌ), *xула* 'город' (< а. قَلْعَةٌ), *мул* 'скот, имущество' (< а. مَالٌ), *саван* 'милость, награда за доброе дело' (< а. نَوَاقِبٌ), *вайт* 'время' (< а. وَفَيْتٌ), *мазар* 'кладбище' (< а. مَزَارٌ); *сурбан* 'головная повязка женщин' (< п. سرپند), *патша* 'царь' (< п. پادشاه).

Последние примеры примечательны и в том отношении, что являются иллюстрацией к выводу о многообразном отражении в чувашском языке одного гласного и свидетельствуют о несостоятельности попыток восстановления дополнительных праязыковых гласных (для чувашских *ĩ*, *y* и *ä*, соответствующих общетюркскому *a*).

/ *ā / — гласный *ā во многих тюркских языках развивался так же, как соответствующий краткий, и необычные случаи его отражения не добавляют почти ничего нового к тому, что было сказано относительно рефлексов *a, ср. тув. *ĩбла-* 'плакать' (< *āула-), *ĩjаш* 'дерево' (< *āуач); чуваш. *с'ір-* 'писать' (< *dāс-), *ір-* 'уставать' (< *āр-), *тїна* 'тёлка' (< *tāна), *с'іран* 'овраг', 'откос' (< *dāран); якут. *с'іс-* 'промахнуться' (< *dāс-), *кїнат* 'крыло' (< *kāнат), *ij* 'луна' (< *āj), *ір-* ~ *ір-* 'терять силы, уставать' (< *āр-), *iң* 'изгородь для ловли диких оленей' (< *āң).

В туркменском и якутском языках *ā сохранился как долгий. Отдельные случаи сохранения долготы наблюдаются и в других тюркских языках, названных выше (стр. 52). В тувинском языке рефлекс долгого *ā в отличие от краткого не подвергся фарингализации.

В чувашском языке *ā отразился преимущественно в *y* (в верховом диалекте *o*), ср. *пур* 'есть' (< *nār), *с'ул* 'год' (< *dāш), *хур* 'гусь' (< *kās), *ут-* 'шагать' (< *āt-), *јут* 'чужой' (< тат. *јат* < *dāt), *сум* 'счет ниток в пряже' (< *cāн), *чух* 'время' (< *chāк), *с'унат* 'крыло' (< *kāнат), *пулдār* 'золотка' (< *nālтіс), *с'ула-* 'лизать' (< *dāла-), *шурā* 'белый' (< *cārīу 'желтый'), *ујāх* 'луна' (< *āj-ак), *пулā* 'рыба' (< *nālīу), *укс'а* 'деньги' (< *ākча), *тудā* 'вкус' (< *tātīу), *с'ул'* 'слеза' (< *dāш), *с'ур* 'весна' (< *dāс), *шур* 'болото' (< *cās), *пујан* 'богатый' (< *nāj-ан), *с'ур-* 'рассекать, разрывать' (< *dār-), *хубā* 'кора' (< *kāпīу), *сулā* 'плот' (< ?*cālīу), *с'ујāн* 'сом' (< *dājīн).

Подобно краткому *a, долгий *ā почти не дал рефлексов, подвергшихся редукции. Исключения: *хāбар-* 'разбухать, подниматься' (< *kāпар-), *āн* 'сознание' (< *āң).

Гласный *a* на месте *ā прослеживается в относительно поздних заимствованиях из татарского языка. Примеры: *сарā* 'желтый' (< тат. *сарї* < *cārīу), *адаш* 'тезка' (< тат. *адаш* < *āташ), *талак* 'селезенка' (< тат. *талак* < *tāлак).

В процессе преобразования ā в чувашском языке происходила его спорадическая дифтонгизация, оставившая след главным образом в виде необычных изменений консонантизма и в развитии начальных *j* и *v*, ср. *јул-* 'оставаться' (< *kāl-), *јун* 'кровь' (< *kāн), *јат* 'имя' (< *āt), *јус* 'горностай' (< *ās), *јвāр* 'тяжелый' (< *āүр), *чул* 'камень' (< *tāш), *јвāс'* 'дерево' (< *āуач), *вїз'ā* 'голодный' (< *āч), *јур* 'снег' (< *kār).

/ *o / — азерб., алт., балк., гаг., кар., казах., к.-калп., кум., ног., тув., тур., туркм., уйг., хак., шор., якут. *o*.

²⁰ См.: М. Р. Федотов. Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке (лексико-семантический обзор и словарь). Уч. зап. [Чувашского] НИИЯЛИЭ, XXVI, Чебоксары, 1963, стр. 89—124.

В гагаузском, казахском, каракалпакском, кумыкском и ногайском языках начальный *o* дифтонгизируется, ср. гаг. **oku* 'читай'; к.-калп. **om* 'травы', **omuz* 'тридцать'.²¹

В узбекском языке **o* отразился в *ü* — гласном, приближенном по степени раствора к *u* и несколько продвинутом вперед; в башкирском и татарском языках на месте **o* развился *y*.

В чувашском языке пратюркскому **o* соответствуют *y* (в верховом диалекте — *o*), *i* (*vi*) и *a* (*va*).

Основным рефлексом является *y*. Примеры: *xul* 'рука' (< **kol*), *xur-* 'класть, ставить' (< **kod-*), *udä* 'сено' (< **ot*), *ubä* 'лук' (оружие) (< **ok* 'стрела'), *pujä* 'пустой' (< тат. *буш* < **poш*), *uzal* 'злой' (< тат. *усал* < **osal*), *урам* 'улица' (< тат. *урам* < **орам*), *сукмак* 'тропинка' (< тат. *сукмак* < **сокмак*).

Почти все случаи делабиализации *o*, кстати сказать весьма немногочисленные, наблюдаются в начале слова и связаны обычно с развитием протетического *e*. Примеры: *vir-* 'жать хлеб' (< **op-*), *iväl* 'сын' (< **oүil*), *virän* 'место' (< **orin*). Ср. тув. *bida* 'каша' (< **notka*).

Редуцированный *ä* выступает преимущественно в первом слоге многосложных слов, сочетание *vä* — в начале слова. Примеры: *jävä* 'густой' (< **kojü*), *tävär* 'девять' (< **tokis*), *vädär* 'тридцать' (< **otis*), *värman* 'лес' (< **orman*), *täpra* 'земля, почва' (< **toprak*), *nädä* 'каша' (< **notka*), *näv-* 'душить' (< **poү-*), *näx* 'кал, навоз' (< **pok*), *täm* 'мороз' (< **toң*), *xämär* 'бурый, коричневый' (< **koңir*), *čäm-* 'нырять' (< **čom-*), *väjä* 'игра' (< **oj*), *värän-* 'просыпаться' (< **odän-*), *ämär* 'грудь лошади и других животных' (< **omir*).

Изменение чувашского *o* в *y* стоит в одном ряду с подобным преобразованием в башкирском и татарском языках и, очевидно, происходило, под влиянием татарского языка, распространившимся на одну из диалектных групп.²²

Указанный переход имел место в диалектах и некоторых других тюркских языков, например азербайджанского, балкарского, гагаузского, кумыкского, хакасского, шорского и др. (чаще всего в соседстве с увулярными или заднеязычными),²³ ср. балк. *улан* 'сын' (< *oүлан*), *улак* 'козленок' (< *oүлак*), *уша-* 'быть похожим' (< *окуша-*); гаг. *буаз* 'горло' (< *боүаз*), *суван* 'лук' (овошь) (< *соүван*); кум. *сузук* 'холодный' (< *со-вук* < *соүвук*), *улан* 'мальчик' (< *oүлан*); южнохорезмск. *тув-* 'рожать' (< *тоү-*), *туври* 'прямо' (< *тоүри*), *уври* 'вор' (< *oүри*); туркм. *сүңк*, узб. *сујак* 'кость' (< *соңүк*); узб. *кув-* 'гнаться, преследовать' (< *коү-*).

Сужение *o* в группе тюркских языков Поволжья, по мнению большинства тюркологов, происходило в сравнительно недавнее время и было тесно связано с общим процессом передвижения гласных в указанных языках, т. е. с расширением *y*, *ü*, *i*, *i* (соответственно *ö*, *ö*, *ï*, *ï*) и

²¹ См.: Н. К. Дмитриев. 1) Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 5, 6; 2) Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. ИСГТЯ, стр. 286; Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 25, 42 и сл.; К. Н. Мейнес. Qaraqalpaq grammar, I. Phonology. New York, 1947, стр. 56.

²² См.: Т. М. Матвеев. Краткий обзор чувашских диалектов, стр. 38.

²³ См.: И. А. Керимов. Хасавюртовский диалект кумыкского языка. Уч. зап. Дагестанского гос. женск. пед. инст., Махачкала, 1957, стр. 210; Ф. А. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров узбекского языка. АДД. Ташкент, 1961, стр. 22; V. D r i m b a. Remarques sur les parlers gagaouzes de la Bulgarie du Nord-Est. RO, XXVI, 2, 1963, стр. 68; Р. А. Рустамов. О монографическом изучении диалектов азербайджанского языка. ВДТЯ, II, Баку, 1960, стр. 82; М. Ш. Ширалиев. 1) Проблема диалектного членения языка. Там же, стр. 99; 2) Кыпчакские элементы в азербайджанском языке (на материале диалектов и говоров). Сб. «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков», Ташкент, 1965, стр. 7.

сужением $\ddot{a} (> i)$. В. В. Радлов относил его к XIV в., некоторые тюркологи относят этот процесс к более позднему времени.

Вопрос о причинах передвижения гласных до сих пор вызывает споры. Наиболее распространенной является точка зрения, подчеркивающая важность в данном случае продолжительных контактов башкирского, татарского и чувашского языков с нетюркскими языками,²⁴ в частности с языками финно-угорской группы.²⁵ Согласно этой точке зрения контакты с финно-угорскими языками и частичное поглощение некоторых из них послужили причиной фонетических изменений гласных в каком-то диалекте одного из названных выше языков, а тесное взаимодействие последних способствовало превращению этих изменений в зональную особенность, объединившую целую группу языков.

К числу последствий взаимодействия тюркских языков Поволжья с финно-угорскими языками, непосредственно повлиявших на характер вокализма башкирского, татарского и чувашского языков, Д. Г. Киекбаев относит прежде всего утрату первичной долготы, музыкального ударения и перенос силового ударения с начального слога на конечный.²⁶

Не отрицая влияния финно-угорских языков на тюркские и роли финно-угорского субстрата в образовании поволжско-тюркского зонального типа, мы должны вместе с тем возразить Д. Г. Киекбаеву по поводу устанавливаемых им последствий взаимодействия тюркских языков с финно-угорскими. Для выяснения природы различных инноваций необходим тщательный анализ особенностей развития тюркских языков в целом, учет границ распространения тех или иных явлений и их связей. Первичная долгота утрачена всеми кыпчакскими и многими другими тюркскими языками, однако не все они подверглись влиянию финно-угорских языков и не в каждом из них происходило передвижение гласных. Что касается вопроса о перемещении силового ударения с первого на последний слог, то он решается чисто умозрительно, без построения строгой системы лингвистических доказательств. Кроме того, следует заметить, что вообще, безотносительно к тому, какие языки имеются в виду, возможность перемещения ударения реальна только для многосложных слов. В отношении же односложных слов, удельный вес которых в общей системе структурных типов тюркского слова весьма велик, проблема перемещения или утраты ударения полностью снимается.

Хотя в настоящее время трудно назвать истинную причину изменений поволжско-тюркского вокализма, мы хотели бы, тем не менее, обратить внимание на некоторые внутренние моменты, которые безусловно играли важную роль в этом процессе. Характерно, что разного рода передвижения гласных имели место, как правило, в кыпчакских языках, в которых, за редким исключением, узкие гласные являются сверхкраткими. Вследствие сокращения количества узкие гласные расширились, т. е. стали полуузкими, приблизившись в качественном отношении к широким гласным. Опасность смещения тех и других вызвала изменение уровня подъема последних: широкие лабиализованные гласные сузились.

/ * \bar{o} / — в современных тюркских языках, исключая туркменский и якутский, * \bar{o} совпал с соответствующим кратким. В туркменском языке различие между долгим и кратким \bar{o} сохранилось; в якутском языке рефлекс * \bar{o} подвергся дифтонгизации, ср.

²⁴ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 7.

²⁵ Д. Г. Киекбаев. Фонетика башкирского языка, стр. 14.

²⁶ Д. Г. Киекбаев. О передвижении гласных в башкирском языке. Уч. зап. Башкирского гос. пед. инст., VIII, серия филологическая, 2, Уфа, 1956, стр. 221—229; 2) Фонетика башкирского языка, стр. 14.

**ʃōk* 'нет' **ʃōl* 'дорога' **ōn* 'десять' **ōt* 'огонь' **tōl* 'наполняйся'

туркм.	<i>jōk</i>	<i>jōl</i>	<i>ōn</i>	<i>ōt</i>	<i>đōl</i>
якут.	<i>суох</i>	<i>суол</i>	<i>уон</i>	<i>уот</i>	<i>туол</i>

В чувашском языке гласный, восходящий к **ō*, сузился более последовательно, чем гласный, развившийся из краткого **o* (в верховом диалекте сохраняется *o*, например: *вот* 'огонь'), ср. *с'ук* 'нет' (< **ʃōk*), *с'ул* 'дорога' (< **ʃōl*), *пул-* 'быть' (< **nōl-*), *тул-* 'наполняться' (< **tōl-*), *пур* 'мел' (< **nōp*), *с'ун-* 'тесать' (< **ʃōn-*), *уј* 'намерение' (< **ōj*), *туј* 'свадьба' (< **tōj*), *хуш-* 'добавлять' (< тат. *куш-* < **kōsh-*). В диалектах тури и анатри этому *у* соответствует дифтонгообразный *у^o*: *с'у^oк* 'нет', *пу^oл-* 'быть', *ту^oл-* 'наполняться'.²⁷ На месте **ō* в чувашском языке могут выступать также сочетания *ăvă*, *ăva* внутри слова и *vu*, *vă* в начальной позиции, ср. *пăвăрлă* 'бурый' (< **nōs...*), *вут* 'огонь' (< **ōt*), *вун* ~ *вунă* ~ *вуннă* 'десять' (< **ōn*), *вудă* 'дрова' (< **ōtīn*), *вăл* 'он' (< **ōl*); в единичных случаях — *ī*, *ă* ~ *ě*: *шĭра-* 'искать' (< **sōra-*), *мăј* 'шея' (< **nōj-īn*), *с'ăрвă* 'иноходец' (< **ʃōrvă*, ср. тув. *чĭрă* 'иноходец', якут. *сĭрĭт-* 'ходить'), *хĕв* ~ *хĭ* 'пазуха' (< **kōj-īn*).

/ **y* / — азерб., алт., балк., гаг., кар., кирг., кум., тув., тур., туркм., хак., уйг., шор., якут. *у*.

В гагаузском языке начальный *у* факультативно принимает *j*.

В башкирском, казахском, каракалпакском, ногайском, татарском и чувашском языках на месте **у* развился более широкий сверхкраткий (в чувашском языке — редуцированный) гласный *ō* (*ŭ*),²⁸ который обычно характеризуют как средний между *o* и *y* или между *y* и *ī*,²⁹ или сочетание *vă* в начале слова (в чувашском языке). Примеры:

**кул* 'раб' **тур* 'стой' **куш* 'птица' **ун* 'мука'

башк.	<i>kōl</i>	<i>tōr</i>	<i>kōsh</i>	<i>ōn</i>
казах.	<i>kŭl</i>	<i>tŭr</i>	<i>kŭs</i>	<i>ŭn</i>
к.-калш.	<i>kŭl</i>	<i>tŭr</i>	<i>kŭs</i>	<i>ŭn</i>
ног.	<i>kŭl</i>	<i>tŭr</i>	<i>kŭs</i>	<i>ŭn</i>
тат.	<i>kōl</i>	<i>tōr</i>	<i>kōsh</i>	<i>ōn</i>
чуваш.	—	<i>tăr</i>	—	—

Ср. также: *ăv-* 'тереть' (< **yŭ-*), *тăрна* 'журавль' (< **турна*), *јăм-жак* 'мягкий' (< тат. *јōмиак* < **ʃумиак* ~ **ʃĭмиак*), *хăрăм* 'сажа' (< **курум*), *хăлвă* 'ухо' (< **кулкак*), *с'ăлđар* 'звезда' (< **ʃултĭс*), *сă-вăр* 'сурок' (< **суŭр*), *јăмран* 'суслик' (< тат. *јōмран* < **ʃумран*), *пă-лан* 'олень' (< **пулан*), *с'ăрттан* 'щука' (< **чуртан*), *хăндăр* 'бобр' (< **кунтĭс*), *ăру* 'племя, род' (< **урĭŭ*), *кăмăс* 'кумыс' (< **кумĭс* ~ **кĭмĭс*). При этом в начале слова перед *ă* появляется протетический *v*, ср. *вăрă* 'семья' (< **урĭŭ*), *вăдан-* 'стесняться, стыдиться' (< **утан-* ~ **удан-*). Ср. также: *валак* 'жолоб, корыто' (< **улак*).

²⁷ А. С. К а н ю к о в а. Некоторые особенности диалектов чувашей тури и анатри. МЧД, I, 1960, стр. 84.

²⁸ По мнению Н. К. Дмитриева, в казахском, ногайском и других кыпчакских языках, в отличие от башкирского и татарского, «мы имеем в сущности не этот звук, а только некоторое приближение к нему» (Н. К. Д м и т р и е в. Грамматика башкирского языка, стр. 9).

²⁹ См.: В. А. Б о г о р о д и ц к и й. О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте. ВНОТ, 8, Казань, 1928, стр. 115; Н. А. Б а с к а к о в. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, стр. 8; Ф. Г. И с х а к о в. Хакасский язык. Краткий очерк по фонетике. Абакан, 1956, стр. 15; Н. К. Д м и т р и е в. Грамматика башкирского языка, стр. 9.

В небольшой группе слов чувашского языка произошла замена твердого ряда мягким: *вёс'* 'летать' (< *у_ч-), *хёвэл* 'солнце' (< *ку-*јаш*), *пёлет* 'облако' (< *пу_лт ~ *н_лт); в ряде слов *у отразился в *й*, *ў* и *э*, ср. *тйт-* 'держатъ' (< *ту_т-), *шів* 'вода' (< *су_у), *хўрă* 'хвост' (< *ку_{др}ік), *с'эмз'э* 'мягкий' (< *џумшак ~ *џімшак).

Делабиализация *у*, как справедливо указывает В. Г. Егоров,³⁰ происходила раньше, чем *а* перешел в *у*, так как *у*, восходящий к пратюркскому *а, не подвергся делабиализации.

/ *ū / — туркм., якут. *ū*, *у*. В других тюркских языках *ū утратил длительность и совпал с кратким.

В чувашском языке *ū отразился в редуцированном гласном: *пър* 'лед' (< *п_ус), *сърă* 'серый' (< *с_ур), *с'ят-* 'глотать' (< *џ_ут-), *ят-* 'выигрывать' (< *џ_ут-), *ăзат-* 'проводить' (< *џ_усат-), *хърăк* 'сухой' (< *к_ур_йу), *тёл* 'время, место' (< *т_уш); в начале слова — в сочетании *вă* ~ *вё*, ср. *вър-* 'бросать' (< *џ_ур-), *вёс'* 'конец' (< *у_ч), *върăм* 'длинный' (< *џ_усін). В нескольких словах пратюркскому *ū соответствуют *у* и *й*: *с'у-* 'мыть' (< *џ_у-), *с'урт* 'дом' (< *џ_урт), *хурт* 'червь' (< *к_урт), *йĵă* 'сон, дремота' (< *џ_у-*ĵ*-к_й).

/ *i / — алт., азерб., балк., гаг., кар., кирг., кум., тув., туркм., хак., шор., якут. *й*.

В азербайджанском языке в начале слова и после *ј* (< *џ₁) *й* совпал с *й*. В узбекском и уйгурском языках такое совпадение носило всеобщий характер и *й* сохранил свое качество только в соседстве с увулярными. Можно допустить наличие подобного процесса и в древнечувашском языке, в котором на месте *i часто оказывается редуцированный *ё*, являющийся также рефлексом *i, ср. *хёл* 'зима' (< *к_йш ~ *к_йш?), *чёрнэ* 'ноготь' (< *т_йрнак), *хёзёр* 'яловый' (< *к_йс_йр), *хёрё* 'край' (< *к_йр_йу), *хёрёх* 'сорок' (< *к_йрк), *хёлёх* 'конский волос' (< *к_йлак).

В гагаузском языке перед *й* возможно появление протетического *ј*.

В башкирском, казахском, каракалпакском, ногайском и татарском языках отражением *i явился более открытый сверхкраткий гласный *й̆*, в чувашском языке — редуцированный *ă*, см. чуваш. *тăвăr* 'тесный' (< *т_йк_йс), *тăнла-* 'слушать' (< *т_йңла-), *тăрăш-* 'стараться' (< *т_й-р_йш-), *ăжă* 'теплый' (< *й̆с_йу), *хăјах* 'осока' (< *к_йјак), *ăндăл-* 'рваться, стремиться' (< *й̆нт_йл-).

В чувашском языке отражением *i могут быть также *й* и *й*, например: *пй̆дă* 'вошь' (< *п_{й̆}т), *й̆дă* 'собака' (< *й̆т), *хй̆р-* 'скоблить' (< *к_{й̆}р-), *сй̆рт-* 'кусать' (< *џ_{й̆}рт-), *пй̆с'* 'вариться' (< *п_{й̆}ш-), *хй̆р-* 'губить' (< *к_{й̆}р-), *хй̆р* 'степь, поле' (< *к_{й̆}р).

/ *ī / — туркм., якут. *й̄*; в других тюркских языках отражения *ī и *ī совпали.

В чувашском языке и в этом случае наряду с *ă* нередко выступает *ё*, например: *с'ăбан* 'нарыв' (< *ч_{й̄}пан), *шăвăr-* 'свистеть' (< *с_{й̄}-к_{й̄}р-), *сăна-* 'испытывать' (< *с_{й̄}на-), *шăл* 'зуб' (< *т_{й̄}ш ~ *т_{й̄}ш), *й̆нэ* 'ножны' (< *к_{й̄}н), *чёр* 'колени' (< *т_{й̄}с ~ *т_{й̄}с), *хёр-* 'накаляться' (< *к_{й̄}с-), *чём* 'дыхание', 'жизнь' (< *т_{й̄}н), *хёр* 'девочка, дочь' (< *к_{й̄}с), *шăл-* 'мести', 'вытирать' (< *с_{й̄}л-), *хёрĵй̆* 'копчик' (< *к_{й̄}р_{к_{й̄}}й̆), *хёрĵăн-* 'жалеть' (< *к_{й̄}скан-), *ёнăн-* 'верить' (< *й̄нан-), *ёс'* 'дело' (< *й̄ш), *кёскă* 'короткий' (< *к_{й̄}ска). В начальной позиции перед гласным появляется *й̆*, например: *й̆р* 'след' (< *й̆с), *й̆р-* 'пускать', 'посылать' (< *й̆д-). Отражением *ī может быть также *й̆*, ср. *шй̆с'* 'онухать', 'нарывать' (< *ш_{й̆}ш-), *й̆вăr-* 'звать' (< *к_{й̆}к_{й̆}р-).

³⁰ В. Г. Е г о р о в. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, I, стр. 185.

/ *ä / — азерб. ä; уйг. ä (в закрытом слове) и ä (в открытом слове); алт., балк., гаг., казах., кар., кирг., к.-калп., кум., ног., тув., тур., туркм., узб., шор., якут. ä.

В балкарском, гагаузском, казахском, каракалпакском и ногайском языках начальный ä в той или иной мере дифтонгизируется, ср. гаг. *ääl* ~ *jäl* 'рука', *äkmäk* ~ *jkmäk* 'хлеб', *äski* ~ *jski* 'старый'.

В башкирском, татарском и хакасском языках рефлексе пратюркского *ä сузился до *i*, ср.

	*käl- 'приходить'	*käs- 'резать'	*ät 'мясо'
башк.	<i>kil-</i>	<i>kiš-</i>	<i>it</i>
тат.	<i>kil-</i>	<i>kis-</i>	<i>it</i>
хак.	<i>kil-</i>	<i>kis-</i>	<i>it</i>

Вместе с тем в говорах башкирского и татарского языков наблюдается сохранение ступени ä.³¹ Сужение ä до *i* происходило также в чувашском языке, где в отличие от башкирского, татарского и хакасского языков переход ä в *i* охватил небольшое количество слов, ср. *im* 'лекарство' (< *äm), *kil-* 'приходить' (< *käl-), *irt-* 'проходить' (< *ärt-), *nit* 'лицо' (< *nät), *sit-* 'достигать' (< *šät-), *timör* 'железо' (< *tämir), *sije* 'семь' (< *šäti), *irel-* 'таять' (< *äriäl-), *siläm* 'клей' (< *šäläm), *iksäl-* 'уменьшаться' (< *äksäl-), *imēš* 'будто бы, как будто' (< тат. *imēš* < *ärmēš), *inäč* 'несчастье, беда' (< *ämčäk), *iräk* 'свобода' (< *ärik). Частные случаи отражения *ä в *i* наблюдаются в якутском языке и его диалектах, ср. *siр* 'земля, место' (< *šär), *ilät-* 'вести' (< *älät-), *sit-* 'достигать' (< *šät-), *tiрit-* 'потеть' (< *tärit-), *tiрi* ~ *täri* 'кожа' (< *täri), *il* ~ *äl* 'рука' (< *äli);³² в малкарском диалекте балкарского языка (обычно в многосложных словах с гласным *i* во втором слове), ср. *indi* 'теперь' (< *ämti), *idi* 'был' (< *ädi), *išit-* 'слышать' (< *äšit-)³³ и в диалектах других тюркских языков.

Наиболее последовательно переход ä в *i* происходил в татарском языке; в башкирском и хакасском языках обнаруживается большое количество исключений, ср.

	*äm- 'составь'	*täp- 'пишут'	*šät- 'достигать'	*täy- 'касаются'	*šär 'земля'
башк.	<i>im-</i>	<i>tip-</i>	<i>šät-</i>	<i>täj-</i>	<i>šär-</i>
тат.	<i>im-</i>	<i>tip-</i>	<i>šät-</i>	<i>tij-</i>	<i>šär</i>
хак.	<i>äm-</i>	<i>täp-</i>	<i>šät-</i>	<i>täč-</i>	<i>čär</i>

Ср. также: башк. *käräk* 'надо', *kärtä* 'изгородь', *tärän* 'глубокий'; тат. *kiräk*, *kirtä*, *tirän*. Эти исключения не имеют комбинаторно-позиционной обусловленности и объясняются своеобразием исторических условий формирования и развития названных языков. Напомним в связи с этим о наличии, например в азербайджанском,³⁴ хакасском и чувашском языках междиалектных соответствий ä ~ *i*, см. хак. *käl-* ~ *kil-* 'приходить', *käräk* ~ *kiräk* 'надо', *sän* ~ *sin* 'ты' и т. д.

³¹ См. Д. М. Сарманова. Диалектальные особенности языка среднеуральских татар. АҚД. Казань, 1950, стр. 5, 6; Г. Х. Ахатов. Диалект западносибирских татар. АДД. Ташкент, 1965, стр. 7.

³² См.: Е. И. Убрятова. Опыт применения русской (и международной) диалектологической терминологии при описании диалектов якутского языка. ВДТЯ, Казань, 1960, стр. 35.

³³ Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1963, стр. 33.

³⁴ М. Ш. Ширалиев. Кыпчакские элементы в азербайджанском языке, стр. 7, 8.

По времени переход *ä* в *i* в татарском языке совпадает с передвижением лабиализованных гласных и должен был происходить после XIV в., как в свое время предполагал В. В. Радлов.³⁵

В чувашском языке вторым рефлексом **ä* был *ü*. Примеры: *üt* 'мясо' (< **ät*), *с'үрэн* 'рыжий' (< **dä'ürän*), *үзәр* 'пьяный' (< **äcür*). На месте **ä* встречается также *a*: *ак-* 'сеять' (< **äk-*), *кас'-* 'переправляться, переходить' (< **käç-*), *ала* 'сито' (< **äläk*), *алла* 'пятьдесят' (< **älliü'*), *сагәр* 'восемь' (< **säkis*), *авлан-* 'жениться' (< **äβläñ-*), *самәр* 'жирный' (< **sämis*), *ајлан-* 'возиться, конаться' (< **äjlän-*), *кандәр* 'конопля' (< **käntir*), *тага* 'баран' (< **täkä*), *карт-* 'делать зарубку' (< **kärt-*), *анас* 'зевота' (< **änäs ~ änsä*), *калда* 'ящерица' (< **kältä*). В виде исключений **ä* отразился в *ë ~ ä* и *э*, в начале слова — *jë*: *с'ёр* 'земля' (< **där*), *ём-* 'сосать' (< **äm-*), *яс* 'ум, сознание' (< **äs*), *с'ён-* 'побеждать' (< **däñ-*), *с'ёмёр-* 'разрушать' (< **dämür-*), *эмәл* 'лекарство' (< **ämäl*), *јексёк* 'негодный', 'дрянь' (< **äksik*), *јёнәр* 'седло' (< **äy'är ~ ädär*), *эрём* 'полынь' (< **äräm*), *чэјэк* 'цветок' (< тат. *чäчäk* < **чäчäk*).

*/*ä/* — в большинстве тюркских языков *ä* имел те же отражения, что и *ä*, ср., например, в чувашском языке: *иш-* 'плыть' (< тат. *иш-* < **äsh-*), *ир* 'утро' (< **är*), *с'и-* 'есть' (< **dä-*), *с'ил* 'ветер' (< **däl*), *пир* 'холст, полотно' (< **päc*), *пилёк* 'поясница' (< **päläk*), *пилёк* 'пять' (< **päšäk*), *кимё* 'лодка' (< **kämi*), *ат-* 'делать' (< **ät-*), *нар-* 'давать' (< **näp-*), *кас'* 'вечер' (< **käç*), *кап* 'фигура, чучело' (< **käp*), *ар* 'муж, мужчина' (< **är*), *ан* 'ширина' (< **än*), *ан-* 'спускаться' (< **än-*), *ав-* 'гнуть, сгибать' (< **äy'-*), *адә* 'сапог' (< **ätik*), *аләк* 'дверь' (< **äšik*), *кавлә-* 'жевать' (жвачку) (< **käβšä-*). В небольшой группе слов на месте **ä* выступают *э*, *ё*, *авә*, в начале слова *ја*, *jë*: *тә-* 'говорить' (< **tä-*), *с'авәт-* 'вести' (< **dät-*), *јал* 'деревня' (< **äl*), *јёрён-* 'чувствовать отвращение' (< **därän-*), *јөгөв* 'подпилоч, напильник' (< **äkäy'*).

В якутском языке на месте **ä* развился дифтонг *iä*: *iән* 'ширина' (< **än*), *биёр-* 'давать' (< **näp-*), *сиэх* 'рукав' (< **däñ*), *диэ-* 'говорить' (< **tä-*).

Особое положение занимает туркменский язык, в котором **ä* отразился в *i* и очень редко в *ä*, ср. *ил* 'страна' (< **äl*), *ин* 'ширина' (< **än*), *гiң* 'широкий' (< **käñ*), *гäп* 'модель', 'форма' (< **käp*), *бäш* 'пять' (< **näš*).

Как указывалось выше, долгие гласные фонемы могли реализоваться в праязыке не только в монофтонгах, но и в дифтонгах. При этом наиболее вероятной реализацией фонемы **ä* во втором случае был дифтонг *iä*, дальнейшая фонетическая эволюция которого не исключала возможности усиления как первого, так и второго компонента. Проявление той или иной тенденции имело определенные диалектные границы, однако при смешении диалектов единообразие фонетической репрезентации **ä* утратилось.

*/*ö/* — азерб., алт., балк., гаг., казах., кар., кирг., к.-калп., кум., ног., тув., тур., туркм., уйг., хак., шор., якут. *ö*.

В гагаузском, казахском, каракалпакском, ногайском и карачаево-балкарском языках в начале слова, а в кумыкском языке в любой позиции *ö* становится дифтонгом или дифтонгообразным звуком,³⁶ ср. гаг.

³⁵ В. В. Р а д л о в. О языке куманов, по поводу издания Куманского словаря Приложение к XLVIII тому Записок АН, 1884, № 4, стр. 25.

³⁶ См.: Н. К. Д м и т р и е в. Грамматика кумыкского языка, стр. 7; К. Н. М е н г е с. Qaqaalraq grammar, I, стр. 56; Ж. А р а л б а е в. Фонетическая система современного каракалпакского языка. АҚД. Алма-Ата, 1949, стр. 4; Ш. Х. А к б а е в. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка, стр. 31.

$\dot{y}ökyz \sim \dot{i}ökyz$ 'бык', к.-калп. $\dot{y}öt-$ 'проходить'. При этом во всех указанных языках, кроме гагаузского, а также в диалектах карачаево-балкарского языка³⁷ рефлекс пратюркских $*ö$ и $*ü$ несколько отодвинуты назад ($ö, ü$).

В башкирском и татарском языках $ö$ изменился в y , см. тат. $kümir$ 'уголь' ($\langle *kömir$), $küñil$ 'дух, настроение' ($\langle *köñil$). Подобное изменение происходило также в диалектах других тюркских языков, например в румелийских говорах турецкого языка, ср. $yün-$ 'целовать', $güñil$ 'сердце'.³⁸

Переход $ö > y$, также как и переход $o > u$, следует датировать довольно поздним временем. Примечательно, например, что в йошкар-олинском говоре марийского языка в словах, заимствованных из татарского языка в наиболее ранний период марийско-татарских связей, татарскому y соответствует $ö$.³⁹

В некоторых говорах караимского, татарского и других тюркских языков имела место делабиализация $ö$, ср., например, в галицко-луцком говоре: $äl-$ 'умирать', $ägiz$ 'бык' и т. д.⁴⁰

В узбекском языке рефлекс $*ö$ совпал с гласным, восходящим к $*o$, ср. $kümir$ 'уголь', $küñil$ 'сердце'.

В чувашском языке основным отражением $*ö$ является y (y): $kün-$ 'разбухать' ($\langle *köp-$), $sün-$ 'гаснуть' ($\langle *sön-$), kut 'зад' ($\langle *köt$), kus' 'переходить, переселяться' ($\langle *köç-$), $tülä-$ 'платить' ($\langle *tölä-$), $yñkä$ 'легкие' ($\langle *öñkä$), $šämä$ 'кость' ($\langle *söñik$), $s'übe$ 'сор' ($\langle *çöñ$); в начале слова — $vä$ ($vë$), vi , например, $vägär$ 'бык' ($\langle *ökis$), $vil-$ 'умирать' ($\langle *öl-$), $vit-$ 'проходить' ($\langle *öt-$), $vit-$ 'покрывать' ($\langle *ört-$), vis' 'мерить' ($\langle *ölc-$). Это правило не распространяется на относительно поздние заимствования, ср. $ёмёр$ 'век, эпоха' ($\langle a. \text{عصر}$). Второй рефлекс $*ö$ — редуцированный гласный: $täk-$ 'лить' ($\langle *tök-$), $käk$ 'корень, основание' ($\langle *kök$), $kämäl$ 'настроение' ($\langle *köñil$), $käbäk$ 'пена' ($\langle *köñik$), $kägär$ 'грудь' ($\langle *kökis$), $këbär$ 'мост' ($\langle *köñir$), $kämräk$ 'древесный уголь' ($\langle *kömiräk$).

$/*ö/$ — туркм. $ö$, якут. $yö$. В других тюркских языках рефлекс $*ö$ и $*ö$ в основном совпали, ср. гаг. $\dot{y}ördäk \sim \dot{i}ördäk$ 'утка' ($\langle *örtäk$); кар. (диал.) $\dot{y}rdäk$ 'утка' ($\langle *örtäk$), $\dot{y}z$ 'сам' ($\langle *öc$), $käk$ 'голубой' ($\langle *kök$), $\dot{y}rt$ 'четыре' ($\langle *ört$); чуваш. $nül-$ 'отделять, отрезать' ($\langle *nöl-$), $külä$ 'озеро' ($\langle *kölä$), $tün-$ 'опрокидываться' ($\langle *tön-$); ср. также в заимствованиях из татарского языка: kus' 'глаз' ($\langle küz \langle *köc$), $кур-$ 'видеть' ($\langle күр \langle *көр-$), $tüs-$ 'терпеть' ($\langle түз \langle *төс-$). В начале слова в чувашском языке $*ö > va, vë, vi$: $varä$ 'середина' ($\langle *öc$), $vät$ 'жёлчь' ($\langle *öt$), $vëjë$ 'месть', 'злоба' ($\langle *öç$), vil 'роса' ($\langle *ölä$).

В отличие от $*ö$ пратюркский $*ö$ в чувашском языке в ряде слов отразился в сочетании $äva$, ср. $käväk$ 'синий' ($\langle *kök$), $tävät \sim tävadä \sim tävattä$ 'четыре' ($\langle *ört$), $kävaba$ 'пуп' ($\langle *köbäk$), $avät-$ 'петь (о птицах)' ($\langle *öt-$); $kävär$ 'горячие угли', 'жар' ($\langle *köc$).

$/*y/$ — азерб., алт., балк., гаг., кар., кирг., кум., тув., тур., туркм., уйг., хак., шор., якут. y .

³⁷ А. М. Аппаев. К вопросу о диалектной базе карачаево-балкарского литературного языка. Сб. «Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана», Нальчик, 1963, стр. 143.

³⁸ См.: J. N é m e t h. Le passage $ö > ü$ dans les parlers turcs de la Roumélie nord-ouest. RO, XVII, 1953, стр. 114—121.

³⁹ См.: Д. Г. Назанцев. Фонема $ö$ в йошкар-олинском говоре марийского языка. Сб. «Вопросы марийского языкознания», I, Йошкар-Ола, 1964, стр. 86—88.

⁴⁰ См.: N. A. B a s k a k o v. Türk dillerinde ön vokallerin düzleşmesi ve karaimcenin Halicz-Luck lehçesinde $ö > e$ ve $ü > i$ değişmeleri. Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten. Türk dili kurumu yayınları, 234, Ankara, 1964, стр. 33—37.

В гагаузском языке начальный *ǰ* факультативно принимает *j*.

В узбекском языке отражения **u* и **ǰ* совпали в одном гласном — *u*, продвинутом вперед.

В башкирском, казахском, каракалпакском, ногайском и татарском языках рефлекс **ǰ*, будучи сверхкратким, несколько расширился, ср.

	<i>*kǰl</i> 'зола'	<i>*nǰk-</i> 'гнуть'
башк.	<i>kǰl</i>	<i>bǰk-</i>
казах.	<i>kǰl</i>	<i>bǰk-</i>
к.-калп.	<i>kǰl</i>	<i>bǰk-</i>
ног.	<i>kǰl</i>	<i>bǰk-</i>
тат.	<i>kǰl</i>	<i>bǰk-</i>

В диалектах ряда тюркских языков (караимского, татарского и др.) получил широкое распространение процесс делабиализации *ǰ*, ср. кар. (диал.) *ǰirǰk* 'сердце' (< **ǰǰrǰk*), *kil-* 'смеяться' (< **kǰl-*).

В чувашском языке на месте **ǰ* выступает редуцированный гласный, ср. *kǰl* 'зола' (< **kǰl*), *nǰk-* 'гнуть' (< **nǰk-*), *kǰmǰl* 'серебро' (< **kǰmǰl*), *nǰr-* 'делать складки' (< **nǰr-*), *kǰrǰǰ* 'зять, жених' (< **kǰǰǰrǰǰ*), *mǰǰǰm* 'дым' (< **mǰǰǰm*), *kǰrǰǰsh-* 'бороться' (< **kǰrǰǰsh-*).

*/*ǰ̄/* — туркм. *ǰ̄* ~ *ǰ̄i*, якут. *ǰ̄*. В других тюркских языках рефлекс **ǰ̄* и **ǰ* совпали, ср. кар. (диал.) *is* 'три' (< **ǰ̄ch* ?), *in* 'слово' (< **ǰ̄n*), *kis* 'сила' (< **kǰ̄ch*); чуваш. *sǰt* 'молоко' (< **sǰt*), *kǰr* 'осень' (< **kǰ̄s*), *mǰn* 'дно' (< **mǰ̄n*), *mǰs* 'цвет' (< **mǰ̄s*), *sǰrǰ* 'кольцо' (< **ǰ̄ǰsǰrǰ*), *kǰǰǰ* 'стадо' (< **kǰ̄ǰǰ*), *kǰndǰr* 'полдень' (< **kǰ̄ndǰr*), *sǰr* 'сто' (< **ǰ̄s*), *kǰt-* 'ждать' (< **kǰ̄t-*), *mǰlǰk* 'сон, сновидение' (< **mǰ̄lǰk*), *mǰrǰ* 'прямо' (< **mǰ̄s*), *kun* 'день' (< **kǰ̄n*), *vǰr-* 'дуть' (< **ǰ̄r-*), *vis* ~ *visǰ* ~ *visǰǰ* 'три' (< **ǰ̄ch*).

*/*i/* — азерб., алт., балк., гаг., кар., кирг., кум., тув., тур., туркм., узб., уйг., якут. *i*.

В гагаузском языке перед начальным *i* возможно появление протетического *j*, ср. *ǰic-* 'пить'.

В балкарском, башкирском, казахском, каракалпакском, ногайском, татарском и хакасском языках, а также в диалектах таких языков, как тувинский⁴¹ и уйгурский, **i* отразился в сверхкратком полуузком гласном *ǰ*, акустически близком к *ǰ̄*, особенно в языках Поволжья (см. стр. 33), в чувашском языке — в редуцированном гласном, см. чуваш. *ǰs'* 'пить' (< **ǰch-*), *nǰl-* 'знать' (< **nǰl-*), *nǰt-* 'кончатся' (< **nǰt-*), *sǰt-* 'теряться' (< **ǰt-*), *ǰnǰ* 'корова' (< **ǰnǰk*), *ǰsh* 'внутренность' (< **ǰch*), *ǰǰǰn-* 'греться' (< **ǰsǰn- ~ *ǰsǰn-*), *ǰǰǰna* 'муха' (< **ǰsǰnǰk*), *ǰǰǰnǰr* 'жила' (< **ǰsǰnǰr*); ср. также: *kǰrǰk* 'грязь' (< **kǰrǰk*).

*/*ī/* — туркм. *ī* (*īi*), якут. *ī*. В других тюркских языках рефлекс **ī* и **i* совпали, ср. в чувашском языке: *ǰs'* 'работа, труд' (< **ǰsh ~ *ǰsh*), *kǰr-* 'входить' (< **kǰr-*), *nǰr ~ nǰrǰǰ* 'один' (< **nǰr*), *sǰvǰ* 'шов' (< **ǰvǰ*); ср. также: *mǰr-* 'нанизывать' (< **mǰs-*); в начале слова — *ǰǰ*: *ǰǰnǰ* 'нора' (< **īn*).

Ниже мы помещаем таблицу основных фонетических репрезентаций пратюркских гласных фонем в современных тюркских языках.

Из всех современных тюркских языков необходимо особо выделить чувашский как язык, в котором отсутствуют единообразные рефлексивы праязыковых гласных. Обособленное место, занимаемое чувашским языком в отражении общетюркского достояния, постоянно привлекает к нему

⁴¹ См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбаха. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 10—12.

Языки \ Праформы	/ * a / a	/ * ā / ā, ĭa	/ * o / o	/ * ō / ō, yo	/ * y / y	/ * ŷ / ŷ, yĭ
Азербайджанский	a	a	o	o	y	y
Алтайский	a	a	o	o	y	y
Балкарский	a	a	o	o	y	y
Башкирский	a	a	y	y	ō	ō
Гагаузский	a	a	o	o	y	y
Казахский	a	a	o	o	ŷ	ŷ
Караимский	a	a	o	o	y	y
Каракалпакский	a	a	o	o	ŷ	ŷ
Киргизский	a	a	o	o	y	y
Кумыкский	a	a	o	o	y	y
Ногайский	a	a	o	o	ŷ	ŷ
Татарский	a	a	y	y	ō	ō
Тувинский	a', a, ĭ	a, ĭ	o', o	o	y', y	y
Турецкий	a	a	o	o	y	y
Туркменский	a	ā, a	o	ō, o	y	ŷ, y
Узбекский	a, o	o	ŷ	ŷ	y	y
Уйгурский	a	a	o	o	y	y
Хакасский	a	a	o	o	y	y
Чувашский	ĭ, y, a	y	ā', y	ā', y	ā (ē)	ā (ē)
Шорский	a	a	o	o	y	y
Якутский	a, ĭ	ā, a	o	yo, o	y, ĭ	ŷ, y

/ *ī / ī	/ *ī̄ / ī̄, ī̄i	/ *ā / ā, ā	/ *ā̄ / ā̄, ā̄, ā̄i	/ *ō / ō	/ *ō̄ / ō̄, ō̄ō	/ *ȳ / ȳ	/ *ȳ̄ / ȳ̄, ȳ̄i	/ *i / i	/ *ī̄ / ī̄, ī̄i
ī	ī	ā, ā	ā, ā	ō	ō	ȳ	ȳ	i	i
ī	ī	ā̄	ā̄	ō	ō	ȳ̄	ȳ̄	i	i
ī	ī	ā̄	ā̄	ō	ō	ȳ̄	ȳ̄	i	i
ī̄	ī̄	i	i	ȳ	ȳ	ō̄	ō̄	ī̄	ī̄
ī	ī	ā̄	ā̄	ō	ō	ȳ̄	ȳ̄	i	i
ī̄	ī̄	ā̄	ā̄	ō	ō	ȳ̄	ȳ̄	ī̄	ī̄
ī	ī	ā̄	ā̄	ō	ō	ȳ̄	ȳ̄	i	i
ī̄	ī̄	ā̄	ā̄	ō	ō	ȳ̄	ȳ̄	ī̄	ī̄
ī	ī	ā̄	ā̄	ō	ō	ȳ̄	ȳ̄	i	i
ī̄	ī̄	ā̄	ā̄	ō	ō	ȳ̄	ȳ̄	ī̄	ī̄
ī̄	ī̄	i	i	ȳ	ȳ	ō̄	ō̄	ī̄	ī̄
ī', ī̄	ī	ā', ā̄	ā̄	ō', ō̄	ō̄	ȳ', ȳ̄	ȳ̄	i', i	i
ī̄	ī̄	ā̄	ā̄	ō̄	ō̄	ȳ̄	ȳ̄	i	i
ī̄	ī̄, ī̄	ā̄	ā̄, ī̄	ō̄	ō̄, ō̄	ȳ̄	ȳ̄, ȳ̄	i	ī̄, i
i	i	ā̄	ā̄	ȳ	ȳ	y	y	i	i
i	i	ā̄, ā̄	ā̄, ā̄	ō̄	ō̄	ȳ̄	ȳ̄	i	i
ī̄	ī̄	i, ā̄	i, ā̄	ō̄	ō̄	ȳ̄	ȳ̄	ī̄	ī̄
ā̄ (ē)	ā̄ (ē)	i, ȳ, a	i, a	ȳ, ā̄ (ē)	ȳ, ā̄ea	ē	ē	ē (ā̄)	ē
ī̄	ī̄	ā̄	ā̄	ō̄	ō̄	ȳ̄	ȳ̄	i	i
ī̄	ī̄, ī̄	ā̄, i	ī̄ā̄, ā̄	ō̄	ȳ̄ō̄, ō̄	ȳ̄	ȳ̄, ȳ̄	i	ī̄, i

внимание тюркологов, и вот уже на протяжении более чем столетия он является объектом специального изучения и сравнительных исследований.

Оправдан ли повышенный интерес тюркологов к чувашскому языку с чисто компаративистической точки зрения? Можно ли рассматривать чувашский язык как сохранивший наибольшее количество архаических черт и, следовательно, имеющий чрезвычайно важное значение для сравнительной тюркологии?

На эти вопросы нельзя дать положительного ответа. Попытки восстановить фонологическую систему тюркского праязыка с учетом преимущественно материалов чувашского языка оказались безуспешными. Отсутствие единой передачи одних и тех же гласных в словах, заимствованных из других языков, указывает на ведущую роль внеязыковых факторов развития чувашского языка, обусловивших многообразие чувашско-тюркских фонетических соответствий. Об этом же свидетельствуют и результаты реконструкции фонологической системы древнечувашского языка, полученные З. Гомбоцем.

Известно, что предки чувашей появились в Поволжье сравнительно поздно и заняли территорию, населенную нетюркскими племенами, которые они частично потеснили, а частично ассимилировали. И, конечно, процесс ассимиляции чувашами нетюркских племен не прошел бесследно для них самих. Для более позднего периода характерны тесные контакты предков чувашей с представителями других тюркских народностей Поволжья.

Таким образом, в истории чувашского языка существовали благоприятные условия для интенсивного проявления двух внеязыковых факторов: воздействия субстрата и межъязыкового, а также междиалектного смешения. Очевидно, этим объясняется значительная диалектная раздробленность чувашского языка и многообразие внутричувашских соответствий гласных, ср. *шăбашкар* ~ *шобашкар* ~ *шубашкар* — название города (Чебоксары),⁴² *j̄vas'* ~ *jāvās'* 'дерево', *s'ïdar* ~ *s'ädar* 'подушка', *s'umăr* ~ *s'ämăr* 'дождь'.⁴³

Выше была дана краткая характеристика рефлексов праязыковых гласных в односложных словах и, отчасти, в первом слоге многосложных слов; что касается гласных непервых слогов, то рефлексy их не представляют большого интереса ввиду значительной синтагматической обусловленности вокализмом первого слога.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СОГЛАСНЫХ

В тюркском праязыке, как отмечалось выше, имело место следующее распределение согласных фонем: сонанты употреблялись в конце слова и отсутствовали в начале, несонанты выступали и в начальной, и в конечной позициях.

Фонетическая репрезентация сонантов была относительно единообразной. Несонанты, как правило, имели три аллофона: 1) в начале слова (сильный, глухой); 2) в конце односложного слова, после кратких гласных (менее сильный, глухой); 3) в конце односложного слова, после долгих гласных (слабый, расположенный к озвончению). Глухость или звонкость слабых аллофонов находились в некоторой зависимости от характера самих звуков: *ʃ*, *s* и *ш* могли быть звонкими, смычные и смычно-щелевые, для которых также не была исключена возможность озвончения в положении после долгих гласных, были обычно глухими.

⁴² А. С. К а н ю к о в а. Некоторые особенности диалектов чувашей тури и анатри, стр. 84.

⁴³ В. Г. Е г о р о в. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, I, стр. 183.

/ *ʃ / — в алтайском языке *ʃ₁ развился в ʃ' (среднеязычный смычный полувзвонкий), в тувинском, хакасском и шорском — в ч (в качинском и бельтирском диалектах хакасского языка — полувзвонкий), в чувашском — в с', в якутском — в с, в малкарском диалекте балкарского языка — в з, в балкарском, казахском, каракалпакском, ногайском и татарском языках — в ж (ǰ), в тофаларском и киргизском языках — в ǰ, в остальных тюркских языках — в j, ср.

	*ʃās	*ʃā	*ʃil	*ʃōk	*ʃār	*ʃōl
	‘весна, лето’	‘ешь’	‘год’	‘нет’	‘земля’	‘дорога’
алт.	ʃas	ʃi	ʃil	ʃok	ʃār	ʃol
балк. (малкарск.)	zas	—	zil	zok	zār	zol
казах.	ǰas	ǰā	ǰil	ǰok	ǰār	ǰol
тув.	čas	ci	čil	čok	čār	čol ‘судьба’
туркм.	jāδ	iǰ	jil	jōk	jār	jōl
чуваш.	s'ur	s'i	s'ul	s'uk	s'ēr	s'ul
якут.	sās	siǰ	sil	sox	sir	sool

В азербайджанском языке j, развившийся из *ʃ₁, в ряде слов перед узкими гласными выпал, ср. *il* ‘год’, *ilxī* ‘табун лошадей’, *ilan* ‘змея’, *ulduz* ‘звезда’, *üz* ‘лицо’. Ср. также: уйг. *ilan* ‘змея’, *üz* ‘лицо’.

Указанные рефлексy не являются единственными для того или иного тюркского языка. В ряде языков вследствие смешения диалектов обнаруживаются разные отражения *ʃ₁ и имеет место частичное нарушение в общем вполне строгих закономерностей фонетических соответствий. Колебания обычно касаются j и ǰ (ж), ср. тат. *jaz* ‘весна’, *juk* ‘нет’, *ǰip* ‘нить’, *ǰidī* ‘семь’, *ǰimīsh* ‘фрукт’ (ж характерен для среднего диалекта, j — для западного);⁴⁴ уйг. *jaz* ‘лето’, *jok* ‘нет’, *jil* ‘год’, причем j принято считать типичным для огузской и карлукско-уйгурской групп, ǰ — для кыпчакских языков. В якутском языке ǰ встречается в тюркских словах, перезаимствованных из монгольских языков, ср. *sil* ‘год’ и *jil* ‘год, время’ (календ.). В балкарском, ногайском и татарском языках ж сам по себе варьирует от щелевого до смычно-щелевого. В якутском языке на месте *ʃ₁ в ограниченной группе слов возможны ч и j, ср. *чубас* ‘близкий’, *чaxчi* ‘хорошо’.⁴⁵ В джебраильском говоре азербайджанского языка на месте *ʃ₁ выступает з, например: *zāx* ‘щека’, *zaman* ‘плохо’, *zālın* ‘голый’;⁴⁶ в некоторых татарских говорах — з,⁴⁷ в говорах кызыльского диалекта хакасского языка — ш и j, в говорах шорцев с р. Кондомы — т', в северных диалектах алтайского языка — ч, j и т. д.⁴⁸ В чувашском языке наряду с регулярно выступающим с' в небольшой группе слов представлен j, ср. *jānāsh* ‘ошибка’, *jālān* ‘умолять, просить’, *jērēn* ‘испытывать отвращение’, *jabān* ‘близко’. Эти

⁴⁴ В говоре параньгинских татар j и ж употребляются параллельно, так как являются факультативными вариантами. См.: Н. Б. Б у р г а н о в а. Из наблюдений над говором параньгинских татар (по материалам экспедиции 1953 года). Изв. Казанского филиала АН СССР, серия гуманитарных наук, I, 1955, стр. 106.

⁴⁵ См.: Н. К. А н т о н о в. О соответствии начальных с//й в якутских и тюркских именных основах. Тр. ИЯЛИ Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР, 4 (9), Якутск, 1963, стр. 41—48.

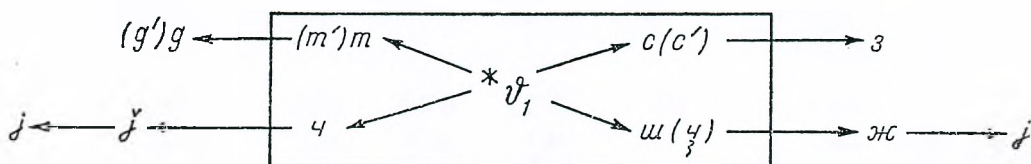
⁴⁶ М. Ш. Ш и р а л и е в. Кыпчакские элементы в азербайджанском языке, стр. 12.

⁴⁷ Л. Ж э л е й. Татар теленең тарихи фонетикасы буенча материаллар, стр. 66.

⁴⁸ См.: Н. П. Д ы р е н к о в а. 1) Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 30; 2) Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 18; Н. А. Б а с к а к о в. 1) Диалекты алтайского языка. Уч. зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, I, Горно-Алтайск, 1956, стр. 5; 2) Алтайский язык. М., 1958, стр. 70; Н. А. Б а с к а к о в, А. И. И н к и ж е к о в а - Г р е к у л. Фонетические особенности хакасского языка и его диалектов. Тр. ИЯ АН СССР, IV, 1954, стр. 334, 359.

слова появились в чувашском языке поздно (из татарского языка?) и выделяются в автономную группу особенностями репрезентации некоторых пратюркских согласных, например: *ш* на месте $*ш_3$.

Многообразие рефлексов пратюркского $*\vartheta_1$ является следствием двух фонетических процессов, происходивших в разное время и неодинаково охвативших разные тюркские диалекты: дивергенции по способу образования, вызванной неопределенностью преграды, и ослабления артикуляции. Эти процессы можно изобразить в следующей схеме:



Первый процесс носил общетюркский характер, второй получил региональное выражение. Ослабление, с последующим озвончением или сонантизацией, произошло во всех тюркских языках за пределами Сибири и Алтая; в чувашском и сибирских тюркских языках рефлексами $*\vartheta_1$ являются глухие согласные. В этом отношении последние оказываются более древними, чем все другие тюркские языки. Любопытно, что в якутском языке, при наличии в анлауте *с* (ср. тур., туркм., узб. $j < *\vartheta_1$), *j* в заимствованных словах замещается звонкой аффрикатой *ʃ*. Примеры: *ʃуот* 'иод', *ʃāhīла* 'ясли', *ʃуолка* 'елка', *ʃākīр* 'якорь', *ʃāріс* 'ярус'.

Особого внимания заслуживают случаи появления на месте $*\vartheta_1$ звука *н*, ср. саг. *нан* 'сторона', *нін* 'кал', *ніскā* 'тонкий', *наман* 'плохой'; саг., койб. *наңмір* 'дождь', *нан* 'возвращайся'; саг., шор. *нузрук* 'кулак'; шор. *німірт* 'черемуха', *нәңā* 'невестка', 'жена старшего брата'. Появление *н* в приведенных словах вызвано ассимилятивным воздействием носовых согласных (в словах *ніскā* 'тонкий' и *нузрук* 'кулак' носовые согласные выпали, ср. др.-тюрк. *јінчкā*, койб. *нумзурук*).

В говорах ряда тюркских языков *j* и *н*, развившиеся из $*\vartheta_1$, в положении перед узкими гласными выпали, ср., например, в западных говорах йомудского диалекта туркменского языка: *ўрэк* 'сердце', *їлдїз* 'звезда', *ўк* 'вьюк', *ўз* 'лицо', *їлāн* 'змея';⁴⁹ в бельтирском говоре хакасского языка: *їмірха* 'яйцо', *їмірт* 'черемуха', *їмах* 'сказка', *їскāїжк* 'тонкий'.⁵⁰

Выступающий на месте $*\vartheta_1$ в зангеланском говоре азербайджанского языка *δ*, ср. *дәнā* 'опять, еще', *думру* 'круглый', *дōндām* 'вид, наружность'⁵¹ развился, очевидно, в результате ассимилятивных процессов.

Звук *δ* ($*\vartheta_{2,3}$) был реальным фонетическим явлением вплоть до XI—XII вв. По свидетельству Махмуда Кашгарского он употреблялся в языке чигилей, в языках же ягма, тухси, кыпчаков, ябагу, татар, кай, чумул и огузов ему соответствовал *j*, у некоторых кыпчаков, иймаков, суваров и болгар — *з*.

В большей части современных тюркских языков *δ* ($*\vartheta_{2,3}$) отразился в *j*, в хакасском и шорском — в *с* (в говоре шорцев с р. Кондомы — *j*),⁵² в тувинском и якутском — в *т*, в чувашском — в *р*.

⁴⁹ К. Ш а м у р а д о в. Западные говоры йомудского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1960, стр. 15.

⁵⁰ Ц. Д. Н о м и н х а н о в. Фонетическая особенность бельтирского говора хакасского языка. Изв. АН Казахской ССР, 1—2 (8—9), Алма-Ата, 1959, стр. 63.

⁵¹ См.: С. М. Б е х б у д о в. Зангеланский говор азербайджанского языка. АКД. Баку, 1966, стр. 9.

⁵² Н. П. Д ы р е н к о в а. Грамматика шорского языка, стр. 17.

Примеры:

	* <i>код</i> 'клады, ставь'	* <i>тод</i> 'насы- щайся'	* <i>куд</i> 'лей'	* <i>кад</i> 'надевай'
алт.	<i>кој</i>	<i>тој</i>	—	<i>киј</i>
тув.	—	<i>тот</i>	<i>кут</i>	<i>кѣт</i>
хак.	<i>хос</i>	<i>тос</i>	<i>хус</i>	<i>кис</i>
чуваш.	<i>хур</i>	<i>тӑран</i>	—	—
якут.	—	<i>тот</i>	<i>кут</i>	<i>кѣт</i>

Таким образом, и в этом случае сохранение глухости рассматриваемого согласного наблюдается в языках Сибири и Алтая.

/* *c*/ — во всех тюркских языках, кроме башкирского, туркменского, чувашского и якутского, **c*₁ и **c*₂ совпали в *c*. В башкирском языке **c*₁ изменился в *h*, в туркменском — в *ʃ*, в чувашском — в *c* и *ш*, в якутском языке выпал. Отражением **c*₂ в башкирском и туркменском является *ʃ*, в чувашском и якутском — *c*. П р и м е р ы:

	* <i>суу</i> 'вода'	* <i>сүт</i> 'молоко'	* <i>ас</i> 'вешай'	* <i>кис</i> 'сжи- май'	* <i>сӑс</i> 'бо- лото'
тур.	<i>су</i>	<i>сүт</i>	<i>ас</i>	<i>кис</i>	<i>сӑз(лӑк)</i>
башк.	<i>һөв</i>	<i>һөт</i>	<i>аһ</i>	<i>кӑһ</i>	<i>һаһ</i>
туркм.	<i>дув</i>	<i>дүјт</i>	<i>аһ</i>	<i>бӱһ</i>	<i>дӱһ</i>
чуваш.	<i>шӱв</i>	<i>сӗт</i>	<i>ус</i>	<i>хӗс</i>	<i>шур</i>
якут.	<i>ү</i>	<i>үт</i>	—	<i>кӱһај</i> 'при- тесняй'	—

Двойное отражение **c*₁ в чувашском языке, по всей видимости, не имело комбинаторно-позиционной обусловленности, ср.

<i>c</i>	<i>ш</i>
<i>сӱхла-</i> 'беречь' (< * <i>сакла-</i>)	<i>шурӑ</i> 'белый' (< * <i>сӑрӱ</i> 'жел- тый')
<i>сут-</i> 'продавать' (< * <i>сат-</i>)	<i>шур</i> 'болото' (< * <i>сӑс</i>)
<i>субал</i> 'борода' (< * <i>сакал</i>)	<i>шӱра-</i> 'искать' (< * <i>сӑра-</i>)
<i>сӑмах</i> 'слово' (< * <i>савак</i>)	<i>шӱв</i> 'вода' (< * <i>суу</i>)
<i>сӱвӑ</i> 'здоровый' (< * <i>сау</i>)	<i>шӱвӑр-</i> 'свистеть' (< * <i>сӱкӱр-</i>)
<i>сум</i> 'число' (< * <i>сӑн</i>)	<i>шӱл-</i> 'вытирать' (< * <i>сӱл-</i>)
<i>сулӑ</i> 'плот' (< * <i>сӑл</i>)	<i>шӱмӑ</i> 'кость' (< * <i>сӱңик</i>)
<i>сарӑ</i> 'желтый' (< * <i>сӑрӱ</i>)	<i>шӱнӑр</i> 'жила' (< * <i>сӱңир</i>)
<i>сӑвӑр</i> 'сурок' (< * <i>сууӱр</i>)	<i>шӱрга</i> 'гнида' (< * <i>сӱркӑ</i>)
<i>сӑрӑ</i> 'серый' (< * <i>сӱр</i>)	<i>шӱна</i> 'муха' (< * <i>сӱңӑк</i>)
<i>сӑна-</i> 'испытывать' (< * <i>сӱна-</i>)	
<i>сагӑр</i> 'восемь' (< * <i>сӑкис</i>)	
<i>самӑр</i> 'жирный' (< * <i>сӑмис</i>)	
<i>сӱн-</i> 'гаснуть' (< * <i>сӱн-</i>)	
<i>сӗт</i> 'молоко' (< * <i>сүт</i>)	

Высказанное Н. Н. Поппе предположение о развитии *ш* из **c*₁ перед **i* и **i*⁵³ материалами чувашского языка не подтверждается. Приведенные выше примеры свидетельствуют об отсутствии каких-либо необычных дистрибутивных моментов, объясняющих дивергенцию пратюркского **c*₁ в чувашском языке. Таким образом, необходимо искать другие причины указанного явления. Весьма вероятно принадлежность *c*- и *ш*-слов к раз-

⁵³ Н. Н. П о п п е. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам, III. Изв. АН, VI серия, XIX, 1925, №№ 1—5, стр. 23.

ным диалектам, тем более что в чувашском языке наличие нескольких диалектных пластов легко обнаруживается и на примерах отражения других звуков.

Рефлексом *с₃ был по преимуществу з (полузвонкий или звонкий), в башкирском и туркменском языках⁵⁴ и некоторых говорах татарского языка — δ, в синарско-карабулакском говоре башкирского языка — h, в аргаяшском говоре башкирского языка — φ,⁵⁵ в языках Сибири и Алтая, а также в северных говорах киргизского языка — с,⁵⁶ в чувашском языке — р. П р и м е р ы:

	*к ₃ с 'осень'	*к ₃ с 'гусь'	*к ₃ с 'де-вущка'	*н ₃ с 'лед'	*θ ₃ с 'сто'	*т ₃ с 'ко-лено'	*т ₃ с 'на-низывай'
узб.	куз	боз	киз	муз	јуз	тизза	тиз
туркм.	gūδ	б ₃ δ	к ₃ δ	б ₃ δ	ј ₃ δ	θ ₃ δ	θ ₃ δ
башк.	к ₃ δ	каδ	к ₃ δ	б ₃ δ	ј ₃ δ	т ₃ δ	т ₃ δ
якут.	к ₃ с	х ₃ с	к ₃ с	б ₃ с	с ₃ с	—	т ₃ с
тув.	к ₃ с	кас	к ₃ с	—	ч ₃ с	θ ₃ с ₃ к	θ ₃ с
чуваш.	к ₃ р	хур	х ₃ р	п ₃ р	с ₃ р	ч ₃ р	т ₃ р

В чувашском языке имеется небольшое количество слов, в которых на месте пратюркского *с₃ оказывается с. В подобных случаях, очевидно, мы имеем дело с относительно поздними заимствованиями из других тюркских языков, ср.

	чуваш.	башк.	тат.
	кус ¹ 'глаз'	к ₃ δ	к ₃ з
	с ₃ с 'чувствуй'	к ₃ δ	с ₃ з
	п ₃ с 'разрушай, порти'	б ₃ δ	б ₃ з
	час 'скоро, быстро'	т ₃ δ	т ₃ з

/*ш/ — возможность употребления *ш₁ в начальной позиции была ограниченной или отсутствовала вообще, поэтому о рефлексах *ш₁ в современных тюркских языках можно говорить лишь предположительно.

В казахском, каракалпакском, ногайском и хакасском языках рефлекс *ш₁ и *ш₂ совпали в с,⁵⁷ в якутском языке рефлекс *ш₁ выпал, а рефлекс *ш₂ развился в с, в чувашском языке на месте *ш₁ и *ш₂ появился с', а в туркменском языке *ш₁ отразился в ч. В остальных тюркских языках рефлекс *ш₁ и *ш₂ совпали в ш. П р и м е р ы:

	*ш ₁ ш 'опухоль'	*ш ₁ ш 'оторопей'	*баш 'голова'	*каш 'чеши'	*н ₁ ш 'зрей'	*куш 'птица'
тат.	ш ₁ ш	шаш	баш	каш	н ₁ ш	к ₃ ш
туркм.	ч ₁ ш	ч ₁ ш	баш	баша	б ₁ ш	буш
хак.	с ₁ с	—	п ₃ с	—	н ₁ с	х ₃ с

⁵⁴ По мнению Н. К. Дмитриева, туркменские θ и δ, в отличие от башкирских, — обычные зубные спиранты с неполной смычкой. См.: Н. К. Д м и т р и е в. 1) Согласные ς и ζ в тюркских языках. ИСГТЯ, стр. 251; 2) Th in the modern Turkish languages. Le Monde Oriental, XXIII, Uppsala, 1929, стр. 47.

⁵⁵ См.: Д. Г. К и е к б а е в. О звуках ς, ζ, h и их развитии в башкирском, туркменском и якутском языках. Уч. зап. Башкирского гос. ун-ва, VI, серия филологическая, № 5, Уфа, 1958, стр. 4.

⁵⁶ См.: И. А. Б а т м а н о в. Современный киргизский язык, I. Фрунзе, 1963, стр. 88, 111.

⁵⁷ Появление на месте разных аллофонов /*ш/ звука с наблюдается в говорах и других тюркских языков. См.: Б. П. С а д ы х о в. Кедабекские говоры азербайджанского языка. АҚД. Баку, 1964, стр. 11, 12; М. Ш. Ш и р а л и е в. Кыпчакские элементы в азербайджанском языке, стр. 11.

чуваш.	<i>шĕз'ă</i>	—	<i>пус'</i>	<i>хĕс'</i>	<i>пĕс'</i>	—
якут.	<i>ис</i> 'пухни'	—	<i>бас</i>	—	<i>бус</i>	<i>кус</i> 'утка'

Звук **ш₃*, будучи расположенным к озвончению в меньшей мере,⁵⁸ чем **ш₂₃* и **с₃*, во всех тюркских языках, кроме чувашского, дал те же рефлексy, что и **ш₂*. Для чувашского языка характерен так называемый ламбдаизм, т. е. употребление на месте **ш₃* сонанта *л*, ср.

	<i>*таш</i> 'ка- мень'	<i>*тĕш</i> 'сон, сно- видение'	<i>*тĕш</i> 'зуб'	<i>*пăш</i> 'пять'	<i>*шăш</i> 'слеза'
казах.	<i>тас</i>	<i>тĕс</i>	<i>тĕс</i>	<i>бăс</i>	<i>жас</i>
тув.	<i>даш</i>	<i>дĕш</i>	<i>дĕш</i>	<i>бăш</i>	<i>чаш</i>
туркм.	<i>дăш</i>	<i>дĕш</i>	<i>дĕш</i>	<i>бăш</i>	<i>жăш</i>
хак.	<i>тас</i>	<i>тĕс</i>	<i>тĕс</i>	<i>пĕс</i>	<i>час</i>
чуваш.	<i>чул</i>	<i>тĕлĕк</i>	<i>шăл</i>	<i>пĕлĕк</i>	<i>с'ул'</i>
якут.	<i>тăс</i>	<i>тĕл</i>	<i>тĕс</i>	<i>биăс</i>	—

Слова *ĕс* 'работа' (ср. туркм. *ĕш*, якут. *ĕс*), *шĕз'ă* 'опухоль' (ср. туркм. *чĕш*) и *тĕш* 'грудь' (ср. туркм. *дĕш*, якут. *тĕĕс*) в чувашском языке, в которых на месте ожидаемого *л* выступают *с'* и *ш*, могли быть заимствованы из других тюркских языков Поволжья.

/ **n* / — в хакасском, чувашском и шорском языках **n₁* отразился в относительно сильном глухом, в других тюркских языках — в звонком или полувзвонком *б*. В ряде языков под влиянием последующих носовых согласных или независимо от этого *б* (< *n*) изменился в *м*, например: хак. (бельтир.) *малтĕ* 'топор', *морсĕх* 'барсук'. В азербайджанском и турецком языках наблюдаются случаи спирализации *б* (< *n*), ср. *вĕр* 'дай', *вар* 'иди'. П р и м е р ы:

	<i>*паш</i> 'го- лова'	<i>*пар</i> 'иди'	<i>*пăр</i> 'дай'	<i>*пăн</i> 'я'	<i>*пĕң</i> 'ты- сяча'
тур.	<i>баш</i>	<i>вар</i>	<i>вĕр</i>	<i>бĕн</i>	<i>бĕн</i>
туркм.	<i>баш</i>	<i>бар</i>	<i>бĕр</i>	<i>мĕн</i>	<i>мĕң</i>
хак.	<i>пас</i>	<i>пар</i>	<i>пĕр</i>	<i>мін</i>	<i>муң</i>
чуваш.	<i>пус'</i>	<i>пĕр</i>	<i>пар</i>	<i>ăбĕ</i>	<i>пĕн</i>
шор.	<i>паш</i>	<i>пар</i>	<i>пĕр</i>	<i>мĕн</i>	<i>муң</i>
якут.	<i>бас</i>	<i>бар</i>	<i>биĕр</i>	<i>мін</i>	—

Вследствие отмеченных выше особенностей исторического развития в каждом из тюркских языков обнаруживается некоторое количество слов с отступлением от закономерностей фонетических соответствий. Так, например, в огузских, кыпчакских и карлукско-уйгурских языках в собственнo тюркских словах наряду с *б* изредка выступает *п*.

Рефлексy **n₂* и **n₃* почти во всех тюркских языках совпали (> *n*, обычно нормальный смычный, реже — со слабой смычкой, например в сарайском диалекте хакасского языка, или с небольшим озвончением, ср. в азербайджанском языке и в отдельных диалектах других языков огузской группы). П р и м е р ы:

	<i>*тап</i> 'найди'	<i>*чап</i> 'скачи'	<i>*сап</i> 'ручка'	<i>*кăп</i> 'мешок'; 'сосуд'	<i>*тĕп</i> 'дно'
азерб.	<i>тап</i>	<i>чап</i>	<i>сап</i>	<i>ѓаб</i>	<i>дĕб</i>
казах.	<i>тап</i>	<i>шап</i>	<i>сап</i>	<i>кап</i>	<i>тĕп</i>

⁵⁸ Тем не менее, как справедливо отметил Х. Педерсен, в чувашском языке переходил в *л* только озвонченный *ш* (т. е. *ж*). См.: Н. Р e d e r s e n. Türkische Lautgesetze, стр. 548.

тат.	<i>тап</i>	<i>чап</i>	<i>сап</i>	<i>кап</i>	<i>тӧп</i>
тув.	<i>тӱ'п</i>	<i>шап</i>	—	<i>хап</i>	<i>дӱп</i>
туркм.	<i>тап</i>	<i>чап</i>	<i>џап</i>	<i>џап</i>	<i>дӱп</i>
чуваш.	<i>туп</i>	<i>чуп</i>	—	<i>хубӑ</i>	<i>тӗп</i>
				'кора'	

/**t*/ — в языках огузской группы рефлексом **t*₁ явился преимущественно *ð*, в чувашском языке — *t*, а также *ч* и *ш*, в других тюркских языках, кроме азербайджанского, тувинского и тофаларского (карагасского), — *t*. В азербайджанском, тувинском и тофаларском языках на месте **t*₁ развился слабый полувзвонкий согласный, который с фонологической точки зрения можно отнести к звонким. Ср.

	* <i>t</i> ₁ <i>l</i>	* <i>t</i> ₁ <i>s</i>	* <i>t</i> ₁ <i>ʃ</i>	* <i>t</i> ₁ <i>ɣ</i>	* <i>t</i> ₁ <i>ʃ</i>
	'язык'	'колено'	'зуб'	'гора'	'камень'
тув.	<i>ðil</i>	<i>ðiskəj</i>	<i>ðiʃ</i>	<i>ðaɣ</i>	<i>ðaʃ</i>
тур.	<i>ðil</i>	<i>ðiz</i>	<i>ðiʃ</i>	<i>ðaɣ</i>	<i>taʃ</i>
узб.	<i>tɪl</i>	<i>tiz</i>	<i>tɪʃ</i>	<i>tɔɣ</i>	<i>tɔʃ</i>
чуваш.	<i>чӗлӑ</i>	<i>чӗр</i>	<i>шӑл</i>	<i>ту</i>	<i>чул</i>
якут.	<i>tɪl</i>	—	<i>tɪs</i>	<i>tɪa</i>	<i>tɪs</i>
				'лес'	
туркм.	<i>ðil</i>	<i>ðid</i>	<i>ðiʃ</i>	<i>ðaɣ</i>	<i>ðaʃ</i>
тофал.	<i>ðil</i>	—	<i>ðiʃ</i>	<i>ðaɣ</i>	<i>ðaʃ</i>

Развитие на месте **t*₁ в чувашском языке *ч* происходило обычно перед нелабиализованными узкими гласными твердого и мягкого ряда, ср. 1) *тӑм* 'мороз' (<**тонк*), *тӑт*- 'держать', 'хватать' (<**тут*-), *тӑна* 'телка' (<**тӑна*), *тӑв*- 'касаться' (<**тӑв*'-); 2) *чул* 'камень' (<**тӑш*), *чӗтрӑ*- 'дрожать' (<**тӑтрӑ*-), *чӗр* 'колено' (<**тӑс*), *чӗл*- 'разделять на полосы' (<**тӑл*-), *чӑк*- 'вставлять, колоть' (<**тӑк*-), *чӗм* 'дыхание' (<**тӑн*), *чӗрнӑ* 'ноготь' (<**тӑрнӑк*), *чӑрмала*- 'царапать' (<**тӑрмала*-), *чӑвӑ* 'курица' (<**так-й*). Указанная закономерность нарушается редко (ср. *чул* 'камень', *чӑвӑ* 'курица'), и хотя причины нарушений не вполне ясны, все же можно с уверенностью сказать, что это не дает оснований реконструировать новые архетипы. В дополнение к изложенному заметим, что в чувашских говорах наблюдается чередование *t* ~ *ч*. Ср. в кахском диалекте азербайджанского языка: *чиш* 'зуб' (<**тӑш*), *чиш* 'спускайся' (<**тӑш*), *чиши* 'самка' (<**тӑши*).⁵⁹

Рассматриваемый переход должен датироваться довольно поздним временем: он наблюдается в заимствованиях из персидского и русского языков; *ч*, развившийся из *t*, не перешел в *с'*, в то время как на месте общетюркского **ч* в чувашском языке выступает *с'*.⁶⁰

Условия, при которых в чувашском языке рефлексом **t*₁ оказался *ш*, не ясны. Пример подобного отражения, приведенный выше, является, пожалуй, единичным, и, может быть, правы те тюркологи, которые не воспринимают связь чувашского *шӑл* 'зуб' с общетюркским **тӑш* как бесспорную.

Появление на месте **t*₁ заднеязычного *к* в галицком диалекте каримского языка О. Прицак объясняет влиянием украинского языка, ср. *кӑз* 'ровный, прямой' (<**тӑз*), *кӑшчӑлӑр* 'упали, опустились' (<**тӑш*-

⁵⁹ М. Ш. Ш и р а л и е в. Кыпчакские элементы в азербайджанском языке, стр. 9.

⁶⁰ См.: J. V e n z i n g. Das Tschuwaschische. Fundamenta, I, стр. 742. Л. С. Л е в и т с к а я. Заметки о чувашском консонантизме, 1. Общетюркский *t* ~ чувашский *ч*. Уч. зап. [Чувашского] НИИЯЛИ, XXVIII, Чебоксары, 1965, стр. 39—41.

milär).⁶¹ Ср. также: чуваш. *кĕлĕ-* 'хотеть, желать', 'просить', тат. (диал.) *кĕлĕ-* 'молить, умолять' (< *тĕлĕ-*).

Ослабление рефлексов $*m_1$ в тюркских языках началось в общетюркское время, и некоторое количество слов с начальным звонким встречается почти во всех тюркских языках (ср. уйг. диал. *доп* 'мяч', *долкун* 'волна', *допла* 'собери';⁶² ног. диал. *долкун* 'волна', *дәнĕз* 'море', *давĕс* 'голос', *дөгөрөк* 'круглый', *дĕмалак* 'шарик', *дĕрĕк* 'опора'⁶³), однако этот процесс имел значительно большую региональную выраженность, чем ослабление рефлексов $*n_1$. Поэтому во многих языках для анлаута подавляющего большинства слов характерен *m*.

Ослабление начальных согласных представляет собой общетюркскую тенденцию, предопределившую в конечном итоге структуру консонантических систем многих современных тюркских языков. Оно происходило, очевидно, еще в праязыке и особенно интенсивно — на стадии существования региональных общностей. Причины его следует искать во взаимодействии согласных с гласными как внутри слова, так и в ритмических группах (внутреннее и внешнее сандхи),⁶⁴ отчасти в исчезновении так называемой первичной долготы гласных. Причиной ослабления и последующего озвончения могло быть также просто положение согласных перед гласными в слове.

$*m_2$ и $*m_3$ почти во всех тюркских языках отразились в виде *m*. В азербайджанском языке на месте $*m_2$ выступает сильный, аспирированный *m*, на месте $*m_3$ — соответствующий слабый, подвергающийся озвончению в своей начальной части.⁶⁵ Ср.

	<i>*at</i> 'лошадь'	<i>*āt</i> 'имя'	<i>*cūt</i> 'молоко'	<i>*ot</i> 'трава'	<i>*ōt</i> 'огонь'
азерб. <i>at</i>	<i>ad</i>	<i>cūd</i>	<i>ot</i>	<i>od</i>	
тув. <i>a't</i>	<i>at</i>	<i>cūt</i>	<i>o't</i>	<i>ot</i>	
тур. <i>at</i>	<i>at</i>	<i>cūt</i>	<i>ot</i>	<i>ot</i>	
хак. <i>at</i>	<i>at</i>	<i>cūt</i>	<i>ot</i>	<i>ot</i>	
якут. <i>at</i>	<i>āt</i>	<i>ūt</i>	<i>ot</i>	<i>uot</i>	
туркм. <i>at</i>	<i>āt</i>	<i>đūt</i>	<i>ot</i>	<i>ōt</i>	

/*k/ — на месте $*k_1$ (увулярный или относительно глубокий заднеязычный), сохранившегося в большинстве тюркских языков, в кумыкском, тувинском и якутском языках встречаются *k* и *x*, в хакасском — *x*, в чувашском — *x* и *j* (в небольшой группе заимствованных слов — *k*: *кажĕк* 'ложка', *калај* 'белая жесть', *кашкĕр* 'волк', *кĕмĕс* 'кумыс'), в азербайджанском — слабый, полувзвонкий,⁶⁶ в туркменском — *ɓ*, в тофалар-

⁶¹ O. P r i t s a k. Das Karaimische. Fundamenta, I, стр. 329.

⁶² См.: Л. А. А г а н и н а. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский район). АҚД. М., 1954, стр. 8.

⁶³ С. А. К а л м ы к о в а. О фонетической системе акногайского диалекта ногайского языка. Тр. Карачаево-Черкесского НИИЯЛ, III, филологическая серия, Черкесск, 1959, стр. 73.

⁶⁴ См.: Н. К. Д м и т р и е в. 1) Грамматика башкирского языка, стр. 35; 2) Ассимиляция и диссимиляция согласных в кумыкском языке. ИСГТЯ, стр. 300; Д. Г. К и е к б а е в. О согласных *к-к* и *в-в* в начале слова в башкирском и других тюркских языках. Уч. зап. Башкирского гос. ун-в., VI, серия филологическая, № 5, Уфа, 1958, стр. 17—22; A. S a f e r o ğ l u. Die anatolischen und rumelischen Dialekte. Fundamenta, I, стр. 249.

⁶⁵ Ф. К я з и м о в. Система гласных фонем азербайджанского языка, стр. 297.

⁶⁶ Н. И. Ашмарин определял этот звук как неполновзвонкий, приглушаемый (Н. И. А ш м а р и н. Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи. Тр. общества обследования и изучения Азербайджана, 6, Баку, 1926, стр. 19, 20), Е. Д. Поливанов — как глухой (Е. Д. П о л и в а н о в. О буквах *k* и *q*. Сб. «Культура и письменность Востока», III, Баку, 1928, стр. 53), тогда как Н. К. Дмитриев считал его звонким (1) Quatrains populaires de l'Azerbaïdjan. Recueillis, transcrits et traduits par M^{me} O. Chatskaya, avec introduction de N. K. D m i t r i e v. JA, CCXII, 1928, стр. 232;

ском (карагасском) — *k* и *h*, в касимовском говоре татарского языка — гортанный смычный (у В. А. Гордлевского — «нечто вроде арабской гамзы»). П р и м е р ы:

	* <i>kāl</i> 'ос- танья'	* <i>kum</i> 'песок'	* <i>kār</i> 'снег'	* <i>kol</i> 'рука'	* <i>kīn</i> 'ножны'
касимовск.	' <i>āl</i>	' <i>ōm</i>	' <i>ār</i>	' <i>ul</i>	—
кум.	<i>kal</i>	<i>xum</i>	<i>kar</i>	<i>kol</i>	<i>kīn</i>
тофал.	<i>hal</i> (~ <i>kal</i>)	<i>hum</i> (~ <i>kum</i>)	<i>har</i> (~ <i>kar</i>)	<i>hol</i> (~ <i>kol</i>)	—
тув.	<i>kal</i>	<i>kum</i>	<i>xar</i>	<i>xol</i>	<i>xīn</i>
тур.	<i>kal</i>	<i>kum</i>	<i>kar</i>	<i>kol</i>	<i>kīn</i>
туркм.	<i>ḡāl</i>	<i>ḡum</i>	<i>ḡār</i>	<i>ḡol</i>	<i>ḡīn</i>
узб.	<i>kāl</i>	<i>kum</i>	<i>kār</i>	<i>kūl</i>	<i>kīn</i>
хак.	<i>xal</i>	<i>xum</i>	<i>xar</i>	<i>xol</i>	<i>xīn</i>
чуваш.	<i>jul</i>	—	<i>jur</i>	<i>xul</i>	<i>jēnē</i>
якут.	<i>xāl</i>	<i>kumax</i>	<i>xār</i>	<i>xol</i>	<i>kīn</i>

Согласный **k*₁ (заднеязычный) ⁶⁷ в азербайджанском, кумыкском, турецком, туркменском и, отчасти, каракалпакском ⁶⁸ языках отразился в виде соответствующего звонкого (в азербайджанском языке — среднеязычного полувзвонкого), в тувинском — *k* и *x*, в диалектах азербайджанского и турецкого языков — *ç* и *ğ* (ср. *çörpü* 'мост', *çişi* 'мужчина', *ğälın* 'невеста'; ⁶⁹ *çändi* 'сам', *çışnā-* 'ржать', *ğäl-* 'приходить' ⁷⁰), в тофаларском — *k* и *h*, ⁷¹ в других тюркских языках — *k*. П р и м е р ы:

	* <i>kāl</i> 'приди'	* <i>kōs</i> 'глаз'	* <i>kōl</i> 'озеро'	* <i>kūn</i> 'день'	* <i>kūç</i> 'сила'	* <i>kīr</i> 'войди'
азерб.	<i>gāl</i>	<i>gōz</i>	<i>gōl</i>	<i>gūn</i>	<i>gūj</i>	<i>gīr</i>
кум.	<i>gāl</i>	<i>gōz</i>	<i>kōl</i>	<i>gūn</i>	<i>gūç</i>	<i>gīr</i>
тофал.	<i>kāl</i> (~ <i>hāl</i>)	<i>kōs</i> (~ <i>hōs</i>)	<i>kōl</i> (~ <i>hōl</i>)	<i>kūn</i> (~ <i>hūn</i>)	<i>kūç</i> (~ <i>hūç</i>)	<i>kīr</i> (~ <i>hīr</i>)
тув.	<i>kāl</i>	—	<i>xōl</i>	<i>xūn</i>	<i>kūç</i>	<i>kīr</i>
тур.	<i>gāl</i>	<i>gōz</i>	<i>gōl</i>	<i>gūn</i>	<i>gūç</i>	<i>gīr</i>
туркм.	<i>gāl</i>	<i>gōḡ</i>	<i>kōl</i>	<i>gūn</i>	<i>gūç</i>	<i>gīr</i>
узб.	<i>kāl</i>	<i>kūz</i>	<i>kūl</i>	<i>kun</i>	<i>kuch</i>	<i>kīr</i>
хак.	<i>kāl</i>	—	<i>kōl</i>	<i>kūn</i>	<i>kūç</i>	<i>kīr</i>
чуваш.	<i>kāl</i>	<i>kus'</i>	<i>kūl'</i>	<i>kun</i>	—	<i>kēr</i>
якут.	<i>kāl</i>	<i>kōs</i> (<i>xarax-</i> <i>kōs</i>)	<i>kūōl</i>	<i>kūn</i>	<i>kūç</i>	<i>kīr</i>

Наиболее общими линиями развития пратюркских **k*₁ и **k*₂ является их ослабление и озвончение, чаще в языках огузской группы, и спиранти-

2) *Turkmenische Lieder. Islamica*, VI, Leipzig, 1933, стр. 114). Р. О. Шор на основании экспериментального исследования сделала вывод о том, что указанный согласный в азербайджанском языке «в положении перед гласным в начале слова может быть охарактеризован как взрывной безголосый, озвончаемый только в отступе» (Р. О. Шор. Из инструментально-фонетических наблюдений о так называемом «озвончении» заднеязычного *q* в азербайджанско-тюркском языке. Советское языкознание, II, Л., 1936, стр. 93).

⁶⁷ Правильнее в этом случае говорить о *k*, употребляемом в словах с гласными твердого ряда, и *k*, встречающемся в словах с гласными мягкого ряда.

⁶⁸ См.: Ж. Аралбаев. Каракалпак тілінің дауыссыз фонемалары. Уч. зап. Казахского гос. унив., XXXIV, 3, Алма-Ата, 1958, стр. 132.

⁶⁹ См.: С. М. Бехбудов. Зангеланский говор азербайджанского языка, стр. 10; В. Т. Джангидзе. Особенности дманисского говора азербайджанского языка. АҚД. Баку, 1955, стр. 12.

⁷⁰ А. Сафегоглу. Die anatolischen und rumelischen Dialekte, стр. 252.

⁷¹ Н. П. Дыренкова. Тофаларский язык. Сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 9.

зация, охватившая главным образом языки Сибири и Алтая. При этом наличие параллельно глухого и звонкого или смычного и щелевого увулярного и заднеязычного согласного в пределах одного языка — явление крайне редкое: обычно те и другие оказываются разграниченными по ряду, например в турецком языке увулярный (глубокий заднеязычный) — глухой, заднеязычный — звонкий, тогда как в хакасском и чувашском языках увулярный (глубокий заднеязычный) — щелевой, а заднеязычный — смычный. В якутском языке разграничение по ряду перекрещивается с разграничением по степени раствора последующего гласного: *x* встречается в твердорядных словах перед *a* (*ā*) и *o* (*yo*), перед другими гласными выступает *k* (*κ*). В тувинском языке наблюдается смешанное употребление смычного и щелевого увулярного (заднеязычного), являющееся, по всей видимости, следствием совмещения в литературном языке разных диалектных типов, из которых один характеризовался наличием всеобъемлющей спонантизации *k* (*κ*). То же следует сказать и о смешанном употреблении *k* и *x* в кумыкском языке и акногайском диалекте ногайского языка.⁷²

Если ослаблению и озвончению в наибольшей мере подвергся заднеязычный (неполное озвончение увулярного отмечено только в туркменском языке), то процесс спонантизации, напротив, коснулся прежде всего увулярного (глубокого заднеязычного) (случаи спонантизации заднеязычного зафиксированы в тувинском и тофаларском языках, причем в последнем на месте **k₁* и **κ₁* развился гортанный спонант, ср. *һул* 'работник', *һодан* 'заяц', *һөмүр* 'уголь'; ср. также в отдельных говорах туркменского языка: *һоркдй* 'он испугался', *һовдй* 'он погнался', *һйрк* 'сброк'⁷³).

Причины, вызвавшие переход *k* в *j* в чувашском языке, не вполне ясны, хотя этот вопрос рассматривался многими тюркологами.⁷⁴ В данном случае заслуживает предпочтения та точка зрения, которая связывает данный переход с первичной долготой гласных.⁷⁵ Исходя из точки зрения Х. Педерсена и Л. Лигети и опираясь на некоторые языковые факты, мы считаем возможным предположить, что пратюркские долгие гласные могли реализоваться в дифтонгах. Подобная реализация в одних тюркских языках представляла собой редкое факультативное явление и не оказала никакого влияния на происходившие в них фонетические процессы, в других — она приобрела характер закономерности и оставила заметный след. Как мы отмечали выше, в чувашском языке на одном из этапов его развития также проявлялась тенденция к реализации долгих гласных в виде дифтонгов. Об этом свидетельствует существование таких форм, как *кăвак* 'синий' (ср. якут. *күѳӱх*), *тăват* 'четыре' (ср. якут. *түѳрт*), *тăвар* 'соль' (ср. якут. *түс*). Вполне вероятно, что переход *k* в *j* — одно из следствий проявления этой тенденции. После образования форм типа **xйал* 'оставайся', **xйан* 'кровь' первый компонент дифтонга постепенно превратился в самостоятельный звук (*j*), а этот последний вытеснил *x*, так как стечение согласных в начале слова в тюркских языках недопустимо. В других словах аналогичным путем *m* изме-

⁷² Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, стр. 17; С. А. Калмыкова. О фонетической системе акногайского диалекта ногайского языка, стр. 77, 78.

⁷³ С. Куренов. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья). АҚД. Ашхабад, 1959, стр. 12.

⁷⁴ См.: V. Grönbach. Forstudier til tyrkisk Lidhistorie. København, 1902 (подробное изложение см.: KSz, IV, 1903, стр. 231—234); G. J. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, стр. 20, 21; J. Benzing. Das Tschuwassische. Fundamenta, I, стр. 711.

⁷⁵ Наиболее последовательно эта точка зрения была изложена Х. Педерсеном и Л. Лигети (Н. Pedersen. Türkische Lautgesetze, стр. 555, 556; L. Ligeti. Les voyelles longues en turc, стр. 195).

нился в ч (ср. *чул* 'камень' < **tāu*), а на месте начального долгого гласного появилось сочетание *ja* (ср. *jam* 'имя' < **ām*). Нельзя не отметить при этом, что переход *k* в *j*, *m* в *ч* и появление *j*, как правило, наблюдаются перед долгим *a*, т. е. в таких позиционно-комбинаторных условиях, которые могли обеспечить развитие дифтонга *ja*.⁷⁶

Очень редкий, ограниченный по масштабам проявления и поздний по времени — переход *k* в *m*, см. чуваш. *min-* 'сохнуть' (ср. тат. *kīn-*), чуваш. (диал.) *tūzǎ* 'безбородый' (ср. тат. *kūzǎ*), *mīrǎk* 'хоть' (ср. тат. *kīrǎk*).⁷⁷ Характерно, что все перечисленные слова могут быть отнесены к числу заимствований из татарского языка. Единичные случаи изменения *k* в *m* наблюдаются и в других языках, в частности при заимствовании русских слов, например в сарыкском диалекте туркменского языка: *mīl* ~ *mījlā* 'кило'.⁷⁸

Замена *k* (а также *к*) во всех позициях гортанным смычным в касимовском говоре татарского языка — явление, не наблюдаемое ни в одном из современных тюркских языков. Причина его, по мнению В. А. Гордлевского, в своеобразии финского субстрата, сыгравшего большую роль в истории касимовского говора.⁷⁹ Случаи выпадения *k* (*к*) не ограничиваются касимовским говором и зафиксированы, в частности, в мамлюкско-кыпчакском глоссарии «*Kitāb al-idrāk*», ср. *урутка* 'старуха' (< *куртка*), *аја* 'скала' (< *каја*), *јүзрчин* 'голубь' (< *күзрчин*),⁸⁰ так что не исключена возможность наличия иных причин возникновения рассматриваемого явления.

Что касается **k*₂ (*к*₂), то он оказался весьма устойчивым; тем не менее, процесс спирантизации затронул рефлексы и этого звука в таких языках, как азербайджанский, караимский, хакасский, якутский и т. д. П р и м е р ы:

	* <i>ak</i> 'теки'	* <i>ok</i> 'стрела'	* <i>cik</i> 'жми'	* <i>cök</i> 'распарывай'	* <i>čük</i> 'вьюк'
азерб.	<i>ax</i>	<i>ox</i>	<i>cix</i>	<i>cök</i>	<i>jük</i>
кар.	<i>ax</i>	<i>ok</i>	—	—	<i>jük</i>
тув.	<i>a'k</i>	<i>o'k</i>	<i>cī'k</i>	<i>cö'k</i>	<i>čj'k</i>
туркм.	<i>ak</i>	<i>ok</i>	<i>čik</i>	<i>cök</i>	<i>jük</i>
хак.	<i>ax</i>	<i>yx</i>	<i>cix</i>	<i>cök</i>	<i>čük</i>
чуваш.	<i>jux</i>	<i>yǎ</i>	—	—	<i>č'äk</i>
якут.	—	<i>ox</i>	<i>ik</i>	—	<i>čük</i> 'навьючивай'

⁷⁶ Иное объяснение причины перехода *k* в *j* предлагает Б. А. Серебrenников: «В чувашском языке, архетипное *кар* 'снег' должно было превратиться в *хур*. Под влиянием марийского слова *йур* 'дождь' здесь механически возникло *й*, которое так же механически было перенесено вместо *x* на начало таких слов как *йул* 'останься'. См. Б. А. С е р е б р е н н и к о в. К истории звуков чувашского языка, стр. 85.

⁷⁷ См.: Л. С. Л е в и т с к а я. Заметки о чувашском консонантизме. 2. Чередование *m/k*. Уч. зап. [Чувашского] НИИЯЛИ, XXVIII, Чебоксары, 1965, стр. 41—42.

⁷⁸ Н. Н а р т ы е в. Сарыкский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1960, стр. 12.

⁷⁹ В. А. Г о р д л е в с к и й. Элементы культуры у касимовских татар (из поездки в Касимовский уезд в 1920 г.). Тр. Общества исследователей Рязанского края, X, Рязань, 1927, стр. 21. См. также: Е. Д. П о л и в а н о в. 1) Фонетические особенности касимовского диалекта. М., 1923 (стеклографическое издание); 2) Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 85; Л. Ж э л э й. Татар диалектологиясе. Казань, 1947, стр. 99; Л. Т. М а х м у т о в а. Фонетические особенности касимовского говора татарского языка. Сб. «Материалы по диалектологии», Казань, 1955, стр. 145—148.

⁸⁰ См.: О. P r i t s a k. Das Kiptschakische. Fundamenta, I, стр. 78. Об этом же см.: H a l a s i - K u n. Orta-Kıpçakça *q*-, *k*- ~ *O*- meselesi. Türk dili ve tarihi hakkında araştırmalar, I, Ankara, 1950, стр. 45—61.

В якутском языке спирализация указанных звуков происходила в положении после гласных *a* (*ā*), *ə*, *o*, *ö*, *ia*, *iä*, *yo*, *yö*; после гласных *i*, *i*, *y*, *y* выступает *k* (*к*). В азербайджанском, караимском и чувашском языках спирализации подвергся только рефлекс **k₂* (увулярный или глубокий заднеязычный, выступающий в твердорядных словах), причем в караимском и туркменском языках спирализация рефлекса **k₂* не являлась всеобъемлющей.

Согласный **k₃* (**к₃*) во всех тюркских языках, кроме азербайджанского, имел те же отражения, что и **k₂* (**к₂*). В азербайджанском языке **k₃* отразился в слабом, полувзвонком — *б*, а **к₃* — в *ј*, ср.

	<i>*āk</i> 'белый'	<i>*ǰōk</i> 'нет'	<i>*kōk</i> 'синий'	<i>*cōk</i> 'ругай'
азерб.	<i>аб</i>	<i>јох</i>	<i>гōј</i>	<i>сōј</i>
туркм.	<i>āk</i>	<i>јōk</i>	<i>гōk</i>	<i>ǰōg</i>
хак.	<i>ax</i>	<i>чох</i>	<i>кōк</i>	<i>сōк</i>
чуваш.	—	<i>с'ук</i>	<i>кăвак</i>	—
якут.	—	<i>сүох</i>	<i>күōх</i>	<i>јōх</i>

/ **ч* / — в башкирском, хакасском и якутском языках **ч₁* развился в *с*, в казахском, каракалпакском, ногайском, тувинском и шорском — в *ш*, в малкарском диалекте балкарского языка (ср. также в ордубадском диалекте азербайджанского языка, в говоре западносибирских татар и т. д.⁸¹) — в *ц*, в чувашском языке — в *с'* и *ч*; в остальных тюркских языках рефлексом **ч₁* оказался *ч* (*ч*). П р и м е р ы:

	<i>*чан</i> 'коси', 'скачи'	<i>*чāk</i> 'время'	<i>*чом</i> 'ныряй', 'купайся'	<i>*чōп</i> 'сор, мусор', 'щепки'
азерб.	<i>чан</i>	<i>чаб</i>	<i>чим</i>	<i>чōп</i>
балк. (мал- карск.)	<i>цан</i>	<i>цак</i>	—	<i>цōп</i>
казах.	<i>шан</i>	<i>шак</i>	<i>шомл</i>	<i>шōп</i>
тат.	<i>чан</i>	<i>чак</i>	<i>чум</i>	<i>чўп</i>
туркм.	<i>чан</i>	<i>чāб</i>	<i>чўм</i>	<i>чōп</i>
хак.	<i>сан</i>	—	<i>сом</i>	<i>сōп</i>
чуваш.	<i>чун</i>	<i>чух</i>	<i>чām</i>	<i>с'ўп</i>
якут.	—	<i>сах</i>	<i>чомпо</i>	—

То же самое можно сказать о судьбе пратюркских **ч₂* и **ч₃*. Лишь в чувашском языке последние отразились несколько иначе, чем **ч₁* (*с'*), а в азербайджанском языке **ч₃* имел особый рефлекс (слабый, полувзвонкий — *ј*), ср.

	<i>*ач</i> 'отк- рой'	<i>*āч</i> 'голод- ный'	<i>*кōч</i> 'пере- селяйся'	<i>*кўч</i> 'сила'	<i>*ўч</i> 'ко- нец'
азерб.	<i>ач</i>	<i>ај</i>	<i>кōч</i>	<i>гўј</i>	<i>уј</i>
балк. (малк- арск.)	<i>ац</i>	<i>ац</i>	<i>кōц</i>	<i>кўц</i>	<i>уц</i>
казах.	<i>аш</i>	<i>аш</i>	<i>кōш</i>	<i>кўш</i>	<i>ўш</i>
тат.	<i>ач</i>	<i>ач</i>	<i>кўч</i>	<i>кōч</i>	<i>ōч</i>
туркм.	<i>ач</i>	<i>āч</i>	<i>гōч</i>	<i>гўч</i>	<i>ўч</i>
хак.	<i>ас</i>	<i>ас</i>	<i>кōс</i>	<i>кўс</i>	<i>ус</i>
чуваш.	<i>ус'</i>	<i>вїз'ā</i>	<i>кус'</i>	—	<i>вєс'</i>
якут.	<i>ас</i>	<i>ās</i>	<i>кōс</i>	<i>кўс</i>	—

⁸¹ М. Ш. Ш и р а л и е в. Кыпчакские элементы в азербайджанском языке, стр. 10, 11; Г. Х. А х а т о в. Диалект западносибирских татар, стр. 11; А. П. Д у л ь з о н. Тексты нижнечулымского диалекта. Сб. «Вопросы хакасской филологии», Абакан, 1962, стр. 84—90.

В виде исключения в чувашском языке на месте $*ч_2$ возможен также *ш*: *аш* 'утро' (< $*ич$).

Из числа сонантов, выступавших лишь в конце слова, $*р$, $*л$, $*ј$, $*м$, $*н$ и $*ң$ почти во всех современных тюркских языках сохранились без изменений. При этом переход *р* в *л* и *л* в *р*⁸² должен рассматриваться как факультативное явление позднейшего периода.

В чувашском языке на месте $*ң$ встречаются: после лабиализованных гласных *м*, после других гласных — *н*; кроме того, в азербайджанском, караимском и турецком языках $*ң$ в любых фонетических условиях отразился в *н*. П р и м е р ы:

	$*таң$ 'заря'	$*дӑң$ 'побе- ждай'	$*тоң$ 'стужа', 'мороз'	$*ӧң$ 'перед'	$*соң$ 'конец', 'после'
азерб.	<i>дан</i>	—	<i>дон</i>	<i>ӧн</i>	<i>сон</i>
кар.	<i>тан</i>	<i>јӧн'</i>	—	—	<i>сон</i>
тат.	<i>таң</i>	<i>жӗиң</i>	<i>туң</i>	—	<i>сӧң</i>
тур.	<i>тан</i>	<i>јӧн</i>	<i>дон</i>	<i>ӧн</i>	<i>сон</i>
хак.	<i>таң</i>	<i>чиң</i>	<i>тоң</i>	—	<i>соң</i>
чуваш.	—	<i>с'ӗн</i>	<i>тӑм</i>	<i>ум</i>	<i>сӗм</i> 'конец нити'
якут.	<i>тӱң</i>	—	<i>тоң</i>	—	—

В различных тюркских языках в разные периоды времени происходил переход $ң$ в *в* и *ј*, например: куманск. *сүвӗк* 'кость' (< *сӧңүк*), *кӧвлӗк* 'рубашка' (< *кӧңләк*), *савсар* 'куница' (< *саңсар*); узб. *кўјлак* 'рубашка' (< *кӧңләк*).

В чувашском языке неодинаковые рефлексy имел и $*н$ (*м* и *н*), ср. 1) *тум* 'одежда' (< $*тӧн$), *сум* 'счет ниток в пряже' (< $*сӑн$), *пӗдӗм* 'все' (< $*пӱтӗн$), *хӗрӑм* 'живот' (< $*карӗн$), *вӑрӑм* 'длинный' (< $*ӱсӗн$), *с'урӑм* 'спина' (< $*дӑрӗн$), *тӗдӗм* 'дым' (< $*тӱтӗн$), *чӗм* 'жизнь, дыхание' (< $*тӗн$); 2) *тӗна* 'телка' (< $*тӑна$), *тарӑн* 'глубокий' (< $*тӑриң$), *хулӑн* 'толстый' (< $*калӗн$), *вӗрӑн* 'место' (< $*орӗн$), *ӗлӑн* 'золото' (< $*алтӗн$) и т. д. И в этом случае, очевидно, существует связь между характером рефлексов и составом предшествующих гласных (после лабиализованных гласных — *м*, после нелабиализованных — *н*).⁸³ Однако имеются исключения, и это побуждает некоторых тюркологов считать, что *м* и *н* в чувашском языке восходят к различным архетипам.⁸⁴ Очевидно при объяснении чувашского *м* (< $*н$) необходим учет качественных особенностей вокализма не столько в тюркских праформах, сколько в тех промежуточных образованиях, из которых непосредственно развились современные чувашские формы. Далее, следует отметить наличие в чувашском языке междialeктного соответствия *м* ~ *н*.⁸⁵

Сонанты $*ј$, $*γ$ ($*γ'$), $*β$ и $*δ$ оказались неустойчивыми — имели разнообразные рефлексy или выпали.

Сонант $*ј$ утратил назализованность и совпал с *ј*. В единичных случаях, в частности перед *д* и *ч*, на месте $*ј$ прослеживается *н*, ср. алт. *кандӱј*, *кај* 'какой'; узб. *канча* 'сколько', *кајси* 'какой'.

⁸² См.: J. Deny. Principes de grammaire turque, стр. 39; М. Исламов. Азербайджан дилинин Нуха диалекти, стр. 48.

⁸³ См.: J. Venzing. Das Tschuwaschische. Fundamenta, I, стр. 713.

⁸⁴ См.: G. Doerfer. Türkisch -n > tschuwaschisch -m? UAJb, XXXIX, 1—2, 1967, стр. 61.

⁸⁵ Л. С. Левитская. Заметки о фонетике чувашских говоров. ВДТЯ, IV, Баку, 1966, стр. 182—184.

Сонант *γ (*γ') в языках кыпчакской группы развился в *е* (*у*), *ј* (*і*) или отразился в виде удлинения предшествующего гласного; в алтайском языке — в *ј* и в виде удлинения гласного; в турецком, туркменском, узбекском и уйгурском языках — в смычном (оглушенном) *ɓ* (*ɓ*) и в *е* (после *о*, *у*); в хакасском — в *ɓ* (*ɓ*); в тувинском — в щелевом сонанте⁸⁶ (в сочетании с предшествующим гласным в кыпчакских языках: *ō*, *ав*, *іј*, *ов*, *уе* — в словах твердого ряда, *əј*, *іј*, *өј*, *үј* — в словах мягкого ряда; в турецком, туркменском, узбекском и уйгурском языках: *аɓ*, *іɓ*, *ов*, *уе* — в словах твердого ряда, *əɓ*, *іɓ*, *өв*, *үв*, *өј*, *үј* — в словах мягкого ряда; в якутском языке: *іа*, *ү*, *і* — в первом случае, *іэх*, *ік*, *үөх*, *үө* — во втором). Примеры:

	* <i>māγ</i> 'гора'	* <i>koγ</i> 'гонись', 'преследуй'	* <i>cuγ</i> 'вода'	* <i>γdγ</i> 'собирай'	* <i>āγ'</i> 'сгибай'	* <i>čīγ'</i> 'сырой'
алт.	<i>mū</i>	<i>kū</i>	<i>cū</i>	<i>ɖū</i>	—	<i>čij</i>
казах.	<i>тае</i>	<i>ку</i> (<i>күе</i>)	<i>су</i> (<i>сүе</i>)	<i>жї</i> (<i>жїї</i>)	<i>іј</i>	<i>ші</i> (<i>кї</i>)
кирг.	<i>тō</i>	<i>kū</i>	<i>cū</i>	<i>ʃij</i>	<i>ij</i>	<i>чij</i> (<i>кi</i>)
туркм.	<i>дāɓ</i>	<i>ков</i>	<i>ɖуе</i>	<i>ʃiɓ</i>	<i>əɓ</i>	<i>чiɓ</i>
узб.	<i>тəɓ</i>	<i>куе</i>	<i>сue</i>	<i>ʃiɓ</i>	<i>əɓ</i>	—
хак.	<i>таɓ</i>	<i>коɓ</i>	<i>суɓ</i>	<i>чiɓ</i>	<i>əɓ</i>	<i>чiɓ</i>
чуваш.	<i>ту</i>	<i>хāвала</i>	<i>шiе</i>	—	<i>ав</i>	—
якут.	<i>тiа</i>	—	<i>ү</i>	—	<i>іэх</i>	<i>сiкэј</i>

Другие рефлексy *γ (*γ'), ср., например, в узбекском языке: *јəв* 'враг' (< **ɖāγ*), встречаются очень редко (очевидно, по аналогии с рефлексами *γ в интервокальном положении).

На месте *β развились преимущественно *е* и *ј*, в хакасском языке — *б*, ср.

	* <i>āβ</i> 'охота'	* <i>āβ</i> 'дом', 'юрта'	* <i>sāβ</i> 'люби'	* <i>čaβ</i> (* <i>čāβ</i>) 'слава', 'молва'
азерб.	<i>ов</i>	<i>əв</i>	<i>səв</i>	<i>чов</i>
алт.	—	<i>үј</i>	<i>cū</i>	<i>чū</i>
балк.	<i>уе</i>	<i>јүј</i>	<i>cүј</i>	—
башк.	<i>ав</i>	<i>өј</i>	<i>hөј</i>	—
казах.	<i>ав</i>	<i>үј</i>	<i>cүј</i>	—
кирг.	<i>ү</i>	<i>үј</i>	<i>cүј</i>	<i>чү</i> 'дурная слава'
тур.	<i>ав</i>	<i>əв</i>	<i>səв</i>	—
туркм.	<i>ав</i>	<i>өј</i>	<i>sөј</i>	—
узб.	<i>əв</i>	<i>үј</i>	<i>səв</i>	—
хак.	—	<i>iб</i>	—	<i>саблаɓ</i>
чуваш.	—	—	<i>сав</i>	<i>чап</i> (?)

Выявление рефлексов *β в современных тюркских языках сопряжено с некоторыми трудностями, вызванными прежде всего малочисленностью слов, в которых *β занимает конечное положение. Не совсем ясно, являются ли колебания в отражении *β следствием наличия в праязыке двух вариантов *β, твердорядного и мягкорядного, или же такие колебания обусловлены очень древним чередованием его в определенных фонетических условиях с другим сонантом — *γ (*γ'), ср. тур. *əв* 'дом', *səв* 'люби', башк. *өј* 'дом', *hөј* 'люби', тофал. (караг.) *öγ* 'дом', Отметим, что аналогичные колебания прослеживаются и внутри слова, ср. азерб. *dävä*,

⁸⁶ А. Ч. К у н а а. Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл, 1957, стр. 50, 51.

башк. *дѣйә*, казах. *түйә*, тур. *дәвә*, туркм. *дүйә*, уйг. *төгә* 'верблюд'; др.-тюрк. *јабук* и *јабук* 'близкий', *кулабуз* и *кулабуз* 'проводник', *сүблін*, *сүвлин* и *сүглин* 'фазан'. Изолированным и необъяснимым с точки зрения обычных межтюркских соответствий является чувашское *чап* 'молва, слава', которое и по характеру начального согласного и по качеству гласного должно рассматриваться как довольно позднее заимствование.

Что касается *д*, который совпал с одним из аллофонов **д*, то его отражения описаны в предыдущем разделе (см. стр. 160, 161).

Ниже (см. стр. 173) приводится таблица основных фонетических репрезентаций пратюркских согласных фонем в современных тюркских языках (знак «—» означает полное выпадение согласного и выпадение согласного с удлинением предшествующего гласного или образованием дифтонга; в скобках даны наиболее распространенные диалектные варианты).

Особенности отражения согласных в многосложном слове связаны с наличием позиций, отсутствующих в односложном слове, а именно с концом и серединой многосложного слова.

В конце многосложного слова в огузских, кыпчакских и карлукско-уйгурских языках произошло ослабление шумных согласных. При этом **с* подвергся озвончению, а в чувашском языке перешел в *р* независимо от длительности предшествующих гласных; **ш* в аналогичных позиционных условиях дал в чувашском языке *л*, а *п*, *т*, *к* и *ч* в азербайджанском и в диалектах огузских языков стали полузвонкими.

Наряду с этой общей тенденцией имеются некоторые частные особенности отражения согласных в конце многосложного слова. Эти особенности следующие.

1) Изменение *с* и *ш* в *т* в якутском языке, охватывающее большую группу слов (в односложных словах указанное изменение встречается значительно реже), ср. *отут* 'тридцать', *барбит* 'пошедший', *барабит* 'мы идем' (ср. в бурятском языке). Примечательно, что **с* в приведенных словах отразился также как **д*_{2, 3} в односложных словах, например, *кут* 'лей' (< **куд* ~ **куд*), *кэт* 'одевайся' (< **кәд* ~ **кәд*), *тот* 'насыщайся' (< **тод* ~ **тод*).

2) Интенсификация процесса оглушения конечного *з* (< **с*) в огузских, кыпчакских и карлукско-уйгурских языках и *й* (< **ч*) — в диалектах азербайджанского языка, ср. узб. *тәкис* 'ровный', *күкис* 'грудь'; тат. *бармас* 'не пойдет'; азерб. (диал.) *йәлдис* 'звезда', *пулсус* 'без денег', *чәкч* 'молоток', *вәлч* 'сабля'.⁸⁷

3) Переход *ң* в *н*, ср. тат. *кайһн*, тув. *хадһн*, тур. *кайһн*, узб. *кайһн*, хак. *хазһн*, чуваш. *хурһн* 'береза', и переход *ң* в *й*; кар. *бардй* 'ты пошел', *барсај* 'если ты пойдешь', *атй* 'твой конь'.

4) Частое выпадение конечного *р* в узбекском, уйгурском и других тюркских языках и т. д.

К числу особенностей, связанных с позицией в конце многосложного слова, необходимо отнести также неустойчивость отражения **к* (**к*) и **γ* (**γ*'). Трудно установить, с рефлексами какого из названных согласных мы имеем дело: ослабление рефлексов **к* (**к*) в конце многосложного слова создавало возможность для их факультативного озвончения. Так, составитель словаря Абушқа всюду приводит два варианта: *атаклик* и *атаблит* 'знаменитый', *алик* и *алиб* 'взятие', объясняя наличие разновидности со звонким согласным требованиями рифмы.⁸⁸ Такое же объясне-

⁸⁷ См.: В. Т. Джангидзе. Особенности дманисского говора азербайджанского языка, стр. 5.

⁸⁸ ادوشقا (Словарь джагатайско-турецкий). Изд. В. В. Вельяминов-Зернов. СПб., 1868, стр. 7, 28.

Праформы Языки	/* θ/		/* c/			/* ш/			/* n/			/* m/			/* k/			
	*θ ₁	*θ _{2,3}	*c ₁	*c ₂	*c ₃	*ш ₁	*ш ₂	*ш ₃	*n ₁	*n ₂	*n ₃	*m ₁	*m ₂	*m ₃	*k ₁	*k ₂	*k ₃	*k ₄
Азербайджанский	j	j	c	c	z	ш, ч	ш	ш	б	п	б	θ	т	θ	ɟ	x	ɟ	z
Алтайский	θ', ч, j	j	c	c	c	ш	ш	ш	б	п	п	т	т	т	k	k	k	к
Балкарский	ж, з	j	c	c	z	ш	ш	ш	б	п	п	т	т	т	k	k, x	k, x	к
Башкирский	j	j	h	θ	δ	ш	ш	ш	б	п	п	т	т	т	k	k	k	к
Гагаузский	j	j	c	c	z	ш	ш	ш	б	п	п	θ, т	т	т	к	к	к	z, к
Казахский	ж, j̃	j	c	c	z	с	с	с	б	п	п	т	т	т	k	k	k	к
Караимский	j	j	c	c	z	ш	ш	ш	б	п	п	т	т	т	k	x, k	x	к
Каракалпакский	ж, j̃	j	c	c	z	с	с	с	б	п	п	т	т	т	k	k	k	к, z
Киргизский	j̃	j	c	c	z	ш	ш	ш	б	п	п	т	т	т	k	k	k	к
Кумыкский	j	j	c	c	z	ш	ш	ш	б	п	п	т	т	т	k, x	k	k	z
Ногайский	ж, j̃, j	j	c	c	z	с	с	с	б	п	п	т	т	т	k, x	k	k	к
Татарский	ж, j	j	c	c	z	ш	ш	ш	б, п	п	п	т	т	т	k	k	k	к
Тувинский	ч	т	c	c	c	ш	ш	ш	б	п	п	θ, т	т	т	k, x	k	k	к, x
Турецкий	j	j	c	c	z	ш	ш	ш	б	п	п	θ	т	т	k	k, x	k, x	z
Туркменский	j	j	θ	θ	δ	ч	ш	ш	б	п	п	θ	т	т	ɟ	k, x	k	z
Узбекский	j	j	c	c	z	ш	ш	ш	б	п	п	т	т	т	k	k	k	к
Уйгурский	j, ж	j	c	c	z	ш	ш	ш	б	п	п	т	т	т	k	k	k	к
Хакасский	ч, ш, j	c	c	c	c	с	с, ш	с, ш	п	п	п	т	т	т	x	x	x	к
Чувашский	с'	р	с, ш	c	р	ш, с'	с'	л	п	п	п	т, ш, ч	т	т	x, j	к	к	к
Шорский	ч, т', ш	с, j	с'	c	c	ш	ш	ш, с	п	п	п	т	т	т	k	k	k	к
Якутский	с	т	—	c	c	—	с	с	б	п	п	т	т	т	x, k	x, k	x, k	к

НЕСОНАНТЫ

Языки	Праформы	/к*/		/*ч/			/*j/
		*к ₂	*к ₃	*ч ₁	*ч ₂	*ч ₃	
Азербайджанский		к	ј	ч	ч	ј	ј
Алтайский		к	к	ч, ш	ч, ш	ч, ш	ј
Балкарский		к, х	к, х	ч, ц	ч, ц	ч, ц	ј
Башкирский		к	к	с	с	с	ј
Гагаузский		к	к	ч	ч	ч	ј
Казахский		к	к	ш	ш	ш	ј
Караимский		к	к	ч	ч	ч	ј
Каракалпакский		к	к	ш	ш	ш	ј
Киргизский	НЕСОНАНТЫ	к	к	ч	ч	ч	ј
Кумыкский		к	к	ч	ч	ч	ј
Ногайский		к	к	ш	ш	ш	ј
Татарский		к	к	ч, ч, ц	ч, ч, ц	ч, ч, ц	ј
Тувинский		к	к	ш	ш	ш	ј
Турецкий		к	к	ч	ч	ч	ј
Туркменский		к	к	ч	ч	ч	ј
Узбекский		к	к	ч	ч	ч	ј
Уйгурский		к	к	ч	ч	ч	ј
Хакаский		к	к	с, ч, ш	с, ч, ш	с, ч, ш	ј
Чувашский		к	к	с', ч	с'	с'	ј
Шорский		к	к	ш	ш	ш	ј
Якутский		к, х	к, х	с	с	с	ј

СОНАНТЫ

/*p/	/*л/	/*м/	/*н/	/*н _к /	/*ѣ/	/*β/		/*γ/	
						*β	*β'	*γ	*γ'
p	л	м	н	н	ј	в	в	ѣ, в	ј
p	л	м	н	н _к	ј	—	—, ј	—	ј
p	л	м	н	н _к	ј	в	ј	в, ј	ј
p	л	м	н	н _к	ј	в	ј	в, ј	ј
p	л	м	н	н _к	ј	р	р	—, ј	—, ј
p	л	м	н	н _к	ј	—, в	ј	—, в	ј
p	л	м	н	н	ј	в	в	в	ј
p	л	м	н	н _к	ј	—, в	ј	—, в	ј
p	л	м	н	н _к	ј	—	ј	—	ј
p	л	м	н	н _к	ј	в	ј	в, ј	ј
p	л	м	н	н _к	ј	—, в	ј	—, в	ј
p	л	м	н	н _к	ј	в	ј	в, ј	ј
p	л	м	н	н _к	ј	р	з	б	з
p	л	м	н	н	ј	в	в	ѣ, в	ј
p	л	м	н	н _к	ј	в	в	ѣ, в	з
p	л	м	н	н _к	ј	в	в, ј	ѣ, в	з
p	л	м	н	н _к	ј	в	в, ј	ѣ, в	з
p	л	м	н	н _к	ј	б	б	б	з
p	л	м	н, м	н, м	ј	в	в	в, л —	в, —
p	л	м	н	н _к	ј	р	р	б	з
p	л	м	н	н _к	ј	р	р	—	х, н

ние неустойчивости в передаче конечного увулярного (заднеязычного) дает Мехдй-хан, который указывает при этом на две разновидности аффикса отвлеченных существительных *-līb* и *-līk* и на возможность двойного написания следующих слов: *булаб* и *булак* 'ручей', *ајаб* и *ајак* 'нога', *куруб* и *курук* 'сухой', 'высохший', *саріб* и *сарік* 'желтый', *катіб* и *катік* 'твердый, жесткий' и т. д.⁸⁹ Указанное выше обстоятельство могло способствовать смешению рефлексов **k* (**к*) с рефлексами **γ* (**γ'*). Впрочем, мы даже не уверены в том, существовал ли вообще в конце многосложных слов сонант **γ* (**γ'*). Не лучше ли говорить об особом аллофоне **k* (**к*)? Во всяком случае материалы чувашского языка позволяют отнестись с большим вниманием к последнему предположению, ср. 1) *јавă* 'густой' (< **kojīγ*), *турă* 'гнедой' (< **torīγ*), *судă* 'торговля' (< **satīγ*), *чăбă* 'курица' (< **takīγ*), *шурă* 'белый' (< **sārīγ* 'желтый'), *пулă* 'рыба' (< **nālīγ*), *ăжă* 'теплый' (< **icīγ*); 2) *ујăх* 'луна' (< **ājak*), *кĕрĕк* 'грязь' (< **kĕrĕk*), *хĕлĕх* 'конский волос' (< **kĭlak*), *хăјăх* 'осока' (< **kĭjak*), *кăбăк* 'пена' (< *kōnik*), *тĕлĕк* 'сон, сновидение' (< **tĕjshăk*); 3) *тура* 'гребенка' (< **taraγ*), *тăпра* 'почва' (< **topraγ*), *хăлба* 'ухо' (< **kulkaγ*), *пăрза* 'горох' (< **purcaγ*), *чĕрнă* 'ноготь' (< **tĕrnaγ*).

Приведенные примеры свидетельствуют скорее о комбинаторной обусловленности разных увулярных (заднеязычных) согласных, чем о развитии их из нескольких архетипов. Конечный звонкий или сонант, по-видимому, был устойчиво представлен после узких гласных, и его утрата не повлияла на длительность предшествующего гласного в чувашском языке. После широких гласных были одинаково возможны и звонкий и глухой, причем глухой отразился в *x* (в словах с твердоядными гласными) и *к* (в словах с мягкорядными гласными), а звонкий (сонант?) утратился, как и после узких гласных. Однако в отличие от этих последних широкие гласные удлинились и в конце слова обычно выступают гласные полного образования. Таким образом, в праформе **āj-ak* 'луна' и **tĕrnaγ* (или: **tĕrnak*) 'ноготь' конечные согласные можно рассматривать как факультативные варианты одной фонемы (ср. азерб. диал. *jĕrmaγ* ~ *čĕrnaγ* 'ноготь'),⁹⁰ закрепившиеся по тем или иным причинам за определенными группами слов.

В середине многосложного слова согласные выступают в сочетании друг с другом или самостоятельно, т. е. в положении между гласными.

При стечении согласных возникают ассимилятивные процессы, которые чаще направлены от основы к аффиксу: после глухих согласных основы начальные согласные аффиксов глухие, после звонких согласных основы смычные согласные аффиксов озвончаются, а щелевые сохраняют глухость (в алтайском, тувинском, хакасском и шорском языках озвончаются и щелевые). Исключения из этого правила распространяются главным образом на сочетания сонантов с шумными согласными: в так называемых неразложимых основах явно преобладают сочетания сонантов с глухими шумными (в тувинском и чувашском языках и в этом случае употребляются звонкие шумные, ср. чуваш. *пулдăр* 'золовка', *кăндăр* 'полдень', *кандăр* 'конопля', *сăлдăр* 'звезда', *хăндăр* 'бобр', *сăрдан* 'щука'); в формах, имеющих прозрачную морфологическую структуру, на границе разных морфологических элементов сонанты встречаются обычно со звонкими взрывными шумными, например: узб. *элди* 'он взял', *унда* 'там', *урди* 'он ударил', *энди* 'теперь'; чуваш.

⁸⁹ The Mabāni' l-Lughat being a grammar of the Turki language in Persian, by Mirzâ Mehdi Khân. Bibliotheca Indica publ. by the Asiatic Society of Bengal, ed. Denison Ross, New Series, № 1225, Calcutta, 1910, стр. 101—104.

⁹⁰ См. В. Т. Джанидзе. Особенности дманисского говора азербайджанского языка, стр. 12.

с'ірдам 'я написал', *унда* 'там', *јівърдан* 'из-за тяжести' (в языке желтых уйгуров, в диалекте западносибирских татар, в среднем говоре башкирского языка — с глухими, см. тат. диал. *анта* 'там', *парті* 'он пошел', *алта* 'впереди', *урамта* 'на улице').⁹¹

Совершенно исключительное явление — озвончение и спонантизация *m* после сонанта и переход его в *p* ($m > \delta > p$), наблюдаемое в ряде форм чувашского языка, например: *камран* 'от кого'.

В сочетаниях сонантов с сонантами или с шумными согласными широко распространено явление метатезы, ср. др.-тюрк. *сарумсак* ~ *самурсак* 'чеснок', *кімірска* ~ *кірміска* 'муравей'; туркм. *јјтгәшик* ~ *јјтгәших* 'особый, иной'; уйг. *өдірак* ~ *өрдәк* 'утка', *пүкүр-* ~ *пүрки-* 'прыскать'; ног. *орндік* ~ *ондирік* 'кровать', *сарімсак* ~ *сармісак* 'чеснок', *карлі-баш* ~ *карлібаш* 'ласточка'.⁹²

В сочетаниях смычных согласных с другими согласными, особенно с *л*, *т*, часто отмечается спонантизация *k* (*к*) и реже — *ч*, ср. уйг. диал. *көхләм* 'весна' (< *көкләм*), *чихтім* 'я вышел' (< *чйктім*), *аштім* 'я открыл' (< *ачтім*), *күшлүк* 'сильный' (< *күчлүк*).⁹³

В позиции после *ш* в малкарском диалекте балкарского языка может быть только *ч*, ср. *заичік* 'парень', тогда как в целом для этого диалекта характерно цоканье.⁹⁴

В группах «сонант+увулярный (заднеязычный) шумный» в ряде тюркских языков сонанты *p*, *л*, *н* выпали.⁹⁵ П р и м е р ы: хак. (кызыльск.) *пабан* 'он ушел' (< *парбан*), *көгән* 'он видел' (< *көргән*), *абан* 'он взял' (< *албан*), *күгән* 'он смеялся' (< *күлгән*);⁹⁶ уйг. *өбак* 'серп' (< *орбак*), *сәбуш* 'желтоватый' (< *сарбуш*), *каба* 'ворона' (< *карба*). Подобные сочетания в огузских языках сохраняют *p*, *л* и *н*, но теряют *б*, ср. тур. *алан* 'взявший' (< *албан*).

В говорах татарского языка в положении перед согласным исчез *ј*, однако исчезновение его не прошло бесследно: последующие согласные подверглись палатализации. В других тюркских языках исчезновение *ј*, так же как и утрата *p* и *л*, сопровождалось появлением вторичной долготы гласных.

В древних тюркских языках на протяжении сравнительно небольшого периода времени, засвидетельствованного письменными источниками, имел место процесс выпадения *б* (*g*) < **k* (*к*) в положении после согласного, например: *кэргәк* > *кэрак* 'надо', *эшгәк* > *эшак* 'осел', *орбак* > *орак* 'серп', *тарбак* > *тарак* 'гребенка', *кісбач* > *кісач* 'щипцы', *чомбук* > *чомук* 'ворона', *јапірбак* > *јапірак* > *јапрак* 'лист' и т. д.

В интервокальном положении, как мы отмечали выше, происходило ослабление сильных согласных, спонантизация смычных и выпадение сонантов и сонантизованных шумных согласных.

⁹¹ См.: Г. Х. Ахатов. Диалект западносибирских татар, стр. 10, 11; Ж. Ф. Киребаев. Башкорт диалектләре һәм уларзың тарихенә кыскаса инеш. Уч. зап. Башкирского гос. унив., Уфа, 1958, стр. 50.

⁹² Х. Мухиев. Нохурский диалект туркменского языка, стр. 9; С. А. Калмыкова. О фонетической системе акногайского диалекта ногайского языка, стр. 90; А. А. Пальмах и Ф. Г. Исхаков. Явления метатезы в тувицком и некоторых других тюркских языках. ИСГТЯ, стр. 293—297; Б. Жұраев. Ўзбек тилида товушларнинг ўрин алмашиш ҳодисаси (юқори Қашқадарё шевалари материаллари асосида). Ўзбек тили ва адабиёти, Тошкент, 1968, № 5, стр. 37 и сл.

⁹³ Л. А. Аганина. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский район), стр. 8.

⁹⁴ См.: Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка, стр. 88—90.

⁹⁵ См.: Н. К. Дмитриев. Неустойчивое положение сонорных *p*, *л*, *н* в тюркских языках. ИСГТЯ, стр. 279, 280.

⁹⁶ Н. Г. Доможиков. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. АҚД. Абакан, 1949, стр. 7.

Ослабление сильных согласных, озвончение их и спонантизация в интервокальном положении в той или иной мере наблюдаются повсеместно, наибольших же размеров этот процесс достиг в таких языках, как алтайский, тофаларский (карагасский), тувинский, хакасский и чувашский, в которых в положении между гласными сохраняют силу и смычность, как правило, только геминированные согласные, ср. тат. (западносибирск.) *дссөн* 'длинный', *кссёл* 'красный', *каттй* 'твердый', *пйккй* 'ножик', *аццй* 'горький';⁹⁷ чуваш. *тёдём* ~ *тёттём* 'дым', *с'айрдан* ~ *с'айрттан* 'щука'.

В целом преобразование рефлексов шумных согласных в интервокальном положении можно представить в следующей схеме:

kat — *кадй* — *кадй*
kak — *каҗй* — *каҗй*
kan — *кабй* — *каҗй*

Ни в одном из тюркских языков данная схема не реализовалась полностью, однако некоторые тюркские языки весьма близки к этому по крайней мере в пределах той категории слов, для которой указанные преобразования не имеют каких-либо ограничений, ср. ног. *кан* 'мешок' — *кабй* 'мой мешок' — *кавй*, *сан* 'ручка' — *сабй* 'моя ручка' — *савй*, *пйтак* 'ветвь' — *пйтаҗй* 'его ветвь'.

Процесс выпадения сонантов и сонантизованных шумных согласных с последующим стяжением гласных или образованием вторичных долгих и дифтонгов получил широкое распространение в языках Сибири и Алтая, а также в некоторых кыпчакских языках.

Ниже мы рассматриваем этот процесс как историю сочетаний Г+С+Г, так как выпадение сонантов приводит к необычным изменениям соседних гласных. Конкретно речь идет о судьбе группы *ауй, *ауу ~ *ау'й, *оуи ~ *оу'и (*оңй ~ *оңй), *оуа ~ *оу'а (*оңа ~ *оңа), *ууи ~ *уу'и, *иуи ~ *иу'и в разных тюркских языках.

Группа *ауи в огузских и карлукских языках не претерпела существенных изменений, тогда как в киргизском языке отразилась в *о̄*, в тувинском и хакасском языках — в *а̄*, в алтайском — в *ӯ*, в якутском — в дифтонге *йа*, в кыпчакских языках — в дифтонгах *ау* (*ав*), *оу* (*ов*). Ср.

	'печень'	'тяжелый'	'аул', 'усадыба'		'враг'
азерб.	<i>баҗйр</i>	<i>аҗйр</i>	—	<i>јаҗй</i>	
алт.	<i>б̄ур</i>	<i>ӯр</i>	—	<i>д'ӯ</i>	'война'
башк.	<i>бавйр</i>	<i>авйр</i>	<i>авйл</i>	<i>јав</i>	'битва'
кирг.	<i>б̄ор</i>	<i>о̄р</i>	<i>аҗйл</i>	<i>јо</i>	
тув.	<i>ба̄р</i>	<i>а̄р</i>	<i>а̄л</i>	<i>ча̄</i>	'война'
хак.	<i>па̄р</i>	<i>а̄р</i>	<i>а̄л</i>	<i>ча̄</i>	'война'
чуваш.	<i>пёвёр</i>	<i>јивёр</i>	—	—	
якут.	<i>биар</i>	<i>йар</i>	<i>йал</i>	—	

Аналогичная группа с сонантизованным шумным согласным имела те же рефлексy, что и группа с сонантом, лишь в двух-трех языках, ср. азерб. *чаҗйр* 'зови', гаг. *ча̄р*, но: тат. *чакйр*; азерб. *саҗйиз* 'смола', якут. *йас*, но: тур. *сакйз*, чуваш. *суҗйр*.

На месте группы *ауу ~ *ау'й, обычно замыкающей слово, в большинстве тюркских языков развились гласные *а̄* (*а*) ~ *а̄* (*а̄*), *э̄* (*э̄*), *о̄* (*о*) ~ *о̄* (*о̄*), *ӯ* ~ *ӯ* или дифтонги, например: др.-тюрк. *бозабу* 'теленок', *күдәгү* 'зять', *иккәгү* 'двое'; хак. *п̄зо*, *к̄зө*; хаг. (саг.) *п̄зә*, *к̄зэ̄*; азерб., балк. *бузов*;

⁹⁷ См.: Г. Х. А х а т о в. Диалект западносибирских татар, стр. 13.

башк. *бїдав, кїјäv, ikäv*; алт. *бозу, күүү, әкү*; кирг. *музб, күүб, әкб*; чуваш. *пәрү, кәрү*.

Рефлексами групп **oyi ~ *öy'i (~ *öñi)*, **oγa ~ *öγ'ä (~ *öñä)* явились: в алтайском, киргизском, тувинском и хакасском языках — *ō (o) ~ õ (ö)*, *ū (y) ~ ū (ÿ)*, в якутском — дифтонг *yo ~ yö*. В кыпчакских языках особые рефлексy имел твердорядный вариант, в словах же с гласными мягкого ряда изменился только согласный. В огузских и карлукских языках рассматриваемая группа характеризуется большой устойчивостью, однако некоторые преобразования происходили и в этих языках, ср.

	'мальчик, сын'	'воровать'	'бородавка'	'свинья'	'кость'
др.-тюрк.	<i>обул</i>	<i>обурла-</i>	<i>сөгүл</i>	<i>тоңуз</i>	<i>сөңүк</i>
азерб.	<i>обул</i>	<i>обурла-</i>	—	<i>донуз</i>	<i>сүмүк</i>
узб.	<i>ўбил</i>	<i>ўбирла-</i>	<i>сўгал</i>	<i>тўнғиз</i>	<i>суяк</i>
башк.	<i>ул</i>	<i>урла-</i>	<i>сөҗәл</i>	—	<i>һөҗәк</i>
казах.	<i>ұл</i>	<i>ұрла-</i>	<i>сүҗәл</i>	<i>доңғыз</i>	<i>сүҗәк</i>
кирг.	<i>ул</i>	<i>урдб-</i>	<i>сбл</i>	<i>доңуз</i>	<i>сбк</i>
алт.	<i>ул</i>	<i>урдä-</i>	<i>сбл</i>	—	<i>сбк</i>
тув.	<i>ол</i>	<i>орла-</i>	<i>сбл</i>	—	<i>сбк</i>
хак.	<i>ол</i>	<i>обїрла-</i>	<i>сбл</i>	—	<i>сбк</i>
якут.	<i>уол</i>	<i>уор-</i>	<i>үөн</i>	—	<i>уңуох</i>
чуваш.	<i>ивал</i>	<i>варла-</i>	—	—	<i>шайма</i>

Обращает на себя внимание различие в отражении твердорядного и мягкорядного варианта рассматриваемой группы главным образом в киргизском и алтайском языках. Очевидно, основным фактором, предопределившим своеобразие рефлексов в твердорядных словах, явилась очень глубокая артикуляция *б*, способствовавшая сужению начального гласного (например: кирг. *ул < убул < обул*).

Группа **uyi ~ *y'ï* последовательно подверглась стяжению только в хакасском языке. В остальных тюркских языках, за редкими исключениями, она сохранилась с обычными для этих языков рефлексами гласных, ср. узб. *сузур* 'сурок', *тугун* 'узел', *музуз* 'рог'; азерб. *дүүјүн, бујнуз* (?); алт. *түүјүн, мүйс*; башк. *һөҗәр, төјөн, мөгөб*; казах. *сүөір, түүјін, мүйіз*; кирг. *сүр, түүјүн, мүйүз*; тув. *мүйс*; хак. *түн, мүйс*; якут. *муос*; чуваш. *савар, төвә, майрага*.

Наиболее устойчивой оказалась группа **iyi ~ *iγ'i*. Примеры: узб. *сигир* 'корова', *кигиз* 'войлок', *јигит* 'юноша', *јигирма* 'двадцать'; алт. *кијис, дїт, дїрмә*; башк. *һїҗір, кїҗід, јїғит, јїғирмә*; казах. *сїҗір, кїјіз ~ кїгиз, жїғит, жїҗірма*; кирг. *кијиз, јигит, јїјирма*; тув. *кидис, чәрби*; хак. *кїс, чїт, чїбїргї*; чуваш. *сїрём*; якут. *сүрбә* 'двадцать'.

В заключение назовем несколько частных особенностей, наблюдаемых только или преимущественно в интервокальном положении. Так, в северных диалектах алтайского языка *м* переходит в *б* или *в*, ср. *тәбир, тәвир* 'железо' (< *тәмир*), *табак* 'горло' (< *тамак*).⁹⁸ В якутском языке сохраняется пратюркский **j: aji* 'грех, вина', *туҗах* 'копыто', *куҗах* 'панцирь', а на месте интервокальных **с, *ш* и **ч* выступает звонкий фарингальный *h* (при наличии в одном слове двух *с* или *ш*, разделенных кратким гласным, один из них не переходит в *h*),⁹⁹ ср. *кїһи* 'человек', *кїһил* 'красный'. В порядке исключения на месте **с* в якутском языке

⁹⁸ Н. А. Баскаков. Алтайский язык, стр. 71.

⁹⁹ Н. С. Григорьев. О закономерности диссимилятивного чередования *h* и *с* в якутском языке. Уч. зап. Якутского гос. унив., II, серия общественных наук, Якутск, 1957, стр. 137—141.

может быть также *t*: *itir* 'пьяней' (< **äcip*), *itī* 'горячий' (< **icīγ*), *утах* 'жажда' (< **суусак*), *китарах* 'яловый' (< **kicīрак*). В огузских языках *ɲ* в положении между лабиализованными гласными изменился в *m*, ср. азерб. *сўмўк* 'кость' (< **сōңик*), тур. *домуз* 'свинья' (< **тоңис*), а в кыпчакских языках и в диалектах других языков в положении между любыми гласными утратил назальный элемент, перешел в *j* или полностью выпал. Примеры: кар. *маја* 'мне' (< *маџа* < *мāңā* < *мāнgā*), *саја* 'тебе' (< *саџа* < *сāңā* < *сāнgā*); тур. (диал.) *дāгиз* 'море' (< *дāңиз*), *доџуз* 'свинья' (< *доңуз*), *гōгўл* 'сердце' (< *гōңўл*). В туркменском языке в нескольких словах после долгого гласного сохранился интервокальный *s* (*ʃ*): *вāдīк* 'пах', *ʃāдīк* 'вонь'. В тофаларском (карагасском) языке интервокальный *ш* перешел в *h*: *к'ihīн* 'зимой' (*к'иш* 'зима'), *кōhэр* 'будет кочевать' (*кōш* 'кочуй').¹⁰⁰ В чувашском языке в интервокальной позиции, образуемой присоединением к основе на гласный аффикса с начальным *t*, на месте этого *t* последовательно выступает *p* (*t* > *ð* > *ð* > *p*), например: *кётўрə* 'в стаде', *лашара* 'на лошади', *лашаран* 'от лошади', *каларām* 'я сказал', *каларə* 'он сказал', *ес'лэрəm* 'я работал'.

ПРОТЕТИЧЕСКИЕ СОГЛАСНЫЕ

I. В ряде современных и древних тюркских языков в начале слова встречаются согласные, которые не могут быть возведены к общетюркским архетипам и которые развились в результате процессов, происходивших в период после дробления праязыка. Такими согласными, которые именуются обычно протетическими, являются: *v*, *j*, *h*, *s'*.

I, 1. Протетический *v* характерен для чувашского анлаута и выступает регулярно перед этимологическими лабиализованными гласными *o* (*ō*), *ö* (*ō̄*), *y* (*ȳ*), *ü* (*ȳ̄*), ср. *ват* 'желчь' (< **ōt*), *валак* 'желоб, корыто' (< **улак*), *вāl* 'он' (< **ōл*), *вāрā* 'середина' (< **ōс*), *вār-* 'бросать' (< **ūr-*), *вāрā* 'семья' (< **урīγ*), *вāдан-* 'стесняться', 'стыдиться' (< **утан-* ~ **удан-*), *вāрām* 'длинный' (< **ȳсīн*), *вāгār* 'бык' (< **ōкис*), *вāдār* 'тридцать' (< **отīs*), *вāрман* 'лес' (< **орман*), *вāјā* 'игра' (< **oj*), *вāран-* 'просыпаться' (< **одан-*), *вēs'* 'конец' (< **ȳч*), *вēs'-* 'летать' (< **уч-*), *вёр-* 'дуть' (< **ūr-*), *вēјē* 'месть, ярость, злоба' (< **ōч*), *вёрән-* 'учиться' (< **ōγ'рāн-*), *вīр-* 'жать (о злаковых и т. д.)' (< **ор-*), *вīз'ā* 'голодный' (< **āч*), *вīрāн* 'место' (< **орīн*), *вīс'* 'три' (< **ȳч*), *вīл* 'роса' (< **ōл*), *вīс'-* 'мерить' (< **ōлч-*), *вīt-* 'покрывать' (< **ört-*), *вūt* 'огонь' (< **ōт*), *вун* 'десять' (< **ōн*), *вудā* 'дрова' (< **ōтīн*).

Аналогичная протеза перед гласными *a*, *o*, *ö*, *y*, *ü* зафиксирована в джушском говоре узбекского языка. Примеры: *вајув* 'медведь', *вата* 'отец', *ват* 'конь', *валтī* 'шесть', *вач-* 'открывать', *ваш* 'пища, еда', *вон* 'десять', *воттīs* 'тридцать', *вōрдāк* 'утка', *вулīm* 'мой сын', *вузīн* 'длинный', *вūј* 'дом', *вūч* 'три', *вūшлā-* 'держать', *вūчīн* 'для, из-за'.¹⁰¹

В виде исключения протетический *v* встречается в азербайджанском и турецком языках, ср. азерб., тур. *вур-* 'бить, ударять'.

Можно предположить, что такие тюркские языки, как гагаузский, казахский, каракалпакский, кумыкский, карачаево-балкарский и ногайский, находятся на пути к развитию соответствующей протезы. В названных языках на месте общетюркских широких лабиализованных гласных *o* (*ō*), *ö* (*ō̄*) появились дифтонги¹⁰² и наблюдается тенденция к пре-

¹⁰⁰ Н. П. Дыренкова. Тофаларский язык, стр. 9.

¹⁰¹ А. Ахмедов. Джушский говор узбекского языка. АҚД. Ашхабад, 1962, стр. 8, 9, 17, 19.

¹⁰² См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, стр. 5—7; К. Н. Менгес. Qaraqalpaq grammar, I, стр. 56; Ж. Арабаев. Фонетическая система современного каракалпакского языка, стр. 4; Ш. Х. Акбаев.

вращению их начального элемента в *в*, например, гаг. *ʒоку* 'читай', *ʒокуз* 'бык, вол'; казах. *ʒокүту* 'учение', *ʒорүн* 'место', *ʒорак* 'серп, коса', *ʒөрүк* 'урюк', *ʒөтө* 'очень', *ʒөлдөң* 'песня', *ʒөлкө* 'край', *ʒөзөн* 'река'; к.-калп. *ʒотүз* 'тридцать', *ʒөт* 'проходи'; ног. (только в ударном слогe) *ʒөрмө* 'не заплетай', *ʒөтпө* 'не проходи', *ʒөл* 'умри' (но: *өрмө* 'заплетенный', *өтүө* 'проход', *өлиөв* 'мера'). Кстати, впервые на это обратил внимание Н. К. Дмитриев. „Если своеобразная протеза в виде начального *й* (*j*), — писал он, — могла иметь связь с кыпчакской тенденцией появления *и* неслогового перед каждым начальным *е* (ср. казахское произношение *еки* 'два', *еди* 'он был' и т. д.), то кыпчакское *y//y* неслоговое перед каждым начальным *о* и *ө* (ср. *Уон* 'десять', *Уөл* 'умри' и т. д.) могло способствовать протетическому *е*». ¹⁰³

Вопрос о происхождении начального *е* в чувашском языке относится к числу спорных, тем не менее лишь немногие из тюркологов считают его архаическим явлением. ¹⁰⁴ Споры вызывает главным образом причина, обусловившая делабиализацию гласного в начале слова и развитие протезы. ¹⁰⁵ Так, В. В. Радлов связывал появление *е* с дифтонгизацией начальных гласных ¹⁰⁶ и, очевидно, рассматривал дифтонгизацию как основную причину данного явления. По мнению Г. Рамстедта ¹⁰⁷ и Б. А. Серебренникова, ¹⁰⁸ протетический *е*, так же как и *j*, образовался из инкурсии под влиянием сильно развитого внешнего сандхи. Инкурсия, характерная для начального гласного в тюркских языках с древнейших времен («придыхательный приступ»), пишет Г. Рамстедт, после гласного звука предшествующего слова превращается в *j*-, подобно тому как внутри слова появляется *j* для устранения зияния. Перед лабиализованными гласными, продолжает он, указанное явление находит выражение в образовании протетического *е*. Присоединяясь к мнению Г. Рамстедта, мы

Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка, стр. 31; С. А. К а л м ы к о в а. О фонетической системе акногайского диалекта ногайского языка, стр. 51; Л. А. П о к р о в с к а я. Грамматика гагаузского языка, стр. 25, 42 и сл.

¹⁰³ Н. К. Д м и т р и е в. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. ИСГТЯ, стр. 286.

¹⁰⁴ См., например: Н. А. Б а с к а к о в. Примечания к русскому изданию кн.: М. Р я с я н е н. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 214, 216. Ср. у П. М. Мелиоранского: «Нам кажется, напротив, что Х. Педерсен во многих случаях удачно показал, что чувашские *j* и *е*, чувашский анлаут и т. д. несомненно объясняются как обособленные поздние развития и видоизменения» (Р. М е л и о р а н с к и й. [Рец. на]: V. G r o n b e c h. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. København, 1902. Aus den Göttingischen gelehrten Anzeigen, 1904, № 6, стр. 498). Об относительно позднем появлении протетического *е* в чувашском языке см. также: Б. А. С е р е б р е н н и к о в. К истории звуков чувашского языка, стр. 82; М. Р. Ф е д о т о в. 1) [Рец. на]: Г. В. Ю с у п о в. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960. Изв. АН СССР, ОЛЯ, XXII, 1963, 5, стр. 436; 2) Булгарский язык и его отношение к некоторым финно-угорским языкам (Заметки в области согласных звуков). Советское финно-угроведение, Таллин, 1968, № 1, стр. 53, 54. — М. К. Палло, опираясь на разыскания Ю. Немета, называет несколько венгерских заимствований из древнечувашского языка с рассматриваемой протезой, ср. *vályú* 'желоб' (<*olug*), *váj-* 'копать, долбить' (<*öj-*). См.: М. К. P a l l ó. Zur Frage der tschuwaschischen *v*-Prothese. АОН, XII, 1—3, 1961, стр. 42. Сам факт наличия последних, при учете того обстоятельства, что в большом количестве заимствованных слов с лабиализованными гласными в анлауте протеза отсутствует, мог бы служить основанием для датировки процесса развития протетического *е* временем венгеро-чувашских контактов.

¹⁰⁵ См.: М. К. P a l l ó. Zur Frage der tschuwaschischen *v*-Prothese, стр. 33, 34.

¹⁰⁶ Phonetik, стр. 167.

¹⁰⁷ G. J. R a m s t e d t. Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte, III. Der *j*-Laut und damit zusammenhängende Fragen. KSz, XVI, 1915, стр. 73, 74.

¹⁰⁸ В. А. С е р е б р е н н и к о в. Zur Frage nach dem Ursprung der prothetischen Konsonanten *v* und *j* im Tschuwaschischen. АОН, XIX, 1, 1966, стр. 65. В другой своей работе (Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968, стр. 48) Б. А. Серебренников подчеркивает обусловленность типов протез влиянием предшествующих согласных.

хотели бы вместе с тем отметить, что оно не исключает возможности развития протезы *в* через стадию дифтонгизации.

Вопросом происхождения начального *в* в джушском говоре узбекского языка и в приведенных выше одиночных примерах из азербайджанского и турецкого языков тюркологи специально не занимались. И здесь наиболее вероятен путь возникновения протезы из инкурсии. Что касается зависимости качественных особенностей протетического согласного от характера последующих гласных, то для джушского говора она не мотивирована только в случае с *а*. Впрочем, если начальный *а* был хоть сколько-нибудь лабиализованным (ср. *о*), зависимость от него качества протезы вполне реальна.

1, 2. Использование протетического *ј* во всех языках, кроме чувашского, является ограниченным. В чувашском языке он выступает перед общетюркскими *а* (*ā*), *ä* (*ā*), *і* (*ī*), *и* (*ī*), однако менее регулярен, чем *в* перед лабиализованными гласными, например: *јар-* 'посылать', 'пускать' (< **īd-*), *јат* 'имя'. (< **āt*), *јёр* 'след' (< **īs*), *јёнё* 'нора', 'берлога' (< **īn*), *јёксёк* 'негодный', 'дрянь' (< **āksik*), *јёнёр* 'седло' (< **āy'ār*), *јёгёр* 'близнецы' (< **ākis*), *јёрён-* 'чувствовать отвращение' (< **ḍārān-*), *јёгёв* 'подпилочек' (< **ākjāy'*), *јидә* 'собака' (< **ijm*), *јивәс'* 'дерево' (< **āyāç ~ īyāç*), *јивәр* 'тяжелый' (< **āyır*), *јус* 'горностай' (< **ās*), *јух-* 'течь' (< **ak-*), *јур* 'песня' (< **ir*), *јут* 'чужой' (< **ḍāt*). Ср. узб. *јобәч* 'дерево', *јібла-* 'плакать'.

В гагаузском, карачаево-балкарском, казахском, каракалпакском и ногайском языках протетический *ј*, подобно протетическому *в*, находится в стадии развития, о чем, по существу, уже говорилось выше: начальный *ә* подвергся дифтонгизации и один из элементов дифтонга факкультативно переходит в *ј*, ср. балк. *әт-* ~ *јәт-* 'делать'; гаг. *әл* ~ *јәл* 'рука', *әт* ~ *јәт* 'мясо', *әв* ~ *јәв* 'дом', *әлли* ~ *јәлли* 'пятьдесят', *әркәк* ~ *јәркәк* 'мужчина', *әкмәк* ~ *јәкмәк* 'хлеб', *әски* ~ *јәски* 'старый'.¹⁰⁹ В гагаузском языке возможно появление протетического *ј* и перед другими гласными — *і*, *у*, *ө*: *јүч* ~ *јүч* 'три', *јөкүз* ~ *јөкүз* 'бык'.

Звук *ј*, — очевидно, самая древняя из тюркских протез. Так, значительное количество примеров использования протетического *ј* обнаруживается уже в XI в., ср. *іг* 'веретено' «по-огузски» и *јіг* «у других тюрков» (МК I 48, 49), *јібла-* 'плакать' (МК III 309), *ашук* и *јашук* 'шлем' (МК I 67), *армазан* и *јармакан* 'дар, подарок' (МК I 140), *ава* и *јава* — один из огузских родов (МК III 24). Довольно часто протетический *ј* выступает в сочинении Ибн Муханны: *јүзүм* 'виноград', *јүкјүш* 'много', *јіпәк* 'шелк'.¹¹⁰

1, 3. Слова с протетическим *һ* встречаются в азербайджанском, гагаузском, туркменском, узбекском и уйгурском языках, причем количество их колеблется приблизительно от десяти до двадцати. П р и м е р ы: азерб. *һөр-* 'вязать, плести', *һүрк-* 'пугаться', *һис* 'сажа, копоть', *һин* 'курятник', *һүр-* 'лпать', *һәјва* 'айва', *һичвәр-* 'хныкать', 'рыдать', *һарін* 'усталый', *һөргүч* 'горб';¹¹¹ азерб. (диал.) *һорак* 'серп', *һавос* 'овес', *һах-чйх* 'девочка не-азербайджанка', *һарава* 'арба', *һәлвәтдә* 'конечно', *һасант* ~ *һасат* 'легкий', *һөјјүш* 'мокрый';¹¹² гаг. *һајвәр* 'жеребец', *һалма*

¹⁰⁹ См.: W. Zajączkowski. Język i folklor gagauzów z Bułgarii. Kraków, 1966, стр. 9.

¹¹⁰ П. М. Мелiorанский. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. XXXV, XXXVI.

¹¹¹ См.: Н. К. Дмитриев. Некоторые вопросы азербайджанского языкознания. Тр. Азербайджанского гос. унив., серия филологическая, III, Баку, 1949, стр. 63; М. Ш. Ширалиев. О звуке *һ* в азербайджанском языке. Там же, стр. 67, 68.

¹¹² В. Т. Джангидзе. Особенности дманисского говора азербайджанского языка, стр. 7; В. И. Асланов. Из этюдов по исторической фонетике азербайджанского языка (о фонеме *һ*). Изв. АН Азербайджанской ССР, серия литературы, языка, искусства, Баку, 1967, № 1, стр. 57, 60.

'яблоко', *harpa* 'ячмень', *hat* 'лошадь', *хамбар* 'амбар', *хармут* 'груша', *hatъи* 'огонь'; туркм. *hın* 'нора', 'берлога'; туркм. (диал.) *халда-* 'обманивать', *həң ~ hiң* 'очень', *hövüt* 'совет', *hürk-* 'пугаться', *hür-* 'дутъ', *hürkör* 'плеяды';¹¹³ узб. *hўл* 'мокрый, влажный', *həri-* 'установить', *hur-paj-* 'нахохлиться', *hўkis* 'бык'; уйг. *härä* 'оса', *häsäl* 'мед'. Ср. также в языке халаджей в Иране: *hat* 'лошадь', *hot* 'огонь', *hazach* 'дерево', *haj-* 'говорить', *hotur-* 'садиться', *halta* 'шесть', *hotmuz* 'тридцать', *här* 'мужчина', *höv* 'дом', *hürün* 'белый', *hät-* 'делать', *həkmäk* 'хлеб'.¹¹⁴

Протетический *h* выступает, таким образом, преимущественно в огузской и карлукско-уйгурской группах, иначе говоря, в «западных» тюркских языках, тогда как языкам Сибири и Алтая он вообще неизвестен.

В древних памятниках *h* — исключительно редкое явление. О наличии его можно говорить только на основании двух примеров, приведенных Махмудом Кашгарским в его словаре, ср. *hata* 'отец', *hana* 'мать', с пометой «в языке Хотана и Кенчека» (МК I 32); однако в другом месте (МК I 161) Махмуд Кашгарский решительно заявляет об отсутствии в тюркских языках *h*. В староузбекском языке встречается несколько случаев употребления рассматриваемой протезы, ср. *harikan* 'установленный', *hür-* 'лаять', *hur-* 'бить'.

Для правильного ответа на вопрос о происхождении протетического *h* необходимо иметь в виду, что соответствия данной протезы между разными тюркскими языками нерегулярны, ср., с одной стороны, азерб. *hör-*, *hürk-*, уйг. *ör-*, *ürkü-*, с другой, уйг. *harvu*, *harak*, *hal*, азерб. *араба*, *араз*, ал. Примечательно также, что значительное количество слов с начальным *h* — заимствования из нетюркских языков, например: *hавос* 'овес' (< рус.), *hatъи* 'огонь' (< п.), *хармут* 'груша' (< ?), *haxčix* 'девочка не-азербайджанка' (< армянск.), *härä* 'оса' (< п.), *häsäl* 'мед' (< п.), *hарава* 'арба' (< а.) и т. д.

Исследователи тюркских языков почти единодушно относят появление *h* к довольно позднему времени, причем некоторые из них говорят о возможности влияния кавказского субстрата,¹¹⁵ а другие обращают внимание на то, что присутствие *h* в начале ряда слов характерно лишь для тех тюркских языков, которые больше всего находились под арабским и персидским влиянием.¹¹⁶

Существует вместе с тем мнение, что начальный тюркский *h* — рефлекс общеалтайского смычного **h* или щелевого **φ*.¹¹⁷ Это мнение широко распространилось в форме так называемого «закона Рамстедта-Пельйо», являвшегося неоднократно предметом обсуждения в специальной литературе.¹¹⁸ Напомним, что пока не обнаружено ни одной полной алтайской параллели, которая могла бы служить убедительным подтверждением упомянутого закона. Даже такие параллели, как др.-тюрк. *ögüz* 'бык', монг.-п. *hüker* 'бык, корова', эвенк. *хужур* 'корова', единичны.

¹¹³ С. Куренов. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья), стр. 12.

¹¹⁴ V. M i n o r s k y. The Turkish dialect of the Khalaj. BSOS, X, 2, 1940, стр. 418—424. Ср.: G. D o e r f e r. Das Chaladsch — eine archaische Türksprache in Zentralpersien. ZDMG, CXVIII, 1, 1968, стр. 79—112.

¹¹⁵ См.: у Н. К. Дмитриева: «Причину такой своеобразной протезы мы склонны усматривать в отражении здесь хамзы или айн'а, которые обычны не только для арабского, но и для яфетических языков Кавказа» (Н. К. Д м и т р и е в. Некоторые вопросы азербайджанского языкознания, стр. 63). См. также: М. Ш. Ш и р а л и е в. О звуке *h* в азербайджанском языке, стр. 67, 68.

¹¹⁶ См.: В. И. А с л а н о в. Из этюдов по исторической фонетике азербайджанского языка (о фонеме *h*), стр. 60.

¹¹⁷ Из последних работ см.: M. R ä s ä n e n. Tü. anl. *h-* als Überbleibsel des alt. p-. UAIJb, XXX, 1—2, 1961, стр. 146—148.

¹¹⁸ См.: А. М. Щ е р б а к. Об алтайской гипотезе в языкознании. ВЯ, 1959, № 6, стр. 55—60.

I, 4. Последний протетический согласный (*c'*) встречается только в чувашском языке в словах: *c'ăvar* 'рот' (< **ayıs*), *c'înz'ă* 'тонкий' (< **încă*), *c'ănyăx* 'мука' (< **ynak*).

Присутствие в чувашском языке протезы *c'* наряду с *j* до сих пор не получило достаточно убедительного объяснения. М. Ряснен склонен думать, что в чувашском языке существовали два протетических *j*, первичный — более древний, который изменился в *c'*, и вторичный — более поздний, сохранившийся без изменений.¹¹⁹ Б. А. Серебренников, считающий подобное объяснение весьма вероятным, полагает, что переход *j* в *c'* в слове *c'ăvar* 'рот' произошел не без влияния глагола *c'i-*'есть'.¹²⁰ Считая *j* вторичным относительно *c'*, мы рассматриваем *c'* как протезу, развившуюся в тот период, когда *j* в чувашском анлауте еще не был возможен (ср. так называемый вставочный *c* внутри слова в древних тюркских языках). Возможность же употребления *j* в начале слова необходимо связать с заимствованием значительного количества слов с начальным *j* из татарского языка.

II. Консонантные протезы известны многим языкам, в частности славянским, балтийским, иранским, финно-угорским, монгольским, ср.-белорусск. (диал.) *бзера*, *вбз'ира*, *убз'ара*, *hbз'еро*, ст.-славянск. *іезеро*; украинск. (диал.) *вўлиця*, *гўлиця*, *hўлиця*, *ўлиця*; ¹²¹ афганск. *yat* 'я есть', *vič* 'сухой', *hōr* 'огонь', курдск. *hasp* 'лошадь', *haur* 'облако', *wāsān* 'так' (ср. также протезу *h* в персидском и белуджском и протетические *v* и *j* в других иранских языках и диалектах); ¹²² коми-зырянск. *войтыр* 'люди, народ', *воча* 'навстречу', *водз* 'рано', 'перед'; ¹²³ монгорск. *fugior* ¹²⁴ 'бык', *fōdi* 'звезда', *harvan* 'десять', *harga* 'ладонь', средне-монг. *hūker*, *hodun*, *harban*, *halaga*, халха-монг. *ūxēr*, *odōŋ*, *arvāŋ*, *alāgā* ¹²⁵ (ср. также протезы *h*, *φ*, *x* в дунсянском языке).¹²⁶

Примечательно, что состав консонантных протез в разных языках приблизительно одинаков: *h* (*γ*, *x*), *φ*, *j*. Объединяющей разные языки чертой является также то, что соответствия в плане протезирования внутри групп родственных языков нерегулярны. Далее, необходимо указать на сходство фонетических условий и самого процесса образования протетических согласных: *φ* обычно появляется перед лабиализованными гласными, *j* — перед мягкорядными, *h* (*γ*, *x*) — перед любыми гласными; возникновение протез наблюдается чаще в ударных, чем в безударных слогах; нередко выделению протетических согласных предшествует дифтонгизация начальных гласных.¹²⁷

¹¹⁹ M. R ä s ä n e n. Materialien, стр. 189.

¹²⁰ B. A. S e r e b r e n n i k o v. Zur Frage nach dem Ursprung der prothetischen Konsonanten *v* und *j* im Tschuwaschischen, стр. 65.

¹²¹ В. К. Ж у р а в л е в. Генезис протезов в славянских языках, ВЯ, 1965, № 4, стр. 32; Л. И. Р о й з е н з о н. К вопросу о протетических согласных в славянских языках. Тр. Узбекского гос. ун-ва., новая серия, вып. 60, филологический факультет, Самарканд, 1955, стр. 68.

¹²² Grundriss der iranischen Philologie, I. Strassburg, 1898—1901, стр. 97, 208, 209, 236, 256, 257, 298, 388.

¹²³ В. И. Л ы т к и н. Древнепермский язык. М., 1952, стр. 99.

¹²⁴ Начальный *f* в монгорском языке, по мнению Г. Дёрфера, развился из *h* перед лабиализованными гласными, но не из прамонгольского **p*, реконструкция которого ничем не обоснована. См.: G. D o e r f e r. 1) Langvokale im Urmongolischen? JSFOu, LXV₄, 1964, стр. 6; 2) Klassifikation und Verbreitung der mongolischen Sprachen. Handbuch der Orientalistik, Erste Abteilung, V, 2, Leiden, 1964, стр. 35.

¹²⁵ См.: Г. Д. С а н ж е е в. Сравнительная грамматика монгольских языков, I. М., 1953, стр. 29.

¹²⁶ Б. Х. Т о д а е в а. Дунсянский язык. М., 1961, стр. 12, 13.

¹²⁷ См.: Л. И. Р о й з е н з о н. К вопросу о протетических согласных в славянских языках, стр. 69 («в белорусском языке протеза-фонема *φ* выступает только в ударном слоге»); В. И. Л ы т к и н. Древнепермский язык, стр. 99.

По вопросу о происхождении консонантных протез в славянских языках имеются две точки зрения, которые не исключают, а скорее дополняют друг друга. Согласно одной из них («теория хиата»), образование протез было связано с необходимостью избежать стечения гласных на стыке двух соседних слов,¹²⁸ согласно другой, протезы рассматриваются как результат обособления лабиальной и палатальной артикуляций.¹²⁹

Что касается протетических согласных в древнемонгольском языке, то по мнению П. М. Мелиоранского, их появление — результат «аттакирования начального гласного с придыханием».¹³⁰ Приблизительно так же объясняет появление протетических согласных в монгольских языках Б. Я. Владимирцов. «... В полости рта, — пишет он, — органы речи принимают необходимое для выявления данного гласного положение до появления голоса, до звучания голосовых связок...»

Происхождение начальных *x*, *h*, *φ*, *n*, нерегулярно обнаруживаемых перед гласными, в тунгусо-маньчжурских языках С. М. Широкогоров связывает с явлениями аспирации и билабиализации.¹³¹

III. Совпадение состава протетических согласных, близость фонетических условий образования и сходство в характере проявления свидетельствуют о том, что возникновение их в разных языках (тюркских, монгольских, славянских и др.) имело одни и те же причины.

Возвращаясь к вопросу о природе протетических согласных в тюркских языках, следует обратить внимание на аналогичное явление внутри слова. На границе двух компонентов сложного слова или на стыке разных морфем в целях устранения необычного для тюркских языков стечения гласных («зияния») используются «вставочные» согласные *s*, *j* и, в виде исключения, *ш*, *p*, т. е., по существу, те же согласные, что и в начале слова, кроме *v* и *h*, которые в тюркских языках появились довольно поздно. Это обстоятельство делает правдоподобной мысль о том, что консонантные протезы — своеобразная реализация примыкания двух слогов, открытого и приоткрытого ((т) а+а (т)), входящих в состав одного и того же слова или разных слов. Различие между внутренним и внешним примыканием сводится лишь к тому, что при последнем из них, в отличие от первого, дополнительные согласные не являются единственным средством устранения зияния (ср. роль интонации и паузы).

Поскольку одним из наиболее важных факторов, способствующих развитию консонантных протез, является стечение гласных, совершенно очевидно наличие связи между размерами протезирования и структурными особенностями слога. Так, действие закона открытого слога создает максимально благоприятные условия для появления дополнительных гласных,¹³² в тех же случаях, когда в языке значительную часть составляют закрытые и прикрытые слоги, образование протез мало-

¹²⁸ См.: F. T r á v n í č e k. Prothese či hiat? Symbolae grammaticae in honorem J. Rozwadowski, II, Kraków, 1928.

¹²⁹ См.: A. M a r t i n e t. Économie des changements phonétiques. Berne, 1955, стр. 361—362; Э. П е т р о в и ч. Явления сингармонизма в исторической фонетике румынского языка — следствие славяно-румынской языковой интерференции. *Romanoslavica*, II, Bucureşti, 1958, стр. 17.

¹³⁰ П. М. М е л и о р а н с к и й. Араб филолог о монгольском языке. Отд. отт. из ЗВО РАО, XV, 4, 1904, стр. 162, 163. При этом П. М. Мелиоранский ссылается на работу Э. Сиверса. См.: E. S i e v e r s. Grundzüge der Phonetik, I. Leipzig, 1893, стр. 140.

¹³¹ S. M. S h i r o k o g o r o f f. 1) Ethnological and linguistical aspects of the Ural-altaic hypothesis (Reprinted from «Tsing Hua journal», 6). Peiping, 1931, стр. 103, 104, 109, 118, 120; 2) Notes on the bilabialization and aspiration of the vowels in the Tungus languages. *RO*, VII (1929—1930), 1931.

¹³² Ср. в славянских языках, в которых падение конечных согласных способствовало появлению «хиата». См.: В. К. Ж у р а в л е в. Генезис протезов в славянских языках, стр. 32.

вероятно. Показательно, что из тюркских языков по степени развития консонантных протез на первом месте оказывается чувашский язык, в диалектах которого вплоть до настоящего времени открытые слоги встречаются значительно чаще, чем в других языках.

Почти все протетические согласные являются звуками, отсутствовавшими в тюркском языке либо в начальной позиции (*j*), либо вообще (*e, h*). Далее, все протетические согласные — щелевые. Учитывая то и другое, можно высказать предположение о связи окончательного оформления дополнительных согласных с процессом спирализации этимологических смычных, начавшимся, как известно, не раньше X в.

Глава III

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ФОНОЛОГИЯ

0. Диахроническая, или историческая, фонология тесно смыкается с исторической фонетикой и в то же время принципиально отличается от нее. Если в исторической фонетике в центре внимания оказывается эволюция отдельных звуков, репрезентирующих фонологические единицы праязыка, то в диахронической фонологии — развитие самой системы как совокупности элементов, находящихся в определенных отношениях и в известной мере обусловленных этими отношениями. Это значит, что изменения звуков учитываются главным образом постольку, поскольку они отражают изменения отношений в системе, а именно: утрату или появление дифференциальных признаков, трансформацию, сокращение или расширение их функциональной нагрузки.

Диахроническая фонология тесно связана и с фонологией синхронных срезов, причем эта связь не только в том, что синхрония представляет собой снятый момент диахронии, но и в характере объектов исследования. Развитие фонологической системы не является стихийным, неупорядоченным процессом, фонологические изменения системны. И хотя трудно провести в этом плане прямую параллель между диахронией и синхронным состоянием языка, все же совершенно очевидно, что в переходе от одного синхронного среза к другому имеют место различные взаимосвязи и зависимости явлений, относительное временное распределение которых образует своего рода систему. Так, тоническое ударение предшествует динамическому, различие слоговых акцентов — количественному разграничению гласных и согласных, а количественное разграничение гласных и согласных — появлению модальных корреляций второй степени (сильные / слабые ~ глухие / звонкие ~ придыхательные / непридыхательные и т. д.). Наличие единой тембровой окраски для слога («палатальной» или «велярной») предшествует образованию автономных тембровых классов гласных, тогда как последнее предшествует образованию соответствующих тембровых классов согласных¹ (следовательно, фонема развилась из силлабофонеми и многие фонетические признаки, связанные с гласными и согласными порознь, первоначально были соотнесены со слогом). Указанные последовательности и зависимости — относительные типологические универсалии диахронического порядка; вместе с тем существуют и более частные, индивидуальные взаимосвязи, прослежи-

¹ Противоположная точка зрения высказана Я. ван Гиннекемом (J. van Ginneken. La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité. Amsterdam, 1939, стр. 50).

ваемые в эволюции разных фонологических систем и делающие их неповторимыми и своеобразными.

Основные этапы историко-фонологического исследования: выбор исходной системы и сравнение с ней других, более поздних систем, определение причин и анализ процесса фонологических изменений.²

I. Исходной для нас является фонологическая система тюркского праязыка в том виде, в каком она была реконструирована в одной из предыдущих глав. Однако, прежде чем перейти к сравнению ее с фонологическими системами современных тюркских языков, выскажем некоторые соображения о процессах, происходивших в праязыковом состоянии и восходящих к протоязыку. Восстанавливаемая протоязыковая фонологическая система в высшей степени гипотетична: достоверность такой системы зависит не только от тщательности разработки методических приемов и строгости их применения, но и от качества праязыковых реконструкций, и все же нельзя отрицать возможность воссоздания ее главнейших черт и выяснения основных тенденций развития. Едва ли не самым важным результатом перехода тюркской фонологической системы от протоязыка к праязыку было увеличение протяженности слова, или, иначе говоря, появление наряду с господствовавшим до этого односложным словом многосложных. В ходе увеличения общей протяженности слова подверглась ослаблению синтагматическая связанность гласных и согласных в пределах слога, слоговой сингармонизм начал преобразовываться в межслоговой, а корреляция разновершинных слогов заменилась количественной корреляцией гласных (отчасти и согласных). Появилось словесное ударение, централизующая роль которого, однако, была незначительной вследствие сохранения некоторой автономности слога и развития межслоговой гармонии.

Сравнение фонологической системы тюркского праязыка с фонологическими системами современных тюркских языков позволяет обнаружить значительные изменения как в составе дифференциальных признаков, так и в объеме их функциональной нагрузки.

Начнем с вокализма. В большинстве тюркских языков утратилось противопоставление первичных долгих и кратких, в тувинском языке количественная оппозиция гласных заменилась противопоставлением «чистых» и «фарингализованных» гласных. В узбекском языке потерял свое самостоятельное значение признак твердорядности / мягкорядности, ср.

a / ǝ / i	неогубленные
ɔ / ǔ / y	огубленные
Широкие	
Полуширокие	
Узкие	

Неполная утрата указанного признака происходила и в караимском языке, в котором противопоставление гласных по признаку твердорядности / мягкорядности стало по преимуществу консонантическим:

Для башкирского, казахского, каракалпакского, ногайского и татарского языков необходимо отметить фонологизацию смешанного признака (дополнительная ступень раствора + сверхкраткость), которая явилась

² Ср.: сб. «Базисные проблемы фонологии». Материалы межвузовской конференции, I (ответы на вопрос № 4), Донецк, 1968, стр. 41—58.

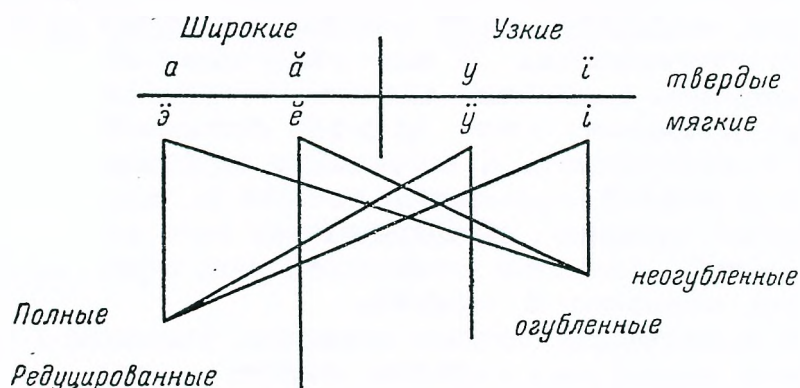
частичным возмещением утраты в этих языках общетюркской количественной оппозиции гласных, ср.

Казах.	узкие	<i>ï i y ŷ</i>	краткие (обычные)
	полуузкие	<i>ĩ ı ŷ ŷ</i>	сверхкраткие

Полуузкие гласные в перечисленных языках развились из узких, а узкие — из дифтонгов, восходящих к сочетаниям типа «гласный + согласный».

В уйгурском языке вследствие конвергенции *ĩ* и *i* количество пар, противопоставляемых по признаку твердорядности / мягкорядности, сократилось до трех.

В чувашском языке признак неогубленности / огубленности сохранил свое значение только для узких гласных, противопоставление же широких нелабиализованных и лабиализованных гласных стало достоянием одной из диалектных групп. При этом в литературном языке фонологизировался дополнительный количественный признак — полноты / редуцированности, ср.



Уменьшение объема дифференциального признака неогубленности / огубленности наблюдается также в отдельных говорах татарского, караимского и других языков, в которых процесс делабиализации огубленных гласных принял широкие размеры, ср. в касимовском говоре татарского языка.

В таких тюркских языках, как алтайский, гагаузский, киргизский, тувинский, туркменский, хакасский, шорский и якутский, на почве возникновения вторичной (заместительной) долготы вновь образовалась или стала более емкой (в туркменском и якутском языках) оппозиция долгих и кратких гласных.

В ходе развития консонантизма от праязыка к современному состоянию происходило постепенное выделение дифференциального признака глухости / звонкости (силы / слабости). Кроме того, в некоторых языках, например огузских и кыпчакских, появился дополнительный локальный ряд — губнозубные согласные; в караимском языке и в одном из диалектов татарского языка развилось противопоставление твердых и мягких (палатализованных) согласных, а в языке желтых уйгуров и саларов — противопоставление согласных по признаку неаспирированности / аспирированности.

Если обратиться к числовым данным, то можно отметить почти повсеместное, по сравнению с состоянием праязыка, сокращение количества гласных (от 16 до 6—13) и увеличение количества согласных фонем (от 15—17 до 20—25).

II. Механизм преобразования фонологической системы необычайно сложен, и действие его происходит на протяжении значительного периода времени, так что очень трудно установить основные причины изменений.

Иногда такими причинами считают собственно фонетические или физиологические явления, обусловленные в свою очередь «экономией трудовой энергии», «законом наименьшего усилия», «стремлением к гармонии» или же — сменой поколений, изменением географических и других условий; часто причины фонологических изменений пытаются обнаружить в самой системе и рассматривают их как проявление внутренней необходимости совершенствовать систему, как следствие «давления», оказываемого системой на отношения составляющих ее элементов, или как «отбор фонем с наилучшими функциональными характеристиками».³ Принцип экономии, лежащий в основе большого количества старых и новых концепций языкового развития, возможно, играет определенную роль в собственно фонетической эволюции (упрощение артикуляций, развитие ассимилятивных и диссимилятивных явлений и т. д.). В развитии же фонологической системы трудно уловить тенденцию к экономии; напротив, некоторые изменения состава фонологических оппозиций или их преобразования приводят к «излишнему» усложнению ее. Нет оснований, например, рассматривать систему казахского вокализма с делением гласных на широкие, полужирокие, полуузкие и узкие как более экономную, по сравнению с той системой, которая была характерна для тюркского праязыка и в которой деление гласных по признаку раствора ограничивалось двумя ступенями. Невозможно также установить какую-либо связь между фонетическими изменениями и сменой поколений, изменением географических и климатических условий.

Отсутствие, несмотря на продолжительность поисков, единых и четких выводов по вопросу об основных причинах фонетических (resp. фонологических) изменений не означает, что эти причины вообще не могут быть определены. Очевидно, сложившаяся ситуация объясняется тем, что преобладают попытки найти сугубо конкретные решения; между тем указанные причины представляют собой необычайно сложный комплекс разнообразных частных тенденций, взаимодействующих, переплетающихся или взаимоисключающих, и поэтому поддаются определению лишь в самой общей форме. Мы придерживаемся той точки зрения, что основные причины фонетических (resp. фонологических) изменений — внутренняя противоречивость системы и воздействие таких экстралингвистических факторов, как междиалектное смешение и продолжительные контакты с неродственными языками. Под внутренней противоречивостью системы разумеется несоответствие между функциональной нагрузкой отдельных элементов и их синтагматическим распределением, многомерность или комплексность дифференциальных признаков (ср., например, для *m/d* — глухость / звонкость + сила / слабость + придыхательность / отсутствие придыхательности), строгое парадигматическое разграничение фонологических единиц при их относительной синтагматической неопределенности и т. д. Междиалектное смешение как причина или фактор, способствующий изменению системы, в истории тюркских языков имело особенно важное значение. Почти каждый тюркский язык характеризуется обилием диалектов, являющимся следствием территориальной обособленности и существования древних племенных объединений (кып-

³ См.: Е. Д. Поливанов. 1) Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса. Сб. «Статьи по общему языкознанию», М., 1968, стр. 74; 2) Где лежат причины языковой эволюции? Там же, стр. 81; М. G r a m m o n t. *Traité de phonétique*. Paris, 1933, стр. 175; А. М а р т и н е. Принцип экономии в фонетических изменениях. Пер. с франц. М., 1960; В. Г. Л о б и н. Принцип фонологического отбора в фонетических изменениях. Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Тезисы докладов и сообщений межвузовской лингвистической конференции, 9—15 сентября 1964 г., Самарканд, 1964, стр. 251, 252; В. В. И в а н о в. Историческая фонология русского языка. М., 1968, стр. 9, 10.

чаков, огузов, карлуков, уйгуров, теле). Взаимодействие и смешение диалектов привело к такому положению, когда практически отсутствует возможность выделить какой-либо «чистый» тип: кыпчакский, огузский или уйгурский. В результате совмещения разных диалектных вариантов расширилась база для фонологизации новых признаков. Говоря о значении контактов с неродственными языками, мы можем отметить влияние на эволюцию системы, с одной стороны, заимствований и, с другой, двуязычия. При этом должна быть отмечена роль славянских языков в фонологических изменениях, происходивших в караимском языке, аналогичная роль кавказских языков в отношении карачаево-балкарского, иранских — в отношении узбекского, монгольских и тунгусо-маньчжурских — в отношении якутского, монгольских — в отношении тувинского, финно-угорских — в отношении чувашского.

Внутренне обусловленным процессом является, прежде всего, возникновение оппозиции глухих и звонких (сильных и слабых) согласных, хотя немаловажное значение в этом процессе имел и факт заимствования большого количества слов из арабского и персидского языков. Далее идут утрата общетюркского дифференциального признака долготы / краткости гласных, развитие лабиальной гармонии и т. д.

Роль экстралингвистических факторов несомненна в возникновении противопоставления твердых и мягких согласных (ср. в караимском языке), в преобразовании двухступенчатой оппозиции по признаку раствора в многоступенчатую (ср. в казахском языке, в котором широкий гласный мягкого ряда представлен в заимствованных словах), в развитии оппозиции согласных по признаку отсутствия или наличия придыхательности (в языке саларов и в языке желтых уйгуров), в кардинальной перестройке системы узбекского вокализма.

III, 1. Внутренне обусловленные фонологические изменения заключаются в фонологизации, дефонологизации и рефонологизации,⁴ или, иначе, в превращении собственно фонетических различий в фонологические, фонологических — в фонетические и одних фонологических различий — в другие фонологические различия. Обычно в развитых фонологических системах фонологизации предшествует дефонологизация,⁵ а дефонологизация какой-либо оппозиции, в особенности коррелятивной, сопровождается фонологизацией аллофонических рядов. Аллофоны различаются комбинаторно, т. е. наличием неодинаковых окружений, и совершенно необходимое условие превращения их в самостоятельные фонемы — устранение комбинаторных различий.⁶

Рассматривая вопрос о возникновении в тюркских языках оппозиции глухих и звонких (сильных и слабых) согласных, напомним, что различие аллофонов несонантных фонем в конце односложных слов в праязыке было обусловлено количественными особенностями предшествующих гласных: после кратких гласных выступали сильные (глухие) аллофоны согласных, после долгих гласных (и после любых гласных в конце многосложных слов) — слабые (звонкие).⁷ Таким образом, сильные (глухие)

⁴ См.: R. J a k o b s o n. Prinzipien der historischen Phonologie. TCLP, 4, 1931, стр. 250 и сл.

⁵ Ср. у Е. Д. Поливанова: «В громадной массе случаев дивергенция сопутствуется той или иной конвергенцией и при этом диктуется ею» (Е. Д. П о л и в а н о в. Факторы фонетической эволюции языка, как трудового процесса. Уч. зап. ИЯЛ, III, М., 1929, стр. 38).

⁶ См.: М. И. С т е б л и н - К а м е н с к и й. К теории звуковых изменений. ВЯ, 1966, № 3, стр. 73.

⁷ Для равного состояния праязыка эту обусловленность можно трактовать и как проявление относительного единства дифференциальных признаков гласных и согласных. См.: А. M a r t i n e t. Indétermination phonologique et diachronie. «Phonetica», XII, 1, New York, 1965, стр. 17.

и слабые (звонкие) согласные в конечной позиции находились в отношении дополнительного распределения и не образовывали фонологической оппозиции. В анлауте могли быть только сильные (глухие) аллофоны. Исчезновение количественной оппозиции гласных изменило характер отношений между последующими согласными, которые, сохраняя прежние качественные различия, но не будучи уже фонетически обусловленными, становятся самостоятельными фонемами. Продолжительное время существование корреляции звонкости ограничивалось концом односложного слова, и до сих пор только в этой позиции сильные (глухие) и слабые (звонкие) согласные различаются регулярно, например, в азербайджанском языке. Противопоставление сильных (глухих) и слабых (звонких) в начале слова во многих тюркских языках отсутствует вплоть до настоящего времени, в ряде же языков оно находится в стадии развития. При этом анализ обнаруживаемых в последних минимальных пар с глухими и звонкими согласными показывает, что в большинстве своем они включают в себя слова, заимствованные сравнительно недавно из других языков или вошедшие в литературный язык из разных диалектов. Важная предпосылка появления таких пар — региональный процесс ослабления и озвончения начальных согласных, в результате которого в различных диалектах анлаут оказался неодинаковым. Следует особо отметить, что ослаблению (озвончению) подверглись лишь смычные: сначала *n*, далее *m* и затем *k* (*к*). Ослабление (озвончение) *n* началось, по-видимому, на уровне праязыка и поэтому охватило почти все тюркские языки, ослабление *m* восходит также к раннему периоду, однако, являясь достоянием лишь отдельных диалектных групп, получило ограниченное развитие. Причиной ослабления было сандхи и просто позиция согласных перед гласными, хотя различие в длительности гласных не влияло на предыдущие согласные так, как на последующие. Условия же, при которых сандхи стало играть ведущую роль в формировании синтагматического облика слова, пока неизвестны. Возможно, что одним из этих условий было увеличение протяженности слова и сокращение внешней паузы-смычки. Несколько отвлекаясь от рассматриваемого здесь вопроса, заметим, что именно это условие в случаях позиционного столкновения гласных могло способствовать появлению протетических согласных.

Особым источником фонологических изменений являлось сложное взаимодействие качественной эволюции звуков и их количественных преобразований, иллюстрируемое материалами каракалпакского, казахского и других языков. Вслед за небольшим расширением общетюркских \bar{i} ($\langle *i, *i \bar{}$) и i ($\langle *i, *i \bar{}$), обусловленным частичной редукцией, в названных языках в результате монофтонгизации сочетаний $\bar{i}j, ij$ образовалась дополнительная ступень узких гласных (будучи относительно долгими, вторичные \bar{i}, i не подверглись редукции).

Включение просодической стороны согласных или их качественных признаков в состав артикуляции гласных лежит в основе ряда фонологических изменений в новейший период истории тюркских языков. Наиболее позднее и примечательное из таких изменений — развитие оппозиции чистых и назализованных гласных в наманганском говоре узбекского языка и в говорах других тюркских языков.

III, 2. Фонологические изменения, вызываемые междиалектным смешением и контактами с неродственными языками, сводятся к заполнению «пустых клеток» в результате заимствования большого количества слов, содержащих необычные для заимствующего языка звуки, и к трансформации системы, являющейся следствием наложения друг на друга двух разных систем.⁸

⁸ См. U. W e i n r e i c h. Languages in contact. New York, 1953, стр. 7 и сл.

Заполнение «пустых клеток» предполагает, помимо самого акта заимствования, наличие благоприятной ситуации в заимствующей системе. Если, скажем, в языке имеется оппозиция смычных и щелевых согласных хотя бы в одном локальном ряду, появление такой же оппозиции в других локальных рядах не противопоказано системе. В фонологической системе тюркского праязыка не было щелевых *v* и *ɸ*. После распада праязыковой общности в некоторых тюркских языках сонанты *β* и *γ* изменились в *v*, ср. **āβ* 'охота' > *av*, **čāβ* 'слава' > *čav*, **cyβ* (**cyγ*) 'вода' > *cyv*, **sāβ*- (**sōγ*'-) 'любить' > *sāv*- (~ *sōj*-). Поэтому включение в фонологические системы этих языков щелевого *ɸ*, первоначально чуждого для них и заменявшегося в словах, заимствованных из арабского и персидского языков, смычным *n*, явилось в конце концов совершившимся фактом. Заполнение «пустых клеток» при отсутствии системной «предрасположенности» к наличию определенных типов отношений, например заимствование палатализованных согласных при отсутствии оппозиции по признаку веларности /палатальности, следует считать маловероятным или, скорее, невозможным. Все сказанное выше относится и к синтагматическому распределению фонем: особенности дистрибуции ограничивают возможности использования в заимствованных словах обычных фонем в необычных позиционных условиях, например *p*, *l*, *ŋ* в начале слова, любых гласных в сочетании с другими гласными в любой позиции, любых согласных в сочетании с другими согласными в анлауте, одних сонантов в сочетании с другими в начале и в конце слова.

Трансформация системы вследствие наложения друг на друга двух разных систем (влияние субстрата и суперстрата) — крайний случай фонологических изменений, имевший место, в частности, в истории узбекского языка. Разрушение в нем гармонии гласных, сокращение количества гласных до шести, а также появление фонемы *ɔ* явилось результатом воздействия «иранской языковой подпочвы», что убедительно доказал в своих работах выдающийся исследователь узбекского языка Е. Д. Поливанов.⁹ Аналогичным путем, очевидно, изменялся также консонантизм в якутском языке, субстратом для которого были тунгусо-маньчжурские и монгольские языки. Роль самодийского субстрата обычно отмечается в развитии фонологических систем койбальского и тофаларского (карагасского) языков.

Основным условием, обеспечивающим возможность наложения одной системы на другую, является двуязычие. Только таким способом может осуществляться более или менее значительное преобразование фонологической системы без отрицательных последствий для выполнения языком его коммуникативной функции.

⁹ См.: Е. Д. Поливанов. 1) Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933; 2) Материалы по грамматике узбекского языка, 1. Введение. Ташкент, 1935. — Точка зрения Е. Д. Поливанова неоднократно подвергалась критике, порою суровой и резкой, что, однако, не поколебало ее устои. Эта критика, званная далеко не научными соображениями и подкрепленная не вполне основательными доводами, становится в настоящее время анахронизмом. Факт иранского влияния на узбекский язык и узбекского влияния на некоторые иранские языки, прежде всего таджикский, бесспорен. В нем нашли свое естественное выражение тысячелетние контакты носителей тюркских и иранских языков, тесные, всесторонние связи их и частичное смешение, и едва ли можно сомневаться в том, что это взаимное влияние имело большое положительное значение для развития как узбекского, так и иранских языков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ОБЩЕТЮРКСКИХ ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ

Данный список представляет собой попытку выделения на уровне праязыка тюркских односложных корневых слов.

Избранный уровень рассматривается нами как состояние тюркских языков, отделенное от первых письменных памятников промежутком в 7—8 столетий, поэтому степень надежности реконструкций зависит главным образом от того, насколько правильно соблюдены обычные процедуры сравнительно-фонетического исследования. Необходимость вычленения корней и аффиксальных элементов в данном случае отсутствует: почти все реконструируемые слова выступают в соответствующей структурной форме во многих или даже в большинстве древних и современных тюркских языков. Что касается их содержания, то оно выводится из суммы зарегистрированных значений с непременным выяснением соотношения различных лексических групп и отдельных слов и учетом определенной последовательности семантических изменений.

Предлагаемый список не является окончательным ни в качественном, ни в количественном отношении. Предстоит дополнительно уточнить распределение первичных долгих и кратких гласных, объединить или выделить омонимы, а также произвести проверку всех праформ с целью выяснения степени достоверности их реконструкции на общетюркском уровне.

a, ā

- **ā* — междометие, выражающее удивление
- **āβ* 'охота'
- **āγ* I 'орудие охоты'; 'сеть'; 'загон'
- **āγ* II 1) 'переход через какой-л. предел'; 'промежность'; 2) 'подниматься', 'переваливать(ся)'
- **ād*- 'расходиться, разветвляться', 'отделяться'
- **āj* 'луна', 'месяц'
- **aj*- 'говорить'
- **āk* 'белый'
- **ak*- 'течь' (глагол.)
- **āl* I 'перёд'; 'низ'
- **āl* II 'обман', 'хитрость'
- **al*- 'брат'
- **ant* 'клятва'
- **āң* 'дичь', 'дикий зверь (как объект охоты)'
- **ār* I 'чистый'
- **ār* II 1) 'противоположная сторона', 'зад', 'спина'; 2) 'класть что-л., перевешивая на другую сторону'; 'переходить через какой-л. предел, превышать что-л.'
- **ār*- 'установить'; 'худеть'

- **ās* I 'горноста́й'
- **ās* II 'мало'
- **as*- 'вешать'
- **ās*- 'заблуждаться, сбиваться с пути'; 'сворачиваться, вести себя неподобающим образом'
- **at* 'лошадь'
- **āt* 'имя'
- **at*- 'бросать'; 'стрелять'
- **āt*- 'шагать'
- **āč* 'голод', 'голодный'
- **ач*- 'открывать'
- **āш* 'пища, еда'
- **āш*- 'переходить, переваливать'; 'выдаваться, превосходить'

ä, ā

- **äβ* (~ *öγ*') 'дом, жилище'
- **äβ*- 'спешить, торопиться'
- **äγ*'- (~ *āң*-) 'гнуть, сгибать'
- **äd* 'добро', 'вещь'
- **äk*- 'сеять'
- **äl* 'рука, кисть руки'
- **äl* (*äl*?) 'место у двери' (противоположное почетному, ср. *tör*)
- **äl* 'племенной союз'; 'мир, согласие'
- **älт*- 'нести, тащить'; 'уносить, уводить'

**ām* 'лекарство'
 **ām-* 'сосать'
 **ān* I 'ширина'
 **ān* II 1) 'низ, низкий'; 2) 'сходить, спускаться'
 **āñ* (~ *āñ*) 'начало', 'начальный, первый'
 **āñ-* (~ *āñ'*-) 'гнуть, сгибать'
 **ān* 'ловкость, умение'; 'слаженность, лад'
 **ār* I 'муж, мужчина'
 **ār* II 'утро'; 'рано'
 **ār-* 'быть, находиться'
 **ārк* 'сила', 'власть'; 'воля', 'свобода'
 **āрт-* 'проходить', 'миновать'
 **ās* 'ум, сознание', 'память'
 **ās-* 'дуть' (о ветре), 'веять'
 **ās-* 'давить'
 **āt* 'мясо, плоть'
 **āt-* 'делать'
 **āш* 'друг, товарищ'
 **āш-* 'крутить, вить'; 'рыть, копать'; 'грести'

i, ī

**ī* I 'растение'
 **ī* II 'запах'
 **īδ-* 'посылать'; 'пускать'
 **īт* 'собака'
 **īк* 1) 'заветренная сторона'; 2) 'идти по ветру'; 'плыть по течению'
 **īm* 'знак, метка'
 **īр* 'знак, предзнаменование'
 **īs* I 'запах'
 **īs* II 'след'
 **īш* I 'дело, работа'
 **īш* II 'дым', 'копоть'

i, ī

**īγ'* 'болезнь'
 **īт-* 'толкать'
 **īк* 'веретено'
 **īл-* 'вешать, цеплять, зацеплять'
 **īн* 'нора, берлога, лежбище'
 **ич* 'нутро, чрево'
 **ич-* 'пить'

k

**kā* 1) 'сундук', 'ящик для пищи', 'чехол'; 'карман'; 'чрево'; 2) 'складывать вместе, класть по порядку'
 **каγ* (~ *каβ*) I 'сухое дерево', 'сухая трава'; 'трут'
 **каγ* (~ *каβ*) II 'пустота', 'полость'
 **каγ-* (~ *каβ-*) 'встречаться', 'соединяться'
 **кај-* 'поворачиваться', 'возвращаться'
 **kāj-* 'носиться по воздуху'; 'скользить по поверхности'
 **кај* 'какой'
 **kāk* 'сухой, сушеный'
 **как-* 'стучать, ударять'
 **kāl-* 'оставаться'
 **кам* (*kām*?) 'шаман'
 **kān* 'кровь'
 **kān-* 'утолять жажду'; 'удовлетворяться'
 **kān* 'сосуд', 'мешок', 'сумка'; 'оболочка'

**kap-* I 'покрывать, закрывать'
 **kap-* II 'хватать, кусать'
 **kār* 'снег'
 **kār-* 'мешать, перемешивать'
 **kās* 'гусь'
 **кас-* 'стягивать'
 **kās-* 'копать'
 **кат* 1) 'слой, пласт'; 2) 'присоединять, добавлять', 'смешивать', 'складывать', 'скручивать'
 **кат-* 'становиться твердым'
 **кач-* 'бежать, убегать'
 **kāш* 'бровь'; 'лука седла'; 'край, конец'
 **kīδ-* 'терзать', 'уничтожать'
 **kīј* 1) 'край, кайма'; 2) 'делать что-л. по краю', 'срезать наискось'
 **kīл* 'волос, щетина'
 **kīл-* 'делать'
 **kīm* 'искра'
 **kīн* 'ножны'
 **kīр* 'степь', 'горное плато'
 **kīр-* 'скоблить'; 'подрезать'; 'губить'; 'ломать'; 'уничтожать'
 **kīрк* 'сорок'
 **kīрт* 'ястреб, сокол'
 **kīs* 'девочка, дочь'
 **kīs-* 'сжимать, зажимать'
 **kīs-* 'накаляться, краснеть'
 **kīш* 'зима'
 **коγ-* 'гнать, преследовать'
 **коб-* 'ставить, класть'
 **кој* (~ *кој*) 'овца'
 **кој* (~ *кој*) 'пазуха'
 **kok* 1) 'пыль, прах'; 'пепел'; 'нечисть'; 2) 'тлеть, обугливаться'; 'тлеть, издавать запах'
 **kōл* (*кол*?) 'рука'; 'низина', 'овраг', 'сухое русло реки'; 'рукав'; 'приток'
 **ком* (*kōм*?) 'верблюжье седло', 'войлок, подкладываемый под верблюжий вьюк'; 'возвышение'
 **kōн-* 'останавливаться на ночлег'; 'оседать'
 **конч* 'голенище'
 **коп-* 'подниматься, вставать'; 'набухать'; 'разрываться (?)'
 **kōр* I 'вред, ущерб'
 **kōр* II 'горячая зола, пепел'
 **корк-* 'бояться, пугаться'
 **kōс* 'орех'
 **коч* 'баран'
 **kōш* 1) 'пара'; 'вьюк, пок' ка'; 2) 'присоединять, добавлять' спаривать'
 **куδ-* 'лить, переливать'
 **кул* 'раб'
 **кул* 'песок'
 **кур* 'пояс'
 **kūr* 1) 'сухой'; 2) 'сохнуть, высухать'
 **kūrт* 'червь'
 **кус-* 'рвать' (при тошноте)
 **кут* 'жизненная сила, душа'; 'счастье'
 **kūч-* 'обнимать'
 **куш* 'птица'

k

**kāβ* 1) 'жвачка'; 2) 'жевать'
 **kād-* 'надевать'
 **kāk* 'вражда, ненависть'

*к̄а̄л- 'приходить'
 *к̄а̄н I 'сам'
 *к̄а̄н II 'украшение', 'драгоценность'
 *к̄а̄ң 'широкий'
 *к̄а̄п 'шаблон, форма, оболочка';
 'одежда'
 *к̄а̄п- 'сохнуть, высушить'
 *к̄а̄р 'палевый, гнедой' (о масти лошади)
 *к̄а̄р- 'растягивать, расставлять'
 *к̄а̄рт- 'надрезать, делать зарубку'
 *к̄а̄с- 'резать'
 *к̄а̄с- 'бродить, странствовать'
 *к̄а̄т- 'уходить, отпраляться'
 *к̄а̄ч 'вечер', 'поздно', 'долго'
 *к̄а̄ч- 'проходить, переходить, переправляться'
 *к̄а̄ш 'пояс', 'колчан'
 *к̄а̄с 'скрытый, тайный'
 *к̄а̄м 'кто'
 *к̄а̄н 'пупок'
 *к̄а̄р 'грязь'
 *к̄а̄р- 'входить'
 *к̄а̄ш 'соболь'
 *к̄а̄у 'мелодия, напев'; 'звук, голос'
 *к̄а̄ж- 'киснуть, бродить'; 'гореть'
 *к̄а̄к 'корень'; 'шов'
 *к̄а̄к 'небо'; 'голубой', 'синий'
 *к̄а̄л 'озеро'
 *к̄а̄л 1) 'упряжное животное'; 2) 'запрягать'
 *к̄а̄м- 'закапывать'
 *к̄а̄н 'выделанная кожа'
 *к̄а̄н- (к̄а̄н-?) 'выпрямляться', 'исправляться'; 'соглашаться'
 *к̄а̄ң 'грудь'; 'пустой, полный'
 *к̄а̄п I 'много'
 *к̄а̄п II 1) 'пухлость, вздутость';
 2) 'пухнуть, вздуваться'; 'пениться'
 *к̄а̄р 'сугроб'
 *к̄а̄р- (к̄а̄р-?) 'видеть'
 *к̄а̄с 'глаз'
 *к̄а̄ч 1) 'кочевка'; 2) 'переходить с места на место, кочевать'
 *к̄а̄у 'молва, весть', 'слава'
 *к̄а̄у- 'охранять, беречь'; 'ожидать, присматривать'; 'пасти' (?)
 *к̄а̄л 'зола'
 *к̄а̄л- 'смеяться'
 *к̄а̄л- 'связывать конечности'
 *к̄а̄н (к̄а̄н?) 'солнце', 'день'
 *к̄а̄ң 'рабыня'
 *к̄а̄п 'сосуд, кувшин'
 *к̄а̄р (к̄а̄р?) 'храбрый, отважный';
 'сильный, крепкий'; 'обильный'
 *к̄а̄р- 'возбуждаться, подниматься, напирать'
 *к̄а̄с 'осень'
 *к̄а̄т- 'ожидать'; 'присматривать'
 *к̄а̄ч 'сила'

н

*н̄а̄ 'что'

о, ъ

*о̄ј I 1) 'яма, углубление, впадина';
 2) 'долбить'
 *о̄ј II 'мысль, дума'; 'намерение'
 *о̄ј 1) 'игра'; 2) 'играть, резвиться'
 *о̄к 'стрела'

*о̄л 'он'
 *о̄л- 'сидеть'
 *о̄н 'десять'
 *о̄ң 1) 'правый'; 'удачливый', 'удача';
 'доля', 'удел'; 2) 'налаживаться,
 исправляться'; 'удаваться'
 *о̄ң- 'линять', 'блекнуть', 'вянуть'
 *о̄п 1) 'втягивание в рот'; 2) 'брать
 в рот, глотать'
 *о̄р 1) 'ров, канава'; 'тропа, дорога';
 2) 'рыть, копать'
 *о̄р- 'жать, косить'
 *о̄с- I 'опережать'
 *о̄с- II 'спасаться, избавляться'
 *о̄т 'трава'
 *о̄т 'огонь'
 *о̄ш 'вот (то)'

ѝ, ў

*ѝ- 'думать, размышлять'
 *ѝу' (~ ѝѝ) 'дом, жилище'
 *ѝу'- 'хвалить'
 *ѝд 'время'; 'судьба'
 *ѝл 'влажность, сырость', 'влажный,
 сырой'
 *ѝл- 'умирать'
 *ѝн- 'подниматься', 'расти', 'увеличи-
 ваться'
 *ѝң 'цвет, окраска'; 'вид, лицо'; 'пе-
 ред'
 *ѝп- 'целовать'
 *ѝр 1) 'верх'; 'подъем'; 2) 'являться,
 показываться'; 'подниматься'
 *ѝр- 'плести, вязать'
 *ѝрт 'огонь, пожар'
 *ѝс 'сам', 'существо', 'сущность',
 'жизнь'
 *ѝс- 'расти'
 *ѝт 'жёлчь'
 *ѝт- 'проходить'
 *ѝт- 'петь' (о птицах)
 *ѝч 'месть', 'ненависть, злоба'
 *ѝч- 'гаснуть'

п

*п̄а̄- 'связывать, завязывать'
 *п̄а̄ј 'богатый'
 *п̄а̄к- 'смотреть'
 *п̄а̄р 'есть, имеется'
 *п̄а̄р- 'идти'
 *п̄а̄с- 'становиться, наступать'
 *п̄а̄т- 'погружаться, тонуть'
 *п̄а̄ш 'голова'
 *п̄а̄ш 'рана, язва'
 *п̄а̄ 'кобыла'
 *п̄а̄к 1) 'крепкий, прочный'; 2) 'укр-
 плять', 'запирать'
 *п̄а̄л 'поясница'
 *п̄а̄н (п̄а̄н?) 'я'
 *п̄а̄ң 'родинка'
 *п̄а̄р- 'давать'
 *п̄а̄ш 'пять'
 *п̄а̄јт 'вошь'
 *п̄а̄ң 'тысяча'
 *п̄а̄ш- 'созревать', 'вариться', 'печься'
 *п̄а̄ч- 'резать', 'кроить'
 *п̄а̄ 'лезвие'
 *п̄а̄ (~ п̄а̄) 'тарантул'
 *п̄а̄л- 'знать', 'узнавать'
 *п̄а̄н- 'садиться верхом'
 *п̄а̄р 'один'

**nic* (*nīc?*) 'мы'
 **nit-* (*~ nītm-*) 'кончать(ся)'
 **ноу-* 'сдавливать, душиль'
 **под* 'тело, туловище'; 'рост'
 **nōj* (*~ nōj*) 'шея'
 **нок* 'кал, навоз', 'сор, мусор'
 **нол-* 'быть, происходить', 'становиться'
 **пор* 'крепкий', 'откормленный'
 **нор* 'мел', 'глина'
 **порс-* 'протухать, портиться'
 **нос* 'бурый', 'серый'
 **нос-* 'портить, разрушать'
 **нош* 'пустой, порожний'
 **но* (*~ nī*) 'тарантул'
 **нок* 1) 'сытый', 'насытившийся'; 2) 'насыщаться'
 **но* 1) 'ограда, запруда', 'пробка, затычка'; 2) 'загораживать, запруживать', 'затыкать'
 **нол-* 'делить'
 **нос* (*nās?*) 'бязь, холст'
 **но* I 'пар'
 **но* II 'этот'
 **нул-* 'находить, обнаруживать'
 **нос* 'лед'
 **ноу* 'печаль', 'грусть'
 **нур-* I 'поворачивать', 'вертеть'
 **нур-* II 'поднимать(ся) клубами', 'распространять(ся)' (о дыме, пыли, запахе)
 **нут* 'нога', 'бедро'
 **нук* 1) 'согнутый'; 2) 'сгибать(ся)', 'гнуть(ся)'
 **нур-* 'завязывать, затягивать'; 'делать складки'; 'зашивать'

с

**сā-* 'считать'
 **сау* 'здоровье', 'здоровый'
 **сāу* 'правый' (противоположный левому)
 **сау-* 'дойть'
 **сак* 1) 'осторожный', 'чуткий'; 2) 'охранять, беречь'
 **сāl* 'плот'
 **сал-* 'класть'
 **санч-* 'колоть', 'вонзять'
 **сан* I 'ручка, рукоятка'
 **сан* II 1) 'нитка для шитья'; 2) 'вдевать нитку'; 'соединять'; 'составлять'
 **сар-* 'окружать, закутывать'
 **сās* 'болото'
 **сат-* 'продавать'
 **сач* 1) 'волосы'; 2) 'разбрасывать', 'рассеивать', 'рассыпать'
 **сāв-* (*~ сōу-*) 'любить'
 **сāн* (*сāн?*) 'ты'
 **сāп-* 'сыпать, рассеивать'
 **сāч-* (*~ āч-*?) 'распутывать, развязывать'; 'выделять'
 **сās-* 'чувствовать, ощущать'
 **сī-* 'ломать, разбивать'
 **сīу-* 'вмещаться'
 **сīк* 1) 'плотный, частый'; 2) 'давить, жать'
 **сīн* 'тело, туловище', 'стан'; 'фигура'
 **сīн* 'проверка'

**сīр-* 'шить в строчку', 'стегать'
 **сīрт* 'внешняя сторона чего-л.'; 'спина', 'хребет'; 'гребень горы'
 **сīс-* 'протекать, просачиваться'; 'исчезать'
 **сīч-* 'испражняться'
 **сī* 'моча'
 **сīлк-* 'трясти, встряхивать'
 **сīц-* 'впитываться'
 **сīс* (*сīс?*) 'вы'
 **сој-* 'сдирать шкуру с животного'
 **сок-* 'бить, ударять'
 **сōл* 'левый'
 **сōл-* 'высыхать', 'вянуть'; 'испаряться'; 'исчезать'
 **соу* 'конец'; 'после'
 **сōр-* 'тянуть', 'сосать'
 **сōс-* 'вытягивать', 'растягивать'
 **сōк-* 'распарывать', 'рвать'
 **сōк-* 'ругать', 'бранить'
 **сōс* 'слово, речь'
 **сū-* 'тянуть, протягивать' (о руке, шее)
 **сув* (*~ суу*) 'вода'
 **сук* 1) 'указательный палец'; 2) 'вкладывать, всовывать', 'втыкать'
 **сūr* 'серый'
 **сūs-* (*~ ūс-*?) 'бодать', 'толкать'
 **сūs-* 'цедить', 'очищать'
 **сūr-* I 'вести', 'тянуть'
 **сūr-* II 'тереть, втирать, растирать'
 **сūt* 'молоко'

д

**дā* 'лук' (оружие)
 **дав* (*дāв?*) 'вред, ущерб'
 **дāу* 'масло, жир'
 **дау-* 'падать, идти' (о дожде, снеге)
 **дад-* 'расстилать, распространять'
 **дāј* 'лето'
 **дāј-* (*~ дāј-*) 'рассеивать'
 **дак-* 'зажигать'
 **дак-* 'приближаться'; 'подходить, нравиться'
 **дāl* 'грива'
 **дал-* 'вспыхивать, воспламеняться'
 **дām* 'сор, сорин'
 **дāн* 'сторона, б'
 **дан-* 'возвращая'
 **данч-* 'давить, зминать'
 **дан-* I 'делать, строить'
 **дан-* II 'прикладывать', 'покрывать'
 **дār* 'овраг', 'крутой берег'
 **дār-* 'рубить, рассекать'
 **дās* 'весна'
 **дās-* I 'расстегивать, развязывать, распускать'
 **дās-* II 'писать'
 **дās-* III 'промахиваться, ошибаться'
 **дāt* 'чужой'
 **дат-* 'лежать'
 **дāш* I 'молодой'; 'год (жизни)'
 **дāш* II 'слеза'
 **даш-* 'скрываться'
 **дā-* 'есть, кушать'
 **дāу'* 'хороший'
 **дāl* 1) 'ветер'; 1) 'бежать рысью', 'мчаться'
 **дāң* 'рукав'
 **дāң-* 'побеждать'
 **дār* 'земля'

**д̄ар*- 'испытывать отвращение, презирать'
 **д̄ас* 'латунь'
 **д̄ат*- 'достигать, доставать'
 **д̄ат*- 'вести в поводу', 'вести за руку'
 **д̄иγ*- 'собирать'
 **д̄ик*- 'валить'
 **д̄ил* 'год'
 **д̄ил*- 'двигаться, ползти'
 **д̄ип* 'веревка'; 'нитка'
 **д̄ир* (~ **ир*) 'песнь'; 'эпическая песнь'
 **д̄ирт*- 'кусать', 'рвать'
 **д̄ит* 'запах'
 **д̄и* 'шов'
 **д̄иγ*' сырой, невареный'
 **д̄ин* 'тело (?)'; 'то, что содержится в теле'; 'содержимое желудка и кишок'
 **д̄ир*- 'прорывать, разрывать', 'рассекать'
 **дит*- 'исчезать, теряться'
 **дод*- 'стирать', 'уничтожать', 'портить'; 'скрывать'
 **д̄ок* 'отсутствие чего-л.'; 'нет'
 **д̄ок* 'возвышенность'
 **д̄ол* 'дорога'
 **дон* 'способ, манера'
 **д̄он*- 'строгать, тесать'
 **дор*- (~ *дор*-) I 'идти', 'ходить'
 **дор*- (~ *дор*-) II 'объяснять, толковать'
 **д̄у*- 'мыть'
 **дук* 1) 'что-л. липкое', 'смола'; 2) 'приставать, прилипать'
 **дул*- 'вырывать, выдергивать, выщипывать'; 'выкупать, вызволять'
 **дум*- 'закрывать, зажмуривать' (глаза)
 **дунт* 'лошадь'
 **дуң* (~ *д̄уң*) 'перо птицы', 'шерсть'
 **д̄урт* 'дом', 'владение', 'стойбище'
 **дут* 'падёж скота от бескормицы', 'мор'
 **д̄ут*- 'глотать'
 **д̄ук* 'вьюк'
 **д̄уң* (~ *дуң*) 'перо птицы', 'шерсть'
 **д̄ус* I 'лицо'
 **д̄ус* II 'сто'
 **д̄ус*- 'плавать'

т

**т̄а* 'также, и'
 **т̄аγ* 'гора'
 **тај* 'жеребенок по второму году'
 **т̄ај*- 'скользить, поскользнуться'
 **так* (~ *т̄ак*) 'нечет'
 **так*- 'присоединять, прицеплять'
 **т̄ал* I 'тальник'
 **т̄ал* II 'селезенка'
 **т̄ал*- 'остолбенеть, погрузиться в забытие'
 **там* 1) 'капля'; 2) 'капать'
 **там* 'крыша', 'комната'; 'стена'
 **там*- 'загораться'
 **тан*- 'отрицать, отказываться', 'не признавать'
 **таң* 'заря', 'рассвет'

**т̄аң* 'удивительный, необычный'
 **таң*- 'выбирать', 'перебирать'; 'связывать, завязывать', 'перевязывать'
 **тап*- 'находить'
 **тап* 'мощь, сила'; 'воля, желание'
 **т̄ар* 'тесный, узкий'
 **тарт*- 'тащить'
 **т̄ас* 'лысина'; 'лысый, шелудивый'
 **тат* (~ *тот*?) 'пятно', 'порча'; 'ржавчина'
 **т̄ат* 1) 'вкус'; 2) 'вкусать, пробовать'
 **т̄аш* I 1) 'внешний, вне'; 2) 'переливаться через край', 'выходить из берегов'
 **т̄аш* II 'камень'
 **т̄а*- 'говорить'
 **т̄аγ*- 'достигать, касаться'
 **т̄аң* 'равный'
 **т̄ап*- 'пинать, толкать'
 **т̄ар* 'пот'
 **т̄ар*- 'собирать'
 **т̄ас* 1) 'быстрый, быстро'; 2) 'убегать'
 **т̄аш*- 'пробивать отверстие'
 **т̄ид*- 'задерживать', 'препятствовать', 'мешать'
 **т̄ик*- 'втискивать', 'затыкать', 'закладывать'
 **т̄ил* 'язык'
 **т̄ин* 1) 'жизнь', 'дыхание'; 2) 'дышать'
 **т̄ис* 'колени'
 **т̄ит*- 'перебирать', 'трепать', 'разрывать на части'; 'вычесывать' (шерсть)
 **т̄иш* (*т̄иш*?) 'зуб'
 **т̄ик*- 'втыкать', 'колоть', 'шить'
 **т̄ил*- 'резать пластами, долями'
 **т̄ип* (~ *т̄ип*) 'дно'
 **т̄ис*- 'нанизывать'
 **тит*- 'отказываться, отвергать'
 **тоγ*- 'рожать'
 **тод*- 'насыщаться'
 **тој* 'свадьба', 'пир'
 **тол*- 'наполняться'
 **тол* 'халат, одежда'
 **тоң* 1) 'мороз, стужа'; 'мерзлый'; 2) 'мерзнуть, замерзать'
 **топ* 'шар'
 **тор* I 'гнедой'
 **тор* II 'сеть', 'тенёта'
 **тор*- 'топтать, худеть'
 **тос* I 1) 'пыль'; 2) 'подниматься' (о пыли)
 **тос* II 'береста'
 **ток*- 'лить'
 **тол* 'приплод, потомство'; 'зародыш'
 **тол*- 'возвращаться', 'обращаться', 'переворачиваться'
 **тор* 'почетное место'
 **торт* 'четыре'
 **тос* 'корень, основа'
 **тос*- 'терпеть', 'выносить'
 **тош* 'подъем, склон горы'
 **тош* 'грудь животного'
 **ту* 1) 'вёрша, морда'; 2) 'закрывать, загоразивать, запруживать'
 **туј*- 'чувствовать', 'замечать'

*тул 'вдова, вдовец'; 'сирота'
 *тун 'первенец'
 *тур- 'стоять', 'вставать'
 *тус 'соль'
 *тут- 'держатъ'
 *туш 1) 'время'; 'место'; 2) 'встречаться'
 *тѹ 'волос'
 *тѹг- 'завязывать, стягивать', 'застигивать'
 *тѹн 'ночь'
 *тѹп (~ тѹп) 'дно', 'низ'
 *тѹр- 'свертывать, заворачивать'
 *тѹрт- 'толкать'; 'втыкать'; 'втирать'
 *тѹс I 1) 'ровный, прямой'; 2) 'наладжывать, устраивать'
 *тѹс II 'цвет'
 *тѹт 1) 'дым'; 2) 'дымить'
 *тѹш (тѹш?) 'полдень'
 *тѹш 'сон, сновидение'
 *тѹш- 'сходить, опускаться'

у, ѹ

*ѹ I 'сон'
 *ѹ II 1) 'мелкий'; 2) 'тереть, растирать'
 *ѹ- 'мочь', 'выносить, выдерживать'
 *ѹд- 'следовать'
 *ѹк- 'понимать'
 *ѹл 'основание', 'подошва'
 *ѹр- 'бросать', 'класть, ставить'; 'бить'
 *ѹс 'искусный'
 *ѹт- 'выигрывать'
 *ѹч 'конец'
 *ѹч- 'летать'

ѹ, ѹ

*ѹг- 'собирать, скапливать'
 *ѹн 'звук, голос'
 *ѹр- I 'дуть'
 *ѹр- II 'лаять'
 *ѹрк- 'бояться, пугаться'
 *ѹс- 'рвать, разрывать'
 *ѹст 'верх, поверхность'
 *ѹт 'дыра, отверстие'
 *ѹч (ѹч?) 'три' (числит.)

ч

*чѹβ 'слава', 'молва'
 *чѹк 'время'
 *чѹк- 'высекать огонь'
 *чѹл 'седой', 'серый'
 *чал- 'ударять, бить'; 'низвергать, повергать'
 *чан- I 'скакать'
 *чан- II 'косить'
 *чѹк 'граница, рубеж'
 *чѹк- 'тянуть, тащить'
 *чѹг 'влажный, мокрый'
 *чѹк- 'выходить'
 *чѹ 'роса'
 *чѹг 'сырой, невареный'
 *чѹм- 'нырять, погружаться'
 *чѹк- 'наклоняться, опускаться', 'становиться на колени'
 *чѹп 'сор', 'соломинка', 'осадок'

ш

*шѹш- 'опешить, оторопеть, растеряться'
 *шѹш (~ сѹш) I 1) 'опухоль'; 2) 'опухать'
 *шѹш (~ сѹш) II 'вѣртел'

И М Е Н Н О Й У К А З А Т Е Л Ь

- Аалто Р. (Aalto P.) — 10.
 Абдуллаев Ф. А. — 38, 40, 52, 93, 104, 124, 127, 149.
 Абдуллаев Ш. М. — 113.
 Абдуллаев Э. — 38.
 Аганина Л. А. — 64, 68, 71, 73, 103, 165, 176.
 Адам Л. (Adam L.) — 38, 70, 71.
 Азимов П. А. (Азымов П.) — 73, 75.
 Акбаев Ш. Х. — 38, 41, 63, 68, 93, 153, 154, 176, 179.
 Алекберли Г. — 112, 113.
 Амансарыев Дж. — 79.
 Аннануров А. — 50.
 Антонов Н. К. — 50, 159.
 Аппаев А. М. — 155.
 Аразкулиев С. — 95.
 Аралбаев Ж. А. — 115, 154, 166, 179.
 Арат Р. Р. (Arat R. R.) — 5, 29.
 Асланов А. М. — 81.
 Асланов В. И. — 181, 182.
 Аталай Б. (Atalay B.) — 5.
 Атамирзаева С. (Отамирзаева С.) — 39, 47, 59, 64, 80.
 Афанасьев П. С. — 47.
 Ахатов Г. Х. — 95, 115, 119, 153, 169, 176, 177.
 Ахматов Т. К. — 114.
 Ахмедов А. — 179.
 Ахметьянов Р. Г. — 85.
 Ашмарин Н. И. — 47, 116, 117, 131, 165.

 Базен Л. (Bazin L.) — 36.
 Баишев Т. Г. — 95.
 Байчура У. Ш. — 27, 42, 43, 58, 59, 89, 115, 116, 119, 120.
 Бакинова Г. — 48.
 Балашша Й. — 36.
 Банг В. (Bang W.) — 3, 5, 11, 37, 38, 87, 132.
 Барашков П. П. — 40, 47, 62.
 Баскаков Н. А. (Baskakov N. A.) — 9, 17, 35, 73, 109, 116, 151, 155, 159, 178, 180.
 Батманов И. А. — 102, 114, 139, 162.
 Бенцинг И. (Benzing J.) — 12, 113, 164, 167, 170.
 Бердыев Р. (Бердиев Р.) — 95.
 Бетлингк О. (Böhtlingk O.) — 3, 49, 54, 117, 135.
 Бехбудов С. М. — 160, 166.
 Бишнев А. Г. — 50, 68, 85, 123, 124, 126.

 Богородицкий В. А. — 3, 20, 38, 58, 59, 68, 70, 72, 115, 151.
 Бодуэн-де-Куртенэ И. А. — 13, 70, 121.
 Болатов Дж. (Болатов Ж.) — 36.
 Бомбачи А. (Bombaci A.) — 72.
 Бонфанте Г. (Bonfante G.) — 16.
 Боргояков М. И. — 123.
 Боуда К. (Bouda K.) — 85.
 Брокельман К. (Brockelmann C.) — 5.
 Буденц И. (Budenz J.) — 49, 50.
 Бурганова Н. Б. — 41, 49, 83, 159.

 Вайнрайх У. (Weinreich U.) — 191.
 Ванников Ю. В. — 13.
 Вахек Й. (Vachek J.) — 47.
 Вейк Н., ван (van Wijk N.) — 60.
 Велиев А. Г. — 36, 40.
 Вельяминов-Зернов В. В. — 172.
 Владимирцов Б. Я. — 11, 27, 118, 129, 130, 132, 146, 184.
 Вурм С. (Wurm S.) — 111, 115, 118.

 Габен А., фон (Gabain A., von) — 5, 29, 67, 71, 82.
 Гафаров Б. Г. — 48, 53, 114.
 Геберт Р. (Hebert R. J.) — 113, 120.
 Гиннекен Я., ван (van Ginneken J.) — 138, 139, 140, 141, 186.
 Глисон Г. — 13.
 Гомбоц З. (Gomboz Z.) — 78, 79, 80, 85, 131, 147, 158.
 Гордлевский В. А. — 166, 168.
 Граммон М. (Grammont M.) — 81, 107, 118, 189.
 Грёнбек В. (Grønbech V.) — 3, 12, 54, 123, 125, 167, 180.
 Грёнбек К. (Grønbech K.) — 111, 112, 113.
 Григорьев Н. С. — 178.
 Грунцель И. (Grunzel J.) — 70, 72, 138, 139, 140.
 Гулямов А. Г. (Фуломов А.) — 114.

 Дени Ж. (Deny J.) — 10, 25, 30, 77, 129, 170.
 Делатр П. (Delattre P.) — 135.
 Дёрфер Г. (Doerfer G.) — 11, 45, 124, 133, 137, 170, 182, 183.
 Джангидзе В. Т. — 81, 166, 172, 175, 181.
 Джафероглу А. (Caferoğlu A.) — 11, 165, 166.
 Джувисбеков А. — 28, 68, 73.

- Джураев Б. (Жўраев Б.) — 176.
 Дмитриев Н. К. — 37, 40, 48, 50, 66, 68, 71, 80, 81, 94, 102, 109, 114, 149, 150, 151, 154, 162, 165, 167, 176, 179, 180, 181, 182.
 Доможаков Н. Г. — 40, 176.
 Доскараев Дж. (Досқараев Ж.) — 36.
 Дримба В. (Drimba V.) — 38, 58, 71, 149.
 Дуда Г. В. (Duda H. W.) — 112.
 Дульзон А. П. — 169.
 Дыйканов К. — 53, 72.
 Дыренкова Н. П. — 73, 102, 113, 114, 159, 160, 166, 179.
 Дьячковский Н. Д. — 48, 49, 58, 59, 62, 117.
 Дүйсебаева М. (Дұйсебаева М.) — 28.
 Егоров В. Г. — 37, 41, 70, 71, 72, 74, 83, 84, 104, 131, 146, 147, 152.
 Ельмслев Л. (Hjelmlev L.) — 13.
 Есперсен О. (Jespersen O.) — 107.
 Жирмунский В. М. — 4.
 Жиро Р. (Giraud R.) — 36.
 Журавлев В. К. — 183, 184.
 Зайончковский А. (Zajączkowski A.) — 5, 129, 135.
 Зайончковский В. (Zajączkowski W.) — 53, 71, 79, 80, 181.
 Залый Л. З. (Жәләй Л.) — 40, 144, 159, 168.
 Зиндер Л. Р. — 81.
 Зиновьев В. Н. — 121.
 Золотов Н. Я. — 117.
 Иванов А. И. — 141.
 Иванов В. В. — 189.
 Иванов С. Н. — 4.
 Иллич-Свищев В. М. — 46, 78, 90.
 Ильминский Н. И. — 63.
 Инкижекова-Грекул А. И. — 35, 116, 159.
 Исламов М. — 38, 47, 64, 170.
 Исхаков Ф. Г. — 45, 47, 50, 72, 89, 99, 137, 151, 156, 176.
 Итконен Э. (Itkonen E.) — 20, 21, 23.
 Казанцев Д. Г. — 155.
 Казуо Т. (Kazuo T.) — 53.
 Кайдаров А. Т. — 58.
 Калмыкова С. А. — 73, 165, 167, 180.
 Калужинский С. (Kałużynski St.) — 11, 47.
 Канюкова А. С. — 80, 104, 125, 144, 151, 158.
 Кара Г. (Kara G.) — 11, 21.
 Карахка Э. (Karähka E.) — 143.
 Кастрен М. А. (Castrén M. A.) — 10, 52, 102, 143.
 Катанов Н. Ф. — 115, 118, 119.
 Кацнельсон С. Д. — 138.
 Кенесбаев С. К. — 114, 115, 141.
 Керимов И. А. — 149.
 Клекбаев Д. Г. (Клекбаев Ж. F.) — 34, 36, 37, 64, 66, 79, 102, 117, 144, 150, 162, 165, 176.
 Клосон Дж. (Clauson G.) — 11, 87, 93.
 Ковальский Т. (Kowalski T.) — 39.
 Коллиндер Б. (Kollinder B.) — 112, 113.
 Копонов А. Н. — 4, 112, 114, 128, 129.
 Коркмаз З. (Korkmaz Z.) — 52, 58.
 Корилов Г. Е. — 103.
 Корш Ф. Е. — 3, 64, 69, 118, 123.
 Котвич В. (Kotwicz W.) — 11, 133.
 Котлеев В. И. — 28, 41, 66, 71, 77, 101.
 Грамский И. (Krámský J.) — 70, 112, 139, 140.
 Кузнецов П. Е. — 59.
 Кузнецов П. С. — 137.
 Кунаа А. Ч. — 42, 43, 171.
 Кунош И. (Kúnos J.) — 110, 111.
 Куренов С. — 71, 74, 93, 95, 103, 125, 167, 182.
 Курпилович Е. (Kuryłowicz J.) — 108.
 Кязимов Ф. — 63, 65, 70, 73, 165.
 Лагеркранц Э. (Lagerkrantz E.) — 138.
 Лебрен И. (Lebrun Y.) — 107.
 Левитская Л. С. — 131, 168, 170.
 Лекок А. (Le Coq A.) — 5, 98.
 Лигети Л. (Ligeti L.) — 30, 50, 54, 123, 124, 125, 143, 167.
 Лиз Р. Б. (Lees R. B.) — 68, 71.
 Лобин В. Г. — 189.
 Лотц Дж. (Lotz J.) — 76, 77.
 Лыткин В. И. — 183.
 Макаев Э. А. — 20.
 Малов С. Е. — 5, 24, 36, 45, 99.
 Мальмберг Б. (Malmberg B.) — 138.
 Мансуроглу М. (Mansuroğlu M.) — 29.
 Марквард И. (Marquart J.) — 79, 85.
 Мартине А. (Martinet A.) — 23, 89, 104, 110, 124, 137, 184, 190.
 Матвеев Т. М. — 101, 147, 149.
 Махмудов А. А. — 115.
 Махмудов Х. Х. — 70.
 Махмутова Л. Т. — 41, 168.
 Мейе А. (Meillet A.) — 17.
 Мейер Г. Ф. (Meier G. F.) — 24, 136.
 Мелиоранский П. М. (Melicranskij P.) — 3, 12, 28, 114, 125, 128, 129, 180, 181, 184.
 Мельников Г. П. — 34, 70, 72.
 Менгес К. Г. (Menges K. H.) — 3, 35, 46, 52, 53, 115, 120, 123, 124, 126, 127, 137, 149, 154, 179.
 Мехди-хан — 175.
 Минорский В. Ф. (Minorsky V.) — 182.
 Миржанова С. Ф. — 41.
 Михайлова В. С. — 70.
 Моллова М. (Mollova M.) — 70, 91, 139, 141, 142.
 Монгуш Д. А. — 105.
 Мункачи Б. (Munkácsi B.) — 38.
 Мураяма С. (Murayama S.) — 133.
 Мусаев К. М. — 39, 41, 114.
 Мухиев Х. — 49, 69, 95, 176.
 Мэтьюс В. К. (Matthews W. K.) — 10.
 Мюллер Ф. В. К. (Müller F. W. K.) — 5.
 Надеяев В. М. — 46, 82.
 Нақысбеков О. (Нақысбеков О.) — 63.
 Нартыев Н. — 41, 168.
 Нейгард И. — 135.
 Немет Ю. (Németh J.) — 3, 5, 29, 30, 31, 36, 39, 66, 71, 72, 102, 123, 124, 126, 155, 180.
 Нильсен К. (Nielsen K.) — 111, 112.
 Новак Л. (Novák L.) — 23.
 Номинханов Ц. Д. — 48, 160.

- Одрикур А. (Haudricourt A. G.) — 22.
 Оздарендели М. Н. (Özdarendeli M. N.) — 52.
- Палло М. К. (Palló M. K.) — 79, 180.
 Пальмбах А. А. — 38, 43, 45, 47, 63, 68, 89, 99, 137, 156, 176.
 Патачакова Д. Ф. — 67, 69.
 Педерсен Х. (Pedersen H.) — 3, 72, 90, 118, 119, 125, 143, 163, 167, 180.
 Пельйо П. (Pelliot P.) — 5, 98.
 Петрович Э. — 184.
 Пизани В. (Pisani V.) — 16.
 Пильх Г. (Pilch H.) — 13.
 Покровская Л. А. — 41, 48, 58, 63, 66, 68, 71, 114, 149, 180.
 Поливанов Е. Д. (Polivanov E. D.) — 3, 10, 29, 30, 33, 39, 40, 48, 50, 52, 54, 59, 65, 89, 96, 99, 124, 126, 141, 144, 165, 168, 189, 190, 192.
 Поппе Н. Н. (Poppe N.) — 10, 11, 27, 62, 78, 85, 114, 120, 124, 125, 132, 133, 134, 146, 161.
 Поцелуевский А. П. — 50, 114, 143.
 Пош У. (Posch U.) — 91, 133.
 Прёле В. (Pröhle W.) — 100, 111, 112.
 Прицак О. (Pritsak O.) — 53, 85, 90, 95, 100, 105, 121, 164, 165, 168.
- Раджабов Н. (Ражабов Н.) — 80.
 Радлов В. В. (Radloff W.) — 3, 4, 5, 27, 28, 29, 35, 36, 37, 70, 72, 85, 98, 121, 123, 124, 125, 146, 147, 150, 154, 180.
 Ракетт Г. (Raquette G.) — 111, 118, 119.
 Рамстедт Г. И. (Ramstedt G. J.) — 3, 10, 11, 79, 84, 120, 124, 125, 132, 146, 147, 167, 180.
 Раск Р. (Rask R.) — 9.
 Рассадин В. И. — 145.
 Раун А. (Raun A.) — 85.
 Рахмати Г. Р. (Rachmati G. R.) — 5.
 Решетов В. В. — 39, 40, 114, 144.
 Ройзензон Л. И. — 183.
 Рона-Таш А. (Róna-Tas A.) — 11.
 Росетти А. (Rosetti A.) — 107, 108.
 Росс Д. (Ross D.) — 175.
 Рустамов Р. А. — 36, 40, 53, 95, 149.
 Рясänen М. (Räsänen M.) — 3, 30, 34, 36, 39, 50, 54, 63, 67, 68, 72, 78, 79, 80, 82, 84, 112, 124, 180, 182, 183.
- Саган-оол О. К. — 137.
 Садвакасов Г. (Садвакасов Г.) — 58.
 Садыхов Б. П. — 162.
 Садыхов С. Б. — 89.
 Самойлович А. Н. — 129.
 Санжеев Г. Д. — 11, 183.
 Сарманова Д. М. — 153.
 Свифт Л. (Swift L. V.) — 120.
 Севортян Э. В. — 72, 129.
 Сергеев Л. П. — 83, 144.
 Серебренников Б. А. (Serebrennikov B. A.) — 15, 18, 20, 21, 39, 79, 80, 84, 145, 146, 147, 168, 180, 183.
 Сетяля Э. Н. (Setälä E. N.) — 23, 85.
 Сиверс Э. (Sievers E.) — 184.
 Симонова Е. Ф. — 114, 115.
 Синор Д. (Sinor D.) — 9, 11.
 Скаличка В. — 22.
- Смит С. (Smith S.) — 138.
 Соважо А. (Sauvageot A.) — 11.
 Соммерфельт А. (Semmerfelt A.) — 107.
 де-Соссюр Ф. — 13, 107.
 Старостов Л. Н. — 112.
 Стеблин-Каменский М. И. — 190.
 Степанова Е. Н. — 70, 84.
 Страка Г. (Straka G.) — 33.
- Талипов Т. — 36, 38, 39, 40, 41, 58, 59, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 71, 114.
 Таули В. (Tauli V.) — 20.
 Текин Т. (Tekin T.) — 53, 85.
 Теншиев Э. Р. — 99, 129.
 Тодаева Б. Х. — 134, 183.
 Томсен В. (Thomsen V.) — 3, 5, 28, 29, 30, 35, 141.
 Томсен К. (Thomsen K.) — 30, 33, 67, 133.
 Травничек Ф. (Trávníček F.) — 184.
 Тронский И. М. — 17.
 Трубецкой Н. С. (Trubetzkoy N.) — 13, 23, 47, 65, 66, 70, 76, 78, 84, 110, 137.
 Тукан Б. П. — 58.
 Туна О. Н. (Tuna O. N.) — 53.
- Убрятова Е. И. — 40, 153.
 Урусбиев И. Х. — 53.
 Успенский Б. А. — 22.
- Фасмер М. (Vasmer M.) — 19.
 Федотов М. Р. — 80, 148, 180.
 Филопенко В. И. — 53, 63.
 Фишер А. (Fischer A.) — 72.
 Фишер-Ёргенсен Э. (Fischer-Jørgensen E.) — 135.
 Фой К. (Foy K.) — 3, 21, 29, 30, 69, 90.
 Фрай Д. (Fry D. B.) — 107.
 Фуше П. (Fouché P.) — 107.
- Хайду П. (Hajdú P.) — 23.
 Хала Б. (Hála B.) — 107.
 Халаси-Кун Т. (Halasi-Kun T.) — 168.
 Харитонов Л. Н. — 47, 62.
 Хаттори Широ (Hattori Shiro) — 124.
 Хюар К. (Huart Cl.) — 110.
- Чанков Д. И. — 80, 102, 105.
 Черкасский М. А. — 17, 37, 65, 118, 139, 140.
- Шакирова Р. Ф. — 83.
 Шамурадов К. (Шамырадов К.) — 41, 71, 74, 87, 95, 103, 160.
 Шараф Г. — 59, 84, 114, 115, 119.
 Шаумян С. К. — 78.
 Шварцман В. М. — 58, 70.
 Шёберг А. (Sjöberg A. F.) — 115, 117, 120.
 Ширалиев М. Ш. (Ширәлијев М.) — 33, 36, 40, 47, 65, 81, 149, 153, 159, 162, 164, 169, 181, 182.
 Широкогоров С. М. (Shirokogoroff S. M.) — 184.
 Шлейхер А. (Schleicher A.) — 22, 69.
 Шмидт И. — 16.
 Шмитт А. (Schmitt A.) — 137.
 Шор Р. О. — 89, 101, 166.
 Шотт В. — 10.
 Шухардт Г. — 16.

Щербак А. М. — 88, 90, 182.

Эбеллинг К. Л. (Ebeling C. L.) — 13, 34, 89.

Элерт К. (Elert Cl.) — 138.

Эмре А. Дж. (Emre A. C.) — 3, 4, 50, 53, 72, 87, 90.

Юдахин К. К. — 52.

Юнусалиев Б. М. — 129.

Якобсон Р. (Jakobson R.) — 14, 20, 22, 78, 84, 137, 138, 140, 141, 142, 190.

Яковлев Н. Ф. — 84.

Ярринг Г. (Jarring G.) — 38, 125.

Ястремский С. В. — 40.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

1) Фонетические явления

Аспирация и преаспирация — 24, 47, 99, 100.

Ассимиляция и диссимиляция согласных — 104, 105, 175.

Выпадение гласных — 63, 68.

Выпадение согласных — 103, 176—178.

Гармония гласных — 69—76, 118, 121, 122.

Геминация — 22—24, 103, 104, 137, 177.

Делабиализация огубленных гласных — 41, 42, 149, 152, 155, 156.

Дифтонгизация гласных — 125, 143, 144, 148, 149, 153, 154.

Долгота гласных — 47—59, 60—62, 68, 69, 135, 136.

Заместительное удлинение гласных — 48, 49, 123.

Количественная компенсация выпавших гласных — 124.

Лабиализация неогубленных гласных — 39—41, 64, 144, 147.

Лабиальная гармония гласных — 72—75.

Ламбдаизм — 55, 84—88, 163.

Лингвальная гармония гласных — 75, 76.

Метатеза — 176.

Назализация гласных — 47.

Нёбная гармония гласных — 71, 72.

Образование консонантных протез — 18, 79—81, 103, 151, 152, 156, 179—185.

Оглушение согласных — 172.

Оглушение узких гласных — 63.

Озвончение согласных — 22, 23, 54, 55, 95, 96, 101, 102, 126, 172, 176, 190, 191.

Ослабление согласных — 90, 165, 172, 177, 191.

Особенности фонетической структуры слова и слога — 109, 110, 127—134.

«Отвердение» мягкорядных гласных — 39.

Палатализация согласных — 84, 176.

Передвижение гласных — 119, 149, 150, 153—155.

Перемещение ударения — 119.

Позиционное удлинение гласных — 63.

Развитие нейтральных (индифферентных в отношении гармонии) гласных — 35, 36, 141, 152, 188.

Расширение узких гласных — 67.

Редукция гласных — 18, 21, 33, 34, 59, 63, 68.

Ротацизм — 55, 84—88, 162.

Сингармонические и прочие параллелизмы — 36—37, 141.

Слоговые акценты — 136—138.

«Смягчение» твердоядных гласных — 37, 38.

Спирантизация — 98, 102, 103, 166—169.

Сужение широких гласных — 64, 145, 149.

Умлаут — 64—6

Утрата долготы г. чх — 62.

«Фарингализация» гласных — 24, 42—47, 54, 59, 60, 100, 137.

2) Фонологические оппозиции

а) Подсистема гласных

Краткие/долгие — 34, 47, 48, 136, 137.

Краткие/сверхкраткие — 34, 58, 59.

Монофтонги/дифтонги — 47.

Неназализованные/назализованные — 47.

Неогубленные/огубленные — 39.

Полные/редуцированные — 34, 58.

Твердоядные/мягкорядные — 35.

«Чистые»/«фарингализованные» — 42, 137.

Широкие/узкие (полуширокие/полуузкие) — 27, 55.

б) Подсистема согласных

Геминаты/одиночные — 23.

Глухие/звонкие — 20, 21, 88, 190, 191.

Губные/губно-зубные/переднеязычные/среднеязычные/увулярные/фарингальные — 78—81.

Корреляция примыкания — 137.

Корреляция разновершинных слогов — 136.

Неназальные/назальные — 81.

Несонанты/сонанты — 23, 97.

Придыхательные/непридыхательные — 24, 99.

Сильные/слабые — 24, 88, 89, 136, 137.

Смычные/щелевые — 97.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
Сокращения	5
Введение	9
Тюркские языки	9
К вопросу об алтайской гипотезе	9
Объект, цель и методы фонетического исследования	12
Материалы и источники	24
О транскрипции	25
Г л а в а I. Фонология синхронных срезов	26
Р а з д е л 1. Элементарные фонологические единицы	26
Гласные	26
Анализ дифференциальных признаков гласных фонем	27
А. Качественные признаки	27
Широкость / узкость (степень раствора полости рта)	27
Твердорядность / мягкорядность (место образования)	35
Отсутствие огубленности / огубленность	39
Отсутствие «фарингализации» / «фарингализация»	42
Отсутствие назализации / назализация	47
Б. Количественные признаки	47
Долгота / краткость	47
Гласные в многосложном слове	59
а) Гласные в первом слоге многосложного слова	59
б) Гласные в непервых слогах многосложного слова	65
Реконструкция фонологической системы гласных тюркского праязыка	76
Согласные	77
Анализ дифференциальных признаков согласных фонем	78
А. Качественные признаки	78
Оппозиция согласных по основному активному органу	78
Неназальность / назальность («оппозиция по резонансным признакам»)	81
Твердость / мягкость	83
Глухость / звонкость (сила / слабость)	88
Смычность / щелинность	97
Отсутствие придыхательности / придыхательность	99
Б. Количественные признаки	100
Согласные в многосложном слове	100
а) Согласные в конце многосложного слова	101
б) Согласные в середине многосложного слова	101
Реконструкция фонологической системы согласных тюркского праязыка	105
Р а з д е л 2. Комплексные фонологические единицы	107
Слог	107
Слово	110
Просодические явления	110
Ударение	110
Смычка-пауза	120
Гармония гласных	121

Раздел 3. Характер фонологической нагрузки тюркских звуков и просодических явлений	122
Раздел 4. О фонологической системе тюркского протоязыка	122
Происхождение первичных долгих	122
О развитии тюркского вокализма	138
Глава II. Историческая фонетика	143
Фонетическая эволюция гласных	143
Фонетическая эволюция согласных	158
Протетические согласные	179
Глава III. Диахроническая фонология	186
Приложение:	
Список общетюркских односложных слов	199
Именной указатель	193
Предметный указатель	203

Ст
ни
10
17

Александр Михайлович Щербак

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФОНЕТИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

*Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР*

Редактор издательства А. А. Зырин
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор Н. А. Кругликова
Корректоры Ж. Д. Андропова и Ф. Я. Петрова

Сдано в набор 31/X 1969 г. Подписано к печати 25/II 1970 г. РИСО АН СССР № 65—152Р, Формат бумаги 70 × 108²/₁₆. Бум. л. 6³/₈. Печ. л. 12³/₄=17.85 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 19.18. Изд. № 4174. Тип. зак. № 559. М-31555. Тираж 2600.
Цена 1 р. 25 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1